

ВАДИМ ПАНОВ

НАСЛЕДИЕ
ВЕЛИКАНОВ

ТАЙНЫЙ ГОРОД

Annotation

Не было в истории Тайного Города испытания тяжелее, чем второе пришествие Ярги. Первый князь Нави вырвался из многовекового заточения и жаждет вернуть себе былое величие. Он решил возродить на Земле империю Тёмного Двора. Зелёный Дом уже познал тяжёлую руку первого князя, настала очередь челов, которым Ярга уготовил страшную, поистине кровавую ночь... И надо же такому случиться, что в это самое время по Южному Форту распространился слух, что великий фюрер Красных Шапок находится при смерти и ему срочно требуется приёмник... то есть преемник...

- [Вадим Панов](#)
 -
 - [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Эпилог](#)
-

Вадим Панов

Наследие великанов

© Панов В. Ю., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Пролог

Москва, Северное Тушино

Даже тёплыми летними вечерами, когда многие жители Москвы разъезжаются по отпускам или выбирают жить на дачи, в столице случаются пробки. В том числе – глухие. И не только на вылетных магистралях, по которым измученные жарой горожане спешат в благодатную прохладу Подмосковья, но всюду. Даже летом – бывает! – город плотно встаёт, окутываясь туманом выхлопных газов, гудками клаксонов и специфическим бормотанием водителей, проклинающих «этих идиотов». Но все «прелести» глухих пробок касаются исключительно автомобилистов, в то время как владельцы двухколёсных коней без особого труда просачиваются мимо застывших машин под завистливые и не самые одобрительные взгляды. В пробках мотоциклисты не чувствуют привычной свободы, но они хотя бы едут и при первой же возможности давят на газ, стремительно преодолевая расстояние до следующего светофора, утыкаются в хвост очереди и вновь начинают лавировать среди железных коробок. И только за городом для быстрых всадников начинается подлинное раздолье.

А на улицах – лишь после захода Солнца.

Когда раскалившийся асфальт устало переводит дух и проваливается в дремоту, кутаясь в желтоватый свет длинных фонарей; когда сонно шепчутся деревья, а тени жмурятся в прямоугольниках окон, именно тогда начинают реветь моторы, вызывая ругань добропорядочных граждан, – на улицах появляются мотоциклисты.

И чёрный, как зимняя ночь, «Харлей», что резко свернул на Свободу с Волоколамки, был одним из них: быстрых и раздражающих. «Харлеем» управлял рослый, могучего сложения мужчина в чёрном кожаном костюме – куртка, штаны, сапоги – и глухом шлеме. Мужчина выглядел рыцарем, по недоразумению сменившим коня обычного на железного, а девушка за его спиной казалась принцессой, которую рыцарь только что вырвал из лап кровожадного дракона – строго по каноническому тексту.

Проехав, а точнее промчавшись, по Свободе до прибрежного парка, мужчина сбросил скорость, огляделся, убедился, что за ними никто не следит, и медленно въехал в зеленую зону – вопреки всем законам и правилам. В обычном случае подобное поведение грозило разбирательством с полицией или недовольными гражданами, но «рыцарь»

предусмотрительно активировал артефакт морока, сделав мотоцикл невидимым для всех, кто не умел смотреть сквозь наведённые чары, и тем избавил себя от возможных претензий. Нет, среди жителей Тайного Города попадались даже более въедливые и скандальные особи, чем иные москвичи-челы, но мужчина искренне надеялся, что они уже сидят по домам, а если и прогуливаются по тёмному парку, то не станут делать замечание масану.

Ночному охотнику.

Чей удел – пить кровь разумных.

Мужчину звали Адриан Малкавиан, и огонёк безумия, то вспыхивающий, то гаснущий в его красных глазах, служил дополнительной гарантией того, что никто из жителей Тайного Города не рискнёт нарушить их с подругой уединение: официально Малкавианы считались слегка сумасшедшими, неофициально – окончательно спятившими.

Тем временем парочка добралась до воды, заняв небольшую полянку среди высоких кустов и деревьев, где сбросила опостылевшую одежду, и особенно – шлемы.

– Как хорошо... – улыбнулась девушка.

– Тебе не холодно? – заботливо поинтересовался масан, вынимая из седельной сумки пакет с полотенцами.

– Мне здорово. – Она шумно вдохнула запах воды, потянулась и мечтательно закончила: – Мне замечательно...

Ей было лет двадцать, может, двадцать два, вряд ли больше... да и не дал бы никто больше этой свежей красавице – подтянутой, спортивной, с длинными ногами и длинными кудрявыми волосами, рыжими, словно осенний лес. Блестящие карие глаза, круглые щёчки с очаровательными ямочками, изящно очерченные губы – возможно, Шера и не была моделью с обложки, но мужчины на неё засматривались.

Мужчины самых разных генетических статусов, но девушка отдала своё сердце гиганту Малкавиану.

Сбросив одежду, Шера попробовала воду пальчиком правой ноги и негромко спросила:

– Искупаемся?

– Конечно.

– Прямо сейчас?

– Конечно.

– Тогда догоняй!

И резко забежала в реку, вызвав фейерверк брызг, окунулась с головой, проплыла под водой несколько метров, а когда вынырнула, увидела рядом

Адриана. Обняла любимого за шею, поцеловала, прижалась крепко-крепко и радостно вздохнула:

– Адри, как же хорошо...

– А будет ещё лучше, – пообещал Малкавиан.

– Знаю...

Он был крепок и холоден. Даже в тёплой летней реке, даже в душевной Москве, даже в пустыне, по которой они однажды путешествовали, он всегда был очень холоден. Но при этом – крепок. Неистовый Адри, сильный и неустойчивый. Красивый и немного сумасшедший. Их связь казалась противоестественной – какие чувства могут испытывать друг к другу охотник и жертва? – но была настоящей. Шера дышала для своего избранника, жила для него, думала только о нём и позволяла ему всё. Шера помнила каждое мгновение их первой встречи, помнила насторожённость, с которой начинались их отношения, даже лёгкий страх, а потом – безбрежный океан чувств, поглотивший её с головой...

Она любила.

И знала, что любима.

Несколько минут они с Малкавианом весело плескались, то уплывая в разные стороны, то вновь встречаясь. Постепенно оказались у берега, где вода доходила высокому Адриану до груди и он мог твёрдо стоять, и Шера ловко взобралась на него, лицом к лицу, обняв за шею и обхватив ногами.

Уселась, крепко поцеловала в губы и стала двигаться, пока неспешно, наслаждаясь его холодом, силой и желанием.

– Моя маленькая девочка...

– Твоя!

– Тебе хорошо?

– Очень...

Дальше будет ещё лучше, но Шера не торопилась к вершине, а предвкушала её и отдавалась огню постепенно – с каждым движением, с каждым толчком... остро чувствуя ответное желание. Малкавиан оставался холоден, но только снаружи. Шера знала, как будоражит Адриана её горячая кровь, и в какой-то момент стала теснее прижиматься к любимому.

– Сейчас?

– Да.

Продолжая поддерживать девушку левой, правой рукой Малкавиан нежно погладил её по шее, поцеловал и аккуратно, очень мягко, впился в плоть *иглами*. Шера тихонько вздохнула, замедлилась и улыбнулась, чувствуя полное единение с любимым.

Они получали друг от друга именно то, что им было нужно.

Каждому из них.

Адриан вынес Шеру на берег, положил на траву и резко, жёстко, но не грубо, а так, как ей нравилось, закончил, заставив перепачканную кровью девушку визжать и выть от удовольствия и даже ненадолго потерять сознание – и от потери крови, и от немыслимого наслаждения. От острой смеси опасности и удовольствия.

– Восхитительно, – прошептала Шера минут через пять. – Невероятно...

Она всегда так говорила после.

– Наши чувства острее самого дикого секса, – заметил Адриан.

– Правда?

Ей было до ужаса приятно слышать эти слова.

– Чувства – это главное, что у нас есть, а кровь, секс и прочее лишь обрамляют их. Ты даришь мне не кровь, любимая, а огонь вот здесь. – Он прикоснулся к груди.

– Как хорошо, – эхом отозвалась Шера, которой даже в кошмаре не могло привидеться, что Адри нужна от неё только кровь.

– Я люблю тебя.

– А я люблю тебя.

Она лежала на спине, её рука рассеянно скользила по животу, а бёдра до сих пор едва заметно двигались, то раздвигаясь, то сжимаясь. Девушке было настолько хорошо с Адрианом, что ей требовалось много времени, чтобы прийти в себя. А Малкавиану нравилось смотреть на усталую подругу и любоваться её точеной фигуркой: небольшая грудь с чёрными бусинками сосков, длинные ноги с ещё узкими бёдрами, тонкие руки и худенькая шея – нежная, совсем девчачья. Шера как будто застыла в шаге между подростковой угловатостью и женской округлостью, и её «пограничная» фигура безумно возбуждала Адриана.

– Разведёшь костер? – спросила девушка, озираясь в поисках футболки.

– Конечно, – отозвался масан, поднимаясь.

Они приезжали на эту поляну довольно часто, и в густой траве Малкавиан хранил небольшой запас сухого валежника. Принёс охапку, чиркнул зажигалкой, добавив чуть магии, чтобы огонь быстрее схватился, и сел на землю рядом с надевшей футболку Шерой.

– Побудем здесь до утра?

– Мне нужно встретиться с Адамом Носферату, – вздохнул Адриан.

– Во сколько?

– В два.

– У нас ещё куча времени.
– Ага. – Он улёгся на землю и задумчиво провёл пальцами по спине подруги.

– Тебя что-то тревожит, – тихо произнесла Шера. – Я чувствую.
Сначала он хотел отмахнуться, сказать: «Ерунда», но неожиданно – и в том числе для себя самого – ответил:

– Сантьяга хочет заключить большой союз с непримиримыми и уговаривает Клаудию созвать Конклав.

– Тебя это волнует? – удивилась девушка.

– Меня волнует всё, что связано с семьёй.

– Да, конечно... – Шера поняла, что допустила ошибку, и постаралась исправиться: – Разве Конклав – это плохо? Сантьяга хочет договориться ради мира...

– Сантьяга хочет договориться, потому что он слаб, – качнул головой Малкавиан. – Ярга теснит его со всех сторон, и Сантьяга хочет сделать нас союзниками.

– Разве это плохо? – повторила девушка.

– Он нас предаст.

– Почему?

– Потому что он нас ненавидит, – объяснил Адриан. И спокойно добавил: – Нас ненавидят все.

– Я – нет!

– Ты – моё единственное счастливое исключение.

Она повернулась и упала вампиру на грудь:

– А ты – моя жизнь!

– Именно... – Малкавиан хотел что-то добавить, но неожиданно привстал на локте и пристально посмотрел вдоль берега. Ничего не разглядел в темноте, но спросил: – Ты слышишь?

– Нет.

Шера давно привыкла к тому, что чувства ночного охотника гораздо острее, чем у неё, и не обижалась на вопросы, на которые не могла дать ответа.

– Шаги.

– Прохожий?

– Мужчина... один... И немного пьян.

Малкавиан улыбнулся.

– Адри, не надо, – прошептала девушка. Она поняла, что задумал возлюбленный. – У тебя ведь нет жажды.

– Никто ничего не узнает, – пообещал вампир: он принял решение и не

собирался от него отказываться.

– Тебе не хватает меня?

– Больше крови – больше сил.

– Адри!

Масанам категорически запрещалось *высушивать* челов на территории Тайного Города. Скрутила *жажда* – отправляйся в путешествие, длинное или короткое – тебе решать, но с *жаждой* нужно справляться вдали от Москвы. Потом возвращайся и живи дальше. Таким был закон Тёмного Двора. Масаны, конечно, закон иногда нарушали и, если попадались, пощады не просили. Знали, что бесполезно.

– Я скоро. – В глазах принявшего решение Малкавиана вовсю пылало сумасшедшее пламя. – Десять минут.

– Адри...

– Любимая, всё будет хорошо.

Вампир натянул штаны и направился в темноту.

///

Деревья, деревья, деревья... кусты, трава по пояс, как в песне, и снова деревья. Такое впечатление, что не по Москве идёт, а по лесу. Хотя... Какое там «идёт» – пробирается! Совершенно не представляя, в правильную ли сторону движется.

Антон Буторин тихонько выругался и вновь, в сотый, наверное, раз, огляделся.

Где эта проклятая улица?

Улица в ответ промолчала – не посигналила раздражённым клаксоном, не взревела двигателем ночного гонщика, – а вот деревья, кажется, рассмеялись, шурша листьями и весело поглядывая на парня. Деревьям нравилось общество, они развлекались.

Глупость какая, а? Не кричать же, в самом деле, «Ау!».

Или всё-таки крикнуть?

С одной стороны, Антон понимал, что заблудиться не получится и, куда бы он ни пошёл, рано или поздно окажется на дороге или увидит дома. С другой – стало немного тревожно, поскольку на дворе глубокая ночь, а он пьяный. Ну, не пьяный, а крепко поддавший. Ну очень крепко... Ну...

Ладно – пьяный. Но уже немного проспавшийся.

А всё началось с того, что Витька предложил отметить его день рождения шашлыками на берегу. Идея понравилась, ведь лучше так, чем

отправиться в какое-нибудь кафе, в котором будешь полностью зависеть от настроения неведомого повара и есть то, что ему взбредёт в голову. Или «наслаждаться» видом плохо вымытой посуды, как это случилось два месяца назад на празднике Майи, когда им принесли заляпанные, со следами помады бокалы, что вызвало у виновницы торжества истерику, а её муж закатил владельцу кафе грандиозный скандал. Посуду и приборы заменили, но вечер оказался испорчен... А сегодня всё прошло удачно: купались, загорали, флиртовали, выпивали, разумеется, но в меру, чтобы на жаре не развезло. Ближе к вечеру зажгли мангал, пожарили шашлык, снова выпивали, и вот после этой части праздника у Антона случился провал в памяти. Кажется, он с кем-то поругался, но с кем – неизвестно. Не подрался, поскольку цел, а именно поругался. Или обиделся на чьё-то замечание... Кажется, собрался домой, ушёл, невзирая на просьбы остаться, видимо, побродил по парку и заснул под большим кустом – какой позор! – проснулся и теперь пытается выбраться из зелёного лабиринта.

Хорошо ещё, что раскидистый куст надёжно скрыл его от ненужных взглядов и сумка со всем содержимым осталась в неприкосновенности. Бумажник, документы, телефон...

– Телефон! – Антон так обрадовался пришедшей в голову идее, что не удержался от восклицания. – Телефон!

Включить навигатор и определить местонахождение и направление движения!

Навигатор! Чтобы добраться до улицы! Кому расскажешь – засмеют, но сейчас, в полной темноте, среди деревьев, Антон ухватился за эту мысль, как говорится, обеими руками.

– Навигатор!

Он вытащил из сумки телефон и разочарованно выругался – аппарат полностью разрядился.

– Да что за день сегодня такой?

Начинался задорно, закончился по-идиотски, и кто знает, какой сюрприз преподнесёт ночь...

Но додумать эту печальную мысль Антон не успел: увидел впереди неясную, едва различимую фигуру, кажется мужчины, и радостно взмахнул рукой:

– Эй!

Мужчина не пошевелился.

– Вы не подскажете, как добраться до улицы? Звучит глупо, но я заблудился.

Мужчина не ответил. Антон замедлил шаг.

– Вы меня слышите?

Показалось или мужчина кивнул?

Или показалось?

Или он пьяный?

– Я правильно иду? – вновь спросил Антон, останавливаясь. – Мне нужна улица Свободы...

А в следующий миг случилось нечто странное.

Невозможное.

Мужчина не двигался, Антон тоже стоял на месте, их разделяло примерно семь ярдов, как считал Антон – вполне достаточно, чтобы успеть удрать при необходимости, но незнакомец неожиданно шевельнулся, едва-едва шевельнулся, показалось – сделал полшага в сторону... и почти сразу оказался рядом.

Рядом!

Не в шаге, а рядом! Прижался к опешившему Антону, крепко обхватив его, и несчастный понял три вещи. Первое – мужчина очень, очень холоден. Второе – мужчина очень, очень силен. Третье – у мужчины длинные клыки.

Которые безжалостно вонзились в шею не успевшего закричать Антона.

///

– Адри, ты меня слышишь? – Шера нахмурилась: – Ты здесь?

Она послушно ждала Малкавиана на поляне, но десять минут давно минули, затем прошли следующие десять и следующие, а Малкавиан не возвращался. И не отвечал на телефонные звонки – девушка позвонила уже раз двадцать.

– Адри, ты решил поиграть? Хорошо, давай представим, что я – маленькая, наивная девочка, которая случайно оказалась в дремучем лесу...

Шера ничуть не боялась ни беспросветной темноты, ни своего одиночества, ни подозрительного шума, который всегда издаёт ночной лес. Она могла за себя постоять перед кем угодно, а если драка покажется опасной – могла сбежать, активировав лежащую в кармане «Дырку жизни» и провалившись в приёмную Московской обители. Шера не боялась, но её беспокоило долгое отсутствие любимого. Неужели у него возникли проблемы?

Какие?!

– Адри, это уже не смешно! – Девушка остановилась, вновь набрала

номер друга, повернулась и быстро зашагала на звук сигнала. – Адри! – Сделала несколько шагов и замерла, разглядев распластавшееся на земле тело. – Адри?

Тишина.

У Шеры затряслись губы. Она прервала вызов, включила встроенный в телефон фонарик, направила луч на лежащего и вскрикнула, увидев остекленевшие глаза и перекошенный рот мёртвого вампира.

Адриан Малкавиан лежал прямо на тропинке, а его мускулистое тело покрывали отвратительные чёрные пятна.

Глава 1

приблизительно месяц назад

Шанхай, Китайская Народная Республика

Длинные ночи...

Масаны, так уж сложилось на уровне генетики, боятся Солнца, ведь тёплый свет жёлтой звезды для них смертелен, и потому считается, что вампиры предпочитают северные страны, те, где лето короткое, зима длинная, а ночи ещё длиннее. Предпочитают высокие широты, на которые Солнце заглядывает нечасто и неохотно, а день являет собой короткий промежуток между утренними и вечерними сумерками. Именно на севере, по мнению большинства, масаны чувствуют себя в безопасности.

Но большинство, как это часто бывает, ошибалось.

Вампиры давно поняли, что главная их проблема вовсе не Солнце, а возможность – или невозможность – спрятаться от его смертоносных лучей. Если есть надёжное укрытие, недоступное ни для челов, ни для карательных отрядов Тёмного Двора, то какая разница, как долго длится световой день? Ведь для охоты достаточно часа и даже тридцати минут. Нужно лишь выйти, оглядеться, выбрать добычу и высушить её.

Всё просто.

Что же касается надёжных укрытий, то ими вампиров давно обеспечивали челы. Их жертвы. Их стадо.

Их пища.

Челы строили огромные города, опутанные бесчисленными подземными ходами, техническими коридорами, тоннелями метро, канализационными и коммуникационными сооружениями, подземными водопроводами, другими словами – любой большой город предлагал масанам жизненное пространство гигантских размеров, жизнь в котором текла независимо от смены дня и ночи. При этом сами челы старались держаться от подземного мира подальше, изредка сочиняя и пересказывая друг другу страшные истории о поселившихся там чудовищах, гигантских крысах и прочих мутантах, жаждущих крови невинных созданий. А масаны и их пособники эти истории с удовольствием подхватывали и распространяли – чем меньше искателей приключений будет лазить под землёй, тем лучше. Что же касается пищи, то за нею можно сходить на поверхность.

Часа вполне достаточно. И даже тридцати минут...

В гигантских подземельях крупных городов могло спокойно сосуществовать до десяти кланов, иногда враждующих и воюющих между собой, а количество неприсоединившихся масанов и вовсе не поддавалось учёту. Гигантские подземелья были настоящим раем для кровососов, и выследить в них прячущегося одиночку считалось делом невозможным. Ведь масаны не только хитры и быстры – при необходимости они могли оборачиваться в туман и уходить от опасности через узкие щели и непроходимые для колдунов воздухопроводы.

Опасных и неуловимых вампиров можно было заманить в ловушку только предательством, и так, собственно, получилось в тот день в Шанхае: от встречи, намеченной в одном из дальних, почти забытых тупиков метро, одна из сторон не ожидала подвоха, однако незадолго до назначенного времени вокруг тупика стали мягко, ненавязчиво и незаметно, формироваться магические контуры и петли, сплетающиеся в непреодолимую для масана стену. Сеть строили высокочеловеческие маги, и потому она осталась незаметной для явившегося кровососа.

Даже несмотря на то что этот вампир являлся истинным кардиналом семьи Масан.

Ровно в полдень – как было условлено – в тупик вошёл высокий худой мужчина в старой армейской куртке, брюках карго и потёртых солдатских ботинках. Мужчина носил чёрную вязаную шапочку, а когда её снял, обнаружились чёрные волосы до плеч и тончайший золотой обруч, надетый на голову столь плотно, что, казалось, врос в неё. Обруч украшала искусная гравировка, а венчал квадратный чёрный камень, расположившийся прямо над переносицей.

Обычно мужчина скрывал украшение под вязаной шапочкой, но сейчас решил продемонстрировать его. Из гордости. Чтобы показать, что, несмотря на преследования, в семье Масан остались истинные кардиналы. И пусть клан Робене почти исчез, а сам Пабло скрывается и сторонится сородичей, это ничего не меняет – он всё равно истинный.

Один из наследников великих предков.

Легенда.

Пройдя по тупику несколько шагов, Пабло остановился и огляделся – он явно рассчитывал явиться на встречу вторым. Выждав несколько секунд, вампир даже приоткрыл рот, намереваясь позвать кого-то, но передумал, повернул к выходу, и именно в этот момент из темноты тупика послышался негромкий голос:

– Я уже здесь, кардинал Робене.

Пабло вздрогнул, резко развернулся и очень холодно посмотрел на

появившегося франта, облачённого в превосходно пошитый белый костюм – абсолютно неуместный в грязном метро. Франт был высок – чуть выше весьма не маленького Робене, худощав сложением и отличался элегантной мягкостью движений. Чёрные волосы уложены в аккуратный пробор, чёрные, глубоко запавшие глаза смотрят доброжелательно и чуточку весело. Франт спокоен и слегка вальяжен.

– Добрый день, кардинал Робене.

– Я вас не заметил, комиссар.

– Я был в тени.

– Темнота – союзник ночных охотников, – напомнил вампир.

– Темнота – суть Тёмного Двора, – возразил франт. – Было бы странно, управляйся вы с нею лучше.

Встречу кардиналу Робене назначил Сантьяга, комиссар Тёмного Двора – высший боевой маг Великого Дома Навь. Интриган и воин. Сантьяга был успешен и на полях сражений, и в тайных операциях, ему служили сотни агентов и десятки тысяч информаторов, он знал всё, что могло так или иначе повлиять на жизнь Тайного Города или Тёмного Двора, и принимал участие во всех мало-мальски знаковых событиях. Говорили, что если Сантьяги не видно в очередной интриге, значит, он не хочет, чтобы его видели. Только и всего.

Подданные Тёмного Двора считали комиссара главным заступником. Враги не любили, но уважали за твёрдость, целеустремлённость и верность слову, которое Сантьяга ни разу не нарушил.

– Тьма – это мой мир, кардинал Робене.

– Я знаю, что вы сильнее, – буркнул Пабло.

И не только в колдовстве, хотя его классическая форма превосходила магию Крови масанов. Основная проблема при общении с тёмными заключалась в том, что их кровь была ядовита для вампиров, и в присутствии навов ночные охотники не ощущали привычного высокомерия к «пище».

– И вы знаете о моём уважении, – размеренно продолжил комиссар.

– Поэтому пришёл на встречу.

– Не только поэтому, кардинал Робене, – мягко уточнил Сантьяга. – У вас были веские основания прислушаться к моему приглашению.

– Я знаю, что всё усложнилось, комиссар.

– Не просто усложнилось – всё стремительно валится в тартарары, кардинал. Равновесие, которое мы выстраивали тысячи лет, может быть нарушено. Если господствующая раса узнает о существовании Тайного Города, последствия будут непредсказуемыми...

– И всё из-за Ярги, вашего первого князя, – зачем-то напомнил Пабло.
– Из-за того, что мы не хотим его возвращения. – Сантьяга тонко улыбнулся.

– А чего вы хотите?

– Мира. Хотя бы такого, каким он был несколько лет назад.

– С походами очищения? – почти небрежно уточнил вампир.

– Вы знаете, что они необходимы, и знаете, что мы никогда не увлекались и не проявляли излишней жестокости, – произнёс комиссар и так же почти небрежно уточнил: – Хотя могли.

«Походами очищения» называли кровавые рейды Великих Домов и живущих в Тайном Городе масанов против непримиримых вампиров, отказавшихся принять Догмы покорности. Рейды проводились в тех городах, где безудержные выходки опьяневших от крови масанов угрожали режиму секретности и представляли собой беспощадную резню, по принципу «чем меньше их останется – тем лучше».

Эти походы вызывали ненависть у непримиримых и горечь у лояльных Тёмному Двору масанов, но их необходимость была очевидна, поскольку увещевания и призывы соблюдать хоть какие-то правила на диких почти не действовали.

– Ярга привлекает масанов, – негромко произнёс Сантьяга.

– Он тоже обещает мир.

– Другой мир.

– Привлекательный.

– Чем?

– Ярга обещает, что в его мире масаны займут достойное положение, соответствующее их происхождению и привычкам, – ответил Робене.

– Великие Дома всегда предлагали семье Масан разумный компромисс.

– Разумный – на ваш взгляд.

– Разве наши взгляды не совпадают?

– Наши с вами... – Пабло выдержал многозначительную паузу. – Наши с вами взгляды достаточно близки, комиссар, но масаны хотят свободы.

– Они хотят безнаказанно убивать, и Ярга играет на их примитивных инстинктах, – грустно возразил Сантьяга. – Вы ведь знаете, кардинал, что масаны нужны Ярге лишь как пехота – ударная сила, которая послушно бросится в атаку и погибнет на поле сражения. Но как только надобность в штурмовиках отпадёт, масаны будут повержены.

– Вы так говорите, – сказал Пабло, голосом выделив слово «вы».

– Потому что знаю Яргу, – уверенно парировал нав. – Ярга –

император, и он не допустит междоусобиц и внутренних войн в своей империи, а ваши инстинкты, кардинал, – это постоянный источник напряжения. Вы не сумеете сдержаться, обязательно повторите ту глупость, которая предшествовала появлению Инквизиции, и тем заставите Яргу заняться вашей проблемой... И вот тогда самый жестокий поход очищения покажется вам детским утренником, потому что у Ярги нет опыта нашего князя, нет понимания необходимости компромиссов, нет желания договариваться – только подчинять. Ярга живёт этикой Первой Войны, а она велась на взаимное уничтожение.

Сантьяга замолчал, и в тоннеле долго, почти минуту, царила тишина. Полная тишина, поскольку сюда не долетало ни одного постороннего звука. Почти минуту Пабло обдумывал слова комиссара, после чего хрипло спросил:

– Чего вы хотите?

– Помогите уговорить масанов, – тут же ответил нав. – Я планирую собрать Конклав...

– В Тайном Городе? К вам не поедут! – А в следующее мгновение Робене опомнился, увидев чуть приподнятые брови Сантьяги, и сбавил тон: – Извините, что перебил.

– Ничего страшного, – улыбнулся в ответ комиссар. – Я понимаю ваше недоверие, кардинал Робене, но хочу рассказать, что договорённость уже достигнута и осталось уладить лишь незначительные формальности. Конклав состоится под мои личные гарантии и слово Клаудии, истинного кардинала Бруджа.

Второй и последний истинный кардинал масанов, дочь знаменитого барона Бруджа, считалась самым авторитетным лидером непримиримых. Унаследовав ум отца и сферу его влияния, Клаудия последовательно вела работу по насаждению среди непримиримых правил сосуществования с челами, добилась определённых успехов, но появление Ярги спутало ей карты. Масаны почуяли возможность кровавой вольницы, убили или изгнали многих здравомыслящих кардиналов и стали отказываться от уже достигнутых соглашений.

– Конклав – последняя возможность компромисса.

– Что вы хотите предложить? – поинтересовался Пабло.

– То же, что и раньше.

– Ярга даёт больше.

– Я не торгуюсь, – покачал головой нав. – Сотни лет мы применяли политику кнута и пряника, но время уговоров прошло. Пора выбирать: или большинство масанов согласится с доводами Тёмного Двора, или мне

придётся прибегнуть к насилию.

– Считается, что у вас проигрышная позиция, комиссар, – медленно проговорил Робене. – Все знают, что Ярга действует жёстко и его удары достигают цели.

– У меня трудная позиция, но не проигрышная, – спокойно отозвался Сантьяга. – Именно это я хочу донести до масанов.

– Они не поверят.

– Будем их убеждать.

– Каким образом?

– С помощью Амулетов Крови.

Ответ прозвучал очень спокойно, мягко, но у Робене задрожали пальцы. Пока – только пальцы, потому что голос масана остался твёрд:

– Комиссар? – Пабло вопросительно поднял брови, показывая, что не понимает произнесённого.

– Трудные времена требуют трудных решений, кардинал, – развёл руками нав. – Я мог бы угрожать масанам войной, мог бы начать её и одержать победу – без сомнений. Но при этом я потрачу драгоценные ресурсы. И я принял решение использовать иную возможность.

– Хотите создать послушных вам истинных кардиналов?

Сантьяга ответил собеседнику долгим взглядом.

Когда-то давно, когда семья Масан переживала бурный взлёт, кардиналом клана мог считаться лишь владелец соответствующего Амулета Крови – только он. Закон соблюдался неукоснительно: обладатель Каменных Глаз правил Тремя, владелец Железного Пояса – Гангрелами, Носферату служили хозяину Крылатого Перстня, Мёртвая Роза была символом власти у Малкавианов, Драконьи Иглы – у Луминаров, Алое Безумие – у Бруджа, а Диадема Теней – у Робене. Семь Амулетов Крови – семь кардиналов. Но, оказавшись на чужой планете, потерпев сокрушительное поражение в войне за абсолютную власть и став изгоями, жителями ночи, боящимися высунуться на солнечный свет, масаны не сумели сохранить единство, и семья распалась на множество мелких кланов, во главе которых встал свой кардинал. А обладателей Амулетов стали звать истинными. Разумеется, их власть и авторитет были необычайно высоки, но кардиналы Робене последовательно изымали у истинных символы власти и...

– Мне нужно знать, что вы сделали с Амулетами Крови, – мягко произнёс Сантьяга.

– Уничтожил, – отрезал Пабло, отчаянно надеясь, что нав удовлетворится ответом.

И понимая, что этого не произойдёт.

– Подробности, пожалуйста.

Робене отвернулся.

– Пожалуйста...

– Я не стану вам помогать, комиссар, – произнёс истинный кардинал.

– Но ведь вы понимаете, что это лучший выход из положения?

– Это лучший выход из вашего положения, – возразил Пабло, мысленно прикидывая, как быстро он сможет обратиться в туман и куда следует лететь. – Семье Масан будет лучше, если Амулеты останутся там, где они сейчас.

– То есть вы их не уничтожили?

– Нам не о чем говорить!

– Как раз наоборот: неожиданно выяснилось, что у нас имеется очень важная тема для серьёзного и долгого разговора.

– Комиссар!

– Пабло, я предлагаю компромисс...

– Нет.

В смысле – да, компромисс предложен, но нет – не принят. Последние секунды Робене не слушал нава, а готовился к трансформации, подгадывая так, чтобы обратиться молниеносно, без задержки, и при слове «компромисс» кардинал закончил строить аркан.

И сильно удивился отсутствию лёгкости, сопровождающей переход в состояние тумана. Взлететь к воздуховоду, который Пабло выбрал для отступления, тоже не удалось. А значит, тоннель пронизан заклинаниями, блокирующими магию Крови.

– Комиссар? – укоризненно спросил вампир.

Сантьяга ответил печальным взглядом. Затем едва заметно пожал плечами и спокойно продолжил свою фразу:

– Пабло, я предлагаю компромисс: мы используем Амулеты, но вернём их вам после разрешения кризиса...

Однако Робене не стал слушать:

– Вы ведь дали слово!

– Я лишь попросил о встрече, – напомнил тёмный. – Вам следовало потребовать гарантий безопасности.

– Вы бы их дали?

– Безусловно.

О гарантиях Пабло тогда не задумался, ему почему-то показалось, что они даны сами собой... но два нава, которые вышли из Тьмы тупика, наглядно показали вампиру, что при заключении сделки следует обсуждать

все условия.

– Вы совершили подлость, – тихо промолвил Робене, протягивая перед собой руки.

Один из тёмных защёлкнул на них наручники, очень надёжные, разработанные специально для масанов. Второй зашёл кардиналу за спину.

– Я предлагал договориться, – напомнил Сантьяга. – И у вас ещё остается эта возможность, но... разговор мы продолжим в другом месте. Здесь, на мой вкус, сыровато.

* * *

**Южный Форт,
штаб-квартира семьи Красные Шапки
Москва, Бутово,
29 июня, среда, 12:01**

Трудно сказать, почему Великие Дома повелели семье Красных Шапок селиться именно в Бутове. Возможно, они сочли прогнозы предсказателей слишком фантастическими и верили, что это маленькое поселение никогда не войдёт в состав Москвы, а останется навсегда далёкими выселками. Возможно, им показалась удачной мысль поселить дикарей «где-нибудь на юге», по дороге в Орду и Гуляйполе. Но самой правдоподобной кажется версия, что высшие иерархи Великих Домов понятия не имели, что Шапки добрались до Тайного Города, а когда с удивлением узнали – предпринимать какие-либо шаги было уже поздно.

Дикари заселились, обустроились, и вскоре в Бутове сформировалось гнездовье Красных Шапок, ныне имеющее форму четырёхугольного здания красного кирпича с небольшим внутренним двориком и одиноко торчащей башней. Называлось оно Южным Фортom и репутацию среди окрестных челов имело заковыристую: дикарей не любили. Дикари отвечали тем же. И лишь благодаря строжайшему требованию Великих Домов соблюдать режим секретности в Бутове до сих пор не случилось ни одного массового сражения в режиме «стенка на стенку» со смертоубийствами и автоматной пальбой.

Мелкие потасовки, разумеется, не в счёт.

В Тайном Городе Шапки считались необузданными, невоспитанными, непредсказуемыми, а главное – необучаемыми. Их вечно пьяная вольница, напоминающая польских шляхтичей периодов бескоролья, выводила Великие Дома из себя, и когда несколько лет назад власть над всеми тремя

кланами дикарей захватил Кувалда Шибзич, провозгласивший себя великим фюрером, жители Тайного Города вздохнули с облегчением.

Разумеется, имелось ожидание, что самопровозглашённого вождя скинут в ходе ближайшей междоусобицы, но оно не подтвердилось. Междоусобица случилась, Гниличи и Дуричи полезли свергать, но одноглазый узурпатор вышел из драки победителем, укрепился и прочно вцепился во власть. В Южном Форте наступило затишье. То есть буянить Красные Шапки не прекратили, но головной боли от них значительно поубавилось: Великие Дома стали выговаривать не всем дикарям разом, а одному, конкретному, и этот, конкретный, прищурив единственный глаз, стал вешать виновников.

Так и жили.

Дикари привыкли, Великие Дома успокоились, великий фюрер командовал, и больше всего на свете его заботили две вещи: пресечение внутренней смуты и где взять денег. Для решения первого вопроса во дворе воздвигли семейную виселицу, а со вторым всё было не так просто.

Где взять денег?

Расходы на содержание семьи и Форта не потрясали воображение, но они имели место быть, и перед главным дикарём периодически вставал вопрос: где взять денег?

А самое неприятное заключалось в том, что никто из верных подданных не мог дать великому фюреру толковый совет, поскольку толковые подданные среди дикарей отсутствовали в принципе. И полагаться можно было лишь на слово неунывающего Копыто, верного, шустрого, но не самого умного. Хоть и сообразительного.

Полагался Кувалда часто, и в этот самый момент уйбуй, то есть глава десятки Копыто Шибзич, стоял перед великим фюрером и, как положено, пожирал его глазами. Пожирал долго, минут пять, что в конце концов вызвало неприязненный вопрос:

– Что ты на меня пялишься, ферево? – Шепелявость – родовая черта Шибзичей – проявлялась у Кувалды особенно сильно, и вместо «д» великий фюрер произносил «ф».

– Как положено смотрю! – бодро отрапортовал уйбуй, дыша в главу семьи вчерашним виски.

– Выпил уже?

– Виски по утрам – это не развлечение, а второе дыхание, – сообщил уйбуй, громко икнув.

– То есть выпил? – уточнил великий фюрер.

– То есть да.

– Тогда почему безрафостно смотришь?
– А чего лыбиться? – не понял Копыто. – Я чо, блогер или за деньги нанимаюсь?

– Куфа ты за феньги нанимаешься? – заинтересовался Кувалда.

– Говорю же – никуда.

– Тогфа зачем говоришь?

– Что говорю?

– Что нанимаешься.

Несколько секунд уйбуй внимательно смотрел на верховного семейного лидера, переживая одновременно и недоумение, и тяжкое похмелье, потом решил не спорить и разъяснил:

– Потому что дурак, – мудро рассудив, что подобное самоуничтожение выбьет из-под одноглазого табурет и тот заткнётся.

Тот, конечно, не заткнулся, но говорить с дураком стал тише, почти потечески, проявляя понимание к интеллектуальной трагедии подчиненного.

– Вот ты фурак, – вздохнул Кувалда. – А мне нужны умные.

– А где их взять? – развел руками Копыто.

– Вот и я говорю.

– Да...

Дикари помолчали, после чего уйбуй подытожил:

– Вижу, трудно тебе, Твоё великофюрерство.

– С вами легко не бывает, – отмахнулся одноглазый.

– Это верно, – не стал спорить Копыто. – А когда мы трезвые – мы вообще звери.

– А когфа это вы трезвые? – изумился одноглазый.

– Когда денег нет.

Неожиданный переход к главной теме дня поверг Кувалду в уныние.

– Фа, фенег нет. – Великий фюрер помолчал. – А они нужны.

– Зачем? – машинально спросил Копыто.

– Фля семьи.

– Жениться решил?

– Тьфу! – выругался Кувалда, немного удивлённый глупостью – обычно уйбуй проявлял большую сообразительность. – Фля нашей семьи!

– На мне жениться решил? – испугался Копыто. – Ты это брось, Твоё великофюрерство, ты, конечно, глава семьи и всё такое, но в мою сторону гляди тем глазом, который у тебя пустой. Я толерантностью не занимаюсь, у кого хочешь спроси.

– Ифиот! – взревел Кувалда.

– Только без рук, – предупредил Копыто, отступая тылом к

капитальной стене.

– Ни на ком я жениться не собираюсь, тем более – на тебе, ферево! Мне феньги нужны для всех Красных Шапок.

– Раздавать будешь?

– Кому?

– Всем Красным Шапкам, – подумав, ответил уйбуй. – Кстати, когда будешь раздавать – мне скажи пораньше, хотя бы минут за десять, я поближе встану.

Нет, сегодня мыслительный процесс уйбую не давался.

Кувалда потрогал указательным пальцем рукоять ятагана, вздохнул, пробормотал:

– Если этому тыкву снести, то с кем останусь? – плюхнулся в кресло и велел: – Наливай.

Копыто верноподданно ослабил, извлёк из кармана штанов плоскую флягу, две маленькие стопки, ловко их наполнил и поднёс вождю:

– Угощайся.

Великий фюрер залпом выпил виски, провёл рукой по украшающей лысую голову красной бандане – волосы у дикарей не росли – и негромко произнёс:

– Короче, нужны феньги.

– Много?

– Всё, что можно фостать.

– Столько у меня нет, – вздохнул уйбуй.

– А сколько есть?

– Денег вообще нет, – опомнился Копыто. – Но знаю, как можно продержаться: тут важно хорошее настроение...

Фраза показалась смутно знакомой, особенно первая часть, а поскольку вторая внушала определённый оптимизм, Кувалда приказал:

– Рассказывай.

Уйбуй, разлив по стопкам следующую дозу, начал:

– Можно стать депутатами...

Но сразу был прерван:

– Какие фепутаты, ферево, когфа у нас монархия повсюфу и в Зелёном Фоме тоже? Или ты в революционеры пофался?

– Можно стать человскими депутатами, – успокоил одноглазого вождя Копыто. – У человских депутатов зарплата большая, а делать ничего не надо. Ещё можно, когда депутатом станешь, законы разные писать, как будто тебе сейчас плохо живётся и нужно ещё больше денег, чтобы новые законы придумывать, чтобы спасти себя как придумывателя новых законов

от голодной смерти, ну или если в казино проиграешься.

– То есть самому себе можно фенег выписывать? – недоверчиво прищурился Кувалда.

Он, конечно, запускал руку в семейную казну, обычно по локоть, но иногда – по пятки, однако всегда старался скрыть это от подданных. И вдруг с горечью понял, что в этом отношении цивилизация челов шагнула гораздо дальше.

– То есть вот так напишешь: мне нафо фенег – и берёшь?

– Хоть каждый год, – подтвердил Копыто. И важно добавил: – Потому что инфляция.

И выпил.

Одноглазый подозрительно осмотрел повеселевшего подчинённого и хмуро спросил:

– Ты вофки, что ли, с утра нажрался?

– Не, я в Интернете был, – отмахнулся уйбуй.

– Меня твоя личная жизнь не волнует, – отрезал великий фюрер. – Ты, главное, руки после этого помыл?

– После чего? – не понял Копыто.

– После того, чем ты занимался.

В разговоре вновь возникла пауза, которая бывает, когда каждый считает собеседника кретином, но вслух об этом сказать стесняется, после чего выпил Кувалда, а уйбуй продолжил повествование о сладкой жизни:

– Станем депутатами – сразу напишем себе закон, чтобы зарплату поднять, потом напишем закон, чтобы помощникам зарплату поднять и чтобы нам машины дали бесплатно и квартиры тоже.

Одноглазый, которому только-только начало казаться, что он привык к фантазиям Копыто, чуть не поперхнулся:

– И машины?

– И квартиры! – радостно подтвердил уйбуй. – Я в Интернете читал.

– Как это? – не поверил великий фюрер.

– Бесплатно.

– Так не бывает!

– Челы заплатят, им не впервой, – отмахнулся Копыто. – Челам нравится платить депутатам. У них от этого демократия делается.

Слово показалось смутно знакомым.

Кувалда припомнил, что они как-то пробовали делать в Южном Форте демократию, но от недостатка цивилизованности получилась междоусобица. И теперь выходило, что правильно они не сделали демократию, потому что расходов получается гораздо больше, чем когда

один-единственный фюрер в казну заглядывает, а где взять деньги – непонятно.

Поразмыслив, одноглазый хмыкнул и отвесил замечание:

– Фемократия штука форогая.

– Зато у всех равные возможности, – сообщил Копыто.

– Фавай без пропаганфы, – распорядился великий фюрер и разлил по стопкам остатки виски из фляги. – А мы что в фепутатах фелать буфем?

– Да ничего, – пожал плечами уйбуй. – Будем новые законы придумывать, чтобы нам жилось лучше. Ну там пенсию в два раза больше зарплаты, и чтобы эрлийцы бесплатно обслуживали...

– Челы об эрлийцах не знают, – напомнил великий фюрер.

– Можно деньгами брать, – подумав, ответил уйбуй. – Раз в месяц половину оклада на медицинские расходы.

– А если не болееешь?

– А кто будет проверять? – искренне удивился Копыто. – Депутатов даже за убийство ловить нельзя, а тут медицинские расходы какие-то.

– Почему нельзя за убийство? – вновь растерялся Кувалда.

– Потому что депутаты пишут законы. А если ты пишешь закон, а тебя, допустим, пьяным за рулём поймали, то сделать ничего нельзя, иначе закон пострадает. И за мошенничество нельзя. Ну и когда убьёшь кого-нибудь – тоже. Потому что законы важнее.

Прозвучало настолько логично, что одноглазому расхотелось спорить. Он крикнул, припоминая наиболее интересные детали прозвучавшего, пробубнил себе под нос: «...половину оклада на медицинские расходы...» – вновь потрогал себя за бандану и в завершение выпил.

После чего спросил:

– И что, челы так живут?

– Ага.

– Откуфа знаешь?

– В Интернете вычитал.

– Они в Интернете во всём этом сознаются?

– Они в Интернете этим хвастаются.

– Челы?

– Депутаты их.

– Странно... – По мнению Кувалды, подобное воровство следовало тщательно скрывать от всех, особенно от сородичей, но челы, похоже, окончательно деградировали. – И что нужно, чтобы стать фепутатом?

– Деньги заплатить, – как маленькому, объяснил Кувалде уйбуй.

И прекрасная идея молниеносно померкла.

– В кассу? – кисло осведомился великий фюрер.
– Тому, кто умеет делать депутатов.
– Если феньги есть, зачем фепутатом становиться? – резонно спросил одноглазый, откидываясь на спинку кресла. – Все-таки ты большой фурак, Копыто.
– Рад стараться, Твоё великофюрерство! – рывкнул в ответ уйбуй, прибирая обратно фляжку.
– Проваливай!
– Слушаюсь!
Обрадованный Копыто выскочил из кабинета, а великий фюрер вздохнул и тоскливо уставился в окно.
Где взять денег?

* * *

***Цитадель, штаб-квартира Великого Дома Навь
Москва, Ленинградский проспект,
29 июня, среда, 14:14***

Знаменитая Цитадель – оплот и крепость великой Нави, одно из древнейших сооружений Тайного Города, казалась его жителям излишне суровой. Конечно же – из-за ауры и тех бесчисленных леденящих кровь легенд, которыми было овеяно это массивное здание на развилке Волоколамского и Ленинградского шоссе. Строгая, как все «сталинские» дома, но отнюдь не угрожающая, Цитадель с величественным спокойствием взирала на проплывающую мимо жизнь, но один её вид заставлял обитателей Тайного Города нервничать.

А некоторых – потеть.

Но если в обычное время аура Цитадели определялась репутацией, то теперь она изрядно потемнела, что нашло отражение во внешнем виде здания: линии старого дома стали резкими, словно кто-то невидимый поднял уровень контраста, углы затвердели, готовые к штурму, а тени показались чёрным контуром защиты... Впрочем, так оно и было. В последнее время старая крепость подобралась, изготавившись к предстоящему сражению, сделалась особенно подозрительной и холодной.

А Тьма, наполняющая кабинет князя Тёмного Двора, стала вязкой. Не как желе, разумеется, но плотнее обычного, готовая мгновенно воздвигнуть стену между владыкой и миром. Кроме Тьмы, в кабинете находилось лишь простое деревянное кресло с высокой спинкой – для князя и простой

деревянный стол, на краешек которого уселся вошедший Сантьяга.

– Добрый день.

– Ты снова в белом, – проклокотал повелитель Нави из-под низко надвинутого капюшона.

Мрак и бесформенный чёрный плащ размывали его фигуру, и в какие-то моменты казалось, что в деревянном кресле никого нет и с комиссаром ведёт беседу сама Тьма.

– На этот раз у меня белый даже галстук, – усмехнулся Сантьяга.

Ответ заинтересовал владыку. Сгусток мрака слегка шевельнулся, и послышался следующий вопрос:

– Почему ты не сказал, что костюм кремовый? – Пауза. – Или бежевый.

– Потому что сегодня он белый.

– Он всегда белый.

– Известно, что некоторые нюансы ускользают от вашего пронзительного взгляда, – очень серьёзно поведал повелителю Сантьяга. – Бесчисленные оттенки...

– Хватит резвиться, – велел князь.

– Вы сами завели разговор о моём костюме.

– Потому что ты всегда приходишь в нём.

– Желаете, чтобы я являлся голым?

– Желая, чтобы ты начал осваивать богатую цветовую палитру, в которой...

– Об этом я и говорил, – вежливо напомнил комиссар. – Белый цвет подразумевает бесчисленное множество оттенков, которые можно уловить лишь при детальном рассмотрении.

– Хватит резвиться.

– Да.

Интонации князя Сантьяга улавливал идеально и понял, что пора приступать к делам.

Он поудобнее устроился на краешке стола и поинтересовался:

– Как Ярга?

Вопрос вызвал заминку, судя по всему, владыка планировал слушать доклад, а не проводить его, но комиссар смотрел на князя с таким вниманием, что стало ясно – ответ его крайне интересует.

– Давай пока называть пленника Винсентом Шарге, – проклокотал повелитель Нави.

Именно в этом обличье и под этим именем Ярга устроил побоище в Замке, а затем оказался в Цитадели. Жители Тайного Города догадывались,

кого захватил князь, но официально пленение страшного врага никто не подтверждал.

По разным причинам.

– Вы до сих пор не уверены, что в теле Винсента находится Ярга? – прищурился Сантьяга.

– Он до сих пор закрывается от моего взгляда, – недовольно ответил повелитель Тёмного Двора. – Я не могу пробиться сквозь защиту.

– Разве этот факт не является косвенным подтверждением, что Винсент – Ярга?

– Я должен быть уверен на сто процентов. – Князь выдержал паузу. – Иначе мы можем оказаться в глупейшем положении. Объявив о пленении злейшего врага, а затем узнав, что он на свободе.

Ярга – легендарный первый князь Тёмного Двора – не так давно вернулся из тысячелетнего заточения, но развернул столь активную деятельность, что Тайный Город затрясло от целой череды кризисов. Ярга собирался вернуть то, что считал своим по праву – империю, – и готов был идти к своей цели, не считаясь с жертвами.

– Тем не менее один положительный результат у нас есть, – задумчиво произнёс комиссар.

– Какой?

– Великий Дом думает, что Ярга попал в плен, но при этом Навь остаётся спокойной, – объяснил Сантьяга. – Никто не собирается его освобождать.

– Ты уверен?

– Абсолютно.

– Это... действительно хорошая новость, – кивнул князь.

Потому что главная борьба сейчас велась за Навь. За каждого нава.

Ярга понимал, что без Тёмного Двора ему империю не построить, и только поэтому его война с Сантьягой и князем пока не выходила за рамки – Ярга не знал, как подступиться к родной семье. Как вновь возглавить тех, кто некогда против него восстал.

– Более того, навь не требуют объяснений, – продолжил комиссар. – Пленение Ярги стало для них будничным событием, как пленение какого-нибудь особенно наглого кардинала масанов: неплохо, конечно, но ничего особенного.

– Почему они молчат?

– Ждут нашего хода, – тут же ответил Сантьяга. – Время у нас ещё есть, но и затягивать с официальными объяснениями я бы не стал.

– Это понятно... – протянул повелитель Нави. – Ярга, безусловно,

предполагал, что будет пленён, наверняка придумал план на этот случай, но пока я не понимаю – какой.

– Узнаем, – улыбнулся комиссар. – Кстати, вскоре состоится Конклав... раз уж мы заговорили о масанах...

– Ты собираешь в Тайном Городе кровососов? – удивился князь.

– Да. И очень жаль, что не смогу представить им пленённого Яргу – это позволило бы перетащить на нашу сторону всю семью Масан. Включая непримиримых.

– Это позволило бы нам решить все проблемы.

– Вы зрите в самый корень...

– Но сейчас не самый удачный момент для твоей затеи, – резко продолжил повелитель Нави.

– Поэтому я и собираю Конклав сейчас: потом уже не смогу, – мягко ответил комиссар. Но в его тоне отчетливо читалась ирония.

– Пытаешься выхватить последний меч?

– Вскочить на подножку уходящего поезда.

– Опять эти человеческие обороты! – недовольно хмыкнул князь. – Когда ты от них избавишься?

– Человские обороты более чем понятны.

– Что такое поезд?

– Чтобы объяснить, мне потребуется начать с первых лет Железного века.

– Человского Железного века, – уточнил повелитель Нави.

– Да...

– Зачем ты прикидываешься слабым?

Конклав, призванный заключить с непримиримыми масанами компромиссный мир, назрел давно. Несколько последних лет Сантьяга работал над тем, чтобы провести его на выгодных для Тайного Города условиях, однако намерение созвать кардиналов во время масштабной атаки, когда один из Великих Домов оказался в руках сторонников Ярги, а официального подтверждения его пленения до сих пор не прозвучало, демонстрировало слабость комиссара. Именно это имел в виду князь. Приглашённые кардиналы наверняка подумают, что растерянный Сантьяга хватается за соломинку и будет готов на всё, чтобы подкрепить свои позиции союзом с масанами... Точнее – уже подумали. И понимание этого сделает кровососов наглыми. В лучшем случае они завьют свои притязания, в худшем...

– Они попытаются выкрутить тебе руки, – произнёс князь.

– Нет, – качнул головой Сантьяга.

– Нет?

– Нет.

Повелитель Нави замолчал, обдумывая неожиданный ответ комиссара, а через несколько секунд продолжил:

– Масанов много. Они сильны, неимоверно агрессивны...

– И ненавидят Тайный Город, – добавил Сантьяга.

– В основном – Тёмный Двор.

– Весь Тайный Город, – не согласился с владыкой комиссар. – Лучшие маги Крови неспособны сравниться с классическими колдунами, и это их бесит. Второй момент заключается в том, что кровь жителей Тайного Города – кроме навской, разумеется, – для масанов большой деликатес.

– Что ты собираешься делать?

– Я планирую выбить у Ярги этого союзника, – ответил Сантьяга таким тоном, будто только что не рассказывал повелителю о ненависти, которую масаны испытывают к подданным Великих Домов.

– Каким образом?

– Договориться.

– Тебе нечего им предложить.

– Я обращусь к их разуму и постараюсь объяснить, что наша концепция мирного сосуществования гораздо перспективнее предлагаемой Яргой войны.

– Все государства, которые призывали к миру, уже пали.

– Не все, но я понимаю, о чём вы говорите.

– Ты... ты их провоцируешь, – догадался князь. – Зачем?

– Как вы правильно заметили: мне нечего предложить непримиримым, – ответил Сантьяга. – Я могу лишь апеллировать к их разуму.

– Не хочешь говорить?

Комиссар тонко улыбнулся, пошевелил пальцами, словно пробуя подготовленные слова на ощупь, и негромко произнёс:

– Вы всё прекрасно понимаете, князь: масаны всегда были проблемой, но с появлением Ярги они стали очень большой проблемой. Я обязан её решить тем или иным способом. Но при этом я должен думать о чувствах верных нам вампиров... Ведь я хочу приобрести новых союзников, а не потерять старых.

– Они тебя не слушают, – буркнул владыка. – Непримиримые захотят воспользоваться твоей слабостью и попытаются тебя убить.

– Надеюсь, – вновь улыбнулся Сантьяга.

И в его чёрных глазах запылал весёлый, но очень холодный огонёк.

*Зелёный Дом,
штаб-квартира Великого Дома Людь
Москва, Лосиный Остров,
29 июня, среда, 14:46*

Ураганные ветры перемен, которые сопровождали смещение королевы Зелёного Дома: убийства баронов и жриц, едва не случившаяся междоусобица, взаимные обиды, кровь, ненависть и прочие страшные события июня, – заставили вздрогнуть не только Великий Дом Людь, но весь Тайный Город. Но только не кабинет № 31, в котором на благо Зелёного Дома трудился старый Серис Турчи – въедливый шас, привлечённый королевой Всеславой для поправки пришедших в плачевное состояние финансов. Этот шаг Всеславы стал полнейшей неожиданностью для Тайного Города, поскольку шасы являлись подданными Тёмного Двора и доверять одному из них все тайны казначейства казалось полнейшим безумием. Но королева рискнула заключить с Серисом сделку и ни разу об этом не пожалела... То есть, конечно, пожалела – когда ушлый шас принялся вытрясать налоги со всех её подданных, включая неприкасаемых, – но быстро поняла, что дело своё Турчи знает, и демонстративно перестала «вмешиваться в текущую деятельность казначейства», то есть вступаться за обиженных шасом придворных.

За полгода собираемость налогов утроилась.

За те же полгода Сериса трижды пытались проклясть и дважды – убедить «выйти на пенсию», предлагая грандиозные отступные. Но старик отличался не только въедливостью, но и запредельно отвратительным характером, и противодействие лишь придавало ему сил.

Все думали, что после смерти Всеславы Турчи и его помощники будут изгнаны из казначейства, но умная Всеведа решила не ломать хорошо работающий механизм и после долгого разговора тет-а-тет подтвердила контракт Сериса. Какие гарантии ему пришлось дать, Турчи никому не рассказывал, но, судя по всему, его всё устроило.

Несколько дней работа казначейства шла в обычном режиме, невзирая на потрясения: старик доходчиво объяснил подчинённым, что обсуждать государственные дела они должны исключительно в свободное время, однако сегодня у него состоялась ещё одна встреча со Всеведой, с которой Серис вернулся в глубокой задумчивости. Он дважды прошёл по коридору «финансового крыла» из конца в конец, заглянул в главный операционный

зал, поглазел на фей-делопроизводительниц, но не оставил желчных комментариев ни об их работе, ни о внешнем виде – чего с Серисом до сих пор не случалось, вернулся в кабинет, не глядя подписал стопку бумаг, велел секретарю «не мешать» и вызвал племянников – братьев-близнецов Майно Томбу и Лебру Томбу, которых пристроил в казначейство Зелёного Дома «набираться опыта». Ну и для того, «чтобы было с кем работать, а то эти белокурые или сплетничают, или заклятия строят...»

И племянники, надо отдать должное, до сих пор дядю не подводили.

– Ходят слухи, что нас выгоняют, – произнёс Лебра, плюхаясь на предложенный стул. С этой фразы он начинал встречи вот уже две недели, чем немного надоел родственникам.

– Придумай новую шутку, – попросил Майно.

– Придумаю, когда ты перестанешь смеяться над этой.

– Я ни разу над ней не засмеялся.

– Хорошо, я подожду.

Как многие близнецы, Лебра и Майно не могли обойтись без склок, разборок и выяснений отношений. В целом они друг друга любили, но иногда так глубоко скрывали истинные чувства, что казались злейшими врагами. Что же касается внешности, то выглядели братья Томба заурядными шасами: чёрные кудрявые волосы, чёрные глаза и монументальные носы, позволяющие шасам вынюхивать золото и возможные неприятности.

– Недельный отчёт будет завтра к обеду, – сообщил Майно, с тревогой глядя на грызущего авторучку дядю.

Говорят, если у начальника довольный вид, значит, ты сделал что-то не так. Однако со старым Серисом такое не прокатывало: он всегда выглядел так, словно к его зубам прилипла кислая жвачка.

– Цифры тебя порадуют, – добавил Лебра.

– Мы думали, что из-за всех этих революций доходы уменьшатся, но пока поступления радуют.

– Потому что сейчас идут «мирные» поступления, – проворчал опытный Серис. – Провал начнётся со следующей недели.

– Мы так и подумали, – подтвердил Майно. – Увольняемся?

– Если прогнозируются убытки, то лучше зафиксировать прибыль и уйти в сторону, – поддержал брата Лебра. – Заявление я уже написал.

– Ты поторопился, – осадил племянника Серис, разглядывая обгрызенную авторучку. – Во-первых, вас должна вдохновлять грандиозность задачи: ведь получается, что судьба всего Великого Дома Людь зависит исключительно от нас. А во-вторых... – Старик пожевал

губами. – Во-вторых, Всеведа не позволит нам уйти. Она понимает, что в этом случае финансы Зелёного Дома окажутся совсем уж в плачевном состоянии, а ей лишняя головная боль ни к чему.

– Мы – подданные князя Тёмного Двора, она не посмеет нас остановить, – напомнил Майно.

– Мы заключили сделку, – напомнил старик. – И нам придётся соблюдать её условия. Иначе какие мы шасы?

– Прямо диктатура получается с элементами репрессий, – посетовал Лебра. – Может, подключим журналистов и защитим наши права?

– Какие права? – заинтересовался Майно.

– Законное право разорвать контракт по нашему желанию.

– Ты помнишь, что стало с прошлой королевой?

– Э-э...

– Удачи в защите прав, – хихикнул старший близнец. Майно родился на три с половиной минуты раньше брата и постоянно это подчёркивал. – Я не подписываюсь.

– Я случайно ляпнул, – опомнился Лебра. – В порядке необдуманного предложения.

– Установлено, что когда вы вместе, то быстро побеждаете собственную глупость. – Старый шас многозначительно посмотрел на одного племянника, потом на второго, потом выдержал паузу, глядя в окно, и, лишь убедившись, что близнецы готовы осознать тяжесть их положения, продолжил: – Всеведа прекрасно понимает, что уже со следующей недели доходы Великого Дома начнут падать, и потребовала повысить собираемость налогов. И отыскать новые источники финансирования. А чтобы мы чувствовали свою сопричастность, в ближайшее время наши доходы будут полностью зависеть от доходов Великого Дома и меняться соответственно: поднимем собираемость на десять процентов – получим премию в десять процентов...

– А если собираемость упадет на десять процентов? – осведомился Лебра.

– Догадайся.

– Наша премия уменьшится на столько же?

– Нет, вдвое больше: на двадцать процентов.

– Гм... – Младший близнец вздохнул и осторожно предложил: – Давайте вернёмся к теме необоснованных репрессий против нас и всего нашего народа.

– Подобный пункт был в контракте, – вздохнул Серис.

– Зачем вы согласились?

– Затем, что собирался поднимать доходы Зелёного Дома, а не ронять их, – ворчливо объяснил старик.

– Пусть Всеведа начинает войну, – хмыкнул Майно. – Во время боевых действий резко повышается потребность в магической энергии Колодца Дождей, хорошо идут артефакты и экономика существенно оживляется.

– Я предложил, – кивнул Серис. – Всеведа ответила, что война возможна, но не в ближайшие дни. А деньги необходимы сейчас.

– Значит, нужно посмотреть, кого мы ещё не нагнули, – подал голос Лебра.

– Какой ужасный лексикон... – поморщился старик.

– Извини, дядя, – вздохнул близнец.

– Но в целом ты прав.

– Спасибо.

– Доменами я займусь лично, вас бароны не воспринимают, – протянул старый Турчи. – Остаются вассальные семьи...

– Я с удовольствием пообщаюсь с концами, – предложил Майно. – У меня среди них есть знакомые...

– Не только у тебя! – взвился Лебра. – Ты – домосед, ты не знаешь, как говорить с концами.

– Зато я лучше знаю, о чём с ними надо говорить!

– О чём?

– О налогах.

– Ты идиот!

– А ты оставил всю прошлую зарплату в «Реактивной Куропатке»!

– Именно поэтому я легко найду с концами общий язык.

Горячность, с которой близнецы сражались за вассальную Зелёному Дому семью, объяснялась просто: каждый из них мечтал заняться финансами весёлых коротышек, сферой деятельности которых были игорные дома, тотализатор, рестораны, ночные клубы и прочие захватывающие дух развлечения – перспективы тут вырисовывались и широкие, и сладкие.

Однако старый Турчи вдребезги разбил мечты племянников:

– С концами, детишки, вам связываться рано: у них крепкие связи среди ведьм и они сожрут вас, не поперхнувшись.

– Подавятся, – пообещал Майно.

– Мы сами зубастые, – вздохнул Лебра.

Однако Серис остался непреклонен:

– Нет.

– Но из вассальных семей остались... – Лебра быстренько прикинул: –

Приставники!

– У них всё в порядке: налоги поступают автоматически, как только открывается очередной клад.

Косматые здоровяки ведали скрытыми сокровищами, и все полагающиеся отчисления проходили через казначейство.

– Челы.

– Эти на коротком поводке.

– Тогда... – Братья переглянулись и хором поинтересовались: – Дядя, ты же не серьёзно?

– Абсолютно серьёзно, – подтвердил Серис.

– Моряны и Красные Шапки?!

– Сами решайте, кто кем займётся.

Близнецы издали разочарованный стон и вновь переглянулись. На этот раз глядя друг на друга почти враждебно.

– Бросайте жребий, – велел старик. – Длинная спичка – Шапки, короткая – моряны.

– Почему так? – машинально спросил Майно.

– В соответствии с продолжительностью жизни после визита.

– Мама говорила, что вы о нас позаботитесь.

– Я сделал всё, что мог, теперь ваша очередь расплатиться со мной за доброту.

– Умереть ради повышения налогов? – кисло спросил Лебра.

– Продемонстрировать, чему научились, – наставительно ответил Турчи. – И помните: сила морян – в том страхе, который они наводят.

– Дядя Серис, вы видели оборотней в боевой шкуре?

– Нет, Спящий миловал.

* * *

муниципальный жилой дом

Москва, Северный бульвар,

29 июня, среда, 16:37

Клыки...

Длинные, острые и совершенно невозможные клыки... Для человека невозможные, но был ли тот мужчина человеком?

Был ли?

Неужели обладателя столь ужасных клыков можно назвать человеком?
А как?

Слово пришло почти сразу: «вампир». Слово пришло не через день или два, не тогда, когда Антон обдумывал случившееся, заперевшись в квартире, а сразу, в парке, ночью, в тот самый миг, когда крепкий мужчина оказался в нескольких дюймах от Буторина и молодой чел увидел, как два его верхних клыка начинают удлиняться... мужчина стал ещё ближе... склонился к шее... и почему-то не хотелось сопротивляться... совсем не хотелось... Страх ушёл сразу после укола... едва заметного укола в шею... страх ушёл, сменился какой-то сонной, самоубийственно сонной расслабленностью...

Вампир...

Никаких других мыслей в ту минуту не было.

Вампир...

Мужчина чавкал, крепко держа Антона за плечи, со стороны могло показаться, что никакой трагедии не происходит, а просто соскучившиеся любовники решили приласкать друг друга посреди тропинки, благо в глухую ночь в парке никого нет, а потом...

Потом чавкающий мужчина поперхнулся. Только что шумно причмокивал, урча от удовольствия и прижимаясь к Антону холодным телом, и вдруг поперхнулся. Отстранился. Закашлялся, сделал шаг назад, отпустив ошеломлённого чела, которому очень хотелось, чтобы мужчина продолжал... Антон даже подался следом в надежде, что холодный здоровяк вновь с ним соединится, но тот выглядел не менее изумлённым, чем несостоявшаяся жертва. Посмотрел на свои пальцы – они чернели на глазах, прохрипел короткое ругательство и повалился на землю.

И только тут Антона отпустило.

Он всё понял...

«Вампир!»

Вскрикнул и бросился прочь. Не по тропинке, а проламываясь через кусты, не обращая внимания на хлещущие по лицу ветви. Что-то крича и, кажется, рыдая от страха – Буторин не осознавал себя и опомнился лишь возле своего подъезда.

«Приехали», – сказал таксист, повернувшись к трясущемуся от страха парню.

Антон расплатился, поднялся к себе, заперся на все замки и даже на щеколду, которой пользовался крайне редко, добрёл до комнаты, сел на диван и... уснул. Выключился, сам не заметив как. Проснулся же лишь к вечеру следующего дня. К счастью, это было воскресенье и на работу идти не требовалось.

Проснулся, испытывая странную, непривычную слабость, но списал её

на похмелье. Что же касается ужасной встречи, то теперь она показалась Антону иллюзией... то есть казалась до тех пор, пока он не отправился в ванную и не увидел в зеркале окровавленную рубашку и две ранки на шее – как будто от острых клыков.

«Вампир!»

И всё перевернулось, потому что пьяный бред стал реальностью, а такой реальности не бывает! Она невозможна! Сказочна!

И вернулся страх.

От которого Буторина тут же стошнило.

«Вампир?!»

А как ещё объяснить случившееся?

«Вампир?! В Москве? В парке? Вампир? Но ведь их не бывает, это вам кто угодно подтвердит. Кто угодно!»

Антон всеми силами пытался прогнать из воспоминаний «неудобные» моменты: чудовищную силу мужчины, его немыслимую скорость, жутко холодное тело и... укусы, конечно же.

«Раны? Я поцарапался, когда прорывался сквозь кусты! Скорость? Быстрым он показался, потому что я был пьян и заторможен. А холодным... Он же умер! Умер! Он, наверное, умирал, едва стоял на ногах, подошёл ко мне за помощью, схватился за меня и... умер. И похолодел! Всё остальное – пьяный бред».

Однако, чтобы уснуть той ночью, Антону пришлось принять снотворное. И на следующий день тоже, и потом... Но спал он всё равно плохо – ему снились клыки, жуткие, длинные клыки, вонзающиеся в шею. Снился холод мускулистого тела и ледяная неподвижность объятий. Но самое ужасное заключалось в том, что ему снилось наслаждение – каждая капля отдаваемой крови приносила Антону немыслимое удовольствие, от которого по спине бежали мурашки...

///

Шера отыскала Антона только в четверг.

Могла бы и раньше – безусловно могла, но девушка не хотела привлекать к поискам магов Тайного Города, поскольку, как тут ни крути, а Малкавиан планировал преступление.

Но сам стал жертвой.

Именно так решила Шера, обнаружив труп любимого: Адриан столкнулся с мелкой сошкой из Тайного Города, скорее всего, со

слабеньким колдуном, у которого оказался с собой боевой артефакт. Адриан этого не ожидал и пропустил смертельный выпад.

Вот и всё: буднично, глупо, нелепо.

Красивый, полный сил Адри погиб от руки подлого труса.

И возмездия не будет, потому что Малкавиан атаковал первым. То есть... Шера понимала, что, если пойти в клан и рассказать правду о смерти Адриана, Малкавианы с удовольствием отомстят: отыщут убийцу и *высушат* его, позаботившись, чтобы никто не узнал о преступлении, но... но Шера хотела отомстить лично. Хотела увидеть, как будет уходить жизнь из его глаз. Хотела его мучений. Хотела унижений...

Проклятый чел должен заплатить!

И поэтому девушка стащила с Адриана куртку, на которой остались капли крови убийцы, перетащила тело любимого к мотоциклу и сбежала, искренне надеясь, что расследование закончится ничем. И её надежда оправдалась. Более того – к девушке никто не пришёл, поскольку Малкавианы логично решили, что Адриан погиб в стычке с неудачной добычей, а на охоту масаны ходят в одиночку.

Шера выждала три дня, после чего провела не очень сложный обряд поиска по генетическому коду, определила местонахождение чела, приехала к нему домой и... и обнаружила, что Антон понятия не имеет о Тайном Городе, а соответственно, у него не было заряженного артефакта и он никак не мог убить могучего Малкавиана.

Не мог!

Но для Шеры это уже не имело значения.

Девушкой владела ненависть. Лютая ненависть. И тот факт, что Антон оказался обычным челом, лишь упрощал задачу.

– Ты не просто умрёшь, – прошептала Шера, глядя на возвращающегося с работы Антона. – Ты пожалеешь, что появился на свет.

* * *

частный медицинский кабинет

доктора Извекова

Москва, улица Россолимо,

29 июня, среда, 17:28

Лучшими врачами Тайного Города по праву считались эрлийцы – выходцы из небольшой семьи, вассальной Тёмному Двору, но соблюдающей нейтралитет и охотно помогающей всем обратившимся.

Если, конечно, обратившиеся могли оплатить их высококласные, но недешёвые услуги. Эрлийцы сделали медицину смыслом и основой своей жизни, и в Тайном Городе поговаривали, что они рождались со стетоскопом в руках и умением пальпировать представителей любого генетического статуса. И шутка эта была шуткой лишь отчасти, поскольку каждый эрлиец знал наизусть едва ли не все книги и монографии по своей специальности, определял температуру тела по внешнему виду и различал шестьсот тридцать два заболевания по лёгкому покашливанию.

Штаб-квартира семьи Эрли, Московская обитель, располагалась в глухом уголке Царицынского парка, но многие эрлийцы – с разрешения отца Динамуса, разумеется, – вели частную практику, открывая кабинеты в городе, и доктор Извеков, он же брат Изяс, был одним из таких предпринимателей. Очень спокойный и очень опытный врач быстро завоевал доверие челов и заполучил весьма достойную практику, но при этом оказывал услуги и тем жителям Тайного Города, которые, по разным причинам, не хотели ехать в Царицыно: одним было лень, другие привыкли лечиться именно у Изяса и отказались уходить к другому врачу, третьи не желали «светиться» в шумной Обители. Некоторые из «третьих» были теми ещё клиентами, способными доставить солидному доктору множество проблем, например великий фюрер Кувалда: шумный, горячий, назойливо пахнущий оружием, кожаной одеждой и букетом различных сортов виски. Показывать фюрера челам не было никакой возможности, однако отказать постоянному клиенту брат Изяс не мог, поэтому, когда Кувалда позвонил и трагическим тоном потребовал немедленной встречи, эрлиец проверил расписание, увидел, что последний приём ожидается в четыре часа дня, и велел главарю дикарей приезжать к половине шестого, рассудив, что за ночь помещение успеет как следует проветриться.

– Только никому не рассказывай, что я у тебя был, лафно? – произнёс Кувалда вместо «Здравствуйте!», но так он начинал все свои визиты.

К слову сказать, визиты немногочисленные, поскольку Шапки к врачам обращались редко, в основном – к хирургам, с огнестрельными и колото-резаными ранами, и почти не доживали до болезней по старости. К тому же их пропитанные алкоголем организмы упорно сопротивлялись всем известным инфекциям, что позволяло крепко экономить на медицинской помощи, но, заняв высокий пост, Кувалда стал мнительным, боялся, что верные подданные его отравят, и навещал эрлийца с необычной для дикаря частотой.

– Что случилось? – осведомился брат Изяс, тоже проигнорировав приветствия.

– Кругом изменники, трусы и обманщики, – с печалью сообщил великий фюрер, расстегивая кожаный колет. – Я окружен ифритами и никому не могу доверять.

– Тогда к психиатру.

– А ты кто?

– Врач широкого профиля.

– Фа? – Кувалда изумленно вытаращился на эрлийца. – Но ты мне всегда помогал.

– Разумеется, я же врач.

– А почему сейчас хотел послать?

– Потому что даже у самого широкого профиля есть границы.

– А-а... – протянул одноглазый, почёсывая татуированное пузо.

Волосы у дикарей не росли, и, видимо, поэтому – в качестве компенсации – Шапки «украшали» себя таким количеством татуировок, что их узор казался нижним бельём, тонким и буйно разрисованным.

– Я фогатывался, что тех, кто меня не любит, нужно к мозгоправам отправить, – неожиданно произнёс великий фюрер, закончив обдумывать слова эрлийца. – Они точно психи... – И перевёл взгляд на врача: – Как можно меня не любить?

На этот вопрос у брата Изяса ответа не было, и он предпочёл вернуться к делам:

– Что случилось?

– Сказал же: меня окружили фебилы. Гфе их можно вылечить?

– С тобой что случилось? – повторил эрлиец. И на всякий случай уточнил: – Зачем притащился?

– Я? – Как все дикари, Кувалда с трудом перескакивал с темы на тему, и ему потребовалось примерно десять секунд, чтобы понять, что за вопрос задал добрый доктор. – Живот... – Великий фюрер вновь почесал пузо. – Резко заболел. – Выдержал паузу и уточнил: – Наверное, меня отравили.

– Показывай, – решительно велел брат Изяс, который не собирался сидеть на работе до полуночи.

– Живот?

– Нет, то, что заболело, – саркастически ответил врач.

Но понят не был.

– Как я покажу, что заболело, если это внутри? – растерялся Кувалда, думая одновременно и о собственной болезни, и о том, как бы оказать карательную психиатрическую помощь тем, кто его не любит. Несмотря на старания, думать одновременно о разном получалось плохо. Наверное, имело смысл выпить.

– У тебя что, живот не открывается? – притворно удивился эрлиец.

– А что, так можно?

– Были бы деньги. – Брат Изяс брезгливо оглядел разрисованное брюхо и принялся натягивать тонкие перчатки. – Это новый тренд на рынке современных медицинских услуг: в животе клиента делается отверстие, через которое в любой момент можно добраться до любого органа.

– Зачем?! – изумился Кувалда, принимающий разглагольствования брата Изяса за чистую монету.

– Очень полезное изобретение, особенно для часто рожаящих женщин...

– Я не рожаяю. И я не женщина!

– Ну, всё поправимо...

– Не смей! – Великий фюрер отступил к стене и одновременно положил руку на ятаган. – Не приближайся!

Его устраивало быть мужчиной, и он не хотел ничего «поправлять».

Эрлиец понял, что перегнул палку, и примирительно произнёс:

– Успокойся, я пошутил.

– Всё равно не приближайся, – велел Кувалда, прикидывая, не достать ли пистолет.

– Тогда сам лечись, – окрысился брат Изяс. – Забирай свои шмотки и проваливай!

– И провалю!

– И проваливай!

– И провалю!

– А когда снова заболит – езжай в Обитель. А ко мне больше не приезжай, мне надоело за тобой проветривать.

– Э-э... фа пофожфи ты! – замахал руками опомнившийся фюрер. – Я тоже пошутил. Мне лечиться нафо – меня отравили. И вообще: я вефь постоянный клиент, очень тебя ценю.

– Значит, надо удвоить стоимость визита, – тут же среагировал врач.

– Зачем?

– Чтобы ты смог показать, как сильно меня ценишь.

– Сильно я тебя ценю, сильно, – произнёс Кувалда. – Не нафо меня проверять, лучше живот вылечи.

– Ложись.

Одноглазый вздохнул, убедился, что в руках эрлийца нет скальпеля или иного режущего инструмента, расстегнул боевой пояс, с лязганьем уронил его на пол – эрлиец вздрогнул, ожидая, что какой-нибудь из пистолетов выстрелит, – и завалился на кушетку.

– Вот.

– Где болит? – Брат Изяс мягко, кончиками пальцев прикоснулся к пациенту.

– Осторожно! – взвыл фюрер.

– Болит?

– Пальцы у тебя холофные, – ответил Кувалда. – Будто у кровососа.

– Придётся потерпеть.

– Ты что, окровососился?

– Заткнись! – Дикарь послушно умолк, а эрлиец надавил в другом месте. – Болит?

– Нет.

– А тут?

– Немного... если нажимаешь сильно.

– У тебя татуировка потускнела.

– Ты что, театральным критиком зафелался?

– Тогда уж художественным, – поправил пациента брат Изяс.

– Не фави сильно, хуфожник!

– Как ты меня назвал?

– Ой!

Судя по громкости последнего вопля, врач добрался до очага заболевания.

– Сильно болит?

– Ещё раз нафавишь – и я тебя пристрелю, – пообещал несчастный Кувалда.

И потрогал себя там, где должна была находиться кобура. Оружия не нашёл, зато убедился, что он по-прежнему не женщина, и успокоился.

– Понятно. – Эрлиец отступил от кушетки, велел: – Одевайся!

И принялся стягивать перчатки.

Великий фюрер полежал ещё немного, прислушиваясь к состоянию организма, затем уселся на кушетку и вопросительно уставился на доктора.

– Жить будешь, – ответил тот на немой вопрос.

– Фолго?

– Деньги у тебя есть?

– Сколько?

– А сколько ты хочешь жить?

– Всё плохо? – испугался одноглазый.

– Нормально всё у тебя, нормально, – успокоил клиента брат Изяс. – Надо заплатить за визит и анализы...

– За какие ещё анализы?

– Вот за эти. – Эрлиец ловко уколол великого фюрера в плечо. – У тебя наличные или карточка?

Кувалда посмотрел на пробирку, в которую врач засунул испачканную в его крови иглу, прищурился, когда над пробиркой стал подниматься едва заметный дымок, и пробурчал:

– Карточка. Я не рассчитывал, что прифётся обращаться к форогостоящему врачу.

– Плати, – предложил эрлиец.

– Почему не потом?

– Потом ты можешь забыть, – объяснил брат Изяс, протягивая клиенту терминал. – Или от радости, или от горя.

– Что ты за врач такой?

– Один из лучших.

Одноглазый вздохнул, достал карточку и сунул её в устройство.

– Фоволен?

– Ты просто сделал то, что должен. Я же буду доволен, когда тебя вылечу.

– Меня нафо лечить? – вновь заволновался фюрер.

– Всех больных надо лечить, – ответил Изяс. И задумчиво добавил: – Иначе чем заниматься докторам?

– А жить я буфу?

– В философском смысле?

– Изяс, перестань! – не выдержал Кувалда. – Ты же вифишь, что я нервничаю, и специально смеёшься! Меня отравили?

– Нет.

– Хорошо... – расслабился великий фюрер, но через мгновение вновь забеспокоился: – А почему живот болит?

– Съел что-то ненужное.

– Отравленное?

– Несвежее.

– Это может быть, – подумав, сообщил Кувалда. – Мы вефь срок гофности только у виски смотрим.

– У виски есть срок годности? – удивился брат Изяс.

– Случается, – махнул рукой одноглазый. И принялся одеваться.

– Ты, кстати, сегодня пил? – поинтересовался врач, останавливаясь у шкафа с порошками.

– Кстати, пил, – не стал скрывать дикарь. – Но в меру.

– стакан с утра?

– И потом ещё немного.

– Сможешь продержаться пару часов без выпивки?

– Зачем?

– Дам тебе быстрый порошок, – объяснил брат Изяс, решительно смешивая несколько разноцветных ингредиентов. – Через два часа будешь как самый настоящий огурчик.

– Зелёный? – испугался великий фюрер.

– Бойкий.

– Тогфа фавай.

Кувалда вытряхнул в рот собранную эрлийцем смесь, запил водой, деликатно рыгнул, пробормотав: «Не виски, конечно», и вновь прислушался к голосу организма. Организм пробурчал что-то неразборчивое и на том успокоился.

Эрлиеца поморщился, включил кондиционер на полную мощность и отправился мыть руки.

– А ты чего расстроился? – поинтересовался он, включая воду. – Не в первый раз болеешь.

– Я пофумал: вдруг у меня живот от пьянства прихватило? – ответил одноглазый и совершенно напрасно уточнил: – Я вефь выпивал, когфа заболел.

– От пьянства у вас мозги начинают работать, – напомнил врач.

– Это фа, – согласился великий фюрер. – Виски – это ум нашей великой семьи и её честь тоже. Но во всём остальном алкоголь бывает врефен.

– Да ты что? – поперхнулся брат Изяс.

– Поверь, – важно ответил одноглазый. – Я нефавно ходил в Интернет... Меня Копыто научил...

– Чему?

– В Интернет, – объяснил Кувалда. – Он сначала про фепутатов говорил, а потом я стал вообще смотреть на Интернет...

– Кувалда, перестань, ты же великий фюрер.

– Вот именно: я – великий фюрер! Моя жизнь важна для всей великой семьи Красных Шапок, поэтому я не имею права рисковать собой. Тобой – пожалуйста. А собой – нельзя. Поэтому я хожу в Интернет и читаю, как можно стать зфоровым и ничем не болеть.

– И как? – тут же спросил эрлиец, с трудом сдерживая хохот.

– Там разные способы есть, – отозвался начитанный Кувалда. – Можно, например, урину свою пить утром, и тогфа силы начинают внутри тебя крутиться и никуфа не ухофить... Но мне не понравилось.

– Почему? – искренне удивился Изяс.

– Слухи могут пойти нехорошие, опять же – пацаны не поймут... Или вот: перепутаешь с утра на больную голову и чужую урину выпьешь. Что тогфа фелать?

– Как что? Так ведь ты ещё сильнее станешь!

– Почему сильнее?

– В тебе ещё и чужие силы забродят.

– Чужие... – Кувалда почесал себя под банданой, прикидывая, насколько он станет сильнее, заполучив через урину чужую мощь, но потом решительно покачал головой: – В общем, не понравилось мне. Виски лучше. – С этими словами он достал из кармана плоскую фляжку и сделал большой глоток. Вытер губы и довольно улыбнулся: – Уф-ф!!

Действие получилось настолько быстрым, что брат Изяс не сумел его предотвратить, и лишь после того, как великий фюрер крикнул и вытер губы тыльной стороной ладони, эрлиец простонал:

– Ты дурак?

Кувалда сначала опешил от подобной наглости, но через секунду вспомнил предупреждение доктора и побледнел:

– Я...

Плоская фляжка выпала из ослабевшей руки великого фюрера, и по чистейшему полу приёмной потёк ручеек виски.

– Кувалда, мне же здесь работать! – взвыл эрлиец и в гневе активировал стерилизующее заклинание. В кабинете запахло горящим виски. – Кувалда!

– Что со мной буфет? – пролепетал великий фюрер, пытаясь ухватиться за кушетку.

– На время потеряешь ориентацию.

– И всё? – почти обрадовался одноглазый, но в следующий миг вновь растерялся: – Ой...

– И будет голова кружиться...

– Ой...

– И тошнота...

– Гфе вефро?

– В твоей машине.

– Я не могу в таком вифе возвращаться в Форт, – простонал великий фюрер, медленно опускаясь на пол.

– Значит, переночуй где-нибудь, – процедил врач, подхватывая одноглазого под мышки. – Только не здесь. Здесь закрыто на деротацию.

На этих словах Кувалду вырвало.

– Это фюрер? – сглотнув, спросил Штекер Гнилич, изумлённо разглядывая процессию.

– Великий фюрер, – поправил бойца уйбуй Утюг.

Они с приятелем проезжали по тихим улочкам, выбирая, какой магазин ограбить, увидели внедорожник вождя и решили посмотреть, что Кувалда тут забыл. Ожидание не затянулось, и как раз в тот момент, когда дикари допивали бутылку, из дверей с вывеской «Частный медицинский кабинет доктора Извекова» появилась заворожившая их процессия.

– А почему он такой... – Штекер снова сглотнул и несколько раз сжал кулак, пытаясь с его помощью отыскать в голове нужное слово.

– Больной? – подсказал Утюг.

– Да! – кивнул Штекер, продолжая таращиться на невиданное зрелище. – Я его совсем другим помню.

– Кувалда так долго правит, что его другим никто не помнит, – не особенно верноподданно заметил Утюг.

Впрочем, он всегда был немного оппозиционером. Впрочем, все Красные Шапки были немного оппозиционерами и любили засунуть потную ладошку в карман и поёрзать в нем, складывая фигу. В знак протеста. Ну и для удовольствия.

– Видать, Кувалда – всё, – вздохнул Утюг. – Отфюрерствовал.

– Может, ещё оклемается?

– Ты что? – Утюг покачал головой: – Сам посмотри.

А смотреть было страшно, потому что Заморыш, водитель одноглазого, и пухленький брюнет в белом халате буквально несли великого фюрера к машине. При этом великий фюрер мычал, вращал глазом и рвался изнутри. Заморыш печально вздыхал, а пухленький злобно ругался.

– Надо его на телефон снять, – внезапно предложил Штекер, доставая трубку. – Для истории. Мы ведь, считай, на похоронах сейчас.

Утюг хотел запретить приятелю записывать умирающего вождя, но в последний момент передумал: в конце концов, видосик получится прикольный, можно будет поржать с пацанами, а если вдруг выяснится, что снимать великого фюрера было нельзя, то виноватым окажется не он, а дурак Штекер.

**муниципальный жилой дом
Москва, Лялин переулок,
30 июня, четверг, 01:06**

Это было так привычно и так... странно. От сладости кружилась голова, но на губах ощущался едкий привкус горечи. Хотелось кричать от восторга, а на глазах стояли слёзы. Смесь непонятных чувств сдавливала сердце так сильно, что хотелось вырвать его из груди.

Странно.

И лишь одно понятно: он до сих пор любит...

– Далина, – прошептал Сдемир. – Далина...

– Я люблю тебя...

Её голос. Её интонация. Волосы, глаза, губы, тело... Её чарующая сладость. Её невозможная прелесть.

– Далина...

Она здесь. Рядом. Близко. Она прижимается к нему всем телом, и он с наслаждением вдыхает запах её волос. Он чувствует её и знает, что не ошибся – рядом с ним Далина. Он чувствует её и знает, что ошибся – Далина мертва.

– Я люблю тебя...

Он обнимает её так крепко, что кажется – раздавит. Он ищет её губы и впивается в них крепчайшим поцелуем. Он в восторге. Он полностью выложился. Он...

Он хочет её убить.

– Тебе понравилось? – спрашивает она чуть позже, когда финал пройден, накатила усталость и хочется просто полежать. Не шевелясь.

Наслаждаясь усталостью.

– Тебе понравилось?

– Ты технична.

– И всё?

Сдемир сразу понял, что имела в виду Анна, но специально ответил грубовато. Теперь же, после короткой паузы, признался:

– В какой-то момент я действительно видел её, а не тебя.

– Ты всегда видел её.

– Нет, – не согласился молодой барон. – Я не видел её, даже когда ты стала ею. Только потом... когда мы... – Он грустно улыбнулся. – Тогда увидел.

Случившееся напоминало сон.

Удивительный и очень-очень странный сон о том, как ему предложили невозможное: вернуть любовь. Сон о том, что он снова может быть вместе

с Далиной.

Дурацкий сон.

Сдемир хотел отказаться, но потом понял, что не сможет. Не хочет отказываться, потому что ужасно соскучился за те несколько дней, что прошли без Далины. Потому что он пытается забыть, но не выходит, потому что он пьёт, но не берёт даже чудский ликёр. Потому что горько так, что хочется выть, а выть нельзя, потому что рядом с ним волки. Волчицы. И если они поймут, что ему хочется выть, то сдерут с него шкуру.

С живого.

И поэтому Сдемир согласился на предложение, за которое ему хотелось убить, отправился со случайной девицей к ней домой и... нашёл Далину.

Настоящую.

– Стало легче? – тихо спросила Анна.

Она уже приняла свой настоящий – наверное! – облик эффектной брюнетки и расчёсывала перед зеркалом волосы, изредка поглядывая на лежащего барона.

– Нет, – коротко ответил Сдемир.

– Я так и думала.

– Тогда зачем всё это?

– Это для тебя, – спокойно ответила Анна. – Ты должен был её отпустить.

– Ты совсем рехнулась – говорить мне это?

– Ты уже понял, что я права, но слишком зол, чтобы принять.

– Ты знаешь, что я хотел тебя убить?

– У тебя не получилось бы.

Он помолчал, восхищаясь её самообладанием, после чего поинтересовался:

– Ты кто? – И прежде, чем девушка ответила, объяснил: – Я не маг, но у меня есть артефакты, определяющие некоторые заклинания, и я точно знаю, что ты не применяла морок. И не гипнотизировала...

– Я – метаморф, – коротко ответила Анна.

– Ого!

– Именно.

Метаморфами называли удивительных челов, чьи подвижные клетки позволяли принимать любой облик – хоть птицы, хоть зверя, хоть любого иного существа. Метаморфы полностью копировали объект, и их превращения были ограничены лишь массой тела: если метаморф копировал слона, то слон получался размером с крупную собаку.

Но уникальные способности были и даром, и проклятием: метаморфов не оставляли в покое, и ходили слухи, что все их линии были прерваны...

– Откуда ты взялась?

– Я – рабыня Сантьяги, – спокойно ответила девушка.

– Мог бы догадаться, – рассмеялся люд, хотя в действительности ему стало немного не по себе: какие ещё секреты скрывает Тёмный Двор? – Он тебя прислал?

– Комиссар сказал, что ты тоскуешь.

– Это так очевидно?

– Комиссар тебя знает.

– Значит, очевидно, – рассмеялся Сдемир, он закинул руки за голову и уставился в потолок. Ситуация начала забавлять молодого барона. – Расскажи о Сантьяге.

– Нет смысла.

– Почему?

– Ты никогда не поймёшь, говорю я правду или то, что велел комиссар.

– Я могу тебя убить.

– Ты никогда не будешь уверен в моей смерти. – Девушка закончила с причёской и смочила шею капелькой духов. Она пользовалась необычными, очень приятными духами: сейчас, когда Анне не требовалось изображать Далину, люд их почувствовал.

– Я буду уверен в твоей смерти, если сожгу тебя сразу после убийства.

– Зачем ты это говоришь? – удивилась девушка.

– Да просто так, – хмыкнул Сдемир. – Скажи, тебя можно арендовать на время? Ну, как Всеслава арендовала Сериса в казначейство? Сантьяга согласится тебя одолжить?

Странное дело: обещание убить не произвело на оборотня впечатления, а этот вопрос явно покоробил. Анна вздрогнула, скривилась, но ответила спокойно:

– Я сама решаю, на кого работать.

– Разве ты не рабыня Сантьяги?

– Юридически – рабыня, – без восторга подтвердила девушка. – Но это сделано для того, чтобы у меня не было проблем, ведь метаморфы – лакомые кусочки...

– А на собственность Тёмного Двора не позарится ни один другой Великий Дом, – кивнул люд.

– Верно. – Анна помолчала. – На деле я предоставлена самой себе.

– И делаешь что хочешь?

– Да.

– То есть ты сможешь уговорить комиссара разрешить поработать на меня?

Сдемир специально указал девушке на её зависимое положение, но оборотень вновь сдержалась. И ответила тихо:

– Зависит от цены.

– Что же он потребует?

– Не он – я.

Молодой барон улыбнулся – он ждал этого уточнения – и осведомился:

– Чего же ты потребуешь?

– Полагаю, ты придумал какую-то хитрую и опасную интригу, – медленно ответила Анна, глядя на Сдемира через зеркало. – Если ты хочешь, чтобы я в ней участвовала, и при этом участвовала не за деньги, а за совесть, тебе придётся выкупить меня у Сантьяги и дать свободу.

– То есть ты не всегда делаешь то, что хочешь?

Вместо ответа девушка вопросительно подняла брови:

– Ты согласен?

– Ты готова выйти из-под защиты Тёмного Двора?

– Я сумею спрятаться так, что меня никто не найдёт.

– Уверена?

– Убеждена, – кивнула Анна. – Я хорошо изучила возможности Великих Домов и знаю, как вас обмануть.

– На что же ты готова за эту цену?

– На всё.

– И тебя не интересует, что я задумал?

– Если ты пообещаешь дать мне свободу, я сделаю что угодно, – твёрдо повторила девушка. Теперь она повернулась и смотрела молодому барону в глаза. Пронзительно смотрела.

– Неужели так плохо быть рабыней? – негромко поинтересовался Сдемир. – Юридически.

– Хочешь попробовать?

– Нет. – Молодой люд помолчал, а затем вдруг стал очень серьёзным: – Что Сантьяга потребует за твою аренду? Вряд ли его заинтересует золото.

– Предложи кое-что получше.

– Что?

– Свою дружбу.

– Стать шпионом? – прищурился Сдемир.

– Франц де Гир – шпион?

– Сомнительно.

– Я не скажу, что они с комиссаром друзья, но они доверяют друг

другу. Предложи Сантьяге то же самое, и он сдаст меня в аренду.

– Уверена?

– На сто процентов.

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга, после чего Сдемир негромко спросил:

– Сантьяга велел со мной переспать?

– Сантьяга велел познакомиться с тобой и рассказать, что я могу, – ответила Анна. – Переспать со мной решил ты.

– А ты не посмела отказать... – Молодой барон выдержал ещё одну паузу и провел рукой по кровати: – Иди сюда.

Глава 2

«В социальных сетях продолжает набирать популярность хэштэг #встанемкакодин, посвященный предстоящему в ближайшее воскресенье грандиозному – по обещанию оппозиции – митингу и шествию против коррупции. Следует отметить, что агрессивная, точно направленная реклама и многочисленные вирусные ролики сделали своё дело: по данным из различных источников, акцию собираются поддержать почти все протестные течения, а на митинге ожидается выступление трёх или четырёх кандидатов в президенты...»

(LifeNews)

«Какими неприятностями грозит Тайному Городу назначенное Сантьягой сборище непримиримых кровососов, которое комиссар называет Конклавом? Пресс-служба Тёмного Двора уверяет, что организация мероприятия исключает провокации и какие бы то ни было проблемы, но мы знаем непредсказуемость ночных охотников и давно разучились им доверять. Что мы должны знать о Конклаве, который пройдёт уже в ближайшие выходные? Есть ли объективная угроза нашей безопасности и в чём она заключается? Об этом и многом другом размышляют наши знаменитые эксперты...»

(Тиградком)

** * **

**Южный Форт,
штаб-квартира семьи Красные Шапки
Москва, Бутово,
30 июня, четверг, 13:13**

Так получилось, что в родную гавань Южного Форта Утюг и Штекер Гниличи вернулись лишь на следующий день: записав «торжественный выход» великого фюрера из кабинета врача и проводив его машину

долгими взглядами, дикари принялись шумно обмениваться впечатлениями и даже немного подрались: Штекер уверял, что лидера нации повезли в Московскую обитель, а Утюг – что хоронить, «потому что тут всё ясно». Победу в сражении не одержал никто, и, помахав кулаками, Шапки продолжили поиск подходящего, то есть не слишком защищённого, магазина, ограбили его, как планировали, взяв и деньги, и вождеденный виски, и проснулись где-то в Строгинской пойме. Не в ней, разумеется, а на берегу – после бурного празднования удачного налёта.

Допили то, что оставалось, и поехали домой.

До Бутова добрались без приключений, даже не «подрезали» никого по дороге, хотя и были почти трезвыми. Оказавшись во дворе, аккуратно – ну, насколько это было возможно – объехали центральную мусорную кучу, в которую вносила посильную лепту вся семья, припарковались у грандиозного, но уже грязноватого портрета великого фюрера – он, разумеется, свешивался с великофюрерской башни – и забрели в «Средство от перхоти», поскольку больше в Южном Форте забредать было некуда.

Внутри семейного кабака стоял традиционный шум, а в углу дрались. Но дрались без злобы и холодного оружия: просто четверо утюжили пятого, возможно – своего, возможно – укрывшего от сородичей добычу. А может – просто так, потому что пришло время.

В общем, всё обыкновенно.

Утюг и Штекер поглазели на драку, похвалили четверых за поставленные удары – что они, дураки, хвалить проигрывающего? – после чего прилипли к стойке.

– Нам бы это...

Бармен – конец по имени Лясций – понимающе кивнул и мигом оказался рядом, держа в руке бутылку «бима». Стаканы образовались перед дикарями как будто сами собой, из воздуха, и между Гниличами и глотком семейного нектара стоял лишь один вопрос:

– Деньги есть? – строго осведомился Лясций.

– Не без этого, – ухмыльнулся Утюг, показывая концу «лопатник» с магазинной кассой.

– Хорошо. – Виски бодро полилось в правый стакан. – Бутылку возьмёте?

– По бутылке на каждого.

– Приятно иметь дело с правильными клиентами, – улыбнулся бармен. Но улыбнулся не задорно, как это обычно получалось у концов, а немного грустно.

Дело в том, что в «Средство от перхоти» жизнерадостных толстяков

ссылали в наказание: кто-то нахамил важному клиенту, кто-то переспал не с той женой, кто-то продал больше выпивки, чем решил рассказать деловым партнерам... В общем, меры воздействия внутри семьи концов принимались разные, но работа в кабаке Красных Шапок считалась самой страшной из возможных кар, и потому Лясций держался без присущей концам жизнерадостности.

– А как здесь дела? – поинтересовался Утюг, залпом осушив стакан.

– Нормально, – пожал плечами конец, не совсем понимая смысл вопроса: скорее Солнце взойдёт на западе, чем в «Средстве от перхоти» что-нибудь поменяется.

– Не грустят? – уточнил Штекер, двигая к себе бутылку.

– Ваши никогда не грустят.

– Странно...

– Почему? – насторожился Лясций.

– Так ведь великий фюрер...

– Что великий фюрер? – тут же спросил сидящий слева от Штекера боец.

– Что великий фюрер? – с любопытством осведомился проходящий мимо Шибзич.

– Что великий фюрер? – удивился конец.

Обалдевший от такого внимания Штекер по очереди оглядел всех подавших голос сородичей, но сказать ничего не успел.

– С ним всё в порядке? – осведомился Лясций.

– Да, – коротко и веско обрезал Утюг, мысленно проклиная дурака Штекера и желая, чтобы неожиданный допрос поскорее прекратился.

– Наверное, – одновременно с уйбуем ляпнул Штекер, и все на него уставились.

В воздухе запахло неосознанными подозрениями в измене, предчувствием междоусобицы и поножовщины. В углу прекратили драться. Кто-то громко пожалел, что в зал нельзя проносить дробовики. Кто-то выскользнул за подмогой.

– Почему «наверное»? – прищурился Лясций.

– Потому что я его ещё сегодня не видел, – простодушно ответил Штекер, наконец-то сподобившись на правильный ответ.

К сожалению, было уже слишком поздно.

– Великого фюрера ещё никто сегодня не видел, – протянул сидящий слева боец.

– Надеюсь, с ним всё в порядке.

Утюг, который как раз собирался незаметно отлипнуть от стойки и

пойти вон, мысленно застонал.

– А почему с нашим обожаемым великим фюрером что-то должно быть не в порядке? – насторожился въедливый боец.

– Сон плохой приснился.

– Нам сны не снятся!

– Тебе не снятся, а мне, может, начали, – огрызнулся Штекер, который наконец понял, что наболтал лишнего, и попытался – в меру своих способностей – отыскать выход из положения.

Но пока не получалось.

– Ты кого дураком назвал? – с угрозой поинтересовался въедливый.

За его спиной стали появляться сочувствующие, Лясций привычно отступил к двери в подсобку, но драки не случилось.

– Успеете, – негромко, не оборачиваясь, но запредельно веско произнёс сидящий неподалеку Абажур Гнилич, и задиры молниеносно успокоились.

С тех пор как высший семейный пост занял Кувалда, должность «фюрер клана» во избежание междоусобиц упразднили, но неофициальную иерархию никто не отменял, и Абажур считался наиболее авторитетным уйбум Гниличей. Его слово весило в клане не менее тонны пластида, и охотников ляпнуть что-нибудь поперёк находилось мало.

– Лясций, налей въедливому виски за мой счёт, пусть успокоится. А вы, двое, идите сюда.

Выбора не было, поэтому Утюг и Штекер покорно подошли и осторожно присели за большой стол Абажура. Помолчали, пряча глаза от авторитетного уйбуя, но, поняв, что бить их пока не собираются, слегка расслабились.

– Штекер, почему ты решил, что у Кувалды проблемы? – поинтересовался Абажур, глядя вроде на Штекера, но в действительности – на Утюга.

Дело в том, что лет около семи назад авторитетный уйбуй Абажур от беспробудного пьянства окосел, причём как в прямом, так и в переносном смысле, и его глаза прихотливо расфокусировались, выбирая объект слежения скорее случайным образом, чем по желанию обладателя. Постепенно уйбуй научился хоть как-то управлять своенравными гляделками и всегда смотрел туда, куда хотел, но со стороны это выглядело странно.

– Просто подумал, – развёл руками боец.

– Ты не умеешь врать, – качнул головой Абажур, поправляя бандану. – И думать тоже.

– А ты не умеешь знать, вру я или нет, – довольно нахально отозвался

боец.

– Я хитрый.

Штекер заткнулся, не в силах ничего противопоставить железной логике авторитетного уйбуя, и Утюгу пришлось взять слово:

– Мы вчера ездили по городу, там то да сё...

– Магазин подломили? – со знанием дела уточнил Абажур, глядя в потолок, а на самом деле – на то, как разливает виски один из его бойцов. За ценным продуктом следовало приглядывать, даже когда его бывало вдоволь.

– Ну да... – Утюг потёр подбородок. – Так вот, мы были на Россолимо, искали подходящее заведение, а потом смотрим – великий фюрер идёт...

– Не идёт, – вставил боец.

– Да, Штекер прав: не идёт, – согласился Утюг. – Одноглазый сам идти не мог, его эрлиец вёл.

– И Заморыш, – добавил Штекер.

– И Заморыш, – подтвердил Утюг.

Однако шофёр великого фюрера не интересовал Абажура.

– Какой эрлиец? – насторожился он.

– Там барыжит, – махнул рукой Штекер.

– Не барыжит, а здоровьем торгует, – поправил бойца Утюг. – То есть бодяжит.

– Наркотой? – удивился Утюг.

– Эрлийцы таким не промышляют.

– Тебе откуда знать?

– Так что с Кувалдой было, идиоты? – оборвал спор Абажур. – Он пьяный был?

– Нет.

– Нет, – согласился Утюг. И добавил: – Он как будто обдолбанный шёл. Я таких челоу видел.

– Или больным он шёл, – вставил Штекер. – Жутко больным. Плохо ему было, потому к эрлийцу подался. Небось помирать...

– Докажите! – неожиданно прорычал Абажур. – Хватит слов, мля, доказательства есть?

– У него, – Утюг мотнул головой на бойца.

Штекер кивнул, достал телефон, отыскал нужный файл, запустил и подвинул телефон авторитетному:

– Вот.

Авторитетный взял телефон и поднёс его к левому уху. Ну потому, что в этот момент осуществлялся обзор именно этого сектора.

Короткое видео с мычащим, не держащимся на ногах Кувалдой дикари просмотрели в полном молчании. А когда оно закончилось, Абажур нажал на кнопку повтора, после которого Утюг сделал неутешительный вывод:

– Одноглазый, похоже, действительно никакой...

Гнилички поцокали языками, но соглашаться не стали – повернули головы к Абажуру, ожидая от него вердикт. Что же касается авторитетного уйбуя, то ему очень хотелось захохотать, заплясать или завопить от радости, но он сдержался. Оглядел столпившихся вокруг сородичей, кивая вверх-вниз, и многозначительно кашлянул:

– Хм-м...

– Может, его ещё вчера уже таким и закопали? – предположил Штекер, расценивший покашливание как разрешение говорить.

За столом стало очень тихо. То ли от неожиданности, то ли от открывающихся перспектив.

– Кувалду сегодня видели? – спросил Абажур, бросив на Штекера недовольный взгляд.

Гнилички покачали головами – дружно и отрицательно:

– Нет.

– Со вчера не появлялся.

– Прячется.

– Илидохлый уже, – повторил Штекер.

– Двойника нам привезут, – выдохнул Утюг. И тревожно округлил глаза: – Точно вам говорю.

– Кто? – поинтересовался Абажур.

– Что – кто?

– Кто привезёт?

– Да хоть Копыто, – подумав, ответил Утюг. Он знал, что Абажур терпеть не может авторитетного уйбуя Шибзичей, вот и ввернул ненавистное имя. – Копыто привезёт двойника или голема вообще и станет тут царствовать от имени этого...

Утюг явно хотел обидно обругать вроде бы умершего фюрера, но так же явно передумал, потому что подтверждения смерти пока не было.

– Будет царствовать от имени нашего обожаемого великого фюрера, – продолжил Утюг после секундной паузы. Заметил, что за ним внимательно наблюдают Шибзичи и Дуричи, и плавно превратил свою пылкую, можно сказать, оппозиционную речь в верноподданную и политически выверенную: – А этого допустить нельзя, потому что мы любим нашего великого фюрера. Пусть даже больного. Ведь он принёс мир и процветание в Южный Форт и во всю нашу могущественную семью.

– Да здравствует великий фюрер! – поддержали оратора бойцы, увидев одобрительный кивок Абажура.

Авторитетный уйбуй сначала хотел обругать Утюга за словеса в адрес вроде бы умершего лидера, но потом понял причину резкой смены курса и по достоинству оценил проявленную бойцом сообразительность.

Услышав привычное славословие, Дуричи и Шибзичи потеряли к совещанию Гниличей интерес, и напрасно, поскольку, едва они вернулись к выпивке, Абажур занялся планированием недружественных действий в сторону главы Красных Шапок. Уйбуй наклонился вперёд, заставив Гниличей сомкнуться вокруг стола, и зашептал:

– Просто так бузить не станем. Но слух о том, что Кувалда при смерти, пустить надо. И тогда посмотрим, какого такого голема Копыто притащит на сегодняшнее совещание.

* * *

коммерческое здание

Москва, Расторгуевский переулок,

30 июня, четверг, 13:19

Самостоятельность стоит дорого.

Независимость – ещё дороже.

Свобода – бесценна.

Настоящая свобода, с возможностью делать только то, что угодно душе, и выбирать лишь тех, с кем приятно и комфортно. Добиться такой свободы невероятно сложно, но именно она является для многих вожаемой целью.

Свобода...

Сколько Шера себя помнила, она всегда хотела вырваться из цепких объятий заботливых родителей и «чего-то добиться». Самой добиться, без помощи и поддержки, чтобы иметь возможность заявить: «Я ничем вам не обязана!» Чтобы каждая шишка – собственная. Чтобы потратить на каждую достигнутую вершину вдвое больше времени.

Чтобы чувствовать себя от всех свободной...

Окончив школу, Шера отправилась в Москву и поступила в институт – сама, без помощи и поддержки, успешно отучилась три семестра, а следующей зимой случайно столкнулась на улице с хваном – нос к носу. Увидела вторую пару рук под наведённым мороком и так узнала, что обладает магическими способностями. Правда, не очень сильными, но ведь

у большинства челов нет и таких. По классификации людов, девушка обладала уровнем «фея», а после года активных занятий в магической школе Зелёного Дома он поднялся до «больше, чем фея», тоже невысоко, но даже этот уровень казался Шере фантастикой. Ведь всё, о чём она мечтала, читая книги, всё, о чём грезилa во сне и наяву, сбывалось. Скромная Золушка превращалась в принцессу, и не простую, а в принцессу-волшебницу, перед которой готовились открыться все двери.

Шера понимала, что магия станет прекрасным помощником в карьере, впервые начала строить очень серьёзные планы на будущее и в один прекрасный день...

...влюбилась.

И страсть эта была насколько сильной, настолько же и противоестественной.

Шера влюбилась в масана.

От ночных охотников – даже тех, кто принял Догмы покорности, – предпочитали держаться подальше. Ничего личного – только инстинкт, поскольку всех разумных, за исключением навов, вампиры рассматривали в качестве *пищи*. Они держались с высокомерием прирождённых хищников, вынужденных жить среди полуфабрикатов, но исходящая от масанов аура жуткой опасности отталкивала не всех. Были те, кого она манила – обещанием необыкновенного, порочного наслаждения.

Возможно, рано или поздно любопытство вынудило бы Шеру встретиться с кем-нибудь из масанов, возможно, она прислушалась бы к голосу разума и устояла перед сладким, но очень притягательным искушением. Возможно... Но получилось так, как получилось: Шера встретила Адриана Малкавиана, а не влюбиться в него не было никакой возможности. Адриан был весел, высок, силен, красив, как греческий бог, и немного безумен – как все Малкавианы. И эта сумасшедшинка взорвала девушку, затащила в водоворот страсти и больше не отпускала. Познакомившись на большой вечеринке в «Ящеррице», они отправились к Адриану, и там Шера познала силу вампира.

В первый раз – просто силу.

Утром проснулась в прекрасном расположении духа, удовлетворённая, как никогда, и потому – довольная, нежилась в постели, пока Адриан не принёс кофе, улыбнулась ему, прижалась к холодному телу, вспоминая нюансы великолепной ночи, а затем услышала:

«Хочешь, сделаем всё по-настоящему?»

И вздрогнула.

«По-настоящему – это как?»

«С кровью».

Малкавиан смотрел очень спокойно, всем своим видом давая понять, что примет любой ответ, но Шера поняла две вещи: предыдущая ночь не показала, что значит «быть с масаном», – они просто переспали. И второе: если она откажется, то больше никогда не увидит весёлого, немного сумасшедшего красавчика.

«Будет больно?»

«Ни в коем случае».

Она закусила губу.

Он тихонько вздохнул.

Она доверчиво кивнула.

И тогда...

В самый первый раз Адриан был невероятно нежен. Понимая, что девушка насторожена и немного боится, он начал с обычных ласк, заставив Шеру расслабиться, увлечься, отдаться возбуждающему потоку чувств и... не заметить, как *иглы* вошли в её шею.

Невероятно нежно.

Она не услышала довольного урчания вампира, но поняла, что они сплелись так тесно, как никогда и ни с кем у неё не получалось, стали удивительно близки – как будто одним целым, и это единение вызывало острейшее наслаждение.

Его напор и её кровь.

Безумный коктейль опасности и удовольствия накрыл девушку с головой, и на вершине блаженства Шера потеряла сознание. А когда очнулась – стала верной спутницей Адриана, исполняя его прихоти даже в ущерб своим интересам. Впрочем... Шера искренне считала, что были только их интересы, их общие, ведь их удивительное единение случилось навсегда...

Но теперь Адриан умер.

Убит.

И всё вновь переменялось.

А жизнь потеряла смысл.

Во всяком случае, так показалось.

Первые дни оглушённая Шера жила в полнейшем тумане, ничего не помнила и почти не понимала происходящего. То и дело срывалась с рыданий в крик и обратно. Молила, чтобы случившееся оказалось страшным сном. Сбежала от всех, спряталась и часами лежала, прижимая к груди фотографию любимого, мечтая или умереть, или проснуться. В минуту просветления поняла, что должна отомстить, и вышла на тропу

войны.

Нет, не войны – мести.

Шера хотела, чтобы убийца Адриана мучился, и знала, как этого добиться.

И она направилась в старый двухэтажный дом по Расторгуевскому переулку, в одно из тех строений прежней Москвы, которые пока противились натиску реновации, своим видом рассказывая, какой была столица совсем недавно. В здание, которое давало приют нескольким не очень богатым фирмам – их плохо выглядящие офисы находились на двух этажах, а в подвале пряталось логово небольшой компании молодых Носферату, представителей самого уродливого клана семьи Масан.

Настоящие, а не киношные Носферату были настолько же безобразны, как образ, увековеченный Фридрихом Мурнау: лысые, неестественно гладкие головы, большие глаза, горящие жутким огнём, неприятные тонкогубые рты, почти не скрывающие зубов, шершавая, болезненная кожа, которая не становилась свежей даже после *высушивания* жертвы. Недостатки внешности выставляли Носферату чудовищами, и, смирившись с этим, они предпочитали жизнь отшельников, не особенно общались ни с жителями Тайного Города, ни даже с сородичами-вампирами. И считались умниками, поскольку вечеринкам предпочитали библиотеки.

Шера не знала, как шумному и слегка сумасшедшему Адриану удалось завоевать расположение мрачных Носферату, но он частенько общался с ними, говорил, что Адаму – предводителю маленького сообщества – можно доверять, и потому девушка отправилась к нему.

Оставила мотоцикл у подъезда – не «Харлей», какой был у Адри, а «Хонду» скромной модели, – вошла в неприметную деревянную дверь с торца дома, спустилась по металлической лестнице, оказавшись в небольшом, пахнущем кошками тамбуре, и постучала – следующая дверь была не чета уличной: крепкой, металлической, усиленной не только сталью, но и заклинаниями. Следующая дверь вела туда, куда могли пройти лишь жители Тайного Города.

– Привет, – улыбнулась Шера, когда она отворилась.

– Привет, – не улыбнулся в ответ Адам Носферату.

И замер в проходе, не позволяя девушке пройти.

– Можно?

– Зачем?

– Есть дело.

– Серьёзное?

– Жизни и смерти.

Адам помолчал, поморщился – его гримасы могли вызвать тошноту у неподготовленного чела, – но всё-таки кивнул и отступил, позволяя девушке пройти.

В «гостиной», первой и самой большой комнате логова, оказался только он, остальные Носферату либо спали, либо прятались от губительного солнечного света в другом месте. Выглядело помещение просто и мрачно: длинный грубый стол на восемь персон, со стороны стены – лавка, с противоположной – четыре стула. Четыре полки и шкаф с книгами. Телевизор на стене, ноутбук на столе, в левом углу комнаты – короткая барная стойка и большой холодильник. Масаны могли питаться одной лишь кровью, но не брезговали алкоголем и хорошей едой. Окон, разумеется, нет, двери, ведущие в глубь подвала, закрыты.

Впустив Шеру, Адам вернулся за стол, на котором лежала раскрытая книга в старом кожаном переплете, и побарабанил пальцами по столешнице, выразительно глядя на девушку. Та расположилась напротив, ответила вампиру жёстким, как ей казалось, взглядом, но сказать ничего не успела.

– Слышал об Адриане, – проскрипел Адам. – Мне жаль.

Но при этом продолжил барабанить пальцами по тёмной столешнице.

– Что ты слышал? – подняла брови Шера.

– Его убили.

– Почти на моих глазах.

– О тебе никто не говорит, – заметил Носферату.

– Я уехала.

– Бросила его?

– Уехала.

Они помолчали. Шера пыталась сверлить собеседника взглядом, Адам демонстрировал, что хочет вернуться к чтению. И чтобы ускорить разговор, он через несколько секунд сообщил:

– Адриан был мне другом.

– Докажи, – тут же потребовала девушка.

– Как?

– Я хочу отомстить.

– Малкавианы не знают убийцу, – поразмыслив, произнёс Носферату.

– Я знаю, – негромко проронила Шера. – Потому и уехала.

Не совсем так, но близко к истине, поэтому Адам не почувствовал лжи.

– Почему уехала? – спросил он. – Нужно было рассказать обо всём Малкавианам.

- Никто не отомстит за Адри так жестоко, как я.
- Мы просто *высушим* убийцу, – не стал спорить Адам.
- А я хочу, чтобы он мучился.
- Долго?
- Как можно дольше.

Снова возникла пауза.

Шера понимала, что Носферату оценивает риск, и не мешала, не подгоняла его, хотя больше всего на свете ей хотелось закричать: «Прими моё предложение, тварь!» Шера сидела спокойно, и лишь раздувающиеся крылья носа показывали, что девушка едва сдерживается.

Что же касается Адама, то, помолчав пару минут, он закрыл книгу и тихо спросил:

- Чего ты хочешь?
- Мне нужен артефакт... дорогой и довольно опасный артефакт, который мне никто не продаст.
- Какой?
- «Господин крови».

Адам вздрогнул. Шера чуть дёрнула плечом, показывая, что ничего другого ей не требуется.

Снова помолчали.

- Ты знаешь, как с ним обращаться? – выразил удивление Носферату.
- Адри рассказывал.
- Всё рассказывал? – с нажимом уточнил Адам, сделав упор на слове «всё».

– Да, – подтвердила девушка.

– И ты готова заплатить такую цену?

– Мой уровень – «чуть больше феи», – негромко, но очень твёрдо сказала Шера. – Я не могу составить «Заговор Слуа», и ни один торговец Тайного Города, даже контрабандист, не продаст мне артефакт с «заговором».

– Тогда с чего ты взяла, что я продам тебе «Господина крови»? – осведомился Адам.

- Мы хотим отомстить, – усмехнулась девушка. – Разве нет?
- Ты хочешь, – уточнил масан.
- А ты?
- Я сильно рискую, продавая тебе запрещённый артефакт.
- «Господин крови» не запрещён.

– Тебе нужно испрашивать разрешение на его использование. И мы оба знаем, что разрешение тебе не дадут. «Господин крови» не запрещён,

но это очень сильный артефакт.

Шера прищурилась. На лице Адама не дрогнул ни один мускул. Он давно перестал барабанить пальцами по столешнице и стал абсолютно недвижим. Подобно затаившейся змее.

– Чего ты хочешь? – прошептала девушка.

– Ты знаешь чего, – спокойно ответил вампир.

Он не сказал прямо, но было понятно без слов.

– Жажда близко? – скривилась Шера.

– Нет. – Тонкие губы Носферату разошлись в улыбке. – Просто ты мне нравишься.

У девушки задрожало веко.

– Адам, – чуть сбившись, произнесла она, – Адриан был твоим другом.

– Он – да, ты – нет, – ровно ответил вампир. – К тому же ключевое слово в твоей фразе – «был», прошедшее время, ведь Адриана больше нет.

– Но...

– Я всё сказал. – Носферату чуть повысил голос: – Вечером у меня будет «Господин», если он тебе нужен – приезжай. А когда будешь думать о цене, вспомни, что больше никто тебе его не продаст.

– Мерзавец, – прошипела девушка.

– Совсем нет, – пожал плечами Адам. Он совершенно не обиделся. – Мы оба знаем, что рано или поздно ты снова ляжешь с масаном, потому что никто другой не доставит тебе такого наслаждения. Ты будешь искать, но не сможешь найти. Ты будешь злиться и тосковать и обязательно ляжешь с масаном. Так будет. И я хочу, чтобы ты легла со мной. По старой памяти. И к взаимной выгоде.

– Мерзавец, – горько повторила девушка.

– До вечера.

* * *

*Зелёный Дом,
штаб-квартира Великого Дома Людь
Москва, Лосиный Остров,
30 июня, четверг, 15:25*

Штаб-квартира людов, единственная из всех Великих Домов, располагалась вдали от суеты московских улиц, на большой поляне в центре Лосиногостинского Острова. Она походила и на крепость, и на дворец одновременно: крепкие стены, сложенные из огромных брёвен, покоящихся

на массивном каменном основании, хранили прелестные ажурные постройки, тонущие в пышной зелени деревьев и кустов.

Зелёный Дом строился людьми для людоев, в точности соответствовал их мировоззрению и мировосприятию и потому вызывал тёплые чувства у каждого подданного короны. Дом казался людям не только крепостью и дворцом, но символом семьи, её частью, и они защищали его с той же яростью, что и себя самих.

И даже Сдемиру, в котором порывистый юношеский максимализм плотно смешался с цинизмом наивысшего качества, образ Зелёного Дома казался родным и уютным. И когда деревья расступились, открывая дворец во всей красе, на губах молодого людоеда заиграла сентиментальная улыбка. Которая исчезла, лишь когда барон остановился в воротах, поскольку улыбаться хмурым дружинникам из элитных Дочерей Журавля у Сдемира не было никакого желания.

Доказав стражникам, что он именно тот, за кого себя выдает и явился во дворец не просто по делам, а на встречу с Берегиней трона, молодой барон проехал на территорию, оставил машину на парковке и уверенно вошел в «королевское» крыло, правда, с чёрного хода.

Задержавшись на пару секунд у поста охраны, Сдемир быстрым шагом добрался до личного кабинета Берегини, постучал, тут же, не дожидаясь ответа, открыл дверь и улыбнулся:

– Всеведа...

– Ты, как всегда, вовремя, – кивнула сидящая за письменным столом Берегиня.

– Но я, как всегда, по делам, – притворно вздохнул молодой барон, располагаясь напротив хозяйки кабинета.

Всеведа, в недавнем прошлом высший офицер «секретного» полка, затем жрица, а теперь – Берегиня трона, была весьма пожилой, по меркам людоев, женщиной – разменявшей сотню лет, но при этом сумела сохранить былую красоту. Её спокойный, благородный образ привлекал растерянных людоев, а глубокий и глубоко прагматичный ум почти гарантировал победу на предстоящих выборах королевы.

В последнее время Великий Дом Людье переживал одно потрясение за другим: кровавое побоище, в которое превратилась свадьба королевы Всеславы, жестокая схватка за власть в высших сферах, гибель многих баронов и жриц, смерть королевы... Каждое происшествие по отдельности тянуло на «событие года», но они случились все и почти подряд, и неудивительно, что зелёные «поплыли». Великий Дом лихорадило, домены с трудом удерживались от междоусобицы, и Всеведа, которая стояла за

всеми потрясениями, теперь изо всех сил старалась успокоить подданных, чтобы мирно провести выборы и победить на них. Дел у Берегини было по горло, но она не собиралась ничего упускать и отыскала время для доклада Сдемира, которого назначила официальным представителем Зелёного Дома по вопросам проведения Конклава. Молодой барон должен был координировать работу с остальными Великими Домами, а в действительности – сделать так, чтобы Конклав прошёл в точном соответствии с планами Ярги.

– Какие новости?

Отрывистый вопрос показал, что Всеведа не намерена тратить на встречу много времени. Впрочем, Сдемир не горел желанием задерживаться в кабинете дольше необходимого, поэтому с удовольствием перешёл на сухой деловой тон:

– Вчера состоялось предварительное совещание, видеоконференция. Согласно принятой нами стратегии поведения, я выразил сдержанное недоумение самым фактом проведения Конклава, а после подтвердил это в коротком интервью «Тиградком». Теперь Тайный Город знает, что Зелёный Дом с самого начала был против этой авантюры.

– Хорошо, – улыбнулась Всеведа.

Она видела интервью и обратила внимание на то, как прекрасно держался барон перед камерой.

– В ответ Сантьяга уверил нас, что Конклав не станет угрозой для Тайного Города.

– Как настроен комиссар?

– Демонстрирует оптимизм.

– Демонстрирует или действительно рассчитывает на успех?

Вопрос был непростым и при этом – неожиданным, поскольку нелепо требовать от люда оценки замыслов высшего боевого мага Тёмного Двора. Но Всеведа потребовала, и Сдемир, поразмыслив, решил огрызнуться:

– Я не настолько хорошо знаю Сантьягу, чтобы делать такие выводы. – Он выразительно посмотрел на Берегиню. – И не уверен, что ты смогла бы.

– Я, возможно, смогла бы.

– С помощью колдовства?

– Разумеется.

В Зелёном Доме магические способности проявлялись только у женщин, что и определило их главенствующую роль в жизни семьи. Соответственно, представителем на подготовке Конклава должна была стать воевода дружины Дочерей Журавля, высший боевой маг Люди, но Ярга приказал доверить это дело Сдемиру, и теперь Всеведа с

удовольствием указывала молодому барону на его место.

– Что рыцари? – небрежно продолжила Берегиня после короткой паузы.

– Гуго де Лаэрт не в восторге от идеи Конклава, но доверяет Сантьяге и только поэтому не протестует против его проведения. Он не поддержал меня в сомнениях.

– То есть часть вины упадёт на рыжих?

– Обязательно.

– Хорошо.

– Согласен.

Всеведа кивнула, бросила быстрый взгляд на монитор – появилась отметка о приходе важного сообщения, – но резко обрывать разговор сочла неправильным и негромко заметила:

– Ярга всё прекрасно рассчитал.

– Заурд велик, – спокойно ответил Сдемир.

– Заурд велик, – подтвердила Берегиня.

– Кстати, где он? – легко поинтересовался барон.

– Ты разве не знаешь?

– До сих пор думал, что знаю, но последние события заставили меня насторожиться.

Потому что после громкого инцидента в Замке Ярга исчез и уже несколько дней не давал о себе знать. Помощники продолжали исполнять разработанные им планы, но все они – во всяком случае, все из высшего круга – нет-нет да задавали себе вопрос: что происходит? Жив ли Ярга? В плену он или на свободе? А если в плену, то было ли пленение частью плана?

Потому что если события в Замке пошли не по сценарию, то скоро помощники первого князя начнут терять головы.

Независимо от положения в своих Великих Домах.

– Вдруг он действительно у навов? – тихо спросил Сдемир.

– Значит, он туда хотел, – с уверенностью, которой на самом деле у неё не было, ответила Всеведа.

– Или это значит, что он не может оттуда выйти, – ещё тише произнёс барон.

– Хочешь его предать?

– Я не настолько глуп, – усмехнулся Сдемир. – Но если заурд в плену, то мы остались один на один с Сантьягой.

– Ты в себя не веришь?

– Одной лишь верой кормятся инквизиторы, а я даже не маг. – Он

помолчал. – Будет трудно.

И Всеведа вдруг подумала, что всё происходящее может оказаться прекрасно разыгранной провокацией и от того, как среагирует она сейчас, будет зависеть её будущее. Потому что Ярга без колебаний сносил нерадивые головы.

Независимо от положения их обладателей в Великих Домах.

– Не волнуйся – план безупречен, – ровно произнесла Всеведа. – При должной удаче масаны ликвидируют Сантьягу... а если нет – они как следует раскачают Тайный Город... Мы в любом случае в выигрыше.

– Кого ты указала им в качестве цели? – неожиданно спросил Сдемир, глядя Берегине в глаза.

– Только жрицу Снежану, – твёрдо ответила Всеведа. – Только она сможет составить мне конкуренцию на выборах королевы.

А смерть от руки вампиров никто не свяжет с происками Берегини...

Но в действительности барона интересовало другое:

– Ты ведь понимаешь, что я буду настороже и обязательно отобьюсь от масанов? – осведомился он, нехорошо улыбаясь.

– Как ты мог подумать, что я захочу твоей смерти?

– Слишком давно тебя знаю.

– Я не могу остаться без союзного барона.

– Твой единственный союзник – твой подлый, но гениальный ум.

– Ты мне ещё нужен, Сдемир, ещё нужен...

– И тем не менее я буду настороже.

– Так и развивается паранойя, – рассмеялась Всеведа, откидываясь на спинку кресла. – Увидимся, Сдемир.

Барон встал и отвесил Берегине лёгкий поклон.

* * *

**Южный Форт,
штаб-квартира семьи Красные Шапки
Москва, Бутово,
30 июня, четверг, 18:53**

Если разобраться, Красные Шапки обладали всеми признаками полноценной семьи Тайного Города: у дикарей была штаб-квартира – Южный Форт, герб – чертополох, гимн, правда неофициальный, но очень любимый, общая казна, до которой все мечтали добраться, государственная виселица во дворе – у мусорной кучи, чуть левее портрета, и единогласно

избранный пожизненный лидер семьи – великий фюрер Кувалда Шибзич, склеивший семью чугунной скрепой.

А великий фюрер любил проводить совещания, призванные определить пути развития великой семьи в будущем и решать накопившиеся вопросы в настоящем. Совещания делились на плановые, которые Кувалда назначал, когда был в настроении, и внеплановые – по наиболее острым, внезапно назревшим вопросам.

И нынешняя встреча была плановой. Находящихся в Форте уйбуев без лишних слов согнали в башню, разоружили – так стало принято после нескольких инцидентов, имевших место на заре правления Кувалды, – и рассадили за грязным «совещательным» столом. Как бывало обычно, не любящие друг друга уйбуи попытались затеять драку, но предусмотрительный одноглазый не забыл об угощении – пять бутылок виски, – и нарушения регламента не случилось.

Высокопоставленные дикари сделали по глотку животворящего напитка, слегка расслабились, но великого фюрера встретили без привычной льстивой угодливости, а несколько насторожённо, на что Кувалда не обратил внимания.

Одноглазый появился из потайной двери, плюхнулся в великофюрерское кресло, которое лизоблюды величали «троном», и внимательно оглядел сородичей. Те постарались сделать ответные взгляды максимально глупыми, но хитрость не удалась – Кувалда прекрасно знал, где зреет напряжение.

В настоящее время основное противостояние шло между родным кланом одноглазого – Шибзичами, которых вёл верный Копыто, и наглыми, да к тому же многочисленными Гниличами, среди которых образовался авторитетный уйбуй Абажур. Сейчас противоборствующие группировки сидели по разные стороны стола – Шибзичи справа, Гниличы слева – и обменивались недружелюбными взглядами. А в дальнем конце притулилась орава Дуричей – в ходе предыдущих разборок они потеряли своего неформального лидера и теперь представляли собой унылое болото, пытающееся растечься во все стороны разом. В настоящий политический момент Дуричи великого фюрера не беспокоили.

Впрочем, сейчас его и Шибзичи с Гниличами не особенно интересовали, поскольку, по его оценке, до перестрелок и рукопашных у мусорной кучи было ещё далеко. Не меньше недели. Другими словами, семья располагала временем, необходимым для решения неотложных экономических вопросов.

– Что у нас произошло, прифурки? – поинтересовался Кувалда,

разглядывая подданных без одобрения.

Подданные переглянулись и уточнили:

– У нас?

Уточнили сразу с нескольких мест, и прозвучавшие вопросы слились в один.

– Фа, – ответил великий фюрер.

– У нас нормально, – осклабился Абажур, глядя левым глазом в сейф с семейной казной, а правым – в окно.

– Как ты того требуешь, так и происходит, – добавил Копыто.

– Живём и грабим! – сообщил кто-то из Дуричей. – Грабим и живём.

– Ворует, – пропищал кто-то умный.

Фантазировать на тему своего бытия Шапки могли долго, поэтому Кувалда стукнул по столу кулаком и рявкнул:

– У нас, ифиоты, произошла смена власти!

И рявкнул напрасно.

Совещание молниеносно притихло, сумрачно разглядывая одноглазого, после чего кто-то из Гниличей едва слышно пролепетал:

– Я же говорил, что он ненастоящий.

За столом засопели. В воздухе ощутимо запахло волнением и, возможно, бунтом с элементами революции, но, озабоченный отсутствием денег, Кувалда особенно не принимался.

– Двойника прислали, – прошелестело по кабинету.

– Или голема.

– Големы не пьют, а у этого перегар...

– Почему это големы не пьют?

– А зачем добро переводить?

– Тоже верно...

– Этот вроде на Кастрюлю Шибзича похож, только если глаз вырвать.

– Кастрюлю убили месяц назад.

– Или специально спрятали заранее, чтобы мы не увидели, как ему глаз вырвали.

– Надо бы проверить...

– А как?

– Черепушку вскрыть и посмотреть, что внутри. Если Кастрюля, то сразу поймём.

– А если не поймём?

– Тогда эрлийцам покажем.

– А это мысль... – протянул Абажур, представляя, как привозит вскрытого фюрера в Московскую обитель, а эрлийцы говорят: «Да, это он,

хороните...»

Но сладкие мечты разбились уже в следующую секунду.

– Чего разорались? – недовольно поинтересовался Кувалда, для которого шёпот подданных сливался в один шелестящий гул. – Фавно никто не вешался?

Однако обещание репрессий не произвело привычного впечатления. Уйбуи, правда, замолчали, но ничего не ответили и напряжённо уставились на великого фюрера, выискивая на его лице признаки смертельного заболевания.

А над столом вновь полетел крамольный шёпот:

– Ругается, как настоящий.

– Вид делает.

– Может, он ещё не умер?

– А зачем тогда признался, что умер?

– Проверяет благонадёжность.

– Какую?

– Благонадёжность...

– Лучше выпей.

Уйбуи выпили, но ясности в происходящем не прибавилось.

– Вы о чём там бормочете, фауны?! – рявкнул Кувалда, который никак не мог взять в толк, что именно идёт не так.

– Раньше ты нас так не ругал, – заметил кто-то из Дуричей.

– Раньше я вас ещё сильнее ругал.

– Ты обругай нас, как раньше, а мы послушаем.

Дикари замерли, ожидая потока оскорблений, но одноглазый вдруг сообразил, что с начала совещания прошло уже двадцать минут, а к делу они так и не приступили, и громко объявил:

– Я вас собрал, фебилы, потому что в Зелёном Фоме сменилась власть. У нас новая королева.

– У людов королева, – уточнил Абажур, наблюдая за ползущими по потолку тараканами, и несколько Гниличей захихикали.

Но Кувалда не позволил вновь сбить себя с толку.

– Мы все – офин большой Зелёный Фом, – назидательно произнёс он, с подозрением разглядывая подданных. – И когда меняется королева у люфов, то же самое происходит и у нас...

– Ты уходишь? – изумился Копыто.

– Сам признался! – выкрикнул кто-то из Дуричей.

И только умный Абажур прищурился, не торопясь реагировать на странное заявление великого фюрера.

– А что происходит, когфа меняется королева? – поинтересовался одноглазый, пропустив вопросы мимо ушей.

– Начинаются репрессии, – радостно сообщил Копыто, одновременно бросив выразительный взгляд на авторитетного уйбуя Гниличей.

– Когфа меняется королева, всем очень нужны феньги, – объяснил Кувалда. – А за феньгами люфы прифут к нам.

– Зачем? – не понял Утюг.

– За феньгами.

– Зачем к нам?

– Всегфа прихофили и сейчас прифут.

Это заявление никто оспаривать не стал.

– С деньгами плохо, – сообщил Копыто. Затем потянулся за бутылкой «совещательного» виски, увидел, что она пуста, и горько выругался.

Абазур, который и выпил последнюю дозу в тот самый миг, когда Копыто мечтал о репрессиях, счастливо улыбнулся и скатил глаза к переносице.

– Короче, мы фолжны решить, гфе взять фенег, чтобы уфовлестворить жафных люфов, – закончил одноглазый.

Свалившееся как снег на голову несчастье заставило дикарей отвлечься от выяснения личности великого фюрера и сосредоточиться на той проблеме, за игнорирование которой могли повесить. Краткий мозговой штурм принёс ожидаемый результат:

– Пусть новая королева квоты на грабежи увеличит! – предложил Абазур.

– Точно! – поддержали его верные Гниличи.

– Это справедливо!

– И законно.

Дикарям показалось, что они нашли идеальный выход из положения, но Кувалда знал, как к подобному предложению отнесутся в Зелёном Доме, и покачал головой:

– Чаще, чем сейчас, грабить не разрешат.

– Тогда откуда деньгам взяться?

– Вот я и говорю: фумайте.

– Раньше он нас к этому не призывал, – пробормотал Абазур.

Его приятели согласно закивали.

– Раньше он совсем другим был.

– Таким же был: деньги требовал и ругался, – пожал плечами Утюг.

– Совсем Кувалда после смерти не изменился...

– Может, ещё изменится?

– О чём вы там бормочете? – осведомился одноглазый, недовольный тем, что Гниличи вновь принялись шушукаться.

– Думаем, где деньги взять, Твоё великофюрерское превосходительство, – верноподданно, как ему казалось, ответил Абажур, одновременно разглядывая мудрый лоб мудрого руководителя и пряжку на его ремне.

– Фумайте тише, вы фругим мешаете.

– Как можем, так и думаем.

– Не спорь, он ведь умирает, – прошептал Абажуру Утюг.

– И хорошо, – отмахнулся авторитетный Гнилич.

– Я слышал, перед смертью разные человеческие диктаторы приказывали казнить своих верных подданных, – опасливо сообщил Утюг. – Чтобы, значит, дольше не выжили, чем вождь и благодетель.

Гниличи в ужасе умолкли.

– Погубит он нас! – прошептал кто-то, обдумывая вариант побега.

– Пропали...

– Не такие уж мы и верные, – протянул Абажур.

– За это диктаторы в первую голову казнят!

– Больным повод не нужен.

– Я велел фумать тише! – прикрикнул Кувалда, прикидывая, не выставить ли тормозящим уйбуям ещё несколько бутылок.

– Прости, Твоё великофюрерство! – отозвался Абажур, после чего повернулся к Гниличам и шёпотом произнёс: – Дело ясное: Кувалда ещё прежний, но уже не жилец. Поддыхает, это всем видно. И пока он совсем не озверел, надо что-то делать.

Уйбуи закивали.

* * *

**Цитадель,
штаб-квартира Великого Дома Навь
Москва, Ленинградский проспект,
30 июня, четверг, 20:01**

– Минимализм, – повторил Сантьяга, внимательно наблюдая за реакцией Захара Трети. – Элегантно и без пафоса. Что скажете?

– Получилось весьма... скромно, – выдавил из себя масан. – Не похоже на вас.

– Спасибо, Захар, – кивнул комиссар. – Я изо всех сил старался сделать

кабинет максимально простым и неброским, и мне, кажется, удалось. – Нав с удовольствием оглядел новую обстановку и негромко добавил: – Правда, получилось дороговато.

– Насколько? – из вежливости поинтересовался Треми.

– Князь сказал, что мы могли бы выиграть две небольшие войны.

– Но ведь оно того стоило?

– Безусловно.

Занявшись переустройством рабочего места, Сантьяга распорядился вынести всю мебель и заменить её специально сконструированным креслом, идеально подогнанным под его высокую фигуру. Рабочий стол, если в нём появлялась необходимость, поднимался из пола, и там же прятались стулья и кресла для гостей, так что, кроме кресла, постоянной мебелью кабинета были лишь две скромные книжные полки у входной двери. Зато одна из стен стала гигантским монитором, управление которым осуществлялось жестами правой руки комиссара, следующая превратилась в панорамное окно, а третья – панорамным окном туда, куда Сантьяга хотел сейчас смотреть: комиссар выбирал город, ракурс, запускал нужный артефакт и во всё окно распахивался портал, в который при желании можно было шагнуть.

Собственно, эти траты и превращали «простую, практически спартанскую обстановку» в золотую, но комиссар категорически отказывался обходиться заменителями вроде электронных картин.

– Мне нравится запах моря, – сообщил он, приоткрывая створку так, чтобы в кабинет залетал солёный ветер. Сейчас за окном расстился Индийский океан, волны которого мягко шелестели, набегая на один из Сейшельских островов. – Сегодня он как раз под настроение.

– Вам хочется путешествовать? – выдавил из себя масан.

– Захар, когда мне хочется путешествовать – я путешествую, – улыбнулся Сантьяга. – А сейчас мне просто приятен запах моря.

– Он всегда приятен, – отозвался Треми, держась так, чтобы не оказаться под перекрёстными солнечными лучами из окон.

– Согласен, – кивнул нав. – Как запах горных трав, холодная свежесть ледника или мёд цветущего луга... Земля восхитительна во всех проявлениях, но мысли о прекрасных уголках не должны отвлекать нас от дел.

Комиссар поднял брови, и Захар подобрался.

В клане Треми он был епископом, то есть вторым иерархом после кардинала, но это не самое высокое положение ничего не значило: все знали, что Захар Треми является одним из самых доверенных помощников

комиссара и совершенно точно – самым доверенным из ночных охотников. Фактически Захар был неофициальным представителем семьи Масан при Тёмном Дворе и обладал высочайшим авторитетом среди соплеменников. Среди тех, кто искренне принял Догмы покорности и хотел жить по установленным Навью правилам.

А вот непримиримые ненавидели епископа Трети так же сильно, как Сантьягу.

– Всё развивается по плану, – сообщил Захар, имея в виду Конклав: он был главным организатором предстоящей встречи. – Сегодня утром я говорил с кардиналами – они подтвердили участие. Ни один не отказался.

– Кардиналы непримиримых ведут себя на удивление покладисто, – обронил нав.

– Согласен.

– На удивление, – повторил комиссар.

– Мы ведь ждём провокаций, – улыбнулся Захар.

– Несколько мелких или одну большую?

– Пока, увы, не ясно.

Сантьяга и Трети затеяли рискованную и очень опасную игру, но до сих пор не могли ответить на главный вопрос: как именно ударят вампиры? Если непримиримые ограничатся серией мелких атак, тщательно разработанный план полетит к чёрту.

– Мы отслеживаем положение в крупнейших городах и можем с уверенностью сказать, что уровень активности ночных охотников не снижается.

То есть вампиры убивают чело́в с обычной интенсивностью, а это косвенно свидетельствует о том, что все масаны на месте. Или почти все. Или же оставшимся разрешили не стесняться...

Точная численность ночных охотников всегда трудно поддавалась определению, и при её вычислении Великим Домам приходилось действовать на глазок. Но сейчас ни Сантьягу, ни Захара точные данные не интересовали, им нужно было понять: готовится провокация или вторжение. Но понять не получалось.

– Епископы основных непримиримых кланов находятся в своих городах, – добавил Трети. – Что опять же косвенно свидетельствует о пребывании там и основных сил.

– Порталами основные силы можно перебросить за пару часов.

– Согласен. – Захар помолчал. – До Конклава ещё есть время, будем следить...

– Ничего другого не остаётся, – согласился Сантьяга.

– И лично для меня непонятным остается один вопрос...

– Да?

– Почему зелёные прислали на совещание Сдемира? Я ожидал увидеть воеводу Дочерей.

– Судя по всему, Ярга больше доверяет Сдемиру, – неспешно ответил комиссар. – И дает понять Всеведе, что барон должен стать вторым иерархом Зелёного Дома.

– Всеведа это не понравится.

– Скоро Всеведа поймёт, что Ярга сможет управлять Зелёным Домом, только устранив самых сильных ведьм. Он будет вымывать фат уровня «жрица» и «возможно, жрица», а когда их не останется – заглушит Колодец Дождей.

– Зачем?! – изумился Трени.

– Затем, что в империи не может быть трёх центров силы, – спокойно объяснил нав. – Процесс растянется на много лет, однако Всеведа умна и скоро обязательно поймёт, куда всё движется.

– Или вы ей подскажите...

– Или так, – не стал спорить тёмный. – Всеведа в тяжёлом положении: ведь Сдемир считает, что Далину убили по её приказу, и ждёт случая отомстить. А став королем, барон получит огромное поле для манёвров...

Сантьяга на несколько мгновений задумался, а затем, словно вспомнив о чём-то, улыбнулся:

– Нас ждут интригующие шахматные партии, Захар.

– Не сомневаюсь.

– Вы хотели ещё о чем-то поговорить?

Епископ заслуженно считал себя и умным, и хитрым, но умение комиссара «читать» собеседников приводило его в изумление. Иногда Трени казалось, что Сантьяга – телепат, но тщательно это скрывает.

– Не спросить, скорее обсудить... очень странное происшествие.

– Я не часто слышу определение «странный» из ваших уст, Захар.

– Но сейчас именно такой случай, – вздохнул тот. – Несколько дней назад в Северном Тушине убили масана.

– Убил маг?

– В том-то и дело, что нет... Сейчас... – Было видно, что епископ сам озадачен событиями и с трудом подбирает слова. – Судя по всему, Адриан Малкавиан решил похулиганить и немного освежиться человеческой кровью. Он отправился в парк и напал на припозднившегося чела...

Такое случилось: по глупости, из бахвальства или не в силах противостоять надвигающейся *жажде* масаны забывали о жесточайшем

требовании не охотиться в пределах Тайного Города и *высушивали* чел. Иногда это сходило им с рук, но если о преступлении узнавали навь, виновника «купали в лучах славы»: связывали и оставляли ждать рассвета.

В данном случае преступник уже был мёртв, но Трети почему-то не утаил историю от Сантьяги.

– Адриан определил чела заурядным, напал, вонзил *иглы*, начал *высушивать* и... умер.

– От сердечного приступа?

– Понимаю ваш сарказм, комиссар, – вздохнул епископ. – Чел сбежал, Малкавиан остался в парке. К счастью или несчастью, его обнаружили до рассвета и доставили тело в клан. Малкавианы решили, что речь идёт о преднамеренном убийстве, и потребовали права на месть. Но я уговорил их не торопиться с выводами и отвезти тело эрлийцам...

– Даже так? – поднял брови Сантьяга.

Он уже догадался, что дело гораздо серьёзнее, чем кажется на первый взгляд.

– Эрлийцы подтвердили мои подозрения: Адриан был отравлен, – твёрдо произнёс Трети.

– Каким образом?

– Кровь чела стала для Малкавиана ядом... То есть она яд для всех масанов.

– Та-ак, – протянул Сантьяга, стряхивая пушинку с костюма.

– Я знал, что вам понравится, – улыбнулся Захар.

– Любопытно.

До сих пор вампиры умирали, лишь попробовав навской крови. Собственно, именно поэтому семью Масан сделали вассалами Тёмного Двора: только навов ночные охотники не презирали, а боялись, только глядя на навов, они видели не *пищу*, а убийц. Своих убийц.

Теперь же на сцене появился новый игрок.

– Уникум? – поинтересовался Сантьяга.

– Да, – подтвердил епископ. – Эрлийцы сказали, что такое сочетание невероятно редкое и должны были совпасть миллионы разных факторов... но они совпали. И теперь у парня такая же токсичная для нас кровь, как навская.

– Малкавианы знают?

– Нет.

– Спасибо.

Подобная новость могла всколыхнуть не только полусумасшедший клан, но всех вампиров Тайного Города, и комиссар был искренне

признателен Треми за мудрое решение.

– Я ведь всё понимаю, – вздохнул епископ.

– Что вы им сказали?

– Сердечный приступ.

– Они поверили?

– Говорил не я, а эрлийцы. Эрлийцам верят.

– На вас можно положиться, Захар.

– Спасибо, комиссар.

– Вы уже нашли того чела?

– Провели поиск по крови, которую сняли с *игл* Адриана, – помедлив, ответил Треми. – Его зовут Антон Буторин, заурядный чел, ничего не знающий о Тайном Городе.

– Он жив?

– Иначе бы я вам не рассказал об этой истории, – спокойно ответил Захар. – Но...

– Я понимаю, чего вы хотите, – кивнул Сантьяга. – И благодарен за решение не торопиться. Я с удовольствием использую фактор Буторина в нашей нынешней игре.

– Каким образом?

– Пока не знаю.

– Есть небольшая проблема, – продолжил Треми. – *Корова* Адриана Малкавиана тоже отыскала Буторина.

– Захар, пожалуйста, вы ведь знаете, что мне претит использование подобных терминов, – поморщился нав.

– Я назвал её так, как девчонка заслуживает, – пожал плечами масан.

– Захар?

– Извините. – Епископ улыбнулся: – Её зовут Шера.

– Она знает об истинной причине смерти Малкавиана?

– Не уверен, – покачал головой епископ. – Но она обвиняет Антона в смерти Адриана и хочет отомстить.

– Она рассказала о случившемся Малкавианам?

– Нет.

– Проследите, чтобы девушка нам не помешала.

– Убрать её?

– Не надо, – подумав, ответил Сантьяга. – Девушка Шера пока не заслужила смерти, Захар. Сделаем так: пусть она резвится, а вы приставьте к Антону наблюдателя – чтобы девушка Шера не увлеклась и не убила нашего чела.

коммерческое здание

Москва, Расторгуевский переулок,

30 июня, четверг, 20:03

Грязь.

Жуткая, вонючая, липкая, вызывающая отвращение и тошноту грязь.

Выйдя на улицу, Шера медленно, поскольку глаза застилали слёзы, дошла до мотоцикла, уселась в седло, но заводить двигатель не стала – шумно, со стоном, выдохнула и до крови закусила губу.

Чтобы не разрыдаться.

Шера чувствовала себя униженной. Её передергивало при воспоминании о руках Адама, о запахе из тонкогубого рта и усмешке, которую можно было принять за гримасу. Она гладила его противную лысую голову, целовала тонкогубый рот и тёрлась о его шершавую, болезненную кожу. Она целовала его везде, где он приказывал. Она сделала всё, что он захотел... что он потребовал. Её тошнило от одной мысли о прикосновениях Носферату, но она приехала и позволила ему прикоснуться. Потому что знала – никто другой ей не поможет.

Приехала и спустилась в подвал.

Адам сдержал слово – то ли сам сделал, то ли где-то достал «Господина крови», и первое, что увидела девушка, оказавшись в гостиной, был он – вожделенный артефакт, лежащий на столе в ожидании работы. С виду – заурядная боевая перчатка, выполненная из тончайших пластин блестящего металла. Она могла обмануть кого угодно, но Шера знала, что многие артефакты вампиров, независимо от предназначения, изготавливались именно в виде перчатки – в этом был смысл.

– Я сделал, как обещал, – усмехнулся Адам, заметив жадный взгляд девушки.

– Как я узнаю, что это именно «Господин крови»? – хрипло спросила она.

– Моё слово.

– Я могу тебе верить? – Девушка холодно посмотрела в красные глаза масана.

Ответный взгляд Носферату показался маслянистым.

– Я нацелен на долгую связь, – ответил Адам.

– Не верю, что ты это говоришь, – прошептала Шера в последней попытке убедить вампира отказаться от задуманного.

Девушка хотела вновь напомнить о дружбе, об уважении, которое Адриан испытывал к Носферату, об их встречах... но Адам не позволил, мягко перебив Шеру:

– Потому что ты напряжена и зла.

И его мягкий голос подействовал почти гипнотически. Девушка проглотила всё, что хотела сказать, но всё-таки огрызнулась:

– Имею право.

– Это эмоции, – покачал головой Носферату. – Ты слишком возбуждена, Шера, ты потеряла очень важную часть своей жизни – любовь – и боишься, что больше такое не повторится. Ты в ужасе от того, что ожидает тебя впереди...

– Такая любовь не повторится. – Вспомнив Адриана, девушка едва не заплакала.

– Повторится, – уверенно пообещал Адам.

– Нет...

– Подойди ко мне.

Она знала, что это требование обязательно прозвучит, и была к нему готова. Не вздрогнула, не вздохнула – просто подошла, остановившись в шаге от сидящего на столе Адама.

– Разденься.

Шера рывком скинула куртку, но вампир остановил её:

– Медленно.

– А если я хочу всё сделать быстро?

– У нас есть время. – Он помолчал. – До полуночи сюда никто не явится.

«Ещё не хватало, чтобы здесь оказались свидетели!»

– Мы договаривались на один раз, – напомнила Шера. – Остальное отдам деньгами.

– Да, – кивнул Носферату. – Раздевайся.

Теперь она действовала медленно, как приказано. Плавно задрала футболку, подразнив Адама небольшими, но крепкими полушариями груди, повернулась спиной, крутанулась, машинально вспомнив, что это движение очень нравилось Малкавиану.

«Прости, Адри...»

Не оборачиваясь, расстегнула и чуть приспустила джинсы. Носферату всхрипнул. Шера выгнулась, продолжая дразнить голодного вампира.

– Тебе нравится?

И снова всхрип – короткий.

Девушка сбросила сапоги, развернулась и вдруг увидела Адама –

совсем рядом, в нескольких дюймах, оскалившегося, сорвавшегося от вожделения, мечтающего взять её, и Шеру захлестнула волна омерзения:

«Нет!»

Но поздно.

Носферату подхватил девушку на руки, сжал крепко, до сладкой ломоты, отнёс на стол и очень быстро избавил от одежды, сорвав и расшвыряв по комнате футболку, джинсы и трусики.

«Нет, пожалуйста, нет!»

Но знакомый холод манил сильнее, чем жаркий огонёк свечи влечёт мотылька. Холод тела, сила тела, ощущение хищника, страх и наслаждение – жуткой сладости коктейль наполнил Шеру до краёв.

«Это чужой холод, – шептала она, прижимаясь к Адаму. – Это чужие руки, мерзкие руки, неприятные...»

Но постепенно, по мере того как Носферату ускорял движения, Шера перестала вспоминать о Малкавиане. Мысли ушли. Грубые доски стола перестали тереть спину. Эмоции туманили сильнее наркотика, и вот она сама прижимается к Адаму, всё теснее и теснее, вот она помогает ему, лаская лысую голову с невиданной страстью, мечтая о мгновении, когда *иглы* вонзятся в шею...

– Бери меня...

А он терпел, доводя девушку до пика блаженства, но не позволяя улететь выше. Он терпеливо, не теряя самообладания, ждал нужного момента, и усмешка, которую она не видела, становилась всё холоднее.

И неприятнее.

Адам не умел делать *коров*, но умел с ними обращаться.

А Шеру захватила страсть. Она извивалась под напором вампира, царапалась, кусалась, покрывала холодное тело Носферату горячими поцелуями, стонала, снова кусалась, по-звериному показывая, чего ждёт, и в конце концов закричала:

– Укуси! Возьми меня! Возьми!

И подставила шею, в которую почти сразу вонзились *иглы*. Не так мягко и нежно, как это обычно делал Адриан, но сейчас Шере требовалась именно резкость: она взывала. И тряслась от наслаждения всё то время, пока Адам выцеживал из неё кровь.

Потом они сидели обнявшись: он на стуле, Шера – у него на коленях, не имея ни сил, ни желания двигаться. Минут через десять Носферату осторожно поднялся, вновь положил девушку на стол, но не на спину, а на бок. Повернув к себе спиной, взял ватный кружок, смочил его в заранее разведённом растворе, прошептал короткое заклинание, задрал её волосы и

осторожно стёр с тонкой шеи вытатуированную подпись Адриана Малкавиана. Дождался, когда кожа высохнет, молча поглаживая девушку по бедрам, взял машинку и аккуратно, но быстро начертал на том же месте своё имя, показывая, что отныне Шера является его собственностью.

Она не сопротивлялась.

И не плакала.

Просто лежала на столе, невидяще глядя в стену, а когда Адам закончил, поднялась, оделась, взяла артефакт и направилась к выходу. У дверей задержалась, постояла, словно обдумывая что-то, а затем бросила через плечо:

– Я позвоню.

Он молча улыбнулся и раскрыл книгу.

* * *

***Южный Форт,
штаб-квартира семьи Красные Шапки
Москва, Бутово,
30 июня, четверг, 20:05***

Привычно разогнав уйбуров обещанием массовых казней, Кувалда некоторое время бесцельно бродил по кабинету, пиная разбросанные подданными стулья, затем устался на преданного Копыто, пытающегося вытряхнуть из пустой бутылки хотя бы пару капель виски, и угрюмо сообщил:

– Чую измену.

– Чего?

– Измену.

– Это я понял, – кивнул верный уйбур, раздумывая, не разрубить ли ятаганом бутылку, дабы облизать внутренности. – А от кого пахнет изменой? – И шумно втянул носом тяжёлый воздух кабинета. – Я ничего такого пока не замечал.

– Измена есть всегда, – убеждённо выдал Кувалда.

С чем Копыто оказался абсолютно согласен.

– Что верно, то верно, – поддакнул он, отказавшись от заманчивой идеи, и швырнул пустую бутылку в угол. – Но измена бывает не у всех. Измена – она как сифилис: появляется в результате отношений, а лечить надо решительно.

Одноглазый несколько секунд внимательно рассматривал неожиданно

высказавшегося уйбуя, вздохнул и решил не усложнять разговор выяснением необязательных подробностей. Вместо этого поинтересовался:

– Ты когфа за столом сифел, слышал, о чём Гниличи фумали?

– Некоторые слова, – беззаботно ответил Копыто. – Те, которые они совсем громко думали, можно даже сказать – орали.

– Фумали слишком громко и смотрели на меня без уважения, – перешел к обвинениям великий фюрер.

– Да, и без него тоже.

– Разве это не измена?

– Где?

«Надо было выставить больше виски», – подумал Кувалда, после чего достал из ящика стола початую бутылку и щедро налил уйбую.

– Выпей.

– Охотно! – Копыто поднёс ко рту стакан, верноподданно выдал: – Твоё великофюрерское здоровье! – Залпом выпил и негромко закончил: – Тебе оно понадобится.

– Это ещё почему? – удивился неожиданному обороту одноглазый.

– Потому что ты больной, – ответил уйбуй, поглядывая на бутылку.

– Какой больной?

– Ну, какой, не знаю, но понятно, что скоро умрёшь, потому что ты это... как его... токсичный.

Несколько секунд Кувалда напряжённо тёр красную бандану, не веря, что разговор ему не снится, после чего взревел:

– Это я тебя сейчас токсичным сделаю! Тебя! Кто обо мне слухи распускает?!

– Ты что, видосики про себя не смотрел? – растерялся Копыто.

– Какие вифосики? – растерялся Кувалда.

Вместо ответа уйбуй достал из кармана смартфон и занялся поиском нужного файла.

– Та-ак, где же он? Я ведь вроде скачал... – И, опомнившись, добавил: – Знал, что ты спросишь, Твоё высокопревосходительство великофюрерское, вот и скачал, чтобы доложить... в смысле – донести.

– Заткнись и ищи! – велел одноглазый, вновь наполняя стаканы.

Рука слегка дрожала – великий фюрер уже понял, что судьба-злодейка подбросила ему новое испытание.

– Ага! – Уйбуй так увлёкся поисками, что не обратил внимания на выпивку. – Нашёл!

И сунул смартфон Кувалде.

Тот сначала прищурился, а затем побагровел.

Тем не менее скандальное видео великий фюрер просмотрел трижды и в гробовом молчании, даже не засопел, что стало для Копыто неприятным сюрпризом: уйбуй не ожидал, что одноглазый так разозлится. Закончив изучение «видосика», Кувалда даже смартфон не разбил – отдал хозяину и молча выпил.

Уйбуй, естественно, поддержал компанию, а поставив стакан на стол, осторожно поинтересовался:

– Так ты не знал, что в кино снимаешься?

Ответил Кувалда таким взглядом, что, будь у него два глаза, наверняка пробуравил бы и Копыто, и кирпичную стену за его спиной. Верный уйбуй уловил, что дальнейшие расспросы, скорее всего, закончатся повешением, но осторожно уточнил:

– Ты правда здоровый?

– Правфа, – ответил великий фюрер, с трудом удержавшись от желания врезать верному, но безмозглому уйбую по верной, но безмозглой голове.

«Какой смысл бить Копыто по голове, если в ней нет мозгов? Только руку отшибёшь...»

– Откуда тогда видосик взялся? – начал расследование уйбуй.

Вопрос показался одноглазому дерзким, но через мгновение он понял, что болтливый помощник обязательно разнесёт информацию по Форту, и сдержал гнев.

– Я у того эрлийца грыжу лечил, которая выскочила. Он мне порошок насыпал, чтобы её убрать, а я порошок вискарём запил.

– А чем же ещё?

– Во-во, и я так пофумал: чем ещё? А оказалось, вискарём тот порошок нельзя было запивать, – на ходу придумал Кувалда, ловко путая правду и ложь. – Вот меня и развезло.

– У меня тоже такое было, – подтвердил Копыто, припоминая подходящий случай. В бутылке ещё оставался виски, и, прежде чем предложить следующий тост, уйбуй решил предаться воспоминаниям: – Лечил я, значит, триппер – подхватил от какой-то мундепши...

– От чего пофхватил?

– Да всё в порядке, – успокоил вождя уйбуй. – Девкой она была, только дурой...

– О февках, тем более фурных, после перетрём, – строго произнёс Кувалда. – Скажи лучше, кто вифосик по Форту пустил?

– Не знаю. Это же Интернет – как выяснишь?

Выяснять через Интернет Шапки не умели, но и оставлять такое

преступление безнаказанным великий фюрер не хотел.

– Узнай как-нибуфь!

– И что?

– Что?

– Даже если узнаю, то что дальше? – с неожиданной серьёзностью спросил Копыто. – Вот, допустим, ты ему бошку спилишь...

– Не спилю, а повешу, – зло перебил его одноглазый.

– Во-во...

– Чтобы не распространял!

– И тогда все скажут, что ты правда крепко болеешь и репресслируешь перед могилой, – закончил уйбуй. – Об этом сегодня тоже думали, на примере чловеских диктаторов.

– Фля чего репресслирую, если я помираю? – не понял Кувалда.

– От зависти, – объяснил Копыто. – Мол, сам помираешь, вот и завидуешь тем, кто нет.

– Что – нет?

– Ничего нет.

– В смысле, жить буфут?

– В смысле, жить стали бы, если бы ты им бошки не повесил.

– За бошки не повесил, – поправил уйбуя фюрер.

– Вот и не вешай.

– «Не вешай»... – Кувалда взялся за бутылку, но, к разочарованию Копыто, наливать не стал: некоторое время изучал этикетку, словно пытаюсь узнать из неё что-то важное, после чего с грустью спросил: – А как я фокажу, что зфоров? Если справку от эрлийцев принесу?

– Можно и справку. А вообще... – Выпито было достаточно, мозги прояснились, и Копыто на правах старого друга решил поучить великого фюрера уму-разуму: – Ты, Кувалда, когда в «Средстве» последний раз был? Когда со своими пацанами за одним столом сидел? Когда ты народ видел, а народ видел тебя? Ты, брат-фюрер, всей семьёй занимаешься, за что тебя любят, но отделился ты от нас, отделился, вот и начинаются с тобой всякие стагнации и прочие смертоносные заболевания.

– Не ругайся, – попросил одноглазый, понимая, что в чём-то Копыто прав.

– Ты сколько на посту, брат-фюрер? – горячо продолжил уйбуй и сам себе ответил: – Сколько лет ты за нас отдуваешься: от королевы по башке получаешь, казну бережёшь, войны выигрываешь, квоты на грабежи выбиваешь...

– Ты это к чему? – насторожился Кувалда.

– К тому, брат-фюрер, что дети при тебе родились, выросли и начали виски пить, а ты всё великий фюрер...

– Не нравится?

– Мне – очень нравится, – не сбившись, то есть искренне, ответил Копыто. – Но быдло, народ то есть, хочет новизны. А тут такая тема: ты умираешь...

– Я зфоров!

– Я ведь не от себя говорю, брат-фюрер, а как бы от народа, – торопливо уточнил уйбуй, вспомнив о государственной виселице. – Я рассказываю, как народ видит: ты, стало быть, умираешь, и дети будут пить виски при другом великом фюрере. Всё честно, и жизнь продолжается.

– Как это жизнь профолжается, если я умираю?

– А ты собрался жить вечно? – с искренним изум-лением поинтересовался Копыто.

В ответ Кувалда вздохнул. Жить вечно он, естественно, не собирался, но умирать в ближайшем будущем и только для того, чтобы выросшие дети пили виски при другом великом фюрере, лидеру нации не хотелось.

Требовалось срочно отыскать приемлемый выход из положения.

А ловкий Копыто уже вынул из рук одноглазого бутылку и разливал виски по стаканам.

– Ты, если болен, брат-фюрер, то так и скажи: мы ведь братаны, мы всё поймём, и пацаны твои тоже не дураки, все при делах. Ты, главное, не забудь следующего великого фюрера после себя назначить, чтобы без междоусобицы вышло, ибо я не уверен, что смогу всех победить...

– Я зфоровый! – заорал Кувалда и пнул разговарившегося уйбуя ногой так, что тот свалился со стула. – Пошёл вон!

– Слушаюсь, Твоё великофюрерство! – провизжал Копыто, вылетая из кабинета.

Но стакан не уронил, не расплескал и дозу свою опрокинул в коридоре. На зависть охранникам.

* * *

**Павильон Обманищи,
штаб-квартира семьи морян
Москва, улица Большая Оленья,
30 июня, четверг, 20:06**

Каждый Великий Дом Тайного Города властвовал над вассальными

семьями, маги которых использовали энергию его Источника. Некоторые из таких семей, например Шась, Эрли, концы и приставники, отличались миролюбием и примкнули к Великим Домам в том числе в поисках защиты, выходцы из других, такие как хваны и масаны, напротив, славились воинской удалей и храбро сражались в армиях своих Домов. Но самыми опасными и агрессивными из всех вассалов заслуженно считались моряны – представители небольшой семьи оборотней, искусственно выведенных два с лишним столетия назад гениальной колдуньей Зелёного Дома фатой Марой. В своём «обыкновенном» облике они являлись либо стройными, спортивного сложения блондинками – белые моряны, либо стройными, спортивного сложения брюнетками с восточными чертами лица – чёрные моряны, ещё более сильные, агрессивные, да к тому же ядовитые. А накидывая «боевую шкуру», прекрасные девушки обращались в рогатых, хвостатых чудовищ с мощными когтистыми лапами, почти непробиваемой шкурой, быстрых, сильных и обладающих практически полным иммунитетом к магии.

К грозным морянам с опаской относились даже навь, и несчастный Лебра до безумия боялся ехать в Павильон Обманщиц по такому ужасному поводу, как повышение налогов. Боялся, потому что прекрасно понимал, как бы повел себя на месте представителей зубастой и ядовитой семьи.

– Может, составишь компанию? – небрежно предложил брату, когда они выходили из казначейства.

– Куда? – не понял Майно.

– К морянам, – ровным голосом ответил Лебра.

– Разве ты к ним не съездил? – удивился старший близнец.

– Они назначили на восемь.

На самом деле Лебра едва упросил Фатму, менеджера по финансам семьи морян, встретиться так поздно: в надежде, что после работы брат отправится с ним.

– Зачем мне ехать? – осведомился осторожный Майно, в воображении которого уже появилось разъярённое казначейской наглостью чудовище. В одной когтистой лапе чудовище держало бездыханного Лебру, а другой – стучало по новенькому «Мерседесу» Майно, оставляя на нём некрасивые вмятины и царапины. – Не хочу я к морянам.

– А я потом с тобой к Шапкам, – улыбнулся в ответ Лебра.

– Зачем?

На этот логичный вопрос у младшего близнеца был готов более-менее логичный ответ:

– Позору меньше будет.

– Позор – не похороны, его можно пережить, – рассудительно отозвался Майно.

– Похороны тоже можно пережить, – заметил Лебра.

– Чужие, – уточнил Майно и ядовито закончил: – Езжай, братишка, делай то, что должен, а там будь как будет. Может, дядя Серис назовет твоим именем новый налог.

– Я ведь о тебе беспокоюсь, – с прекрасно сыгранной лёгкостью произнёс Лебра.

– Что?! – поперхнулся Майно. – Обо мне как раз беспокоиться не надо – я вытянул правильную спичку.

– Самую правильную спичку вытянул дядя Серис.

– Это верно, – не смог не согласиться старший.

– Вот и я о том же.

Они в молчании дошли до припаркованного у дворца «Мерседеса» и остановились.

– Так что там обо мне? – поинтересовался старший.

– Ты – эгоист, – посетовал младший.

– Не хочешь говорить – не надо. – Майно распахнул дверцу.

– Просто любопытно: что ты скажешь маме, когда она спросит обо мне? – трагически поинтересовался Лебра, отворачиваясь.

Атака была проведена мастерски, и удар попал точно в «десятку». Майно выругался и захлопнул дверцу.

– Не сторож я брату моему, скажешь ты и отдашь маме мои часы. Вот эти. – Лебра смахнул слезу, снял с запястья дешёвую китайскую подделку и протянул брату. – Это единственное, что не смогут переварить желудки страшных оборотней.

– В первую очередь желудки оборотней не смогут переварить твою хитрость, – проворчал Майно, пытаясь увернуться от часов.

– Нет уж, бери, – настаивал Лебра.

– Не хочу.

– Бери! Не расстраивай маму.

– Как я её расстрою?

– Это будет её единственная память о сыне. Ведь всё остальное съедят моряны...

– Они не жрут кости.

– Жрут. Перемалывают, потом пережёвывают и жрут. И даже одежду...

– Ты ещё живой!

– Это не надолго.

– Я скажу маме, что ты уехал в командировку.

– Я позвоню ей перед тем, как войти в Павильон, – пригрозил Лебра. – И всё расскажу. В том числе о том, что ты меня бросил.

– Подонок!

– Поедешь со мной?

Несколько секунд Майно смотрел на Лебру, после чего кивнул:

– Поеду.

И попытался выхватить из руки брата часы, но тот оказался ловчее, молниеносно убрал наручную собственность в карман и радостно плюхнулся на пассажирское сиденье.

– Знаешь, куда рулить?

– Знаю. – Майно снова выругался, бросил портфель на задний диванчик и занял водительское место.

Штаб-квартира оборотней располагалась в старом особняке на краю Сокольников, и шасы добрались до него меньше чем за двадцать минут, к чему Лебра оказался совершенно не готов. Уговорив Майно составить компанию, Лебра расслабился, развеселился, болтал без умолку, а оказавшись перед воротами Павильона, неожиданно понял, что внутри старший брат не пойдёт, и снова впал в депрессию.

– Майно!

– Даже не надейся, – желчно отозвался тот, прекрасно поняв, о чём его собирается просить непутевый родственник. – Начиная с этого момента я буду оказывать тебе только моральную поддержку.

– Это как?

– Можешь мне позвонить.

– Но мама...

– Уверен, мама согласится с тем, что лучше потерять одного бестолкового сына, чем единственную опору ей в старости, каковой в нашей семье, безусловно, являюсь я.

За те двадцать минут, что у него были, Майно сумел подготовиться к разговору и отыскать весомые аргументы.

– Брат...

– Часы можешь оставить себе, пусть моряны ими поперхнутся. – Майно выключил двигатель, достал планшет и вытащил на экран новостное приложение. – Я тебя подожду, когда освободишься – поедем ужинать. – И, не удержавшись, желчно добавил: – Если будешь в состоянии, конечно.

Лебра позеленел до оттенка долларовой купюры образца 1996 года, но, поняв, что спорить бесполезно, пробубнил: «Я знал, что ты меня бросишь», взял тоненькую папочку, с которой вышел из казначейства, с силой

захлопнул за собой дверцу и на полусогнутых ногах отправился к ужасным оборотням.

Майно с таким усердием изображал увлечение биржевыми сводками, что даже не обругал брата за дерзкое обращение с машиной.

«Хотя, может быть, я пнул его тачку в последний раз, – горестно подумал Лебра, приближаясь к воротам. – Интересно, кому достанется мой скутер?»

Но, прежде чем он собрался остановиться и дополнить завешание в отношении скутера, распахнулась калитка, и печальный шас увидел перед собой прекраснейшее белокурое создание, идеальную фигурку которого едва скрывало светлое платье на тонких бретельках.

– Вы из казначейства? – нежно спросило создание.

Лебра молча кивнул.

– Мы вас ждём.

Создание взяло молодого финансиста за руку и рывком втянуло внутрь двора. Майно коротко вздохнул, прошептал: «Пусть Спящий тебя перекредитует» – и вернулся к вечерним новостям.

Где-то вдалеке проехал трамвай.

///

– Деньги? – изумлённо переспросила Фатма.

– Я ведь из казначейства, – храбрясь, отозвался Лебра. – Конечно же, темой нашей беседы будут деньги. Наличные. В форме налогов, поступлений и прочих... гм... форм. Можно в виде золотых слитков и... безналичные тоже можно.

– Криптовалюта интересует? – тут же поинтересовалась Фатма.

– Можно рассмотреть, но хороший курс не обещаю, – предупредил шас. Вздохнул, вытер пот и спросил: – У вас есть вода?

– Кулер в углу.

– Я налью?

– Конечно.

– Трудная ночь? – поинтересовалась Фатма, с подозрением разглядывая трясущиеся руки шаса.

– Нет, просто в горле пересохло.

– Аспирин дать?

– Обойдусь.

Лебра налил полный стакан и с наслаждением выпил. И подумал, что

пока всё идёт неплохо, а по сравнению с тем, что он себе навывдумывал, и вовсе замечательно. Во-первых, Фатма: она оказалась стройной брюнеткой, очень приятной в общении и необычайно похожей на шасу – умом и знанием рынка. Уже через пять минут знакомства Лебра совершенно позабыл, где находится, и всерьёз обдумывал, не пригласить ли симпатичную девушку на ужин. Во-вторых, сама беседа: Фатма очень спокойно отнеслась к появлению сотрудника казначейства, не выразив ни беспокойства, ни враждебности.

Правда, они ещё не добрались до сути беседы, и именно поэтому пальцы Лебры всё-таки подрагивали. Но не так сильно, как по дороге к воротам.

– Кажется, я поняла, что вы имели в виду, когда заговорили о деньгах! – неожиданно воскликнула Фатма.

– Правда? – Лебра вернулся за стол и вопросительно поднял брови: – И что же?

– В последнее время финансовые взаимоотношения между семьёй морян и Великим Домом Людь оставляют желать лучшего, – произнесла Фатма, доверчиво глядя на шаса. – Не все довольны сложившимся положением вещей.

– Совершенно с вами согласен, – горячо поддержал девушку Лебра, поразившись её необыкновенному уму.

– Вы тоже заметили?

– Поэтому и приехал.

– Это очень мило, – с таким чувством произнесла Фатма, что шасу захотелось её расцеловать.

А в следующее мгновение произошло два события: девушка вновь улыбнулась, вызвав у сотрудника казначейства неконтролируемый приступ нежности, а в комнату вошла моряна в боевой шкуре.

– Вы ведь не против, если при разговоре будет присутствовать наш менеджер по административному делопроизводству? – осведомилась Фатма. – Так нужно для отчётности. Уверена, вы понимаете.

Лебра судорожно вздохнул. А моряна невообразимым образом сложила хвост и уселась на него, не обращая никакого внимания на присутствующих. Пол угрожающе закрипел, но выдержал.

В кабинете запахло чем-то агрессивным.

– Вернёмся к деньгам, – предложила Фатма.

– Сейчас трудные времена, – пискнул шас.

– Согласна, – с грустью подтвердила Фатма, продолжая доверчиво смотреть на Лебру. – Мы надеялись, что приход уважаемого Сериса в

казначейство Великого Дома приведёт к установлению полнейшего порядка в финансовых вопросах, но пока, увы, всё остается на прежнем уровне. Наша семья страдает.

Тем временем «менеджер по административному делопроизводству» достала откуда-то грандиозных размеров пилочку и принялась аккуратно править когти на левой лапе. Учитывая, что каждый коготь мог нанести смертельную рану половозрелому дракону, выглядела картина на удивление мирно и как-то по-домашнему.

Лебра почувствовал, что у него отнимаются ноги.

– Мы понимаем, что смена власти всегда вносит сумятицу в размеренную жизнь подданных. Мы не против Всеведы и никогда не пойдём против твёрдой центральной власти, кому бы она ни принадлежала, ведь главное – это Великий Дом... Вы согласны?

– Можно ещё попить? – жалобно спросил Лебра, бросив тоскливый взгляд на кулер.

– Вы согласны? – с нажимом уточнила моряна.

Пришлось соглашаться:

– Да.

– Вы понимаете, что наши верноподданные чувства могут пройти любые испытания?

– Ваши – что?

– Верноподданные чувства.

– Верю.

– А в испытания?

– Я как раз прохожу одно из них.

– Значит, мы говорим на одном языке, – удовлетворённо произнесла Фатма.

«Менеджер по административному делопроизводству» взяла в лапу зеркало, а второй стала ощупывать свои рога. Выразительно поглядывая на шаса. Лебра приготовился упасть в обморок.

– Целевые платежи на первое полугодие мы получили в полном объёме, однако теперь нужно урегулировать процентное увеличение ежемесячных поступление на развитие семьи, – деловым тоном продолжила Фатма. – Я подготовила меморандум, отражающий наше видение поквартального финансирования, и уверена, он найдёт понимание в казначействе... – Пауза. – И нам с помощницей не придется приезжать во дворец, дабы лично объяснять сотрудникам наши выкладки.

«Менеджер» отложила зеркало и потрогала себя за клыки.

Белый как мел, Лебра взял протянутые бумаги, посмотрел на первый

лист, но не понял ни слова.

– Уверена, уважаемый Серис по достоинству оценит скромность наших притязаний, – с энтузиазмом закончила Фатма.

– Возможно...

– Вы уже уходите?

– А можно? – обрадовался несчастный шас.

– Дверь там.

Лебра сложил бумаги в папку, поднялся и бочком, не глядя на «менеджера», выскользнул в коридор. Несколько секунд моряны молчали, прислушиваясь к топоту ног, после чего «менеджер» обратилась, оказавшись тем самым белокурым созданием, что встретило шаса у калитки, и моряны весело рассмеялись.

– А мне говорили, что торгаши – жёсткие переговорщики, – пробормотала Фатма, утирая выступившие на глазах слёзы.

– Твоё счастье, что не приехал Серис, – не согласилась с подругой блондинка. – Ему бы ты стала должна самим фактом встречи: раз согласилась встретиться, значит, обязана принять его условия.

– Если Серис к нам соберётся, то пусть с ним командиры беседуют, – развела руками Фатма. – Я так высоко не летаю. – И вдруг улыбнулась: – А этот шас забавный, да? Видно, что умненький, только пугливый какой-то.

– Забавный, – подтвердила блондинка, внимательно глядя на подругу. – И смотрел он на тебя так, будто хотел пригласить на ужин.

– До того, как ты появилась, – вдруг добавила Фатма.

– Ага.

Моряны помолчали. Затем Фатма тихо сказала:

– Теперь не пригласит.

И стала убирать со стола бумаги.

* * *

муниципальный жилой дом

Москва, Северный бульвар,

1 июля, пятница, 00:17

Мотоцикл Шера оставила на улице, не стала въезжать во двор, поскольку опасалась видеокамер и зорких соседей, но при этом не хотела использовать заклинание морока и «Накидку пыльных дорог». Большое количество активированных арканов могло привлечь внимание наблюдателей Великих Домов, а девушка собиралась хранить свои

действия в тайне как можно дольше. Поэтому мотоцикл остался на улице, в укромном уголке, окутанный легчайшим, другого слова не подобрать, гипнотическим заклинанием «Ничего особенного», которое мягко заставляло честных граждан или потенциальных воров не обращать на железного коня никакого внимания. И уж тем более – не желать его похитить.

А Шера накинула на голову капюшон, вошла во двор, быстрым шагом добралась до нужного подъезда – ночью торопливая походка естественна, поскольку законопослушные челы спешат поскорее оказаться дома, – и вскрыла дверь универсальной открывашкой домофонов (предложение № 2319 в каталоге «Преодоление препятствий», раздел «Электромеханические устройства»), а дверь в квартиру – куда более дорогими самоподгоняющимися отмычками, купленными в одной из лавок Торговой Гильдии.

Как девушка и рассчитывала, до цели она добралась без проблем.

Перед тем как войти в квартиру, Шера накинула морок, сделав себя абсолютно невидимой. На всякий случай. Даже если тщательно продуманный план даст сбой, Антон не должен знать, что в квартире кто-то есть. Пока не должен. Потому что не время. Однажды он обязательно увидит лицо Шеры – перед смертью, но не сейчас.

– Я не собираюсь торопиться...

Девушка закрыла, но не заперла входную дверь, прошла через маленький коридор в единственную комнату и огляделась. Компьютерный стол с большим монитором, направленным так, что его можно смотреть с дивана – видимо, играет роль телевизора. На диване спит чел, возле дивана – табурет с недопитой чашкой чая и грязной тарелкой. Две полки с книгами. Кресло и два стула, вокруг разбросана одежда, но немного. В прихожей Шера видела шкаф-купе и решила, что основные вещи Антон хранит в нём.

Антон... Имя она узнала, покопавшись в документах чела, но никаких эмоций оно у Шеры не вызвало: Антон и Антон, имя не имеет значения ни для приговорённого, ни для палача.

– Но сегодня ты не умрёшь, – пообещала девушка заворочавшемуся челу. – Не бойся.

Потому что сегодня всё только начнется. Сегодня на картине его кошмара появится первый, очень лёгкий штрих. Сегодня она прикоснётся к жертве, едва заметно поцарапает и наметит ужас, который Антону предстоит пережить.

– Сегодня ты испугаешься, но и только. Как я уже сказала: торопиться

не собираюсь.

Шера медленно натянула металлическую перчатку на правую руку, прошептала заклинание и вздохнула, позволяя «Господину» начать работу.

А работал он неприятно.

Магия семьи Масан строилась на крови и требовала её, требовала её силу, и когда Шера активировала артефакт, спрятанные внутри перчатки иглы вонзились в руку девушки и принялись вытягивать кровь. Не жадно, а дозированно, отбирая ровно столько, сколько требуется для работы.

– Это всё для тебя, Адриан, – прошептала Шера, с ненавистью глядя на вновь заворочавшегося Антона. – Я отомщу, любимый, я не позволю этому гадёнышу жить.

Перчатка жадно пила кровь, но ни одна драгоценная капля не выскользнула наружу. А вот металл заблестел, как будто наполнился внутренним светом, и правая рука девушки вдруг стала прозрачной, как голограмма, растеряла плоть материи, обретя возможность проникать в потаённое.

Шера медленно подошла к дивану, остановилась у изголовья, чуть наклонилась и мягко прикоснулась прозрачной рукой к голове Антона. Немного подождала, после чего очень-очень осторожно повела руку обратно, вверх. И вслед за ней из головы спящего появилась картинка нынешнего сна: бессмысленное смешение чувств, эмоций, обрывков воспоминаний и прочей ерунды, которую усталый мозг зачем-то склеивал в трёхмерное кино с дурацкими физическими законами.

– Вижу, ты предпочитаешь калейдоскоп глупостей...

Шера вытерла левой рукой пот со лба и принялась аккуратно менять Антону видение, превращая калейдоскоп в фильм ужасов.

Собираясь мстить, девушка внимательно изучила инструкцию к «Господину крови» и проштудировала отзывы о применении этого артефакта и аналогичных. Она знала, что не следует резко менять сон и обрушивать кошмар, подобно внезапному ливню: жертва придёт в себя, потом долго не сможет заснуть, но когда заснёт – защита не ослабнет и «Господин» сделается почти бесполезным – это всё-таки не «Заговор Слуа». Ужас должен нарастать постепенно, змеей обволакивать добычу, не позволяя ей вырваться из капкана, должен пропитать собой видение и лишь затем обратиться в адское, вызывающее оторопь шоу. И чем плавнее она «исправит» нынешний сон, тем выше вероятность того, что жертва просмотрит заготовленный кошмар до самого конца.

– Мы ведь хотим, чтобы ты мучился, а не просто испугался, ведь так? – Шера увидела гримасу, на мгновение появившуюся на лице Антона –

отголосок накатывающего страха, – и усмехнулась: – Вижу, вижу, но мы не будем спешить.

Антону снилось, что у него пошла из носа кровь – неожиданно, необъяснимо. Он задрал голову, как делал в детстве, и заметил, что небо затягивают грозовые тучи. Антон любил гулять под дождём, но сейчас появление туч вызвало у него необъяснимую тревогу. Он огляделся в поисках укрытия, но кровь хлынула сильнее, и Антон вновь уставился в небо. И вздрогнул, увидев, что одна из чёрных туч неожиданно распалась, превратившись в стаю чёрных птиц...

Глава 3

приблизительно месяц назад

Цитадель

«Удивительным образом сплетаются порой линии судьбы... Меняют цвет и даже иногда направление... Разбегаются, изгибаются, выворачиваются наизнанку и главное – самое главное! – нужно внимательно следить за тем, чтобы твоя линия, невзирая на изгибы, повороты и смены цвета, вела к однажды выбранной цели».

Потому что достижением цели – в этом Снежана была глубоко уверена – можно оправдать любое поведение линии судьбы. Абсолютно любое.

Молодая жрица сидела перед большим трюмо в квартире, которую никто и никак не мог связать с её именем, предприняв необходимые усилия, чтобы оказаться в квартире тайно. Она посетила это место впервые, но обратила внимание, что помещение оказалось тщательно подготовлено к её визиту: на кухне такая же, как дома, кофемашина с засыпанными зёрнами её любимого сорта. Две бутылки минеральной воды – именно той, которую она предпочитает. В холодильнике – фрукты и сырная тарелка... Стоит ли говорить, что и с этим владельцы квартиры угадали?

Оглядев кухню, Снежана прошла в комнату и улыбнулась: на трюмо была выставлена её любимая косметика... Отсутствовали только духи, которые жрица смешивала сама, и этим навы показали, что не вторгаются в её личную жизнь чересчур далеко.

Нет, не навы – Сантьяга.

Снежана присела на пуфик перед зеркалом и рассеянно провела по щеке мягкой кисточкой, убирая мельчайшую, практически незаметную пылинку.

«Удивительным образом сплетаются порой линии судьбы...»

Родители Снежаны погибли от рук масанов – вассалов Тёмного Двора, её обожаемый жених, первый мужчина и герой, пал в стычке с навами, а любовник, за которого молодая жрица подумывала выйти замуж, не вернулся из самоубийственной вылазки во время войны Кадаф, потребованной навами в уплату за помощь...

Нет, не навами – Сантьягой.

Молодая жрица не испытывала к комиссару ненависти – ведь вечная игра противоборствующих домов началась не вчера и закончится не

завтра, – но не питала тёплых чувств.

И вот – согласилась помочь.

Потому что Сантьяга пришёл к ней, почему-то именно к ней, и предельно искренне рассказал, что ему нужно и зачем. И Снежана, привыкшая к интригам и тайнам, была слегка смущена таким честным подходом, а обдумав услышанное, не смогла отказать.

«Нити судьбы...»

Жрица почувствовала напряжение магического поля, отложила кисточку, поднялась и уверенно шагнула в появившийся в углу комнаты вихрь магического перехода. Чёрный вихрь, означающий Тьму и Навь.

Шагнула в квартире, а вышла в сводчатом, плохо освещённом помещении и с благодарностью оперлась на поданную руку.

– Благодарю, комиссар.

– Благодарю, что согласились помочь, жрица.

Почему-то Снежана думала, что в Цитадели Сантьяга изменит своей невозможной, немыслимой для нава любви к светлым тканям и встретит её в чём-нибудь чёрном, или тёмно-сером, или тёмно-синем... другими словами – в чём-нибудь соответствующем мрачному подземелью, но жрица ошиблась – комиссар предстал в привычном элегантном костюме. Поддержал за руку, помогая покинуть вихрь магического перехода, но тут же отпустил – маги позволяют прикосновения только тем, кому доверяют, – а после обязательного приветствия неожиданно произнёс:

– В ходе нашего прошлого разговора мы не затронули один момент, который я считаю важным: конфиденциальность.

– Я не вижу ничего предосудительного ни в своём обещании, ни в том, что я его исполню, – спокойно ответила жрица.

– Но сам факт нашего сотрудничества, тем более – тайного сотрудничества, может быть неверно истолкован, – мягко продолжил нав. – И я даю слово, что Великий Дом Навь никогда и никому не сообщит о нашем взаимодействии. Мы не будем помнить, что именно произошло, но будем знать, что нам оказана услуга. – Короткая пауза. – Тёмный Двор умеет быть благодарным.

– Спасибо, комиссар, – кивнула Снежана. – Я вас поняла.

– Если необходимо, я могу заключить заклятие обещания.

– Вашего слова более чем достаточно.

– Благодарю. – Нав снова помолчал, медленно шествуя справа от жрицы по широкому подземному коридору.

А ещё Снежана вдруг поняла, что не испытывает того знаменитого

глубинного, идущего из подсознания страха, о котором любили рассказывать все побывавшие в подземельях Цитадели жители Тайного Города. Никакого волнения, никакой тревоги, и связано это с тем...

«Я ведь жрица!»

Да, это так, но высшую ведьму Зелёного Дома Тьма должна была испытывать на прочность с ещё большим азартом, чем других «гостей», но не испытывала. Отступила, поглядывала со всех сторон разом, но не прикасаясь.

Потому что ей запретил тот, кто шёл справа.

– Скажите, комиссар, вы всегда так щепетильны? – негромко поинтересовалась жрица, продолжая разговор.

– Как правило, – неожиданно скупой ответил нав.

Обдуманно скупой, чтобы прозвучал следующий вопрос:

– И как часто вы забываете о щепетильности?

– Когда это необходимо, – спокойно ответил Сантьяга. И тут же продолжил: – Но я никогда не забываю о данном слове. В контексте нашей встречи это очень важно, потому что Пабло, возможно, обвинит меня в этом. – Комиссар остановился и посмотрел удивлённой жрице в глаза: – Но вы должны знать, что я не давал ему слова.

– Почему это так важно? – тихо спросила Сне-жана.

– Вы мне доверились, – в тон ей ответил нав. – Я высоко это ценю и не хочу, чтобы у вас зародилась даже тень сомнений на мой счёт.

– Вас многие ненавидят, но все знают, что вы держите слово.

Сантьяга учтиво кивнул и распахнул дверцу, возле которой они задержались:

– Прошу.

И жрица оказалась в неожиданно большом зале, выложенном гладкими чёрными плитами, одинаковыми и на стенах, и на полу. А потолок терялся во тьме. Зал освещался одной-единственной свечой, закреплённой на перевернутой металлической кружке. Кружка покоилась на деревянном столе, у которого, неестественно выпрямившись и расправив плечи, сидел масан. И не отрываясь смотрел на огонёк.

А ещё в зале было очень-очень сухо, и этот нюанс особенно зацепил Снежану, поскольку все знали, что масаны предпочитают влажный воздух. А Пабло, истинный кардинал Робене, обожал море. И поэтому Сантьяга распорядился высушить его камеру, установив пустынный климат.

– Добрый день, – произнёс комиссар, останавливаясь перед масаном.

Пленник сидел спиной к дверям и появления жрицы не заметил. Мог бы почувствовать, охотники чуют пищу, но подготовленная

гостеприимными навами тюрьма блокировала возможности вампира.

– Там действительно день? – спросил Робене, не отрывая взгляд от свечи.

– Да.

– Тогда добрый.

– Вы обдумали моё предложение?

– Я с ним абсолютно не согласен.

– Мне действительно жаль.

Масан усмехнулся одними губами и с иронией, но при этом без зла, спросил:

– Жаль, потому что будет труднее?

– И поэтому тоже, – не стал скрывать Сантьяга. И предпринял попытку уговорить пленника: – Пабло, вы ведь даже не знаете, что происходит в пещере. Возможно, всё и на самом деле так, как вам кажется, и тогда ваше упорство абсолютно бессмысленно – ведь я ничего не получаю...

– Я не стану вам помогать, комиссар, – перебил нава Робене. – Не потому, что я здесь, хотя, не скрою, я разочарован... Но не из-за этого. Мы с вами знаем, что я не стал бы вам помогать в этом вопросе. Я не отношусь к непримиримым, но считаю Догмы покорности формой рабства. Я вам не друг, я считаю ваши действия враждебными семье Масан, и поэтому я здесь.

– Я рад, что вы это понимаете, Пабло.

– Спасибо, комиссар.

– Но я обязан воспользоваться тем, что вы здесь.

– Собираетесь меня пытаться?

Вопрос вызывал у Сантьяги вежливое недоумение.

– Пабло? – слегка обиженно произнёс нава, чуть приподняв брови. – Вы усомнились в моём воспитании?

– Ещё в Шанхае, – язвительно отозвался вампир.

– Я не давал вам слова.

– Да... вы говорили... – Робене помолчал. – Но сейчас вам нужна информация.

– И я прошу в последний раз: поделитесь ею. Я изложил свои резоны, Пабло, я объяснил текущее положение дел, и вы согласились, что другого выхода нет. Да, я предлагаю не идеальное решение, но идеальных не существует. Я предлагаю такой вариант развития событий, который удовлетворит всех и поможет семье Масан.

– Вы нас окончательно поработите, – угрюмо ответил вампир.

– Но сейчас я вынужден вас уничтожить.
– У вас плохо получается.
– Только потому, что пока Тёмный Двор не ведёт вой-ну так как умеет, – спокойно произнёс нав. – Только поэтому.
– Считаете себя благодетелем?
– А кем считаете себя вы, толкая соплеменников в объятия Ярги?
– Речь идёт о свободе, комиссар, они сами делают выбор.
– Они следуют за инстинктами, а не за разумом.
– Наш инстинкт – свобода.
– Кровь.
– Мы такие, какие есть, и никогда не изменимся.
– Но окружающие не обязаны принимать вас такими, какие вы есть, Пабло, – вздохнул Сантьяга. – И единственный выход – компромисс.

Свеча горела, причём довольно ярко, но не уменьшалась в размере, хотя расплавленный воск стекал по ней. Огонёк горел ровно, и масан смотрел на него как заворожённый. Смотрел так, будто свеча оставалась единственным мостиком, связывающим его с реальностью.

– Я не стану вам помогать, комиссар.
– Жаль...
– Но как вы собираетесь обойтись без пыток? Какая-нибудь «химия»?
– Какая-нибудь колдунья. – Сантьяга посмотрел Снежане в глаза и сделал едва заметный жест рукой: – Прошу вас.

Жрица мягко подошла к масану сзади и закрыла его глаза чёрной повязкой. А около дверей появились ещё две фигуры – советники Тёмного Двора, закутанные в тёмно-синие плащи с низко надвинутыми капюшонами. Сантьяга задумал сложнейшую интригу, задевающую высшие арканы магии Крови, и решить поставленную задачу могли только лучшие маги Нави.

– Судя по духам – зелёная ведьма, – прошептал Робене. – А значит, «Поцелуй русалки»...

– Согласитесь, Пабло, в данном случае это идеальный выбор.
– Будь ты проклят, нав...

А в следующий миг Снежана склонилась к вампиру и крепко поцеловала его в губы. Очень крепко. Так крепко, что ночной охотник не мог сопротивляться, не мог выпустить иглы – он полностью попал под власть колдуньи.

«Поцелуй русалки» был уникальным магическим арканом, доступным исключительно зелёным ведьмам. Он действовал на все генетические

статусы, и одурманенная жертва добровольно и в подробностях отвечала на любые вопросы.

Лучшего способа узнать правду в Тайном Городе не существовало.

– Что вы хотите знать? – спросила Снежана, отрываясь от Робене.

Советники достали записные книжки.

Сантьяга вздохнул и сделал шаг в сторону.

* * *

**Южный Форт,
штаб-квартира семьи Красные Шапки
Москва, Бутово,
1 июля, пятница, 12:16**

Заявление верного Копыто задело Кувалду, напомнило, что он и в самом деле перестал появляться в компаниях «своих ребят» и постепенно потерял связь с народом. Ту самую связь, которой очень гордился и о которой упоминал при каждом удобном и неудобном случае. Разумеется, за годы единоличного правления одноглазый привык считать себя избранным, идеальной Шапкой, настолько умной и хитрой, что не спасует даже перед навами, привык властвовать и временами напоминал бронзовую статую самого себя, но... но в глубине души великий фюрер ни на секунду не забывал, как начинал когда-то рядовым бойцом зачуханной десятки самого слабого клана Красных Шапок, как стал уйбуем, затем – фюрером клана и в конце концов ухитрился сокрушить конкурентов и возглавить семью. И всё это время, на каждом этапе большого пути, Кувалда чувствовал себя естественной и органичной частью дикарского сообщества.

Теперь же это ощущение пропало.

Но что делать? Устроить грандиозный банкет? Собрать уйбуев у себя, а для народа выставить столы во дворе? Оплатить бесплатный день в «Средстве от перхоти»? Или просто выкатить несколько бочек виски и зажарить пару свиней на открытом огне?

Каждое из предложений заслуживало внимания, но великий фюрер понимал, что Копыто имел в виду другое.

«Нужно ифти в нароф!»

Однако последовать совету одноглазый не решался – отвык.

После стольких лет правления слово «народ» подрастеряло для Кувалды сакральный смысл и стало обозначать опасное и непредсказуемое сборище вооружённых дикарей, склонных к грабежам, насилию, пьянству

и неуплате налогов. Народ постоянно бузил, а если не бузил, то бурчал, а если не бурчал, то чистил оружие, планируя начать междоусобицу, и не вызывал никакого желания с собой общаться.

Народ, если честно, немного пугал.

Народу постоянно требовалась поддержка или обещание не мешать, а поскольку второго великий фюрер предложить не мог, приходилось изыскивать средства на первое. Что, разумеется, опустошало казну и не позволяло царствовать в своё удовольствие.

«Но это и называется быть лифером семьи, – тоскливо подумал Кувалда, разглядывая двор через пуленепробиваемое окно. – Прихофится много труфиться, зато я разбогатею и войфу в историю...»

Однако даже у этих весьма скромных притязаний имелись подводные камни. Во-первых, зачем богатеть, если казна семьи в его полном распоряжении? Копить на старость? Это слово для дикарей означало нечто настолько смутное, что в повседневной жизни его практически не использовали. А брать пример с челов, то есть наворовать столько, чтобы даже правнукам хватило, и удрать как можно дальше, Кувалда не мог, поскольку знал, что никуда он от Тайного Города не денется. Во-вторых, кем он войдёт в историю? Великим императором, объединившим буйные кланы в нечто организованное, или узурпатором, лихо вешающим несогласных? Останется он в памяти безмозглых сородичей или же будет забыт через четверть часа после смерти?

Мысли фюрера посещали дурацкие, для обычного дикаря нехарактерные, но Кувалда, в отличие от подданных, не был озабочен ежедневным поиском виски и поэтому имел возможность задумываться о разном. Возможно, зря, поскольку сложные размышления, как заверял его брат Изяс, способствуют появлению депрессии и язвы желудка.

– Если я хочу войти в историю, нароф фолжен меня любить, – с горечью сказал себе великий фюрер, после чего призвал охрану и направился в «Средство от перхоти».

И не через потайной ход, который вёл из башни в кабак, а спустился на первый этаж и вышел во двор. Прекрасно понимая, какой фурор этим произведёт.

И не ошибся.

Весть о том, что великий фюрер запросто гуляет и общается с народом, облетела Южный Форт быстрее, чем среднестатистический Шапка проглатывает стакан виски, и вскоре во дворе стало не протолкнуться. Однако особой радости собравшиеся не выказывали, предпочитая наблюдать за передвижением лидера с натужным вниманием,

но и враждебности пока не проявляли. Впрочем, ничего иного Кувалда от подданных и не ждал.

Он покрутился у мусорной кучи, разглядывая её с таким видом, словно собирался убрать, с многозначительной медлительностью прогулялся вдоль государственной виселицы, проявив скромность, не задержался у собственного парадного портрета и с удовольствием прислушивался к шёпоту дикарей, потрясённых виденьем вождя.

– Чего это он? – переспрашивали друг у друга Шапки, не понимая, какую пакость задумал обожаемый руководитель.

– Зачем вышел?

– Может, налоги хочет поднять?

– Абажур сказал – обязательно поднимет.

– И так в три горла жрёт, а всё ему мало. Вон щёки какие отожрал!

– Ты что, революционер?

– Может, я против коррупции!

– Тебя челы покусали?

– Это и на самом деле фюрер?

– Автоматчиков видишь? – Два телохранителя, держащиеся в шаге позади Кувалды, чётко давали понять, что во двор спустился именно фюрер.

– А кто ещё?

– Может, двойник?

– Чей?

– Кувалды.

– Кто же согласится себе глаз вырвать?

– Да, дураков у нас в семье никогда не водилось.

– А говорили, что он умер.

– Не похоже...

– Почему не похоже? Очень даже похоже. Я тут человеческое кино смотрел про покойников, так там они и ходили, и на всех бросались.

– Этот вроде не бросается.

– Погоди ещё.

– А покойники в том фильме виски пили?

– Нет вроде.

– Тогда подождём. Если этот выпьет, значит, не покойник.

– А кто?

– Двойник.

– Кто же согласится себе глаз вырвать? – повторил скептик.

– Да, дураков у нас в семье никогда не водилось...

Эти двое замолчали, уставившись друг на друга и судорожно пытаюсь понять, что не так в последних фразах, а Кувалда вошёл в «Средство от перхоти».

К счастью, находившиеся в кабаке дикари были осведомлены о приближении вождя, поэтому ни давки, ни перестрелки не возникло, и даже драка в дальнем углу прервалась. Секунд на тридцать.

– Здравия желаем, великий фюрер! – недружно прокричали вскочившие на ноги дикари, преданно пожирая глазами руководителя и благодетеля.

– Ну-ну, без чинов, – благодушно предложил Кувалда, располагаясь у стойки. – Выпьем?

– Налъёшь – выпьем.

– Я не бармен, чтобы наливать, я – великий фюрер...

– Да здравствует великий фюрер!

– Вот именно, – усмехнулся одноглазый. – Но распорядиться могу. – И кивнул Лясцию: – Наливай.

– Всем?

– По стакану.

– Да здравствует великий фюрер!

Дикари выпили – это у них получилось гораздо дружнее, чем приветствие, – выдохнули и в дальнем углу с новыми силами принялись кого-то бить.

– Ну что, ребята, – поинтересовался Кувалда, не отвлекаясь на шум ударов. – Жизнь налаживается?

– Так точно, великий фюрер! – заученно ответили ближайшие дикари.

– С тобой – хоть куда!

– С каждым часом всё лучше!

– Ещё нальёшь?

– Ну...

Тем временем болтавшиеся во дворе Шапки выяснили, что в «Средстве» организована бесплатная раздача виски, и в дверях образовалась толча. К счастью, основной поток ругательств, которыми награждали друг друга дикари, оставался во дворе и не мешал проведению встречи.

– У тебя день рождения, что ли?

Одноглазый догадывался, что рано или поздно этот вопрос прозвучит, и был к нему готов:

– Просто так зашёл к своим пацанам, – ответил он, разглядывая подданных с плохо поставленным добродушием. – Мы вефь одна семья,

фа?

– Да!

– Мы вместе сражаемся и побеждаем?

– Да!

– И ваш великий фюрер, бойцы, всегфа с вами. Я ряфом, бойцы, я знаю, чем вы фышите, я знаю ваши проблемы и знаю, как их решить.

– Нам бы квоты на грабёж повысить...

– Повысим, – твёрдо пообещал Кувалда, чётко зная, что в общении с народом главное – побольше обещать. Народу нравится видеть радужные перспективы, в этом случае он податливее воспринимает хмурое настоящее. – Когфа в слефующий раз увижу королеву – так ей и скажу.

– А когда ты её увидишь?

Вопрос оказался с подвохом, поэтому одноглазый быстро просчитал правильный выход из положения:

– Выпьем?

– Да!!

Кто-то от избытка чувств пальнул в потолок, телохранители напряглись, но фюрер жестом приказал расслабиться. Семья ощутила невиданный прилив единения.

– Лясций, всем по стакану! – распорядился Кувалда и взобрался на стойку, распинав оказавшуюся на пути посуду. – Братья!

Народ сопровождал поведение фюрера одобрительным гулом, в котором терялись вопли опоздавших к первому кругу и требующих наливать им вдвойне.

– Ваш великий фюрер любит вас! Помнит о вас! И пьёт вместе с вами!

– Ура!

– Вместе – мы сила!

– Ура!

– Офна семья! Офин Форт! Офин фюрер!

– Слава фюреру!

– Шапкам слава!

Кувалда залпом опорожнил стакан, но в наивысшей точке отчего-то замер, застыл с поднятой рукой, как будто раздумывая, отставить стакан или проглотить его.

Сначала на странную позу не обратили внимания, затем решили, что одноглазый прикалывается, но ещё через пару секунд поняли: тут что-то не так.

– Фюрер? – неуверенно спросил какой-то дикарь. – Ты... того... нормально?

Вместо ответа Кувалда наконец-то разогнулся и вывернул на ближайших бойцов остатки завтрака.

* * *

ТРК «Атриум»

Москва, улица Земляной Вал,

1 июля, пятница, 12:33

У всех бывают дни, когда задуманное не получается, запланированное срывается, всё валится из рук и хочется лишь одного: как-нибудь дожить до вечера и пораньше лечь спать, оставив неудачу в прошлом. А ещё у некоторых из нас бывает предчувствие таких дней, стойкое ощущение надвигающегося спада, который невозможно избежать. У Антона Буторина оно возникло после кошмарной – другого слова не подберёшь – ночи. После невозможного, растянувшегося на несколько часов фильма ужасов с ним в главной роли. После того как во сне он рыдал, не в силах проснуться и думая, что останется в этом чудовищном сновидении навсегда.

Ночь выпила из Антона все соки, и, проснувшись, он долго оставался под одеялом, боясь, что издевательства продолжаются и стоит ему поверить, что кошмар остался в прошлом, как тот навалится с новой силой.

Антон трясло, на глаза наворачивались слёзы. И если до сих пор он радовался своей холостяцкой свободе, то теперь горько пожалел о том, что рядом не оказалось близкого человека: пожаловаться, поделиться, просто прижаться к нему и помолчать, чувствуя поддержку и тепло...

– Ты чего такой смурной? – поинтересовался у Антона Сергей, менеджер из клиентского отдела, с которым Буторин приятельствовал. Сам Антон работал в логистике, часто мотался по складам, но если доводилось – старался идти на обед с Сергеем и охотно слушал его бесчисленные байки о тупых клиентах.

Однако сегодня не хотелось ни баек, ни еды, и встретились они не в столовой, а в коридоре.

– Ты сам на себя не похож.

– Ерунда, – попытался отмахнуться Буторин, но приятель не отстал:

– Я ведь вижу.

– Что ты видишь?

– Глаза красные, сам бледный, выбрит плохо, причёсан неряшливо, сутулишься... – быстро перечислил Сергей. – Мой тебе совет: не попадайся на глаза Горюнову, он сегодня злой и тебя за пьянку точно накажет, если не

выгонит... Ты вообще в курсе, что вечеринки следует устраивать по пятницам, а не по четвергам?

– Не было никакой вечеринки.

– Бурное сексуальное приключение?

Антон понял, что приятель не прекратит расспросы, огляделся, отвёл его в сторону, понизил голос и сообщил:

– У меня был кошмар.

– Плохой сон приснился?

– Если бы мне просто приснился плохой сон, ты бы ничего не заметил, – выдохнул Буторин. – Думаешь, мне плохие сны не снятся?

– Всем снятся.

– А у меня был настоящий кошмар. – У Антона задрожали руки. – Я плакал во сне.

– Врёшь... – изумлённо протянул Сергей.

– Я проснулся в поту, в слезах и соплях и минут десять лежал под одеялом – боялся того, что мне приснилось...

Антон резко замолчал.

– Чего ты боялся? – уточнил Сергей.

– Боялся, что мне приснилось, будто я проснулся, – медленно ответил Буторин. – Боялся, что сошёл с ума. Боялся, что всё приснившееся происходит со мной на самом деле...

Сергей молча открывал и закрывал рот, не веря услышанному и не желая перебивать приятеля.

– Я лежал, вздрагивал от каждого шороха, от каждого звука... лежал... лежал до тех пор, пока не придумал, как можно определить, сплю я или нет: я себя укусил. – Антон расстегнул манжет, подтянул рукав рубашки, и Сергей увидел на руке приятеля след от сильного укуса.

– До крови...

– Я должен был убедиться, – объяснил Буторин.

– Что же тебе такое приснилось? Чего ты так испугался?

– Меня преследовал демон, – ответил Антон, поправляя рукав. – Или зверь... Я не разобрал.

– Он хотел тебя сожрать?

– Он меня сожрал. – Лицо Буторина перекошилось. – Он меня сожрал...

– Во сне, – поспешил добавить Сергей.

– Наяву.

Короткое слово прозвучало так, что Сергей похолодел, поняв, что для Антона – сейчас во всяком случае – нет разницы между реальностью и тем,

что он видел ночью. Антон чувствовал себя съеденным.

– Я понимаю, как это звучит со стороны, – продолжил Буторин. – И до сих пор не представлял, что ночные кошмары могут быть настолько реалистичными и настолько... кошмарными. Я не знаю, как буду спать сегодня. Я... я боюсь, что увижу всё это снова.

– Сходи к врачу, – посоветовал Сергей.

– Из-за одного дурного сна?

– Напейся.

– А вдруг станет ещё хуже? Мало ли что привидится пьяному?

У Антона было время обдумать происходящее, и он быстро отвечал на все предложения приятеля.

– Наглотайся таблеток, – не унимался тот. – Говорят, после снотворного ни черта не снится.

– Ты пробовал?

– Нет. Мне и так ничего не снится.

– Никогда? – заинтересовался Буторин.

– Очень редко, – поразмыслив, ответил Сергей. – Настолько редко, что можно сказать – никогда.

– Везёт тебе.

– Может быть... Тебе вроде тоже раньше ничего не снилось.

– Не снилось.

– Надеюсь, твои кошмары не заразные.

Не самая лучшая шутка вызвала не самые весёлые улыбки, и приятели на некоторое время замолчали.

– А наркотики ты... – неуверенно начал Сергей, но Антон тут же ответил:

– Нет.

– А потрясений не случалось? Ну, может, ты чего испугался? Или увидел что-то неприятное?

В памяти Антона тут же всплыла приключившаяся в парке история, странный, очень сильный и очень холодный мужик, который вцепился зубами в его шею и...

И умер.

Глупо и странно.

За прошедшие дни Буторин почти убедил себя в том, что никакого нападения не было, что это ему привиделось в пьяном бреду, а следы на шее оставили острые ветки, когда он продирался через кусты к улице, но замечание Сергея вновь оживило в памяти неприятный инцидент.

– Нет, ничего такого, – растягивая слова, ответил Буторин.

И Сергей, как это ни странно, удовлетворился услышанным.

– Мозг – затейливое устройство, Антон, может, ты просто устал, и поэтому он выдал тебе что-то очень неприятное.

– Надеюсь. – Буторин тяжело вздохнул.

А Шера, которая внимательно прислушивалась к разговору, стоя в шаге от приятелей – морок делал девушку абсолютно невидимой, – злобно усмехнулась.

Всё шло именно так, как задумано, и если бы этот тупой урод знал, что ожидает его впереди, он бы наверняка перерезал себе вены...

«Нет, я бы не позволила, – подумала Шера. – Быстрой смерти тебе не будет, подонок, придётся пройти весь путь до самого конца. Придётся испить чашу...»

* * *

отель «Империя Сити»

Москва-Сити, башня «Империя», 55-й этаж,

1 июля, пятница, 15:17

– Стёкла обработали? – поинтересовался Сантьяга, стоя у огромного, во всю стену, панорамного окна, из которого открывался прекрасный вид на Тайный Город.

– Абсолютно все, – подтвердил епископ Треми, становясь рядом с комиссаром. – Они не пропускают смертельное для нас излучение.

– Значит, гости смогут насладиться чарующим видом.

– Именно.

– Прекрасно... – Сантьяга отыскал взглядом башни зоны Кадаф и прищурился: – Я в целом не против вашего выбора, но хотел бы понять, чем он обусловлен.

– Вы предполагали отдельно стоящее здание? – улыбнулся Захар.

– Совершенно верно, – подтвердил нав. – Отдельно стоящее здание, находящееся не в столь оживлённом месте...

– ...которое можно легко блокировать.

Сантьяга улыбнулся, совершенно не обиравшись на то, что епископ Треми его перебил.

– Именно это обстоятельство их успокоит, – продолжил после короткой паузы Захар. – Если бы мы вынесли Конклав в отдельно стоящее здание или вообще в какой-нибудь санаторий под Москвой, которые легко окружить и блокировать, то некоторые епископы, вполне возможно,

отказались бы от поездки.

– И поэтому вы выбрали известный отель в Сити...

– Кардиналы и их сопровождающие будут размещены в прекрасных условиях, – сообщил Треми. – Конференц-зал находится на соседнем этаже, который мы полностью арендовали. Во время проведения Конклава мы будем контролировать лифты и пожарные лестницы, собственно, мы уже их контролируем...

– Где будут находиться «ласвегасы»? – поинтересовался комиссар.

Сантьяга разрешил привлечь своих лучших специалистов по человеческим технологиям – шаса Тамира Кумара и нава Домингу, но проявлял понятную заботу об их безопасности.

– В соседней башне, – улыбнулся в ответ епископ. – Там же будет расположена вся аппаратура. Но гостям мы скажем, что технический этаж находится прямо под ними. – Треми указал в пол.

– Прекрасно, – одобрил Сантьяга.

– Вентиляционные шахты заблокированы, и, даже обратившись в туман, кардиналы не смогут через них ускользнуть. – Захар помолчал и добавил: – Как мы и договаривались, все меры безопасности приняты Тёмным Двором. Масаны только изображают присутствие.

Ему было горько об этом упоминать, но из песни слов не выкинешь: среди вампиров Тайного Города предатели встречались. И когда кардиналы непримиримых сказали, что охрану Конклава должны обеспечивать ночные охотники, Захар, разумеется, принял это условие – не мог не принять. Но при этом позаботился о второй, настоящей защитной линии, которую развернули навы.

– Конклав пройдёт в выходной день... – протянул Сантьяга, вновь вернувшись к созерцанию города. – Большая часть офисных помещений будет закрыта... И если кардиналы захотят устроить шумную акцию, они обратят внимание на местный торговый центр.

– Я думал об этом, – подтвердил Треми. – В воскресенье там ожидается много челов.

– Ваше предложение?

– Если позволите привлечь дополнительные ресурсы, мы разместим в торговом центре несколько мощных «спящих» артефактов, которые невозможно отследить. Активируем их в случае необходимости и полностью закроем здание от масанов. А входы заблокируем под легендой проведения полицейской операции.

– Договорились, – кивнул комиссар. – Но надо помнить, что по Сити будет нанесен вспомогательный удар, необходимый для освобождения

кардиналов...

Епископ не ответил, поскольку реплика Сантьяги его не касалась: ожидаемую провокацию комиссар взял на себя и не подпускал Захара к «решению» этого вопроса. А значит, провокация, если непримиримые действительно её задумали, будет подавлена с показательной, то есть неимоверной, жестокостью. И комиссар не хотел, чтобы имя епископа Треми связывали со столь кровавыми событиями.

– Ну, что же, Захар, вижу, вы всё замечательно продумали, – произнёс нав, отходя от окна.

– Благодарю, комиссар.

– Но я искренне надеюсь, что проявленная предусмотрительность окажется напрасной и нам не придётся делать то, к чему мы готовы. – Сантьяга пронзительно посмотрел епископу в глаза: – Я не хочу этого делать.

– Знаю, комиссар, – тихо ответил Треми. – Но в случае необходимости мы с вами это сделаем.

И особенно подчеркнул слово «мы».

Нав молча кивнул, сделал шаг к двери, но остановился, услышав:

– Вы уже придумали, что делать с Антоном Буториным?

Повернулся, улыбнулся и едва заметно пожал плечами:

– Пока нет.

– Эрлийцы сказали, что исследование его крови засекречено по вашей просьбе, – негромко произнёс Захар.

– Разумеется, засекречено, – легко ответил нав. – Чтобы к нашему с вами секрету не добавился кто-нибудь ещё. Кто-нибудь излишне любознательный.

Епископ кивнул, давая понять, что принимает и соглашается с доводами комиссара, но взглядом попросил подробностей.

– На основе его крови действительно можно сделать... скажем так: вакцину для челов, – медленно ответил нав. – Она подойдёт не всем, но те, кому она подойдёт, станут для вас токсичными.

– Люды? – очень тихо спросил Треми. – Чуды?

– Людам вакцина подойдёт точно.

Треми прищурился.

– Я обещал, что у вас не будет проблем, Захар, и их у вас не будет, – произнёс Сантьяга. – Даю слово.

**Южный Форт,
штаб-квартира семьи Красные Шапки
Москва, Бутово,
1 июля, пятница, 16:04**

– Он точно не сдохнет? – переспросил Абажур, жёстко глядя на конца и полки с муляжами бутылок за его спиной.

Муляжи хитрые бармены использовали для сохранности ассортимента во время перестрелок, а настоящие бутылки хранили в пуленепробиваемой стойке.

– Точно, – подтвердил Лясций. – До вечера будет тошнить, потом перестанет.

– Почему?

– Потому что убивать великого фюрера я не собираюсь, – хмыкнул бармен и перешёл на деловой тон: – Я сделал, как договаривались, теперь плати.

– Лучше бы ты его отравил, – проворчал Абажур, не спеша расставаться с деньгами. – Как я сразу просил.

Узнав, что Кувалда вышел из башни, хитрый Гнилич сразу понял, где одноглазый в итоге окажется и что будет делать – нет лучшего способа поднять авторитет среди Шапок, чем организовать им бесплатную выпивку, – бросился к Лясцию и предложил устроить обожаемому руководителю маленькую пакость. Не бесплатно, разумеется. Хитрый конец согласился и с помощью точно отмеренной дозы рвотного порошка помножил на ноль все старания Кувалды.

Но Абажур не удовлетворился.

– Говорил же, чтобы духу его здесь не осталось, – прошипел он.

– Нельзя было фюрера травить, – очень тихо произнёс конец.

– Это ещё почему?

– Потому что, если бы мы его отравили, у людов могли возникнуть вопросы. А в Зелёном Доме сейчас такие личности заправляют, с которыми я связываться не хочу и тебе не советую...

– Это да, – уныло согласился Абажур, припомнив последние события. – Связываться с ними даже перед смертью не надо, чтобы умереть спокойно.

Гнилич искренне надеялся свалить вину на Лясция и теперь переживал, что замысел не удался.

– Зато сейчас тебе раздолье...

– Какое раздолье, если Кувалда жив?

– Зато все опять думают, что он болеет, – объяснил Лясций. – И ты

можешь спокойно вернуться к своему плану.

– К какому плану?

– Хочешь сказать, что, когда ты попросил меня отравить великого фюрера, у тебя не было плана?

В устах толстяка фраза прозвучала настолько обидно, что Абажуру пришлось срочно соврать:

– У меня есть план.

Ну, чтобы не выглядеть дураком.

И бармен широко улыбнулся:

– Тогда иди и претворяй его в жизнь.

– Пойду...

– Но сначала заплати.

Авторитетному Гниличу очень хотелось послать нахального толстяка подальше, но, вспомнив, сколь важное положение занимает бармен «Средства от перхоти» в семейной жизни Красных Шапок, решил не связываться и молча отслюнявил обещанное.

После чего вернулся за свой стол, вокруг которого успели сгрудиться единомышленники, и с энтузиазмом осведомился:

– Ну как?

Однозначного ответа у единомышленников не нашлось. То есть они прекрасно понимали, чего ждёт Абажур, но при этом не были настолько уверены ни в нём, ни в болезни Кувалды, чтобы рискнуть и при всех поддержать уйбуя. Пусть даже и авторитетного.

Но и молчать было нельзя, чтобы не вызвать гнев главного, хоть и неформального – Гнилича.

– Сдаётся, что мы только что видели ХПФ, – неуверенно протянул Утюг.

И удостоился от ничего не понявших сородичей мрачных взглядов.

– Чего? – скривился Абажур, ухитрившись уставиться на идиота правым глазом.

– ХПФ – Хитрый План Фюрера, – объяснил Утюг.

– А... – протянул Штекер, делая вид, что прекрасно понял напарника.

Однако Абажур потребовал объяснений:

– Какой ещё план? – и заодно припомнил, что у него самого настолько нет никакого плана, что даже перед Лясцием стыдно.

– Хитрый план, – отозвался Утюг. – Сначала Кувалда делает вид, что заболел, потом – что здоров, как бык, и всем выпить наливает, потом – снова как бы болеет и даже на пацанов тошнит...

– Мы видели! – оборвал уйбуя Абажур. – Зачем фюрер так делает?

– Измену вынюхивает.

– А...

На этих словах все поджались, и Гнилич обругал себя за то, что полез к Утюгу с расспросами.

– А может ещё и так быть: фюрер хотел здоровым прикинуться, но не получилось, поэтому он нам Копыто сунет, – продолжил Утюг, наслаждаясь редким для себя вниманием. – Тоже хитрый план.

– Куда это он сунет нам Копыто? – удивился Штекер.

– Не он, а Копыто, сказано же тебе, – попытался объяснить подошедший Вилка Дурич, но получилось только хуже.

– Мне копытом сунет? – испугался Штекер.

– Не тебе, а нам, и не копытом, а Копыто. Так сунет, что потом не вынем.

– Почему нет?

– Застрянет.

– Не верю я, что Кувалда вместо себя поставит Копыто, – покачал головой Абажур. – Копыто его сразу расстреляет. Или повесит.

– Он же умрёт к тому времени! – напомнил Утюг.

– Кто?

– Кувалда.

– А Копыто при чём? – поинтересовался любопытный Вилка.

– Помнишь, как фюрер сделал Копыто канцле-ром?

– А тот ещё виски всем свой втюхивал, – кивнул Дурич. – На нас наживался, падла, не мог свой виски на халяву пацанам раздать.

– Жлоб!

– Все Шибзичи такие!

Постепенно вокруг стола столпилось довольно много дикарей из всех кланов. Встревоженные гуляющими по Форту слухами, а главное – странным припадком великого фюрера, Шапки инстинктивно искали того, кто сможет внятно объяснить происходящее, и Абажур сообразил, что настал его звёздный час.

Он грубо оттолкнул Утюга, вскочил на лавку и громко обратился к народу с острым, как перец чили, вопросом:

– А вдруг великий фюрер перед смертью сделает Копыто премьер-министром?

В ответ народ притих и уставился на оратора, всем своим видом давая понять, что заинтересован, но желает объяснений, поскольку ничего не понял. Оратор же стукнул себя в левое полушарие, заставив глаза ненадолго собраться у носа, и громко продолжил:

– Допустим, станет Копыто премьер-министром, а из него прямая дорога в великое фюрерство...

– Из Копыто?

– Из премьер-министра, – уточнил Абажур. – Кувалда гикнется, и Копыто прямой наводкой полетит в кресло.

– Ещё неизвестно, куда он полетит, когда гикнется! – выкрикнул Вилка.

– Не позволим тут летать кому ни попадя! Взяли моду, мля!

– Копыте вашему только с самолёта летать!

– Падать!

– И падать тоже!

– Когда Кувалда гикнется, нам нормальный великий фюрер нужен, а не этот хипстер! – натужно выдал Утюг, сообразивший, куда клонит Абажур.

– Не этот – кто? – осведомился кто-то из Шибзичей, видимо, чтобы донести в подробностях.

– Не этот хипстер.

– А это как?

– Это когда штаны подвёрнуты.

Возникла пауза: Шапки принялись разглядывать штаны друг друга.

– Нужно, чтобы перед смертью Кувалда правильного пацана после себя оставил! – объявил Абажур, поднимая вверх палец. – Чтобы сделал правильного преемника.

– Кого?

– Авторитетного.

– Как ты?

– А почему нет?

Несколько секунд собравшиеся обдумывали услышанное, после чего с задних рядов неуверенно предложили:

– Абажура в фюреры!

Но осторожно, чтобы не поторопиться и не оказаться на виселице.

Вновь возникла пауза, поскольку обсуждать болезнь Кувалды – это одно, а выдвигать на ещё занятый пост уйбуя – совсем другое, папахивающее изменой, и хитрый Утюг попросил:

– Тогда говори, что с Копыто делать? – ловко переведя стрелки на конкурента.

Отвечать Абажур не стал, промолчал, позволив распалённому народу самостоятельно отозваться на вопрос Утюга.

– Надо с Копыто по-нашему разобраться! Сегодня же!

– Тогда Кувалда ещё кого-нибудь назначит.

– Кого?
– Да кого угодно!
– Пусть он Абажура назначит!
– Меня не назначит, я умный, – подначил сородичей авторитетный Гнилич. – Кувалда дурака выберет, чтобы ему проще было, а нам – крышка.
– А чего ему проще, если он помирать собрался?
Но голос разума народ привычно не расслышал.
– Почему нам крышка?
– Потому что, когда королева увидит ставшего великим фюрером дурака, она на нас ещё большие санкции наложит.
– Ничего она на нас не наложит, – поморщился Вилка.
– Наложит-наложит или покладёт, – попытался убедить Дурича Утюг.
– Точно покладёт. Нам грабить разрешают мало...
– Грабить нам ещё Всеслава не разрешала.
– Не ври тут, а то пристрелю дурака, – возмутился Утюг.
– Своего дурака пристрели, – посоветовал в ответ Вилка.
– Пацаны, хотите поржать? Здесь Дурич со мной дураком собрался меряться!
– На то он и Дурич.
– Ты кого сейчас дураком назвал?
– А ты догадайся.
Лясций вздохнул и присел на корточки, полностью скрывшись за пуленепробиваемой стойкой.
– Урод!
– От уroda слышу!
В следующий миг Вилка нанёс Утюгу прицельный удар в скулу, Утюг рухнул на пол, но успел прокричать:
– Гниличи!
И дебаты переросли в рукоприкладство.

///

Внутренний двор Южного Форта в очередной, не первый и не последний, раз превратился в поле боя. Вырвавшаяся из «Средства» драка обросла новыми участниками: на помощь своим сбежались и Дуричи, и Гниличи, – но пока оставалась рукопашной. Однако дикарям было весело и без огнестрельного оружия: бойцы рубились, болельщики улюлюкали, из окон сражающиеся стороны поддерживали мебелью и другими тяжёлыми

предметами, и найти во дворе безопасное местечко для парковки было решительно невозможно.

Поняв это, Маманя Дурич остановила «Газель» в арке въездных ворот, вышла из кабины и встала, уперев мощные руки в крепкие бока. В очень крепкие бока, ибо статью Маманя Дурич удалась на славу: роста в ней было шесть с лишним футов, веса – под двести фунтов, но при этом не жира, а крепкого, татуированного мяса. В семье здоровенную тётку побаивались, но Маманя, несмотря на крутой нрав, старалась вести себя скромно и на первые роли не лезла, памятуя, как любят сородичи стрелять выскочкам в спины. Лицо тётка Дурич имела грубоватое, с большими щеками и маленькими глазками, а поскольку волосы у Шапок не росли, то красную бандану Маманя носила, натянув на парик. Сегодня она выбрала чёрный, с двумя роскошными косами.

С минуту тётка хладнокровно взирала на завязавшееся во дворе сражение, затем поймала за плечо пробежавшего мимо бойца – выбрав, естественно, кого похлипче – и осведомилась:

– Что происходит?

– А что, не видно? – огрызнулся пойманный дикарь, извиваясь в крепком Маманином захвате. – Бьёмся.

– Из-за чего?

– Дуричи и Гниличи преемника ищут.

– Кого? – не поняла тётка.

– Кто вместо Кувалды будет.

Накал сражения косвенно подтверждал слова бойца – драться с таким энтузиазмом Шапки могли лишь за высший семейный пост... ну или за фуру с виски.

«Нет, за фуру они бы сразу начали стрелять», – поправила себя Маманя, но вслух сказала другое:

– А когда этот приёмник вместо Кувалды будет?

– Когда Кувалда умрёт, – объяснил извивающийся боец, поражаясь идиотизму дородной тетки.

Но поражаясь молча, дабы не злить и не нарваться на затрещину.

– А когда Кувалда умрёт? – не отставала Маманя.

И тем поставила пойманного воина в тупик, поскольку этот вопрос они в «Средстве» не обсуждали, ведь там было ясно, что фюрер при смерти.

– Ты откуда взялась? – осведомился боец, даже извиваться прекратив от изумления.

– Я в Рязань моталась, только приехала.

– Что ты там забыла?
– Огурцы торговала.
– Огурцы... – присвистнул боец, глядя на Маманю с высокомерием мелкого налётчика, привыкшего считать всех лавочников законной добычей. – Солить, что ли, вздумала?

– Ты на вопросы отвечай, – опомнилась Маманя. – А то я тебя самого засолю.

И крепко тряхнула пленника за плечо. Плечо пронзила боль, и боец поспешил удовлетворить любопытство тётки Дурич:

– Все вчера узнали, что Кувалда наш давно болеет сильно.
– Помирает, что ли?
– Говорят.
– От чего?
– Да кто его, собаку, разберёт, от чего? Главное, чтобы помер и правильного преемника оставил.

– Если он не умирает, то обязательно перестреляет тех из вас, кто выживет.

– Все знают, что помирает, – твёрдо ответил боец. – И пора ему это... о наследстве подумать.

– Ну иди, думай.

Маманя швырнула бойца в самую гущу схватки, но возвращаться к «Газели», как собиралась, не стала, продолжила разглядывать привычное для Форта зрелище с непривычным для себя вниманием.

Дуричи насаждают у портрета и виселицы, Гниличи удерживают главное крыльцо «Средства от перхоти» и пытаются организовать контратаку по правому флангу. Через мусорную кучу никто не лезет, не дурные, знают, что засосёт – не вырвешься. Сверху падают диваны и шкафы.

Всё, как обычно, но какая-то невнятная мысль не давала Мамане покоя. Что-то мешало веселиться вместе со всеми, поддерживать своих или уйти по делам.

– Идиоты, да? – загоготал стоящий неподалёку Шибзич, безрассудно предлагая мощной тётке посмеяться над дерущимися бойцами.

– Почему идиоты? – удивилась Маманя.

– Потому что дерутся.

– А ты чего стоишь?

– Нам не надо, – объяснил боец. – Я – Шибзич, у нас, если что, Копыто имеется, он и станет преемником.

И тут Маманя поняла, что за мысль не давала ей покоя.

Звёзды сошлись, пасьянс сложился, и Колесо Судьбы, раскрутившись, неожиданно обернулось Колесом Фортуны.

– Не станет, – уверенно ответила Маманя. – Копыто ваш – карта битая, так что забудь.

– Это ещё почему? – растерялся Шибзич.

Маманя огляделась, убедилась, что ближайшие дикари отвлеклись от созерцания драки, и громко, чтобы её точно слышали, сообщила:

– Потому что у нашего обожаемого великого фюрера уже есть преемник!

– Врёшь!

– Готовь присягу выносить, – обидно захохотала Маманя и уверенно направилась к казармам Дуричей.

* * *

складской комплекс «КумарКаргоЭкспресс»

Москва, улица Левобережная,

1 июля, пятница, 16:42

– Это стоимость аренды?! – взвыл Асид Хамзи, главный акционер и генеральный директор «Хамзи ВТ».

– И охраны, – уточнил Урбек Кумар, глядя куда-то за спину посетителя. – И ещё мне пришлось их заправить. Ты ведь сам просил, чтобы бензобаки были полными... А знаешь, сколько топлива помещается в бак?

– Надеюсь, ты влил не самый дешёвый бензин?

– Влил тот, который положен.

– И всё равно твой ценник...

– Полностью соответствует обстоятельствам, – отрезал Кумар. – Где бы ты ещё нашёл столько дружелюбия и понимания?

– Могу назвать адрес, – саркастически ответил Хамзи.

– А по твоему адресу тоже согласятся прятать от полиции, а главное – от Великих Домов эти ужасные боевые колесницы?

– Это не боевые колесницы, – возмутился Асид.

– А что?

– Ты знаешь что.

– Не важно, что я знаю, – отмахнулся Урбек. – Я здорово рискую, помогая тебе, и имею право на небольшую компенсацию.

Асид угрюмо засопел: будучи шасом, он знал, что в устах любого

соплеменника фраза «небольшая компенсация» звучит ещё более зловеще, чем «обсудим мою упущенную выгоду», и понял, что нужно соглашаться на выставленный счёт.

Сокращение «ВТ» в названии фирмы Асида означало «Властные Технологии»: Хамзи занимался человеческой политикой, крупно зарабатывая на воздухе, который они сотрясали с трибун, но некоторые его затеи выходили за рамки заурядной политехнологии. Например, Асид был в числе организаторов предстоящего в воскресенье митинга и обеспечил доставку в Москву пяти «пропагандистских машин»: семитонных фургонов, оборудованных мощными динамиками, усилителями, прожекторами, LED-панелями на бортах и даже выдвижной трибуной. Фургоны предполагалось использовать на второстепенных площадках и в качестве передвижных рекламных точек, организаторы считали их секретным оружием и не хотели светить до воскресенья.

– И перестань сопеть, – строго велел Урбек, поняв, что собеседник почти сдался. – Всё равно платишь не ты, а заказчики.

– У меня бюджет, – вздохнул Асид.

– Ой, вот только не надо про бюджет! – махнул рукой Кумар. – В него всегда закладывают непредвиденные расходы.

– Эту сумму я собирался забрать себе.

– А теперь тебе придётся поделиться ею с дядей Урбеком, – хихикнул старый барыга. – Как мама?

– Прекрасно, – сообщил Хамзи и, вздохнув, добавил: – Мама не раз предупреждала, что с вами лучше не связываться.

– Но жизнь куда разнообразнее, чем сказки наших добрых матерей, – чуть пафосно произнёс Кумар. – И бывает так, что на помощь может прийти только добрый дядя Урбек... Фургоны твои в целости и сохранности, можешь проверить... Когда они тебе нужны?

– В воскресенье, разумеется.

– С утра?

– Ещё не знаю. – Асид поднялся: – Я поехал.

– Счёт не забудь, – приятно улыбнулся Кумар.

///

– Ну и чего ты ждёшь? – ехидно осведомился Лебра.

Он не мог пропустить такое событие – визит к одному из самых неуживчивых и склочных шасов Тайного Города, не боящегося спорить с

самим Сантьягой, и отправился вместе с Майно. Который, оказавшись на территории складского комплекса, растерял всю свою уверенность.

– Сейчас...

– Это не моряны, тут не страшно.

– Тебе виднее.

– Что может с тобой сделать старый, уставший от жизни шас?

– Угу.

– Говорят, после рождения внуков Урбек стал добрее...

– Ага.

– И его бейсбольная бита теперь хранится в стеклянном шкафу...

– Перестань городить ерунду, – поморщился Майно. – Бейсбольная бита! Ты ещё скажи, что Урбек носит с собой позолоченный пистолет и дизайнерские кинжалы.

– А разве нет? – округлил глаза младший близнец.

– Лебра!

– Ладно, ладно, признаю: погорячился.

Шасы, конечно, ничем не напоминали ангелов, но насилия они сторонились и гордились тем, что ни один шас в истории не обагрил руки кровью. По крайней мере официально.

– Мы оба понимаем, что Урбек меня не тронет, – проворчал Майно.

– Тогда чего ты боишься?

– Позора.

– Ну этого добра старик тебе отвесит достаточно.

– Знаю, – ответил старший близнец. Вдохнул и повторил: – Знаю.

Предприимчивый Урбек Кумар заслуженно считался самым известным и оборотистым барыгой Тайного Города. Он работал в незаконном бизнесе не один десяток лет, безбоязненно брал на продажу любой товар, в том числе предельно «горячий», находящийся в активном розыске у полиции, страховых компаний или Интерпола, и без труда отыскивал для него надёжного покупателя. Причём работал Урбек не только с жителями Тайного Города, но и с человеческими уголовниками – но лишь после получения серьёзных рекомендаций. Кумар ловко ходил по самому краю, числился в подозреваемых у ФСБ, полиции и всех дознавателей Великих Домов, но ни разу не попался. К нему стекались нити бесчисленного множества преступлений, но тут они и обрывались, и как бы ни бились уважаемые и, безусловно, умелые сотрудники перечисленных организаций, прижать Урбека у них не получалось.

Слухи о вздорном старике ходили самые неприятные, и Майно неожиданно поймал себя на мысли, что лучше бы ему достался поход к

морьянам. Ведь в Павильоне Обманщиц, если вдуматься, было всего два варианта развития событий: или тебя съедят, или нет. А в общении с ушлым барыгой становились возможными любые, даже самые экзотические варианты...

«Ну не продаст же он меня в рабство в Индонезию, – тоскливо подумал Майно. – Всё же не чужие мы друг другу, из одной семьи...»

Но особенной уверенности старший близнец не ощущал.

– С тобой сходить? – с ехидным участием осведомился Лебра.

– Сам справлюсь.

– Только поторопись, у меня вечером дела.

– Какие ещё дела?

– Останешься жив – расскажу.

– Идиот.

– От идиота слышу.

Майно рывком вышел из «Мерседеса» и почти уверенно направился к конторе. Лебра улыбался брату вслед и жалел о том, что не будет присутствовать при разговоре.

Потому что инстинкт самосохранения был у шасов развит так же сильно, как предчувствие прибыли.

А жизнь в логове Урбека, несмотря на вечер, кипела бурная: через ворота то и дело сновали машины, от маленьких фургонов до многоосных фур, деловито разъезжали погрузчики, меняя ящики на мешки, мешки на контейнеры, а контейнеры – на ящики, шофёры и «экспедиторы» тихо переговаривались с местными «менеджерами» и провожали наряженного в деловой костюм шаса подозрительными взглядами – здесь привыкли к посетителям попроще. Но при этом не трогали: «менеджеры» понимали, что перед ними свой, а челы знали, что на территории Урбека драки лучше не затевать. Поэтому Майно без приключений добрался до конторы, вежливо постучал, приоткрыл скрипнувшую дверь и просунул в щель голову:

– Можно?

И услышал сварливый ответ:

– Смотря зачем.

– Я из Зелёного Дома, – сообщил старший близнец.

– Шасов стали принимать в люды? – удивился Кумар. – И сколько ты заплатил за смену генетического статуса? А главное – с какой целью?

– Я там работаю.

– Так ты по делу?

– Да, – выдохнул Майно, ожидая, что после этих слов ему велят

убираться.

Но получилось иначе:

– Отлично, сынок, проходи! – оживился Кумар. – Как мама?

– Спасибо, хорошо...

– Отрадно слышать. – Но мама близнецов занимала старого барыгу не то чтобы очень, и поэтому он немедленно перешёл к делам: – Я знал, что смена власти не пройдёт для белобрысых идиотов безнаказанно и они позволят нам пожить. Что у тебя?

– В смысле? – растерялся Майно.

– Что принёс?

– Куда?

Теперь взял паузу Урбек. Он внимательно осмотрел старшего близнеца, потом огляделся, словно проверяя, действительно ли они ещё находятся в конторе, а не провалились в какой-нибудь портал, вернулся к Майно и поинтересовался:

– Сынок, где, по-твоему, ты находишься?

– В конторе самого известного барыги Тайного Города, – доверчиво поведал старший близнец.

– Молодец, – одобрил Кумар. – Поэтому перестань болтать ерунду и показывай дяде Урбеку, какую часть зелёного дворца ты приволок на продажу. Короче: что ты утащил?

– У кого?

– Драгоценности? Посуду? Мебель? Сразу скажу, что недвижимость меня не интересует: у неё туманные перспективы.

– Ничего я не утаскивал! – опомнился Майно. – Я из казначейства!

– То есть облигации и долговые расписки? – Кумар нахмурился и посопел: – С этим сложнее... Векселя посмотрю, конечно, но возьму не все и только с большим дисконтом. Сам понимаешь – времена нынче непростые...

– Я ничего не принёс, – резко бросил близнец.

– Тогда зачем явился? – так же резко ответил разочарованный барыга.

– Вы ведёте дела с Шапками.

– И что?

Урбек потерял интерес к посетителю так же быстро, как вода исчезает в раскалённом песке пустыни.

– Красные Шапки – вассальная семья Зелёного Дома, а значит, вы должны платить нам налоги.

– Сынок, всё, что положено, я плачу Тёмному Двору, – отрезал Кумар. – Дверь там.

Но Майно тоже был шасом и теперь, когда речь зашла о деньгах, вцепился в разговор бульдожьей хваткой:

– Докажите!

– Что доказать?

– Докажите, что платите налоги Тёмному Двору, и объясните, почему вы платите налоги Тёмному Двору, если прибыль вы получаете с подданных Зелёного Дома?

– Какие налоги я плачу Тёмному Двору, спроси у навов, – ехидно посоветовал Кумар. – А почему я плачу налоги Тёмному Двору, даже дураку понятно, и мне стыдно за твою маму, сынок. Если тебе действительно интересно, почему я плачу налоги Тёмному Двору, – повторил он, – ты можешь спросить об этом навов, а если людям интересно, почему я плачу налоги Тёмному Двору, а не Зелёному Дому, они тоже могут спросить об этом навов, и я с радостью послушаю ответ.

– Ваши финансовые взаимоотношения с Тёмным Двором меня не касаются, – холодно сообщил Майно, удивляясь собственной наглости. – Но раз вы делаете прибыль на Красных Шапках, вы должны проводить положенные отчисления в казну Великого Дома Людь.

– Сынок, тебе известно такое понятие: «двойное налогообложение»? – с издёвкой поинтересовался Кумар, которого, судя по всему, диалог стал забавлять.

– При ваших прибылях можно и четвертное устроить, – не остался в долгу близнец.

– Ты мои прибыли видел? – прищурился Урбек.

– Ещё скажите, что у вас их нет.

– Для тебя – нет.

– Чем это, интересно, я от других отличаюсь?

– От каких других?

– Для которых у вас прибыли есть.

– Чем отличаешься?

– Да.

– Подрастёшь – поймёшь.

– То есть я – маленький?

– Маленький и забавный, – подтвердил Кумар, не понимая, что сильно перегибает палку. – А теперь проваливай и передай Серису, что если уж он берёт на работу родственников, то пусть выбирает умных.

– То есть я ещё и тупой?

– Обрати внимание: ты сам догадался, – рассмеялся Урбек. – То есть ты постепенно движешься к светлому будущему, в котором твоему

пониманию станут доступны арифметические примеры третьего класса начальной школы.

Барыга скорчил сотруднику казначейства рожу, и эта перекошенная маска, глумливая и высокомерная одновременно, стала для Майно последней каплей. Молодой шас вскочил, схватил портфель, прижал его к груди и срывающимся голосом пообещал:

– Вы об этом пожалеете!

– В данной ситуации я могу пожалеть только тебя, идиот! – захохотал Кумар. – Говорить толком не выучился, а туда же – из дяди Урбека деньги тянуть!

– Пожалеешь! – сорвался на крик Майно. – Пожалеешь!

И на этих словах за окном прогрехотал гром.

Ну, в смысле, погрузчик уронил ящик с какими-то жестянками, что вызвало громкую ругань «менеджеров», под раскаты которой оплёванный сотрудник казначейства медленно побрёл к своему «Мерседесу».

* * *

где-то в Сети

1 июля, пятница, 17:21 (время московское)

Они давно знали друг друга, дружили, воевали, ненавидели, убивали друг друга, детей и родных, спасали друг друга, детей и родных, приходя на помощь во время «походов очищения», и подставляли друг друга, наводя на старых врагов безжалостных гарок Тёмного Двора. Они не верили друг другу, но, оказавшись в одной лодке, приняли решение договориться.

Кардиналы семьи Масан.

Лидеры самых сильных кланов ночных охотников.

Они жили в разных концах планеты, и потому совещание проходило в режиме видеоконференции, безопасность которой обеспечивали высококлассные профессионалы, работающие на самого Яргу. Только такая рекомендация давала гарантию, что разговор не будет подслушан специалистами Великих Домов, и позволяла кардиналам говорить предельно открыто.

Однако первая прозвучавшая фраза не имела никакого отношения к предстоящему Конклаву.

– Ярга не выходит на связь, – громко сообщил Фрэнк Малкавиан, чей клан уверенно контролировал Кейптаун, а вместе с ним – всю Южную Африку по линии Ангола – Замбия и даже Мозамбик. – Мне это

обстоятельство не нравится.

– Ты просто нервничаешь, – хладнокровно отозвался Дэвид Луминар, новый король Нью-Йорка.

Вопреки распространенному мнению, Дэвид отнюдь не был тупым рубакой, взобравшимся на вершину благодаря подлости и первобытной жестокости, его уму могли позавидовать многие масаны, и именно ум позволил Луминару не только одержать победу в междоусобице, но и подмять под себя всё Восточное побережье США.

Дэвид славился злопамятностью, поэтому Малкавиан, несмотря на присущее клану безумие, не взорвался, услышав немного обидное замечание. Нахохлился, конечно, но не разразился потоком отборных ругательств, коих знал множество. И совершенно неожиданно ответил:

– Да, немного нервничаю.

Остальные собеседники ошарашенно помолчали, и лишь через полминуты Диего Носферату, безоговорочный лидер Рио и всей Бразилии, поддержал товарища:

– Ситуация действительно выглядит неопределённой.

– Не вижу ничего страшного, – уверенно продолжил Дэвид. – Мы не дети, мы вместе разрабатывали каждый пункт плана, мы долго готовились и сумеем реализовать задуманное без оперативного управления...

– Без страховки, – уточнил Атал Гангрел, сумевший вырвать Мадрас из цепких лап Виджая Луминара.

– Без того, что нам будут утирать сопли, – парировал Дэвид.

– Ярга всё-таки в плену? – угрюмо спросил Диего.

– Ярга там, где хочет быть. Никто не способен переиграть заурда.

– Хочу напомнить, что Сантьяга не вчера родился, – заметил Марко Носферату из Лос-Анджелеса. – И даже не позавчера.

– Хочу напомнить, что Ярга выиграл Первую войну.

– Сколько тысяч лет с тех пор прошло? И где он был всё это время?

– Не важно! – неожиданно громко произнёс Фрэнк, сообразивший, что его первое замечание способно увести совещание далеко в сторону. – Важно то, что заурд одобрил план и мы обязаны его исполнить.

Все знали, чем грозит неповиновение, и мысленно согласились с тем, что, пока не будет достаточных доказательств смерти Ярги, нужно чётко следовать его указаниям.

– Конклав – это признак неуверенности, – твёрдо заявил ещё один Луминар – Тамим, кардинал из Бейрута, правящий всем Ближним Востоком. – Сантьяга, очевидно, не знает, как справиться с заурдом, и пытается договориться с нами.

- А если мы откажемся – убьёт нас, – проворчал Диего.
- Ты убил бы?
- Обязательно.
- А комиссар дал слово, – напомнил Тамим. – И пришлёт заложников.
- Ты уверен?
- Без этого я не поеду.
- То есть только на его слово ты не полагаешься? – хмыкнул Фрэнк.
- Нет, конечно, – ответил владелец Бейрута.

Между непримиримыми и Великими Домами было слишком много крови, чтобы поверить даже самому твёрдому обещанию. И поэтому кардиналы согласились принять участие в Конклаве лишь при условии, что их безопасность будут гарантировать заложники из числа верных Тёмному Двору масанов.

– Сантьяга не тронет нас лишь в том случае, если мы первыми не нарушим договорённости, – продолжил лидер Рио.

– В этом всё дело? – усмехнулся Тамим. – Боишься за себя?

– Забочусь о своей безопасности, – резанул в ответ Диего. – А ты давно обходишься без телохранителей?

– Пошёл ты...

– Спасибо за честный ответ.

– Вам осталось только поругаться, – рассмеялся Дэвид. А в следующий миг стал очень серьезным: – Мы знали, что придётся рискнуть, и, если я правильно помню, все были с этим согласны. План, безусловно, не идеальный, но если мы будем твёрдо его придерживаться, а главное – обойдёмся без внутренних противоречий и поддержим друг друга по-настоящему, как это принято у ночных охотников, мы и героями станем, и в живых останемся.

Кардиналы переглянулись, но спорить не стали.

В конце концов, они не сейчас делали выбор, а гораздо раньше, когда по тем или иным причинам, добровольно или под давлением, желая того или проклиная себя за слабость, приняли предложение Ярги и стали его слугами. Все они.

– Давайте в конце концов обсудим то, ради чего организовали эту... – Дэвид замялся. Он хотел привычно произнести «встречу», но видеоконференция плохо подходила под это определение, и кардиналу Луминар пришлось искать ему замену.

– Совещание, – подсказал Малкавиан.

– Именно. Спасибо, Фрэнк.

– Всегда пожалуйста, Дэвид.

Остальные кардиналы постарались скрыть ухмылки.

Фрэнк Малкавиан был опасным и очень неприятным масаном, но его умение вовремя предавать могло войти в лучшие учебники интриг. Когда-то Малкавиан был непримиримым из непримиримых, впадал в ярость при малейшем упоминании Великих Домов или масанов Тайного Города, которых называл исключительно рабами, и прославился дикой жестокостью в обращении с пленными. Затем принял сторону Александра Бруджи, вошёл в Коалицию, призванную найти компромисс с Тёмным Двором, и помогал барону расправляться с неугодными. Подтвердил свою верность Клаудии Бруджа, но предал её, встретив Яргу. Фрэнк всегда ставил на победителя, проявляя несвойственную Малкавианам осторожность, и потому прожил намного дольше, чем его бесшабашные и слегка безумные сородичи.

– Все ли готовы отправить оговорённое количество воинов? – продолжил Дэвид.

Кардиналы замялись.

Требования Ярги казались разумными, а разработанный им план – хорошим только до тех пор, пока вампиры верили, что осуществлять его будет лично заурд. Теперь же, когда местонахождение Ярги оставалось неизвестно и в самом лучшем случае он пребывал в Цитадели, у лидеров ночных охотников появились сомнения.

Не получится ли так, что Великие Дома готовы к атаке? Не получится ли так, что Великие Дома воспользуются ситуацией и нанесут удар по оставшимся без защиты городам? Что будет, если план сорвётся? Останутся ли они лидерами основных кланов?

Отсутствие Ярги сделало кардиналов нерешительными, и Марко Носферату задумчиво протянул:

– Нужны гарантии.

Дэвид вновь взял слово:

– Какие гарантии, Марко? А главное – от кого?

– Хочу быть уверенным, что у нас получится...

– У нас получится, – перебил калифорнийца Атал. – Вопрос в том, что будет дальше? Мы приведём армию в самый центр Тайного Города и нанесём мощный, невиданный до сих пор удар. Не сокрушительный, он таким и не задумывался, но очень мощный. Великие Дома взвизгнут. Что дальше?

– На следующий день начнутся «походы очищения», – пробормотал Диего.

– На следующий день не успеют, – хихикнул Атал.

– Оправятся и придут.
– Это верно.
– Заурд не позволит Великим Домам оправиться, – повысил голос Дэвид.
– Об этом мы и говорим, – вернул себе слово Марко. – Ты уверен, что всё будет развиваться согласно общему плану?
– Уверен, – отрезал кардинал Нью-Йорка.
– Почему?
– Потому что так сказал Ярга.
Сомневаться в словах заурда никто не рискнул, во всяком случае – публично, и в переговорах вновь возникла пауза. Которую нарушил Фрэнк:
– Мы собираемся отправить в Тайный Город огромную армию, – произнёс он, примирительно глядя то на Дэвида, то на Атала. – И ясно, что, если что-то пойдёт не так, мы перестанем существовать как боевая сила.
– Что может пойти не так? – дёрнулся Дэвид.
– Пожалуйста, не горячись, – попросил Фрэнк, поднимая правую руку. – Я лишь хочу сказать, что сомнения в данной ситуации вполне оправданны. Мы рискуем: и своими жизнями, и своими кланами. Но мы не отступим... Ведь так?
– Решение принято, – после короткой паузы поддержал Малкавиана Тамим.
– Я хочу их крови, – процедил Дэвид. – Надоело бояться.
– Я мечтаю о свободе, – тихо сказал Марко.
– Смерть рабам! – бросил Диего.
– Эта битва войдёт в историю, – усмехнулся Атал.
– Только давайте договоримся: Клаудия – моя. – Фрэнк широко улыбнулся: – Хочу лично разобраться с этой сучкой.

* * *

ресторан Chicago Prime
Москва, Страстной бульвар,
1 июля, пятница, 20:39

– А здесь миленько, – произнесла Фатма, присаживаясь за столик.
– Спасибо... то есть... я старался, – чуть сбивчиво ответил Лебра, устраиваясь напротив. – То есть это не мой ресторан... я старался, в смысле, долго думал, где... то есть куда...

Моряна позволила молодому шасу запутаться окончательно, после

чего с улыбкой осведомилась:

– Почему мы встретились именно здесь?

Она выглядела сногшибательно: маленькое чёрное платье, плотно облегающее изящную фигуру, едва заметный макияж, подчёркивающий природную прелесть девушки, скромные украшения – чтобы не отвлекали от красоты – и красный цветок в чёрных волосах.

Цветок стал для шаса последней каплей, и он то и дело упирался в него взглядом.

– Ну... как я сказал по телефону... то есть... возникли некоторые интересующие подробности... – Лебра понял, что совершенно не готов к допросу, и на всякий случай покраснел. – Там... у казначейства то есть...

– Почему в этом ресторане?

– Думал, тебе нравится мясо, – выдохнул Томба.

– Потому что я – хищник?

– Ну... Потому что я ничего о тебе не знаю.

– Мог бы спросить.

– И ты бы ответила?

– Я люблю мясо, – улыбнулась девушка, глядя Лебре в глаза.

Несколько секунд шас ошарашенно молчал, после чего выдал:

– Я ведь не спрашивал.

– Разве?

– Спрашивал, – признал Томба. – Спрашивал. Хотел знать...

Лебра не был девственником. Бабником, впрочем, тоже, большим количеством побед похвастаться не мог, но к девушкам подход знал и, между прочим, получше, чем финансовый сухарь Майно, который рано или поздно женится на той, на которой велит мама, и вряд ли это надолго отвлечёт его от биржевых сводок.

Лебра женщин любил, давно научился вести себя с ними, но Фатма... Рядом с Фатмой молодой шас трепетал настолько, что не мог даже пары слов связать, будто вернувшись в стеснительную юность. Он боялся обидеть девушку, ляпнув что-нибудь не то, боялся показаться снобом, старался вести себя «правильно», но получалось только хуже.

И он постоянно ловил себя на том, что пялится на красный цветок в её волосах.

– Какое... вино? – выдавил Лебра, ругая себя последними словами.

– Красное, – улыбнулась моряна. – Мы ведь планируем есть мясо?

– Ах да...

– Ещё мне нравится розовое.

– Ага.

– Итальянское.
– Ага.
– А тебе?
– Розовое, – зачем-то подтвердил Лебра, несмотря на семейную любовь к коньякам.
– Вижу, у нас много общего.
– Очень.
Они сделали заказ, на удивление одинаковый, возможно, потому, что Лебра перечислял выбранные блюда вторым, согласились на вермут в качестве аперитива, а когда официант отошёл, Фатма чуть подалась вперёд, понизила голос и поинтересовалась:
– Давай сразу кое-что проясним...
– Давай, – торопливо перебил девушку Лебра. – Я не за экзотикой.
И так ответил на не прозвучавший вопрос.
Моряна медленно кивнула, показывая, что поняла ответ шаса, и улыбнулась уголками губ:
– Неужели мы будем обсуждать финансы Великого Дома?
– Нет, конечно... – Лебра нервно погладил скатерть. – Нет... не хочу... то есть я... я хочу... Я хочу поговорить с тобой.
– О чём?
– Да о чём хочешь. – Молодой шас несмело улыбнулся. – Говорят, на следующей неделе акции ай-ти компаний здорово просядут.
И тут же смутился.
А Фатма рассмеялась...

* * *

***муниципальный жилой дом
Москва, Лялин переулок,
2 июля, суббота, 00:11***

Сколько раз он предавал?
Много.

Можно, конечно, задаться целью, посчитать и выяснить точно, однако смысла в этом исследовании нет, потому что каждое предательство равно тысяче преступлений, и с этой точки зрения он давно превзошёл самых знаменитых злодеев Тайного Города.

«Даже Сантьягу?» – ехидно спросил внутренний голос.

В ответ Сдемир усмехнулся. Все знали, что комиссар неукоснительно

соблюдает обещания. Неохотно даёт слово? Да. Но если даёт, то нет необходимости звать нотариуса, поскольку один-единственный кивок комиссара будет крепче любого заклатья и любой подписи, пусть даже кровью.

«Получается, я больший преступник, чем проклятый нав...»

Потому что изменял слову, изменял дружбе, изменял крови – родной и крови своего народа. Потому что обманул женщину, которая искренне ему доверилась, ударил в спину тем, кто дал слово его защищать, и убил собственного отца.

Сдемир никогда не испытывал ни сомнений, ни сожалений, ни угрызений совести, рассматривал предательство как естественную часть жизни, перешагивал через трупы и спокойно шёл дальше. И всегда был готов к ответной подлости. Молодой, по меркам людоедов – совсем щенок, Сдемир прекрасно знал, что его обязательно будут бить – исподтишка, жестоко, и принимал меры, чтобы не пропустить особенно сильный удар. Но пропустил – не угадал направление.

Не угадал...

Сдемир ждал удара, направленного лично на него, думал, организуют покушение, но опытная Всеведа перехитрила юнца и уколола его в самое сердце.

Всеведа распорядилась убить Далину, женщину, которая стала Сдемиру ближе всех на свете. Женщину, ради которой молодой барон собственноручно расправился с несколькими жителями Тайного Города, обставив их убийство как несчастные случаи. Сдемир знал, что любит Далину, с первой встречи разобрался, что девушка – та самая, единственная, – и целеустремленно вёл дело к свадьбе. Он почти добился своего, но Всеведа... Всеведа порвала его счастье в клочья.

Во всяком случае, Сдемир считал, что во всём виновата Всеведа.

И не сомневался, что однажды ей придётся за это ответить...

Ужасная потеря произошла примерно неделю назад, Далину похоронили в понедельник, но, несмотря на то что прошло совсем мало времени, молодой барон не считал, что поступает дурно, общаясь с Анной. Сдемир был холоден, спокоен и никогда не врал себе. Он знал, что любит женщин и скоро отыщет новую подругу, не обязательно постоянную, не обязательно такую, на которой захочет жениться, но обязательно отыщет. А раз так, то какая разница, случится это через день после похорон или через месяц?

Никакой разницы. Но...

Но кое-что из их взаимоотношений с Анной необходимо убрать.

Припарковавшись неподалеку от дома, Сдемир достал телефон и набрал номер новой подруги:

– Привет.

– Ты уже здесь? – ответила Анна голосом Далины, и знакомые нотки кольнули молодого барона в сердце.

«Я не настолько силен, каким хочу казаться...»

– Да, здесь.

– Ты пунктуален.

– Только тогда, когда хочу.

– Сейчас ты хочешь?

– Да, хочу, – ответил Сдемир, подходя к подъезду.

– Я жду.

– Не принимай её облик, – попросил барон. – Закончим на этом. Я хочу видеть именно тебя.

Анна оказалась тоньше, чем ожидал Сдемир. Услышав просьбу, она не стала портить разговор пошлыми вопросами «Почему?» или «Неужели тебе не понравилось?», прошептала: «Хорошо», положила трубку и встретила его в прихожей в истинном облике.

– Привет.

Она была совсем не похожа на Далину, но красива собственной, уникальной красотой. Чуть более яркой. Чуть более порочной. Волнующей, но не задевающей душу.

Но волнующей, и поэтому Сдемир, улыбнувшись, поцеловал Анну в губы. Поцеловал именно её, не Далину.

– Вина? – тихо спросила девушка.

– Немного красного.

– Я приготовила.

– Очень хорошо... – Молодой барон прошёл в гостиную, постоял, дожидаясь, когда Анна наполнит бокалы, а потом пригубил терпкое красное.

– Ты хотел увидеть именно меня или кого-то ещё? – спросила девушка.

– Почему ты спрашиваешь?

– Потому что я – метаморф. Я могу стать кем угодно, исполнить любое твоё желание, прихоть, фантазию...

Он улыбнулся.

– Я могу представить себя моряной.

– У женщины должен быть аккуратный маникюр.

– Могу обернуться королевой...

– Я могу взять Всеведу и без твоей помощи.

– Неужели? – подняла брови Анна.

– Она сейчас так же одинока, как я, – объяснил барон. – И несколько раз давала понять, что не против.

– Но против ты... – протянула метаморф. – Но тем не менее чего ты хочешь? Расскажи мне о своих фантазиях.

– Зачем?

– Я хочу доставить тебе невозможное удовольствие... Ты когда-нибудь спал с масаной?

Молодой барон вздрогнул: не потому, что спал – в действительности ему не доводилось пробовать холодную любовь вампира, – а потому, что порою думал об этом, и ловкой девице удалось отыскать в его душе струнку, которая отозвалась.

– Не изображай из себя шлюху, – грубовато бросил Сдемир.

Анна прекрасно поняла, что нащупала нужную точку, но виду не подала и спокойно, поскольку барон её не задел, произнесла:

– Я и есть шлюха.

– Разве? – опешил Сдемир, не ожидавший прямого ответа.

– Можем посчитать наши достижения, но не хочу тебя унижать.

– Меня всегда тянуло к плохим девочкам, – рассмеялся барон, которому понадобилась всего пара секунд, чтобы вернуть самообладание.

– Значит, ты пришёл куда надо.

– Значит, да... – Люд поставил бокал, сделал шаг и мягко провёл рукой по щеке метаморфа: – Ты красивая.

– Но не в твоём вкусе, – улыбнулась в ответ Анна.

– Откуда ты знаешь?

– Сантьяга знает о тебе всё.

Девушка выбрала хороший момент для укола, но барон сдержал удар. Кивнул, показывая, что всё расслышал правильно, и спокойно ответил:

– Вкусы меняются.

– Если бы изменились, Сантьяга знал.

И это заявление Сдемир не оспорил. Но поинтересовался:

– Что ещё Сантьяга говорил обо мне?

– Он знает, что ты служишь Ярге.

– Но не может доказать.

– Или не хочет.

– Что ты имеешь в виду? – поднял брови барон.

– Сантьяга считает, что с тобой можно договориться.

Эта реплика вызвала у молодого барона саркастический смешок:

– Анна, милая, скажи: кто из нас кого вербует?

– Уже не знаю, – вновь рассмеялась девушка. – Попеременно.
– Сантьяга верит, что со мной можно договориться?
– Сантьяга не приказывал это говорить. Ты спросил – я ответила так, как я вижу.

– Честно?

– Клянусь.

Она могла обратиться в кого угодно: в развратную куртизанку и в наивную деревенскую девочку, она могла взглядом заставить его снять штаны, а в следующий миг изобразить абсолютную невинность. Она была метаморфом, идеальным разведчиком и шпионом, но Сдемиру было плевать на возможности Анны – он видел перед собой женщину, а с женщинами он умел обращаться.

И понял, что Анна не лжёт.

– Сантьяга знает, что ты со мной?

– Да.

– Но то, что ты сейчас сказала, ты сказала от себя, не от него. – Люд выдержал паузу. – Почему?

Она правильно поняла вопрос:

– Сантьяга ждёт, Сдемир. Он знает о твоей беде и хочет посмотреть, как ты себя поведёшь. И он не один такой: твоего следующего шага ждут и Всеведа, и Ярга.

– Что ты имеешь в виду? – Барон прекрасно сыграл лёгкую растерянность.

– На тебя наступили, Сдемир, гибель Далины стала для тебя ударом, и все ждут, что будет дальше: ты сломаешься, проглотишь смертельную обиду и вернёшься в строй или станешь действовать в своём стиле.

– И какой он – мой стиль?

– Ты захочешь отомстить.

– Любой на моём месте захотел бы отомстить, – неожиданно резко ответил барон. Но тут же вернулся к спокойному тону: – Это очевидно: месть – общий стиль.

– Но ты не станешь ждать.

– Ты... – Он покачал головой, взял со стола свой бокал, вновь пригубил, прошёлся по комнате, бездумно её разглядывая, уселся на диван, положив ногу на ногу, и лишь после этого продолжил: – Всё-таки ты меня вербуешь.

– Или показываю тебе, что умею, – ровно ответила Анна, усаживаясь перед бароном на стул.

– Зачем?

– Чтобы ты знал, что я могу предложить.
– Мы говорили о свободе, – припомнил Сдемир их прошлый разговор.
– Я много размышляла после нашей встречи и пришла к выводу, что хочу изменить свою жизнь. Резко изменить.

– Как?

– Но прежде я хочу знать: Ярга держит слово?

– У меня не было возможности это проверить, – честно ответил барон после короткой паузы. – Точнее, я бы сказал так: у меня не было возможности проверить, готов ли он держать слово, если это станет мешать его интересам, или же он посчитает, что дал слово вынужденно. Но всё, что он обещал, он сделал.

– Если он пообещает оставить меня в покое – навсегда, – он это сделает?

– Почему ты не попросишь об этом Сантьягу?

– Потому что мне нечего предложить ему взамен, – легко ответила Анна.

– Предложи мою голову.

– Это станет результатом текущей работы, не более. Сантьяга отпустит меня только в обмен на что-то очень важное, но я не могу ничего придумать.

– А что ты можешь предложить Ярге?

– Предательство, – улыбнулась девушка. – Я могу стать очень полезной картой в его колоде.

Она ничуть не преувеличивала свою значимость, но что-то в предложении Анны показалось люду фальшивым. Нет, не фальшивым, это было бы слишком грубо для разведчика такого уровня, скорее барон почуял тень фальши.

Но ответил тем не менее заинтересованно:

– К сожалению, я не могу сейчас ему позвонить, но... Я тоже думал о нашем разговоре, Анна, и готов дать тебе слово, что я – лично я – сделаю всё, чтобы ты обрела свободу.

Несколько секунд метаморф смотрела Сдемиру в глаза, затем поднялась со стула, провела ладонью по столешнице, открывая потайной ящик, вернулась к барону и протянула ему размытую фотографию молодого чела.

– Сантьяга его ищет. Это очень важно и как-то связано с масанами.

– Как?

– Не знаю, – пожала плечами девушка. – Сантьяге нужен этот чел, но у него есть только плохое фото, и комиссар нервничает.

– Интересно... – Сдемир повертел в руке фотографию, небрежно бросил её на журнальный столик и повернулся к Анне: – Мы ведь не будем всю ночь говорить о делах?

Девушка рассмеялась и обняла молодого люда за шею.

* * *

муниципальный жилой дом

Москва, Северный бульвар,

2 июля, суббота, 01:41

Сегодня Шера не торопилась, смаковала каждый момент, каждую деталь происходящего. Смаковала с таким наслаждением, будто впитывала, подобно вампиру, вытекающую из Антона кровь. Купалась в диком страхе жертвы, становясь сильнее с каждым мгновением.

И предвкушала муки, через которые заставит пройти Антона.

Ещё в первый визит Шера заметила небольшую коллекцию ножей, которой владел Буторин. Не дорогую коллекцию, поскольку зарабатывал парень немного и не мог похвастать богатыми родителями, но со вкусом подобранную. В старом серванте – а мебель в квартире Антона не отличалась новизной – было выложено три десятка клинков разной формы и производства, и именно они подсказали Шере, каким будет следующий шаг.

– Любишь ножи? Очень хорошо... – Занявшись мстью, девушка не прекратила изучать гипнотические арканы и знала, что прекрасные результаты показывает техника «перевёртыш», при которой в тёмном свете выставляются любимые объекты или предметы. – Нет ничего забавнее, чем заставить ножемана возненавидеть клинки.

Однако торопиться Шера не стала, уселась в кресло, закинула ногу на ногу, натянула на правую руку «Господина», прошептала заклинание, поморщилась, почувствовав вонзившиеся *иглы* артефакта, чуть расслабилась, чтобы «Господину» было удобнее пить, и негромко произнесла, обращаясь к лежащему на диване Антону:

– Знаешь, на что мне пришлось пойти ради мести? Не знаешь... Я и сама не знала, что соглашусь на такое... – Шера на мгновение сбилась – перехватило горло, но нашла в себе силы продолжить: – Я творю отвратительные, мерзкие вещи. Я презираю себя, но мне пришлось пойти на них, чтобы иметь возможность отомстить тебе, мразь! Тебе! – Девушка резко дёрнулась, недовольный «Господин» сильнее вцепился в руку, и

Шере пришлось вернуться в кресло и вновь расслабиться. – Мне приходится спать с приятелем моего любимого, моего Адриана, которого ты убил... Мне приходится спать с вонючим, омерзительным Носферату, уродливым, как последняя обезьяна... Думаешь, я его хочу? Совсем не хочу, но Адам дал мне артефакт, который доведёт тебя до безумия... Адам противен... он мой наркотик... – Шера подняла правую руку и посмотрела на обжиралову «Господина». – Адам для меня то же самое, что героин для наркомана. Он это знает. Я это знаю. Он не знает, что я знаю. А я знаю, что ничего не изменится... – Она посмотрела на Антона: – Ты что-нибудь понимаешь?

Антон промолчал.

– Ты когда-нибудь спал с вампиром?

Тишина.

– Проклятый гомофоб!

Тишина.

Тут Шера вспомнила, что пора браться за дело, и замолчала, сосредоточившись на управлении «Господином». К счастью, вчерашний опыт не прошёл даром, и кошмар девушка навела значительно быстрее. А убедившись, что ужасный сон полностью овладел молодым челом, продолжила:

– Только вампир способен доставить женщине незабываемое наслаждение, в котором смешиваются лёд, пламя, страсть, кровь, смерть, ужас, удовольствие и снова холод... Быть женщиной вампира так страшно, что оргазм накрывает с головой снова и снова. Адам знал, что я не откажу, что захочу вновь оказаться с вампиром, и воспользовался этим. Он мерзкий... Но он дал мне артефакт, и теперь я буду убивать тебя медленно, Антон, чтобы ты мучился так же, как мучаюсь я, когда Носферату берёт меня. Чтобы тебе было противно смотреться в зеркало. Чтобы ты начал задумываться о самоубийстве.

Тем временем кошмар нарастал, и Буторин, не просыпаясь, начал кричать. Он ёрзал, сбивал простыню, комкал одеяло, грыз подушку, потом отбросил её и в завершение разрыдался, подвывая и умоляя, чтобы всё это прекратилось.

Умоляя не кого-то конкретного, а просто – умоляя, не зная, к кому обратиться.

Антон был полностью раздавлен, однако останавливаться Шера не собиралась.

Выждав ещё с минуту, девушка заставила Буторина подняться и достать из серванта один из ножей. Не очень длинный, но с очень острым,

обоюдоострым лезвием, идеально подходящим к её замыслу.

– Возможно, рано или поздно я тебя кастрирую, подонок, но сейчас ты просто поранишься.

– Нет, – прошептал Антон, как будто мог спорить.

– Да...

– Нет... – Клинок прочертил на его руке первую рану. – Нет...
Пожалуйста, нет...

Он ещё раз резанул себя по левому предплечью, потом – по ладони, а потом, когда кровь потекла в полную силу, взмахнул рукой, разбрызгивая капли по комнате, по мебели, шторам и потолку, по монитору и скомканному на диване белью. Сделал следующий надрез и вновь взмахнул... Крупные капли попали Шере на лицо, и девушка громко, очень весело рассмеялась, а «Господин» на руке блестел так же ярко, как её глаза.

Глава 4

«Наши источники сообщают, что некая коммерческая структура арендовала на ВСЕ ближайшие выходные ВСЮ гостиницу «Империя Сити» на пятьдесят пятом этаже башни «Империя» для проведения «частного мероприятия». На первый взгляд кажется, что ничего подозрительного в этом сообщении нет, но если вспомнить, что на воскресенье в столице намечен грандиозный, миллионный марш против коррупции, многое начинает видеться в другом свете. Небоскрёбы Сити возвышаются над городом и позволяют обеспечить тотальный контроль зловещих подразделений безопасности над мирным населением. С какой целью? Для уточнения угрозы, которую несёт нашей свободе захват верхних этажей известного небоскрёба, мы обратились к эксперту по вопросам демократии, лауреату премии радио BBC, профессору Серебрянцу...»

(gazeta.ru)

«Трагические события в Зелёном Доме и Конклав непримиримых, который неожиданно созывает Сантьяга, заставили на время позабыть о постоянном поставщике забавных новостей – семье Красных Шапок. Но наши любимцы сами о себе напомнили, озаботившись поиском преемника для увядающего фюрера. Вот что заявил нам в интервью один из активных политических игроков Южного Форты, уйбуй Утюг Гнилич. Дословно: «Кувалда второй пожизненный срок точно не потянет – здоровья не хватит. Не, он мужик ваще крутой, в натуре, мы его уважаем, любим и боимся, мы ему портрет на стену поставили и каждое утро поём гимн, а он нам даже дитя заделал, если Маманя Дурич не врёт, но второе пожизненное великофюрерство наш Кувалда точно не выдержит, а значит, ему ваще конкретно нужен преемник...»

(Тиградком)

**Москва, улица Земляной Вал,
2 июля, суббота, 12:33**

Со стороны могло показаться, что волшебникам, колдунам, ведьмам и прочим обитателям Тайного Города, обладающим магическими способностями, живётся на удивление легко. Ещё бы! Ведь умение работать с удивительной энергией Источников по определению ставит их много выше заурядных смертных, позволяя совершать невозможные поступки. Маги умеют переноситься на гигантские расстояния, насылать дожди и засуху, убивать и подчинять своей воле, создавать предметы, делаться невидимыми, предсказывать будущее, но при этом... даже столь могущественные существа, случается, оказываются в затруднительном положении.

К примеру, Захар, епископ клана Трех, один из сильнейших боевых магов Города, познавший едва ли не все тайны магии Крови, долго не мог решить, кому доверить слежку за Антоном Буториным. Одному из масанов? У Захара были помощники, которым он доверял, как самому себе, но вампиры боятся солнечного света, днём вынуждены ходить в плотной одежде, а значит – привлекать внимание. Разумеется, и одежду, и глухой мотоциклетный шлем можно без труда спрятать под мороком, но вампир, скрывающийся днём под заклинанием, обязательно вызовет подозрения у жителей Тайного Города... По той же причине невозможно привлечь нава: если кто-нибудь сообразит, что тёмный следит за обычным челом, об этом сразу же донесут Великим Домам. Затем Трех подумал о наёмниках-челах или хване, но после долгих колебаний вынужден был отказаться от их услуг.

Нельзя.

Нельзя исключить, что наблюдатели узнают об уникальности Буторина, и в этом случае их дальнейшие действия станут непредсказуемыми. Потому что все, абсолютно все перечисленные, кроме навов, испытывали перед вампирами инстинктивный страх. Все они были *пищей*, а значит, пойдут на что угодно, лишь бы заполучить прививку от кровососов.

Стать для масанов такими же ядовитыми, как навы.

От этой мысли Захара охватывала злость.

Ядовитыми!

Всё это стадо, удел которого – служить пропитанием для ночных охотников, внезапно превратится в бесполезную грудку мяса. Поправка: в бесполезную грудку наглого, дерзкого мяса! Сначала себя спасут Великие Дома, потом до вакцины доберутся челы, и постепенно, примерно за два-

три поколения, они изменятся. Не все, конечно, но как можно будет отличать пригодную *пищу* от ядовитой? Делать анализы перед тем, как *высушить*?

Епископ Трени понимал, что проблема кроется в одном-единственном челе, хилом, глупом и ничего из себя не представляющем... Которого он не убил.

Как следовало бы.

Не убил, поскольку знал, что Сантьяга оказался в очень трудном положении и рад любому козырю, даже слабому. Не убил, положившись на слово комиссара, но теперь... теперь епископ мучился, потому что «слабый» для Сантьяги козырь был очень сильным для семьи Масан.

– Рассказывай, – велел Захар, усевшись рядом со своим «следопытом». – Как дела?

– У меня всё хорошо.

– Правда?

– Так точно.

Трени вздохнул. «Следопыт» терпеливо ждал продолжения разговора.

После долгих раздумий Захар отправил за Буториным голема. То есть искусственное существо, куклу – крепкую, выносливую, безропотную и неспособную на предательство. Захар, естественно, рисковал, поскольку големы, даже с очень хорошим мозгом, отличались некоторой заторможенностью в принятии решений – обычных, повседневных решений, а не в сражении, когда боевые куклы атакуют с пугающей скоростью и способны опередить даже хвана.

В сражениях големы действуют отлично, однако навыки общения никогда не считались их сильной чертой.

Выбранная Трени модель «Следопыт» предназначалась для несложных оперативных работ и разведки, в том числе в условиях города. «Следопыты» без сна и отдыха бродили за своими объектами, обладали неистощимым терпением, внимательностью и показывали неплохие результаты в бою. Но самое главное – они были совершенно неприметны в толпе. Нынешний помощник, которого Захар звал Васей, имел облик невысокого узкоплечего мужчины в недорогих летних брюках, полосатой рубашке и потёртых штиблетах. Лицом Вася был уныл, часы на руке носил дешёвые, а экран его старенького китайского смартфона покрывала сеточка трещин.

«Следопыт» настолько не привлекал внимания, что обходился даже без морока, и при этом мог отчитаться за каждую секунду жизни Антона Буторина.

– Утром, во время совещания, его отругали за проявленную вчера небрежность. Сейчас объект в своём кабинете, а после обеда, приблизительно в четырнадцать часов, отправится на склад.

– На метро?

– На офисном автомобиле.

– А ты?

Вопрос мог показаться странным, но големы не умели водить, и Захару стало интересно, как Вася выкрутится.

– Я отправлюсь вместе с ним, используя артефакт морока, – спокойно сообщил «Следопыт».

– А если в салоне не будет места?

– Поеду на крыше. Я могу удержаться на любом автомобиле.

– Молодец, – одобрил Треми, подумав, что было бы неплохо заснять путешествие Васи для «Тиградком» – смеха ради. Но тут же заставил себя вернуться к делам: – Как Шера изводила Буторина ночью? Опять насылала кошмары?

– Я отправил отчёт...

– Я не видел, не было времени.

– Извините. – Голем достал смартфон и запустил видео. – Сегодня ночью объект был подвергнут истязаниям.

– Да она рехнулась! – не сдержался Захар, глядя, как Буторин режет себя ножом. – Это же глупо! Он точно решит, что сходит с ума, и отправится к врачу.

– Шера использовала эрлийский бальзам и заживила его раны, а кровь убрала очистительным заклинанием, – равнодушно сообщил голем. – Утром объект пришёл к выводу, что экзекуция ему приснилась. А слабость от потери крови списал на плохой сон.

– Откуда такие подробности?

– В последнее время объект часто разговаривает с собой. А я подслушиваю.

– Молодец, – повторил епископ.

– Спасибо.

Судя по всему, корова взялась за Антона всерьёз, но убивать его в ближайшее время не планирует, что полностью совпадало с планами Треми.

«Пусть резвится... До воскресенья...»

Следить за Шерой епископ не собирался, но на всякий случай поручил «ласвегасам» отслеживать её перемещения по генетическому коду – Захар славился предусмотрительностью.

Он вернул голему смартфон, помолчал и неспешно произнёс:
– Продолжай наблюдение согласно прежним инструкциям. Ты имеешь право вмешаться только в том случае, если жизнь Буторина окажется под угрозой. Всё остальное – не твоя забота.
– Я помню, епископ, – кивнул Вася.
И если бы он умел испытывать эмоции, то наверняка удивился бы тому, что Захар повторяет столь простые приказы.

* * *

***Южный Форт,
штаб-квартира семьи Красные Шапки
Москва, Бутово,
2 июля, суббота, 12:42***

Вместо ожидаемой политической победы посещение «Средства от перхоти» принесло великому фюреру только боль, разочарование и позор. Семья окончательно уверилась в смертельной болезни Кувалды, все социальные сети переполнились едкими комментариями, лейтмотив которых звучал, с одной стороны, просто, а с другой – очень неприятно для одноглазого: «Кто станет нашим следующим великим фюрером?»

И как выпутаться из этого кошмара, одноглазый Шибзич не представлял.

Поломав голову, он пришёл к выводу, что необходимо как следует напоить семью, разумеется, бесплатно, и этим нехитрым, но предельно действенным способом доказать сородичам, что лидер пребывает в полном порядке.

Оставалось разобраться с сущей мелочью – с инвестициями, то есть отыскать деньги для грандиозного кутежа, поскольку казна, которую в Форте называли «общаком», в очередной раз опустела. Способов пополнения семейного бюджета Кувалда знал ровно один: повышение налогов – подсмотрел у местного человеческого правительства, – но использовать его в столь напряжённой политической обстановке не рискнул и вызвал уйбуя Копыто, здраво рассудив, что две головы гораздо лучше одной.

Тянуть время одноглазый не стал и при появлении старого приятеля немедленно перешёл к делу:

– Копыто!
– Я! – бодро отозвался уйбуй.

– Прифумал, где взять деньги?

– У кого?

– Ты мне скажи у кого.

– Поиздержался?

Вопрос прозвучал дерзко, но Кувалда решил пока не делать нахалу замечание и спокойно ответил:

– Общак похуфел.

– Налоги подними, – молниеносно предложил уйбуй. – Как ты умеешь.

– Ещё я вешать умею, – со значением ответил великий фюрер.

– От вешания денег не прибавится, – неожиданно разумно произнёс Копыто. – Только налоговая база снизится.

– Что?! – поперхнулся от неожиданности Кувалда.

– Думаешь, только ты человекский телевизор смотришь? – поинтересовался уйбуй. – Мы все смотрим и знаем, откуда у наших налогов ноги растут.

– Откуфа?

В голосе великого фюрера прозвучало столько угрозы, что Копыто осёкся. Помолчал, решил не отступать, но, прежде чем продолжить, осторожно поинтересовался:

– Слушай, Твоё великофюрерство, ты ведь понимаешь, что я – твой единственный друг? И никто, кроме меня, правды тебе не скажет. Особенно после вчерашнего.

Услышав о вчерашнем, одноглазый тут же захотел пристрелить мерзавца, но сдержался. Понял, что в чём-то Копыто прав, и угрюмо кивнул:

– Говори.

И уйбуй приступил к оскорблениям:

– Если ты сейчас налоги поднимешь, Твоё великофюрерство, народ сразу скажет, что ты себе на сладкую жизнь копишь перед смертью.

– Как это? – растерялся Кувалда. – Жизнь переф смертью?

– Да, – философски подтвердил Копыто. – Все так живут, а потом умирают, ты что, не знал? И челы тоже умирают, но сначала – живут и воруют в три горла, куски по-живому вырывая, а потом – хлоп: белые тапочки, тихая музыка, гроб, пусть даже золотой, и черви – они у всех одинаковые. Или жгут на фиг, чтобы червям обидно стало... Ну, чего я тебе рассказываю...

– Мля, Копыто, я зфоров! – взревел великий фюрер.

– А чего тогда вчера падал замертво? – резонно поинтересовался уйбуй.

– Устал.
– С двух стаканов?
– Отравили меня.
– То есть ты уже мёртвый?
– Мля... что за ифиот?
– Ну, для мёртвого ты вообще подвижный, – поразмыслив, продолжил Копыто. – Да и ходок энергичный: с такой бабой совладал...

– С какой бабой совлафал? – машинально переспросил одноглазый. Мысли о деньгах и вчерашнем позоре отвлекли его от наблюдений за повседневной жизнью семьи, и он, так сказать, оказался не в курсе нынешних трендов. – Ни с кем я не влафал...

– Ты чего, опять видосик пропустил? – удивился уйбуй.
– Гфе мужик в пустой бассейн ныряет?
– Нет.
– Гфе собака говорящая?
– Нет.
– А какой?
– Про тебя и Маманю.
– Про какую Маманю? – очень тихо спросил Кувалда.
– Про Маманю Дурич, – сообщил Копыто. – Как ты ей преемника заделал, позабыв о друзьях и товарищах...

У великого фюрера задёргалось единственное веко:
– Ничего я ей не зафельывал.
– Как это не заделал, когда все знают, что заделал, – резонно отозвался уйбуй. – Семья в курсе, так что не отвертишься.

– Откуфа все знают?
– Маманя сказала.
– Все фумают, что я умираю!
– А ты умираешь?
– Копыто, ещё слово – и я тебя прямо зфесь повешу.
Уйбуй послушно заткнулся.

С минуту в кабинете царила тишина, затем Кувалда привычно извлёк из ящика стола бутылку, два стакана, разлил, не чокаясь с собеседником, выпил и хмуро спросил:

– Так что там с Маманей?
– Ролик показать?
– Включай.

Уйбуй установил перед одноглазым смартфон и запустил запись. На экране появилась Маманя, без оружия и наряженная максимально скромно:

в юбку, кофту и платок. Она встала под портретом Кувалды и по команде оператора плаксиво затянула:

– Все мы любим нашего великого фюрера, и я люблю нашего великого фюрера и всегда его любила. С самого детства его любила, нашего героя...

– Мля, эта гафина старше меня! – прокомментировал одноглазый.

– Ты дальше слушай, дальше интересно.

– ...и когда наш обожаемый великий фюрер предложил мне помыть в кабинете полы, я ничего такого не подумала. Я только обрадовалась, потому что мыть полы в кабинете великого фюрера – это большая честь, ведь там хранятся разные секреты нашей могучей семьи, которые не должны узнать враги, и входить в кабинет великого фюрера могут только самые проверенные...

– Всё, мля, буфу кажфого уйбуя переф совещанием проверять, – пробормотал Кувалда. – Чтобы знали, в чей кабинет вхофят...

– Я помыла полы, – продолжила Маманя, – а когда узнала, что беременна, то сразу рассказала об этом нашему обожаемому великому фюреру...

– Нет!

– ...и мы вместе назвали ребёночка...

– НЕТ!!!

Кувалда выхватил ятаган и рубанул по проклятому смартфону. Но замешкался, Копыто успел выхватить собственность из-под удара, и клинок застрял в деревянном столе.

– Это что такое? – прорычал великий фюрер, вытаращившись на уйбуя единственным глазом.

– Это – последствия небезопасного секса, – со знанием дела объяснил Копыто. – Доигрался ты, великий вождь, наследницей обзавёлся...

– Нет у меня никого!

– Получается, есть.

– Не трогал я Маманю! Она мне в бабушки гофится!

– Но ребёночек у неё имеется, – развёл руками уйбуй. – Девка Сопля... Ядрёная, кстати, уже два раза замужем побывала.

– За кем? – машинально поинтересовался Кувалда.

– Да кто их, Дуричей, разберёт? – отмахнулся Копыто. – Побывала. А теперь её Маманя переименовала в СопляК. К – как бы в отчество...

– В какое ещё отчество?

– По батяне.

– Мля...

– И теперь у нас по Форту разгуливает претендент СопляК.

– Претенфент на что?

– На трон, Твоё великофюрерство, – объяснил Копыто. – Маманя всем вштыривает, что ты перед смертью благословишь родную кровь...

– Нет у меня рофной крови!

– Совсем?

– И никогфа не было!

Уйбуй помолчал, обдумывая заявление несчастного, после чего кивнул:

– Часть народа тоже так говорит и с Маманей не соглашается. Но Дуричи как видосик увидели, так уже три часа пьяные от радости по всему Форту скачут и рассказывают, что когда ты, стало быть, помрёшь, то СопляК сделается преемником, а Маманя при нём... при ней, в смысле, регентшей заделается... то есть при нём, при преемнике, который пока претендент... В общем... – Копыто понял, что запутался, выдержал паузу и сменил тему: – В общем, кинул ты меня, великий фюрер, а я тебя братом звал.

– С чем кинул?

– Раз ты помирать собрался, мог бы и меня преемником назначить. Ну или хотя бы премьер-министром, а потом я уж сам...

– Я не собрался помирать!

– Конечно, теперь тебе легко говорить.

– Копыто, ты совсем фурак? – выдохнул одноглазый. – Ты веришь в то, что я с Маманей мутил?

– Сердцу, как говорится, не прикажешь. А СопляК, как тут ни крути, на тебя похожа, и даже отчество у неё на твою букву начинается. Так что отвертеться тебе будет трудно, – подытожил Копыто и выпил.

Кувалда тяжело вздохнул.

Он знал свои слабости, прекрасно понимал, что частенько оказывался из-за них в дурацком положении, но нынешние обстоятельства показались ему самыми безумными из всех, в которые ему доводилось влипать.

Семья уверена, что он умирает. Это плохо, потому что как только дикари окончательно свыкнутся с этой мыслью, то сделают вывод, что надо помочь великому фюреру в том, чтобы он без мучений, а главное – поскорее отправился в дальний путь и не мешал междоусобице. А преданные Шибзичи отвернутся первыми, потому что какой смысл служить тому, кто вот-вот помрёт? А как после фиаско в «Средстве от перхоти» доказать семье, что он крепок и здоров, – непонятно. Вдобавок Маманя запустила тему с наследником, точнее с наследницей, и теперь остальные претенденты готовы выдвинуть свои кандидатуры. В смысле – взяться за

оружие.

– А может, это и хорошо? – пробормотал задумавшийся фюрер. – Избавлюсь от самых офиозных...

– От кого? – не расслышал Копыто.

Кувалда перевёл взгляд на верного уйбуя, помолчал, после чего велел:

– Ты вот что, фенег мне фобуфь.

– Откуда?

– Ограбь кого-нибуфь. Но привези феньги или товар. А я пока пофумаю, как с этими наследниками разобраться.

– Только разбейся до того, как помрёшь, – попросил Копыто. – Чтобы мне потом легче было.

– Пошёл вон!

* * *

Москва, Расторгуевский переулок,

2 июля, суббота, 12:57

Когда садишься за стол против такого игрока, как Сантьяга, каждый жест, каждый вздох приобретают особое значение, а потайной смысл появляется у каждого события, даже у сообщения о развязавшихся шнурках. Ведь неизвестно, почему они развязались именно сейчас и почему на них предложено обратить внимание: возможно, тебя хотят убить, возможно – спасти жизнь, и нельзя исключать того, что с помощью нескольких обычных на первый взгляд, не связанных между собой действий тебя плавно подводят к принятию нужного кукловодам решения или просто отвлекают внимание...

Когда садишься за стол против такого игрока, как Сантьяга, который живёт дольше, чем существует Великий Дом Людъ, свихнуться можно от одного лишь напряжения, а поиск скрытых смыслов постепенно перерастает в паранойю.

Вот, к примеру, переданная Анной фотография...

Действительно ли Сантьяге нужен чел? Или Сантьяге нужно, чтобы именно он занялся челом? Или Анне в самом деле можно доверять и она раздобыла важную информацию? Или Анне можно доверять, но Сантьяга знает о предательстве и намеренно скормил ей дезинформацию? Что Сантьяга получит, если Сдемир сосредоточится на поисках неизвестного чела? От чего его это отвлечет? Что выиграет Сдемир, если отмахнется от сообщения?

Голова шла кругом, но для вдумчивого анализа не хватало данных. Молодой барон понимал, что, возможно, шагает в ловушку, но не мог поступить иначе: чтобы разобраться в ситуации, он должен был хоть что-то разузнать об изображенном на фотографии челе и потому принял решение рискнуть.

Но при этом отказался от мысли подключить к поискам Зелёный Дом. Во-первых, чтобы не объяснять, откуда взялась фотография. Во-вторых, Сдемир предчувствовал, что чел окажется очень интересным экземпляром. Ну а в-третьих, после смерти Далины молодой барон стал значительно меньше доверять Всеведе.

Он ещё раз посмотрел на фото, покачал головой и набрал номер Егора Бесяева, директора знаменитого «Тиградком» – медийной корпорации Тайного Города, а дождавшись ответа, мягко произнёс:

– Егор?

– Барон? – вежливо отозвался тот. – Рад слышать.

Но короткое добавление стало единственным проявлением уважения: чел не поздоровался и никак не продемонстрировал почтение, несмотря на то что говорил с лидером домена.

Бесяев был челом, но благодаря своему положению держался с иерархами Тайного Города более чем свободно: черту не переступал, но пиетета не выказывал. И в данном случае своей манере не изменил: вёл себя предельно вежливо, продемонстрировал, что звонок очень важен, но при этом не добавил в общение ни грана личного.

В Тайный Город Бесяева привели навы, что и обусловило его особые отношения с Тёмным Двором, но при этом Сдемир знал, что любимая жена директора «Тиградком» была лицензированной ведьмой, и это обстоятельство давало в руки барона неплохой рычаг... И главное тут было – удержаться и не надавить на него слишком сильно.

– Как ваши дела?

– Прекрасно, – не стал скрывать Егор. – Бурные события вызывают в Тайном Городе понятное оживление, и трафик переживает взрывной рост.

– А вместе с ним – доходы от рекламы...

– Совершенно верно.

Сдемир рассмеялся, Бесяев ответил тем же, однако разделяющее собеседников расстояние никуда не делось.

– Мне жаль, что мы до сих пор не познакомились лично, Егор, и я намереваюсь исправить это обстоятельство в ближайшее время, – произнёс Сдемир.

– С удовольствием отообедаю с вами, барон, – с прежней вежливостью

отозвался директор «Тиградком».

– На следующей неделе?

– Выбирайте любой день.

– Ловлю вас на слове.

– С удовольствием вам это позволяю, – рассмеялся в ответ Бесяев. – Чем могу помочь?

Он прекрасно понимал, что молодой барон звонит не просто так.

– В первую очередь – сохранением тайны, – веско произнёс Сдемир. – Я хочу просить вас о поддержке, Егор, но моя просьба должна остаться строго между нами.

– Вы ведь знаете, что я несу равную ответственность перед всеми Великими Домами и не могу обещать хранить секрет, если он нарушает договорённости или действует во вред Тайному Городу?

– Уверяю, моя просьба не относится к числу незаконных. Речь идёт о небольшом личном деле... Можно сказать – о дружеской услуге, за которую я буду вам весьма признателен.

– Мои условия вы слышали, – ровно отозвался Бесяев. – Если вы их принимаете – я помогу. В чём суть дела?

– У меня есть фотография чела... не очень качественная, но лицо разобрать можно. И мне нужно, чтобы вы, задействовав все свои ресурсы, его отыскали. Запустите распознавание лиц по всем базам, к которым у вас есть доступ: веб-камеры, телепрограммы, уличные камеры слежения...

– То есть имени чела вы не знаете? – тактично поинтересовался Бесяев.

– У меня есть только фотография, – повторил барон.

– И это – ваше личное дело?

– Да. – Сдемир помолчал. – Но я буду признателен, если вы не станете упоминать моё имя.

– Потому что дело – личное, – с пониманием произнёс Егор.

– Именно.

– На этот счёт можете быть совершенно спокойны, однако...

– Что – однако? – насторожился барон.

– Есть ещё один нюанс, – протянул Бесяев. – Вы ведь понимаете, что ко мне обращаются многие жители Тайного Города, и в том числе с такими же личными просьбами? В этом нет ничего необычного или незаконного – я имею право оказывать подобные услуги, но если ваш чел уже находится в моём поисковом листе...

– Не продолжайте. – Сдемир на несколько мгновений задумался. – Если его уже ищут, вы скажете – кто?

– Не скажу.
– А в случае обнаружения чела?
– Вы получите информацию вторым...
– Егор! – резко перебил собеседника Сдемир. – Подумайте ещё раз, пожалуйста.

Фраза прозвучала намёком, но Бесяев его не понял. Или проигнорировал. Во всяком случае, попытался возражать:

– Барон, вы должны понять...
– Именно: барон Зелёного Дома! – выдохнул люд. – И собираюсь быть им до конца жизни, а жить планирую долго – я достаточно молод. И мне будет бесконечно больно, если наши тёплые, а возможно – дружеские взаимоотношения начнутся с разочаровывающего недоразумения.

– Я...
– Верю, что мы поняли друг друга, – очень убедительно произнёс Сдемир. – Я отправил фото.

– Я его получил, – уныло подтвердил директор «Тиградком».
– Этого чела уже ищут?

Последовала пауза, не длинная, но в данных обстоятельствах о многом говорящая, и Бесяев подтвердил:

– Да.
– Не буду спрашивать кто, – добродушно, но без вальяжности произнёс барон. – Хочу лишь напомнить, что он теряет своё влияние в Тайном Городе.

– Не совсем...
– Мы оба знаем, что наш длинный друг проигрывает войну. – Люд помолчал. – Вы сделаете то, о чём мы договорились?

– Я подумаю...
– Именно об этом я и просил: подумайте. Я должен найти чела первым.

Бесяев отключил телефон, положил его, на мгновение замер, затем побарабанил по столешнице пальцами и довольно усмехнулся. Он провёл разговор именно так, как обещал Сантьяге: сначала вежливо, чуть отстранённо, затем попробовал сопротивляться, но все-таки сдался и принял условия Сдемира. И нет никаких сомнений в том, что молодой барон поверил спектаклю.

– Ты найдёшь своего чела, – с улыбкой пообещал Бесяев. – Найдёшь именно тогда, когда это будет нужно комиссару.

Что же касается фото, то у Егора уже было изображение Антона, причём гораздо лучшего качества.

В свою очередь, молодой барон не поверил в сотрудничество Бесяева: предать Сантьягу, даже «начавшего терять влияние», рискнут немногие. И его обращение к директору преследовало иные цели: люд хотел посмотреть, как поведёт себя комиссар, узнав, что Сдемир тоже в деле.

– Как быстро ты обнаружишь, кто сливает информацию? И что будешь делать?

От этого будут зависеть следующие шаги барона.

А пока он выкинул подозрительного чела из головы и полностью сосредоточился на предстоящей встрече. Оставил машину в Столярном переулке и пешком, дворами, добрался до нужного дома по Расторгуевскому, принимая все меры предосторожности, чтобы его не заметили у логова масанов. Якшаться с кровососами у Сдемира желания не было, но на эту встречу его отправил лично Ярга, послушаться которого барон не мог.

Встреча была прямо связана с предстоящим Конклавом.

И готовящейся акцией...

Кровавой, разумеется, как всегда у масанов, и молодой барон вдруг понял, что его это задевает: Ярга без колебаний распорядился отдать город вампирам, беспощадным ночным охотникам, остановить которых будет крайне трудно. Ярга сказал, что масаны слушают его и уйдут, исполнив поставленную задачу, но уйдут ли? Особенно сейчас, когда Ярга отошёл от оперативного управления.

«Если уйдут, то когда?»

А следующая мысль не понравилась Сдемиру ещё больше.

Взяв Зелёный Дом, Ярга истребил много сильных ведьм – потери Июня и предшествующих интриг колоссальны, и непонятно, когда они будут восполнены. Великий Дом Людъ ослаблен. Зато послушен. И такая же участь грозит Ордену...

– Ты не тронешь только навов, – прошептал барон. – Рано или поздно ты уговоришь их признать свою власть – они слишком прагматичны, чтобы отказаться, – и тогда масаны станут прекрасным инструментом давления на всех остальных...

Но что делать?

Впрочем, сейчас Сдемир знал, что должен делать: проводить встречу так, как было запланировано. Потому что в противном случае Ярга без колебаний отдаст приказ на его устранение.

Барон отворил дверь, спустился по лестнице в подвал, постучал и холодно посмотрел на открывшего Носферату:

– Ты один?

– А вы?

Сдемир чуть приподнял брови, показывая, что ответ неверен, и вампир, выдержав паузу, ответил:

– Не волнуйтесь, барон, я знаю правила, так что здесь нет никого из моих братьев. Можете не беспокоиться.

Вторая фраза прозвучала с небрежной лёгкостью, но по сути была очень наглой: Адам Носферату напомнил барону о том, что считает его *пищей*. И Сдемиру не оставалось ничего иного, как с предельным спокойствием ответить:

– Хорошо, не буду.

В присутствии ночных охотников все инстинктивно чувствовали себя неуверенно, и молодой барон не был исключением. Но при этом Сдемир бесился от мысли, что подсознательный, иррациональный страх на него нагоняет жалкого вида задохлик, лысый ублюдок с болезненно поблескивающими глазками, омерзительной кожей и тонкогубым ртом, плохо скрывающим зубы. Носферату вызвали отвращение даже у собратьев, но принципиально не пользовались гипнотическими арканами, выставляя уродство напоказ.

Но едва Сдемир подумал, что такому выродку наверняка не везёт с женщинами, как заметил на столе то ли спящую, то ли пребывающую в забытии человеческую девушку лет двадцати. Длинноногую, очень симпатичную, окровавленную и обнажённую, едва прикрытую грязноватым одеялом. Её скомканная одежда валялась на полу.

– Ты что, сдурел? – резко выдохнул барон, останавливаясь и даже делая шаг назад. – Было же чётко сказано: никаких нарушений! Нельзя ставить операцию под удар.

– Это корова, – буркнул Адам. – У нас с ней всё добровольно.

В следующий миг Сдемир понял, что имеет в виду Носферату, тихо выругался и спросил:

– Что она здесь делает?

– Каждый день приходит. – Вампир усмехнулся. – Не прогонять же.

– Ты знал, что я приеду.

– Не волнуйтесь, барон, я её так обработал, что она ещё час будет в отключке.

– Ну ладно... – Тем не менее молодой люд встал так, чтобы, очнувшись, корова его не увидела, и продолжил: – У тебя всё готово?

– Да. – Масан помолчал. – Вот уж не думал, что груз придётся отдавать вам.

– У меня он будет в безопасности.

– Я о другом, – хмыкнул Адам. – Вы – птица слишком высокого полёта.

– Потому я и взлетел так высоко.

– Понимаю...

– И ты хочешь взлететь, – с нажимом произнёс Сдемир.

– Не спору.

– И потому предаёшь тёмных.

– Не предаю, – покачал головой Носферату. – Мы не рассматриваем наше противостояние с навами как предательство. Мы освобождаемся от рабства... – И с неожиданной горячностью закончил: – Мы хотим свободы!

«Убивать столько, сколько захочется, и тогда, когда захочется...»

Сдемир прекрасно понимал, как представляют себе свободу вампиры, внутренне содрогнулся, но... но вместо страха или неуверенности накатило желание убивать, безжалостно крушить ублюдков, мечтающих о своей кровавой свободе. Мечтающих согнать всю *пищу* в лагеря и царствовать над ней, упиваясь упыриним превосходством. Желание убить уродливого гада накатило так сильно, что Сдемир с огромным трудом спрятал его под светской, ничего не значащей улыбкой.

– О чём задумались? – поинтересовался Адам, не подозревая, что оказался в дюйме от смерти.

– Груз уже пришёл? – вопросом на вопрос ответил барон.

– Жду.

– Его доставят непримиримые?

– Разумеется.

– Я не хочу с ними встречаться.

– Вам и не придётся, – улыбнулся вампир. – Вы скажете, куда перегнать машину, мы её перегоним и оставим на месте с ключами.

– Без надзора?

– Для контроля останусь только я.

– Хорошо... – Люд помолчал. – Точного адреса пока не скажу, но перегнать машину нужно будет куда-нибудь на проспект Мира.

– Вы... – Адам удивленно поднял брови. – Вы собираетесь прятать груз во дворце?

– А что?

– Нет, ничего... – Носферату покрутил головой. – Ничего...

На самом деле Всеведа понятия не имела об этом секретном даже для

неё грузе, доставку которого Ярга поручил Сдемиру лично. Фургон молодой барон планировал переправить к себе в домен и спрятать до особого распоряжения, под страхом смерти не интересуясь содержимым. Именно поэтому – для отвода глаз – Сдемир намекнул грязному кровососу, что повезёт груз во дворец.

- Позвони, когда всё будет готово.
- Договорились.
- И не болтай о том, кто к тебе сегодня приходил.
- Я не идиот, – буркнул масан.
- Надеюсь.

Сдемир улыбнулся и неспешно покинул подвал. У дома, разумеется, задерживаться не стал, быстрым шагом направился к машине, на ходу размышляя о том, что конкретно этого Носферату, Адама, придётся убить. Он вызывал у молодого барона омерзение.

- А Ярге скажу, что кровосос подозрительно себя повёл...

* * *

***Южный Форт,
штаб-квартира семьи Красные Шапки
Москва, Бутово,
2 июля, суббота, 15:14***

- Ты когда-нибудь задумывался о свадьбе?
- Что?! – поперхнулся старший близнец.
- О свадьбе, – мечтательно повторил Лебра. – Ты когда-нибудь думал, что где-то в великой Вселенной, возможно, в Тайном Городе, живёт женщина, которая думает так же, как ты, которой нравится то же, что и тебе, которая умна, красива, добра...
- Ты говоришь о нашей маме?
- ...и на которой можно жениться.
- С кем ты провёл ночь? – поинтересовался Майно, наконец-то сообразив, что брат выглядит всклокоченнее обычного.
- Я гулял до пяти утра.
- О ком мечтал?
- Она прекрасна! – сообщил Лебра, потягиваясь. – Она умна, красива, добра...
- Да, да, я слышал, – проворчал старший брат. – Почему ты не проверил все эти качества в постели?

– Мы расстались после ужина...

– Она действительно умна.

– ...я проводил её до дома, а потом гулял всю ночь.

– Романтическое настроение? – понял Майно.

– Как ты догадался? – с иронией осведомился Лебра.

– Кто она?

– Не важно.

– Мама знает?

– Если она узнает хоть что-то от тебя, то я останусь единственным близнецом в семье.

– В том, как здорово тебя обработали, чувствуется опытная рука... – Майно прищурился: – Похоже, дядя Амад все-таки заплатил старой свахе Журсе, чтобы пристроить свою прыщавую дочку...

– Нет, – попытался отмахнуться младший, но перебить старшего не сумел.

– Ни на что не соглашайся, а лучше...

– ...расскажи всё маме, – закончил за брата Лебра.

– Именно. – Майно помолчал. – Зачем ты поделился со мной своей радостью?

– Я должен был с кем-то поделиться.

– Тебе не шестнадцать лет.

– Уже не уверен.

– Эх...

Старший близнец хотел добавить, что период влюбленности должен был закончиться лет десять назад и поиски жены следует вести на трезвую голову, но не успел: они добрались до Бутова, увидели на горизонте Южный Форт и волей-неволей вернулись к делам.

– Как мы с тобой сейчас выглядим? – тихо спросил Майно, останавливая машину в полумиле от Форта.

– Понятно как, – отозвался Лебра, продолжая купаться в романтическом настроении. – Ты собираешься совершить самый дурацкий поступок в жизни.

– А ты?

– Я буду наблюдать.

– Надеюсь, этот визит не отразится на моём резюме, – вздохнул старший близнец. – Я хочу получить место в Денежной Башне.

– Правда? – удивился младший.

– Да.

– А зачем?

Теперь изумился Майно.

– Потому что работа в Денежной Башне – необычайно выгодное предприятие, – объяснил он Лебре после короткой паузы.

– Не самое.

– Не важно... – Старший близнец помолчал. – Разве ты этого не хочешь?

– Мой удел – быть свободным художником, – отозвался Лебра.

– Поэтому ты служишь у дяди Сериса? – язвительно уточнил Майно.

– У дяди Сериса я служу из-за денег.

– А потом они тебе не понадобятся, – продолжил язвить старший близнец.

– Деньги нужны всегда, – вздохнул младший, постепенно теряя романтический настрой.

– Поэтому ты всегда будешь служить у дяди Сериса, – наставительно произнёс старший брат. – Или поступишь, как я, – постарайся оказаться в Денежной Башне.

– Там скучно.

– Зато прибыльно.

– Поехали уж, – вздохнул Лебра. – Позор надо пить залпом, как водку.

– Я не пью водку, – напомнил Майно.

– Сейчас тебе предстоит узнать, каково это...

Старший близнец коротко выругался и вновь взял курс на Форт.

Майно с самого начала не собирался ехать в Бутово на своей машине, боясь, что кто-нибудь её опознает и слух о его визите разлетится по всему Тайному Городу. Но, поразмыслив, пришёл к выводу, что арендовать для поездки автомобиль тоже неразумно – ведь путешествие могло закончиться самым непредсказуемым образом. Дикари могли сжечь непонравившуюся машину, угнать, в конце концов поцарапать и вряд ли компенсируют штраф, который выставит прокатная контора. Майно обратился к Лебре, но тот категорически отказался одолжить брату свой автомобиль, и в результате молодые шасы прибыли в Южный Форт на старинном пикапе китайской сборки, который Майно выпросил у бабушки «съездить в булочную».

Большой, но отчаянно дребезжащий пикап не вызвал у дикарей подозрений, но когда из него полезли шасы, Шапки встретили их изумлёнными взглядами, поскольку в их представлении члены уважаемой финансово-торговой семьи попросту не имели права использовать подобные средства передвижения.

– Пойдёшь со мной? – осведомился Майно, уныло разглядывая

окружающих пикап дикарей.

– Нет, – качнул головой Лебра.

– Почему?

– За машиной присмотрю.

– Тоже правильно, – одобрил старший близнец. – Если что, показывай удостоверение Зелёного Дома и кричи, что ты – шас. Они тут пугливые.

– Думаешь? – поднял брови Лебра, опасливо поглядывая на ятаганы дикарей.

– Не думаю, а знаю. Смотри, как это делается. – Майно уверенно подошёл к Шапкам и...

Прежде чем сотрудник казначейства открыл рот, ближайший дикарь кивнул на пикап и со знанием дела осведомился:

– Угнал?

– Нет.

– Тогда зачем едешь?

– Не хочу ходить пешком.

– Поэтому купил себе эту помойку? – усмехнулся дикарь и обернулся к сородичам: – Народ! Идите смотреть на нищего шаса!

Дикари обидно заржали. Майно побагровел и веско, как ему показалось, сообщил:

– Я из Зелёного Дома.

Чем вызвал очередной приступ хохота:

– Ты не похож на люда!

– Полукровка?

– Или перекрасился?

– Перековался.

– Я шас на королевской службе.

– А я шас только что из «Средства».

– Гы-гы-гы!

– Где работаешь?

– В казначействе.

– Платят много?

– Тебя из Тёмного Двора выгнали?

– Или ты на ведьме женился?

– Немедленно отведите меня к великому фюреру! – потребовал взбешённый Майно.

– Зачем?

– Привёз ему списки на повешение.

– Врёшь!

– А ты проверь!

Майно ухитрился произнести эту фразу настолько жёстко, что толпа вокруг стала стремительно редеть и он без труда добрался до фюрерской башни, показал охранникам удостоверение и поднялся к Кувалде. С которым решил не церемониться.

– Я из казначейства, – громко произнёс Майно, швыряя портфель на стол.

И тут же, опомнившись, схватил дорогую вещь и тщательно оглядел – не испачкалась ли? И тем смазал грозное начало.

– Фенег нет, – скучно сообщил Кувалда, не отвлекаясь от созерцания повтора позавчерашнего шоу «про политику», в котором вот-вот должны были начать драться. – И не префвифится.

– Сто раз это слышал.

– Всего сто? Ты так мало живёшь?

Издевательское замечание старший близнец пропустил мимо ушей: он уже взял себя в руки и был готов к схватке.

– Сколько я живу, тебя не касается, – отрезал Майно, изучая сиденье ближайшего стула. А после изучения решил остаться на ногах. – Королеве нужны деньги, а значит, необходимо поднять собираемость налогов.

Фраза получилась для дикарского уха сложной, но одноглазый правил не первый год и прекрасно понял, что сказал шас. Ответить же он мог лишь двумя способами: смиренно-верноподданным или издевательски-дерзким, и, поразмыслив, великий фюрер выбрал второй вариант.

– Пофнимай, – нахально предложил он. – Можешь прямо сейчас начать.

И сделал телевизор громче.

– Вот я и начинаю.

– Не нафорвись.

– Не надо хамить.

– Я стараюсь изо всех сил.

Кувалда достал бутылку и налил себе полный стакан.

– Пить не стану, – предупредил дикаря шас.

– Я и не префлагаю, – скривился одноглазый и залпом заглотил янтарную жидкость. – За зфоровье королевы!

Хотя в глубине души надеялся, что шас поддержит компанию, напьётся и отстанет от него, несчастного великого фюрера, хотя бы до завтра. Но поскольку план не сработал, пришлось отвечать на прямой, как рост государственного долга, вопрос Майно.

– Если Серису нужны налоги, пусть он уговорит новую королеву

разрешить нам больше грабить, – резонно предложил Кувалда, вертя в руке опустевший стакан.

Он вдруг понял, что глупый малолетка может помочь ему вернуть народную любовь и обожание: если сообщить сородичам, что квоты на грабежи повысились, они на радостях позабудут, что фюрер должен умереть...

– Насколько больше? – поинтересовался шас.

– А сколько нужно налогов? – поинтересовался Кувалда, отключая на телевизоре звук.

– Много.

– Вот и грабить мы фолжны преимущественно.

Одноглазый замолчал. Майно тоже не отвечал, ожидая завершения фразы. Тишина показалась великому фюреру неприятной, и через полминуты он спросил:

– И?

– Преимущественно что? – поинтересовался шас, решив, что дикарь позабыл закончить фразу.

– Просто: преимущественно.

– Просто не бывает.

Кувалда засопел.

– Вы можете грабить преимущественно челов или преимущественно богатых, – развил свою мысль Майно. – Или преимущественно в Тайном Городе...

– А-а... я понял, – перебил умника фюрер. – Я имел в вифу: соответственно. Чем больше налогов нафо, тем больше грабить буфем.

– Ага... – Майно почесал затылок. – Так грабьте на здоровье. Только налоги платите.

– У нас строгие квоты.

– Когда это вам мешало?

– Ты вифел, как Всевефа обошлась со Всеславой? – осведомился Кувалда. – Раньше мы, конечно, нарушали, а теперь боимся.

– И правильно делаете, – вздохнул шас. – Всеведу все боятся.

– Фаже ты?

– Я? – В Майно неожиданно забурлила тёмная гордость, и он сообщил: – Я не боюсь, я ведь не подданный Зелёного Дома.

– Но ты на неё работаешь, – начал перечислять одноглазый, – она требует с тебя налоги, тебя фаже сюда прислали, хотя ты ехать не хотел...

– Откуда ты знаешь?

– Сюфа никто не хочет ехать, – доверительно сообщил Кувалда и

налил себе ещё стакан. – Выпьешь?

– Нет.

– Тогфа возвращайся в Зелёный Фом и фобейся разрешения больше грабить.

– Насколько больше?

– Преимущественно.

– В смысле – соответственно?

– И так тоже.

– А насколько налогов станет больше?

– Преимущественно.

– Соответственно... – поправил собеседника Майно.

– Забофал ты меня перебивать, – окрысился великий фюрер и снова выпил. – Хочешь посмотреть, как человские фепутаты буфут фруг фружке морфы бить?

– Нет.

– А я погляжу, – и снова сделал звук громче.

– Зачем?

– Копыто префлагает фепутатами назначиться.

– Зачем?

– За феньгами.

– А-а...

– Какой-то ты туповатый шас, – жалостливо пробубнил Кувалда, предвкушая начало драки. – Не зря тебя к зелёным сослали.

В любое другое время Майно сумел бы резко ответить наглецу, но сейчас он пребывал в задумчивости, бормоча:

– Соответственно... Логично... Опосредованно...

Шас мысленно подбирал аргументы для Сериса, попутно прикинул, что дядя ни в коем случае не будет против некоторых разрешительных действий, направленных на повышение собираемости налогов, но... но в следующий миг Майно понял, что, если он поднимет Шапкам квоты на грабежи, добыча полноводной рекой потечёт не куда-нибудь, а к старому наглецу Урбеку. И уж оттуда – тонюсеньким ручейком налогов – в казну Зелёного Дома. Так что главную прибыль от повышения квот получит заносчивый барыга, хамски обошедшийся с молодым, но талантливым финансистом, пришедшим к нему с невинной просьбой.

«Если бы Урбек повёл себя прилично, мне не пришлось бы ехать в Форт и нюхать здешнюю вонь... Стоп!»

И тут Майно понял, что отомстить Кумару ему хочется гораздо сильнее, чем принести дяде Серису лишние деньги. Ведь деньги

растворятся в казне Зелёного Дома, а удовлетворение от наказания обидчика будет вечным.

И в голове молодого шаса начал вырисовываться план.

– Кувалда, – негромко произнёс он, присаживаясь на стул: увлѣкшись, он совершенно позабыл о дорогом костюме. – Допустим, я уговорю королеву поднять вам квоты...

– Фа, – радостно выдохнул фюрер. – Нам это поможет!

И вновь убрал звук, несмотря на то что депутаты как раз начали махать кулаками.

– Не поможет, – охладил его пыл Майно.

– Почему? – растерялся дикарь.

– Потому что вы добычу всё равно понесёте Урбеку.

– И что?

– Он вас обманывает.

– Зато платит.

– А если я тоже буду платить?

Неожиданный поворот не вызвал у одноглазого диссонанса: он давно жил на свете и знал, что шасы всегда идут туда, где прибыль.

– Хочешь стать барыгой? И правильно, пора тебе серьёзным фелом заняться, а то эти королевы меняются офна за фругой, фаже голова кружится, а тут солидный, постоянный бизнес...

– Ну не совсем я... – протянул Майно, обдумывая последние детали хитрого плана. – Но я буду в игре.

Поскольку речь шла о вещах, касающихся его напрямую, Кувалда не мог удовлетвориться расплывчатым ответом:

– Так ты станешь барыгой или нет?

Шас внимательно посмотрел на дикаря и кивнул:

– Стану. – И прежде, чем тот ответил, продолжил: – Слушай сюда, фюрер, тебе ведь не Кумар нужен, не я, а надёжный канал сбыта, правильно?

– Фа.

– Я тебе его обеспечу.

– За феньги?

– За долю. Всё равно получится больше, чем от Кумара.

– Что за канал? – заинтересовался одноглазый.

– Будем вашим ворованным через Интернет торговать.

– То есть сфелаешь нам электрического барыгу?

– Верно.

– Без обмана? – прищурился великий фюрер.

– Никакого обмана, – пообещал шас.
– За фоллю?
– У тебя будет доля, у меня будет доля, и даже Зелёному Дому немного останется, – рассмеялся Майно. – Главное – никакого Урбека.
Кувалда поразмыслил, прикинул, что, если вдруг что-то не сложится, он всегда сможет вернуться к привычному образу жизни, и кивнул:
– Фогоговорились.

///

Лебра быстро понял, что, оставшись во дворе, он допустил большую ошибку.

Нет, сначала, когда толпа окружила старшего брата, Лебра тихо порадовался тому, что не отправился с ним и не попал под прицел Шапок. Но Майно отболтался, разогнал дикарей, скрылся в фюрерской башне, и младшему стало неуютно. А затем, минут через пять, – одиноко и страшно. Нет, дикари к нему не приставали, знали, чем может закончиться приставание к подданным князя, но ходили вокруг, цокали языками и щурились, стараясь разглядеть в глазах шаса страх.

Лебра оставался невозмутим.

Внешне.

Он прекрасно понимал, что сейчас Шапки смотрят не на него, а на всю славную Шась, и старательно выдерживал независимый и спокойный вид, несмотря на то что выдерживать его мешала вонь, идущая от знаменитой мусорной кучи. Вонь, взгляды дикарей, бряцанье оружием, щёлканье затворами – некоторые Шапки специально передёргивали их в опасной близости от шаса: всё это должно было смутить Лебру. И смущало, чего скрывать, но он упрямо не показывал виду. А крепости ему придавали ругательства, которыми младший близнец мысленно поливал Майно, и размышления о том, каким пыткам он подвергнет брата.

Ещё минут через десять, когда Лебра окончательно успокоился и привык к неприятному окружению, возле пикапа неожиданно возникла необычно мощная – особенно для Красных Шапок – тётка в традиционном для дикарей кожаном наряде.

Тётка медленно обошла автомобиль, пнула заднее колесо, да так, что гордость китайского автопрома заметно покачнулся – Лебра решил не обращать на эту выходку внимания, – после чего подошла к шасу и поинтересовалась:

– Продаёшь?

– Нет.

– Тогда зачем приехал?

– Брата жду.

– Который к Кувалде пошёл?

– Ага.

– Ага... – Тётка выдержала паузу и многозначительно сообщила: – Тут многие решили, что это ты к нему пошёл.

– Как это? – не понял Лебра.

– Вы ведь одинаковые, – объяснила Шапка.

– Мы похожи, – не стал скрывать близнец.

– Одно лицо.

– Только я умный.

– Как все шасы.

– А-а...

– Вот тебе и «а», – передразнила его тётка. – Народ решил, что брат твой – это ты, а ты – это голем, которого он оставил для охраны этой помойки.

– Этой помойки? – удивился Лебра, повернувшись к куче семейного мусора.

– Нет, этой помойки, – ответила тётка, указывая на пикап. – А как ты называешь то, на чём приехал?

– Никак.

– Теперь называй помойкой.

– Я подумаю.

Учитывая, что речь шла об автомобиле дедушки, Лебра решил не обижаться. Да и в конце концов тётка была в чем-то права. Особенно в том, что на её поясе висела расстегнутая кобура с «макаровым».

– Тебя как звать?

– Лебра.

– Понятно.

– А вас?

– Маманя Дурич. Слышал?

– Нет.

– Ещё нет, – уточнила тётка, пристально глядя на шаса.

– Уверен, скоро услышу, – пролепетал тот.

Маманя осталась довольна такой покладистостью, потрепала Лебру по плечу и согласилась:

– Скоро все обо мне услышат, ведь я – жена великого фюрера.

– Вы – кто? – поперхнулся шас.

– Жена великого фюрера, – повторила Маманя. – Пока неофициально, но скоро всё устроится. Наследник у нас уже есть.

Последние слова она произнесла с нажимом, внимательно наблюдая за реакцией шаса, но тот пропустил упоминание наследника мимо ушей.

– Разве Кувалда женился?

– Женится, – жёстко пообещала Маманя.

– Тогда совет да любовь, – опомнился Лебра.

– Этому ему хватит на всю оставшуюся жизнь, – неопределённо выдала тётка и продолжила расспросы: – Ты зачем сюда явился?

– За деньгами. В смысле, брат за деньгами, а я так, рядом постоять.

– А чего делать умеешь?

– Я ещё молодой.

– А с виду бойкий.

– Пугливый.

– Деньги делать умеешь?

– Э-э...

От прямого вопроса шас немного растерялся. А затем, вспомнив, где находится, даже встревожился: кто его знает, зачем дикарям тот, кто умеет делать деньги?

– Скажите, что вам надо, а я подумаю, – предложил он. – Может, и без денег сможем обойтись.

– Как это – без денег? – не поняла Маманя.

– Нам ведь нужен результат, а не счёт в банке, – вздохнул Лебра, из последних сил сдерживаясь от того, чтобы не прыгнуть в машину и не удрать.

– Тебе не нужен счёт в банке? – нахмурилась тётка, не поспевая за вихляющимися от страха мыслями Лебры.

– Сначала вы скажите, сколько... в смысле – что вы хотите?

– Вот это уже разговор, – одобрила Маманя. Она вновь потрепала шаса по плечу, да так, что он едва не врезался в борт пикапа, и поделилась горем: – Кувалда жениться не хочет.

– На вас?

– А что? – с угрозой уточнила тётка.

– Дурак, – тут же нашёлся шас.

– Ты тоже заметил?

– Все знают.

Это замечание здоровенной Дурич понравилось. Она кивнула, погладила пистолет и продолжила:

– В общем, Кувалда не хочет заводить семью, а время дорого. Вокруг претенденты на приёмники...

– На какие ещё приёмники? – не понял шас.

– Вместо Кувалды.

– У вас опять выборы?

– У нас фюрер может умереть, и все лезут в приёмники.

– В преемники, – машинально поправил тётку Лебра, не очень хорошо поняв суть объяснений.

– Не перебивай!

– Извините.

Маманя испытующе заглянула шасу в глаза, не увидела в них ничего, но решила не прекращать наметившийся диалог.

– От Гниличей Абажур выступает, от Шибзичей – Копыто. Я говорю Дуричам – у нас уже есть наследник – СопляК, а они мнут. Не знают, чего хотят, одно слово – Дуричи. А мне их уговаривать трудно, потому что у меня оружия мало. Оружия надо, а для него – деньги. Ты деньги делать умеешь?

– То есть вы хотите убедить Дуричей, чтобы Кувалда на вас женился? – спросил шас, старательно избегая ответа о своём умении делать деньги.

– Можно и так, – подумав, ответила Маманя. – Или пусть скажет, что СопляК – преемница. И тогда я стану главной. Но мне нужно оружие.

– Тут вот какое дело... – перебил её Лебра. – Для того чтобы навязать оппонентам свою точку зрения, вовсе не обязательно стрелять.

– Серьёзно? – притворно удивилась тётка.

– Абсолютно.

– А что делать с Абажуром?

И в этот момент за её спиной появился Абажур.

То есть Лебра, разумеется, не знал, что видит перед собой политического противника Мамани, но догадался об этом, едва взглянув на перекошенную физиономию дикаря и лапищу, нервно теребящую рукоять ятагана. Ну и знаменитый «разбегающийся» взгляд присутствовал, куда же без него.

– Хочешь знать, что тебе делать с Абажуром, старая кошёлка?!

Маманя резко повернулась и вцепилась в пистолет. Не выхватила, но показала, что ей на это потребуется меньше секунды.

К пикапу стали стягиваться дикари.

– Можно я пойду? – жалобно спросил Лебра.

– Стоять! – велела Маманя.

– Стоять! – поддержал её Абажур.

– Если в Тёмном Дворе узнают, что вы убили подданного князя... – начал было шас, но его тут же перебили:

– Тот, кто выживет, обвинит в твоей смерти погибшего, – хмыкнула Маманя.

Абажур согласно кивнул:

– Ты погибнешь, как герой.

– Я не хочу.

– А может, и не погибнешь...

– Это вряд ли, – хихикнула Маманя, медленно вытаскивая пистолет.

И в этот самый миг Лебра пережил катарсис.

То есть это он потом понял, что случился именно катарсис. А в то мгновение душа несчастного шаса сжалась от страха, похолодела до абсолютного нуля, разрыдалась – но очень тихо, незаметно для окружающих, и Лебра неожиданно предложил:

– А почему бы нам всем не договориться?

И угодил в точку.

– С ней? – не понял Абажур.

– О чём? – растерялась Маманя.

– Молчи, носатый, и не мешай!

Но Лебра уже понял, что должен делать, и не позволил себя заткнуть.

– Вы знаете, что вам нужно? – спросил он, быстро оглядывая противников. – Маманя, что вам нужно?

– Править семьей.

– Абажур?

– Править семьей, дубина, чего же ещё?

– А Копыто?

– И Копыто, – подтвердила Маманя. – К делу, носатый.

– Всё закончится тем, что вы опять постреляете друг друга и победит самый хитрый, – продолжил Лебра.

– Или у кого стволов больше, – заметил Абажур, разглядывая правым глазом вершину фюрерской башни, а левым – колесо ближайшего автомобиля. – Гниличей, кстати, много.

– Замучаетесь хоронить.

– Вас, Дуричей, замучаемся.

– Так поделитесь снова на кланы, – предложил Лебра, пока оппоненты вновь не взялись за оружие. – Живите, как жили раньше, и каждый будет сам себе умник.

– А Кувалда? – не поняла тётка.

– Вы ведь сами сказали, что он умирает.
– Умирает, – подтвердил авторитетный уйбуй Гниличей.
– Тогда какая разница, что подумает Кувалда? Живите своим умом!
Несколько секунд Маманя и Абажур смотрели друг на друга, для чего Гниличу пришлось повернуть голову вправо, а затем он пробормотал:
– В этом что-то есть...
И отпустил ятаган.
Маманя вернула пистолет в кобуру.
Лебра тихонько передохнул и поздравил себя с тем, что остался жив.

* * *

муниципальный жилой дом
Москва, Лялин переулок,
3 июля, воскресенье, 00:20

Он думал, что не сможет распалиться, разжечь внутри огонь и не сумеет подтвердить репутацию умелого любовника. Думал, что прикосновение к холодному телу напомнит лягушку или змею, вызовет отвращение, оттолкнёт и помешает насладиться близостью. Думал, что им овладеет инстинктивный страх, который смажет финал... если до финала вообще дойдёт, но...

Но всё получилось совсем не так, как он думал.

Она была холодна, но не застывшей твердью ледяной скульптуры, не мёртвым телом и, конечно, не жабой. Она была холодна, потому что она была такой – холодной, естественно холодной и... приятной. И через несколько минут Сдемир научился принимать её такой, какая она есть: ледяной, чуть безумной, чуть высокомерной, с красными, полными жажды глазами и опасной. Он растоптал инстинктивный страх и заставил себя окунуться в холод её страсти.

И был вознагражден.

Нет, красноглазой охотнице не удалось поразить Сдемира какими-то особыми умениями. Она была неимоверно гибкой? Да. Неутомимой? Да. Выдумщицей? Ещё какой! Но все фокусы и приёмы и почти все их сочетания Сдемир уже пробовал. Он наслаждался? Да. Ему понравилось? Очень. Однако «изюминка» их близости случилась в самом финале.

Когда ощущалось приближение усталости и одновременно – взрыва неистового блаженства. Когда хотелось поскорее добраться до вершины, но он сдерживался, цепляясь за каждую секунду, потому что знал: тягучая

пауза обернётся невероятным восторгом чуть позже. Когда мир постепенно исчезал и оставалась лишь она – холодная и пылкая.

Только она...

Он смотрел в её красные глаза и слышал:

– Тебе страшно?

– Очень, – прошептал Сдемир, лаская оседлавшую его девушку.

В ответ маленькие ладошки скользнули по его телу, в её глазах появилось обещание немыслимой сладости, а по истерзанным его поцелуями губам скользнула едва заметная усмешка.

– Хочешь меня по-настоящему?

– Очень.

– Хочешь?

– Очень! Очень!! Очень!!!

Сдемир чувствовал, что может оказаться гораздо выше вершины, и не ошибся.

Он успел увидеть *иглы*... почувствовал, как впились они в его шею... как брызнула кровь, и вместе с ней – брызнул он. И закричал от невыносимого восторга.

Закричал впервые после того давнего, самого первого опыта.

///

Ему нравились «плохие девочки», порочные, грубоватые, агрессивные, но главное – порочные и не стесняющиеся своих наклонностей. Не выпячивающие их, но не краснеющие, услышав в свой адрес грубую колкость. Дерзкие.

Искренние.

Возможно, они нравились из-за того, что родители с детства знакомили Сдемира только с «правильными», вежливыми девочками и девушками, обязательно с безупречной репутацией и обязательно из хороших семей. Его представляли замечательным куколкам, очень красивым, одетым по самой последней моде, с наивным – почему-то обязательно наивным! – взглядом зелёных глаз, но многие из них, как вскоре узнал Сдемир, прятали в своих шкафах такие скелеты, что «плохим девочкам» оставалось только шипеть от зависти. При этом Сдемир был достаточно хорошо воспитан и никогда не позволял себе проявлять истинные чувства, точнее – крайне, крайне редко.

И с радостью общался с теми, кого отвергало «приличное» общество.

Но при этом никогда не забывал, кто он, и всегда держал с «плохими девочками» дистанцию, преодолеть которую сумела только Далина... Но теперь Далины нет, мир вновь стал пустым, и неожиданное появление Анны Сдемир воспринял с радостью.

«Проклятый Сантьяга хорошо меня изучил...»

Неприятно, конечно, знать, что хитрый нав читает его, как раскрытую книгу, но кто предупреждён – тот вооружён, и молодой барон охотно ввязался в предложенную игру, получая удовольствие и от заочного противостояния с комиссаром Тёмного Двора, и от общения с Анной.

Которая неожиданно стала бальзамом для его израненной души, а не шлюхой на ночь.

– Тебе понравилось?

– Это было... необычно, – подумав, признался Сдемир.

– Первый раз?

– Мы это уже обсуждали.

– Да, я помню.

– Ты была в точности, как те.

– Я – метаморф, – напредила девушка. – Я идеально копирую любое существо.

– Один в один?

– Если пробую кровь объекта – один в один. Если нет, то только внешне.

– Кровь масана ты пробовала?

– Да.

Барон усмехнулся, думая о чём-то своём, а затем неожиданно спросил:

– С вампирами всегда так?

– Если они этого хотят, – медленно ответила Анна, правильно поняв молодого люда. – Когда масан *высушивает* жертву, он впрыскивает ей микродозу вызывающего эйфорию вещества... что-то вроде смешанного с наркотиком обезболивающего. Но некоторые кровососы умеют регулировать количество этой гадости, сознательно увеличивают дозу и так подсаживают партнеров и партнёрш, превращают их в наркоманов. Таких чедов, и не чедов, называют *коровами*: они становятся рабами и в любой момент готовы поделиться с хозяином кровью.

– Это законно?

– Это на грани, – подумав, ответила Анна. – Масан не убивает *корову* и всегда выбирает из тех, кто знает о Тайном Городе. Всё остальное – вопросы этики.

«Этика...»

Даже самый лучший друг – если бы он был – ни за что не назвал бы Сдемира этичным или высокоморальным. Он и сам себя таковым не считал, но, услышав слово из уст девушки, ухватился за него.

«Этика...»

Этично ли само существование ночных охотников? Насколько этично присутствие в мире тех, кто рассматривает разумных соседей по планете лишь в качестве *пищи*? Зачем они вообще были придуманы Спящим? В чём их предназначение?

Одно время была популярна теория, что масаны являются такими «санитарами леса», призванными вычёркивать из списка живых слабых особей, но жуткие события Средневековья, когда сорвавшиеся с цепи кровососы учинили в Европе такую резню, что остановить их смогли лишь Инквизиторы, перечеркнули это объяснение.

С тех пор Великие Дома считали вампиров не просто опасными, но неспособными соблюдать любые договорённости; и даже не столько разумными, сколько животными; и действовали против них соответственно.

Без всякой этики.

А история о *коровах*, которую Сдемир услышал впервые, неожиданно его задела. Его – циничного и подлого. Молодой барон понял, что видел в подвале у Носферату одну из таких *коров*, и ему стало противно.

И захотелось убить.

Ведь, как намекнула Анна, в лапы масанов попадали не только челы.

– Стань собой, – хрипло попросил он, а когда девушка исполнила просьбу, улыбнулся и спросил: – Поужинаем как-нибудь? Например, завтра.

Сдемир не хотел больше говорить о вампирах.

– Сейчас ты не должен ни с кем появляться, – ответила Анна так, словно давно ждала подобного предложения. – Ты в трауре, и твой имидж не должен пострадать.

– Откуда ты знала, что я предложу поужинать?

– Прочитала в твоих глазах.

– Я настолько предсказуем?

Она нежно поцеловала любовника в плечо и вздохнула:

– Ты очень настоящий в своём огромном горе, Сдемир. Ты сильный, ты справляешься и преодолеешь свалившийся кошмар, но хочешь забыться и тянешься к тому, чего у тебя пока нет. Но ещё будет. Тебе нужны настоящие отношения...

– Нет!

Однако остановить девушку барон не сумел.

– Ты врёшь себе по двум причинам: потому что Далина умерла и ты снова пытаешься вести себя так, как раньше. Но больше так не получится, ведь ты познал вкус настоящих отношений и ты его не забудешь. Ты станешь их искать и обязательно найдёшь.

– С тобой?

– Не факт.

– А если я скажу, что готов продолжать наши отношения? – вдруг спросил барон.

– Я предложу тебе подождать с обещаниями. – Девушка погладила его по щеке.

– Потому что мы недостаточно хорошо знаем друг друга?

– Потому что мы не верим друг другу, – мягко объяснила Анна. – Возможно – пока.

В этом девушка была абсолютно права.

– Ты цинична, – тихонько рассмеялся Сдемир.

– Я знаю жизнь.

– Лучше бы жизнь была другой.

– При других обстоятельствах мы бы не встретились.

Захотелось пить. Белого холодного вина, бутылка которого осталась на столике в гостиной. Сдемир приподнялся на локте, но замер, увидев окровавленные простыни.

Он совсем забыл об их игре...

Анна почувствовала смущение люда, поняла, когда он вздрогнул, выдержала малюсенькую паузу, позволив молодому барону мысленно вернуться к масанам, и негромко произнесла:

– Сегодня я присутствовала на совещании по поводу проведения Конклава и случайно подслушала разговор Сантьяги с епископом Треми... – Люд чуть повернул голову. – Я узнала подробности о челе, фотографию которого дала тебе вчера.

– Он их сын? – пошутил Сдемир.

– Почти, – легко рассмеялась Анна. – Несколько дней назад был найден мёртвый масан... к сожалению, в разговоре они не упомянули имя... Так вот, Захар начал расследование и выяснил, что этот масан отравился...

– Чем? – перебил девушку люд.

Он уже догадался, что услышит.

– Масан отравился кровью этого чела, – подтвердила его догадку Анна. – Кровь этого чела такая же ядовитая для вампиров, как навская.

– Аномалия? – прищурился Сдемир.

– Да. Но Сантьяга думает, что из этой крови можно будет сделать сыворотку.

– Ужасная новость для масанов, – протянул барон.

– И прекрасный козырь для Сантьяги, – добавила Анна. – Если комиссар убедит кардиналов, что через два-три поколения сможет сделать любую *пищу* ядовитой...

– Непримириемые примутся лизать ему руки, – закончил за девушку люд.

– Именно.

– Но сначала Сантьяге нужно отыскать чела, – усмехнулся Сдемир.

У него не осталось сомнений в искренности метаморфа: сливать такую информацию Сантьяге не было никакого смысла.

– До Конклава мы не увидимся, – продолжила Анна. – С завтрашнего дня я буду безвылазно сидеть в «Империи».

– На ресепшен? – усмехнулся барон.

– Буду изображать Клаудию, – серьёзно ответила девушка.

– Зачем? – удивился Сдемир.

– Затем, что Сантьяга не верит вампирам.

Барон выдержал паузу и согласился:

– Правильно делает.

* * *

***Подмосковье, трасса М-5,
окрестности Коломны,
3 июля, воскресенье, 00:22***

Строить мощный грузовой портал – да ещё межконтинентальный! – ближе чем в пятистах милях от Тайного Города было опасно: эту зону операторы Великих Домов контролировали весьма тщательно и наверняка заинтересовались бы подозрительным переходом. Но и выхода у заговорщиков не было: учитывая приближение Конклава, Тёмный Двор мог в любую минуту преподнести неприятный сюрприз в виде тотального запрета на порталы, поэтому операцию решили провести сегодня.

Приняв все возможные меры предосторожности.

Подходящую асфальтированную площадку подобрали заранее, а утром в субботу направили на неё группу «рабочих», проследивших, чтобы её не заняли случайные челы. «Рабочие» неспешно «ремонтировали» площадку весь день, не забыв отгородить её от проезжей части пластиковыми

отбойниками, а ближе к полуночи сюда прибыла фата Сияна, которую Всеведа в спешном порядке назначила воеводой дружины Дочерей Журавля – вместо убитой при невыясненных до сих пор обстоятельствах Градиславы.

– Всё в порядке? – негромко осведомилась она у «бригадира рабочих», роль которого играла обер-воевода Иля.

– Зона полностью закрыта, – по-военному чётко ответила та.

– Маскировка?

– Артефакты установлены, на активацию потребуется не более четырех минут.

– Активируйте, – кивнула Сияна, бросив взгляд на часы. – Операция начнётся по вашей готовности.

– Слушаюсь!

Иля отправилась творить заклинания, а Сияна осторожно извлекла из маленького рюкзака небольшую деревянную чашу, на стенках которой были мастерски вырезаны магические символы людов, установила её посередине дальней от шоссе стороны площадки и зажгла внутри свечку. Чаша стала маяком, а сам портал создавался мощнейшими артефактами из точек старта – они были доставлены туда несколько дней назад.

– Маскировка активирована, – доложила Иля. – До получения штатной мощности – двадцать секунд.

– Очень хорошо, – одобрила Сияна и потёрла пальцы рук друг об друга – она всегда немного волновалась перед сложными арканами.

Запущенные Илей артефакты не прятали порталы – получившееся в этом случае «пятно» обязательно насторожит наблюдателей, – а скрывали их, «размазывая» всплеск магической энергии по окрестностям и повышая естественный магический фон на ничтожные два-три процента. Переработать всплеск межконтинентального перехода могли только очень мощные артефакты, для управления которыми требовались сильные ведьмы, поэтому среди «дорожных рабочих» находились исключительно фаты.

– Пять, четыре, три... – посчитала Иля. После слова «ноль» выдержала паузу, «ощупывая» артефакты, и сообщила: – Маскировка работает штатно.

Сияна достала телефон и отправила по нескольким номерам невинное сообщение – фотографию улыбающейся девчушки, после чего убрала аппарат в карман и отошла в сторону, не спуская глаз с маяка.

– Сейчас... – прошептала Иля. Находясь внутри маскирующего поля, она чувствовала зарождение межконтинентального перехода и по нарастанию мощи определяла момент, когда он выйдет на пик. – Сейчас...

И не ошиблась.

Воздух над маяком задрожал, задёргался, словно его начал тереть невидимый мойщик окон, а затем заискрился зелёным вихрем очень большого – не менее восьми ярдов в диаметре – портала, из которого почти сразу выехал мощный тягач, тянущий за собой длинную цистерну с газом. Грузовик был выкрашен в цвета местного поставщика, а у водителя – разумеется! – был полный комплект документов.

– Первый, – негромко проронила Иля.

– Первый, – согласилась Сияна и указала на спрыгнувшего с подножки тягача масана: – Это кто?

– Имра Луминар, – доложила Иля. – Он руководит операцией от кровососов.

Кто-то должен был распоряжаться, поскольку единственные встречающие – зелёные ведьмы – скрывались от прибывающих масанов под мощнейшим мороком: Всеведа не хотела показывать вампирам, что Зелёный Дом поддерживает Яргу.

Тем временем Имра указал первому тягачу направление, тот послушно принял вправо и остановился у края площадки, а из вихря стали появляться следующие газовозы. И в каждой цистерне прятались не менее трёх сотен принявших облик тумана масанов.

– Целая армия, – заметила Иля.

– Да, – подтвердила Сияна, но в её голосе обер-воевода расслышала лёгкую растерянность.

И потому рискнула спросить:

– Вы уверены, что нам ничего не угрожает?

– Зелёному Дому?

– Да.

– Уверена, – помолчав, ответила Сияна. – А вот Тайный Город крепко потрянёт. – Пауза. – Достанется и челам.

– Я вижу.

– И чем это закончится... – Но в следующий миг воевода Дочерей Журавля заставила себя замолчать.

Портал закрылся, и на площадке замерли десять длинных газовозов, полных смертоносного тумана. Десять газовозов с армией вампиров. Их водителями были челы, прекрасно говорящие по-русски, и у каждого из них был с собой комплект не вызывающих подозрение документов на машины и груз.

Десять газовозов...

Почти три тысячи вампиров...

Трудно представить, что они способны учинить в Тайном Городе.
– Надеюсь, Всеведа всё продумала, – прошептала Иля.
– И я надеюсь, – с неожиданной искренностью ответила Сияна.
Имра махнул рукой, и тягачи тронулись в путь.

* * *

*муниципальный жилой дом
Москва, Северный бульвар,
3 июля, воскресенье, 00:59*

Шера не хотела торопиться и планировала подбираться к Антону постепенно: сначала насылать кошмары и резать, потом, ночи через две-три, дать понять Буторину, что он действительно ранит себя. Посмотреть на его реакцию. Сходить вместе с ним к врачу, если, конечно, Антон соберётся проверить своё психическое здоровье, посмеяться, слушая их разговор, а уж после этого переходить к самой главной, самой сладкой части задуманного.

Шеру поглотило упоительное ощущение абсолютной вседозволенности. Благодаря магии несчастный чел оказался в её полной власти, и хотя девушка знала, что Великие Дома расценят её действия как тяжкое преступление, способное привести к нарушению режима секретности, останавливаться она не собиралась.

«Он заплатит!»

Но решила поторопиться, поскольку, очнувшись на столе в подвале, услышала, как говорящий по телефону Адам произнёс «Завтра», и по тону догадалась, что готовится нечто серьёзное. Возможно – связанная с Конклавом провокация, которая, в свою очередь, наверняка приведёт Великие Дома в состояние боевой готовности. И поэтому решила ускорить месть.

– Сегодня, Антон, ты сновапустишь кровь... – Шера улыбнулась: – Но не себе.

Она активировала артефакт, подождала, чувствуя, как «Господин» высасывает из неё кровь, и вдруг подумала, что к третьей ночи окончательно сроднилась с магическим устройством, получая удовольствие и от работы, и даже от того, что «Господин» питается ею. Артефакт был частью обрётённой девушкой вседозволенности, дарил силу и власть и потому не мог не вызывать тёплых чувств.

А ещё Шера поняла, что ей нравится отдавать кровь, и этот процесс

доставляет ей такое же наслаждение, как секс или безнаказанное убийство...

– Нет, не убийство, – поправила себя девушка. – Пока нет.

Возможно, скоро она убьёт проклятого чела, но до этого он будет платить другим способом. Будет мучиться.

Сроднившись с «Господином крови», Шера перестала прикладывать при работе с ним особенные усилия: артефакт стал послушным и, казалось, угадывал желания девушки.

– Что же, давай позабудемся... – Сегодня Шера не наслала на Буторина кошмар, а, убедившись, что «Господин» работает на полную мощь, легонько прикоснулась к разуму жертвы: – Антон!

Тот открыл глаза и сел на кровати, изумлённо оглядывая комнату.

– Ты меня слышишь?

– Кто ты?

– Твоя душа, – мягко ответила девушка.

Поскольку показываться Шера не собиралась, она могла назваться кем угодно, но остановила выбор на «душе», ведь известно, что больше всех челы верят себе.

– Что? – растерялся Буторин. – Кто?!

– Я – это ты, Антон, твоя личность, твой характер, твоё сердце, твои чувства, твои поступки... Я – твоя несчастная душа, которая мучается каждую ночь.

– Ты тоже мучаешься?

То ли он ещё не проснулся, то ли сказывалось действие гипнотического артефакта, то ли Буторин и в самом деле был туповат.

С другой стороны – какая разница?

– Мы вместе мучаемся, – объяснила девушка. – Ведь я – это ты.

С помощью «Господина крови» она могла проломить защиту и просто-напросто заставить Буторина сделать то, что задумала, но Шера хотела большего, хотела, чтобы Антон совершил преступление, пребывая в сознании, и потому артефакт лишь помогал девушке, делая жертву внушаемой.

– Что происходит?

– Зверь хочет нас убить.

– Откуда он взялся?

– Из преисподней.

Шера решила не тратить время на дополнительные объяснения и воспользовалась гарантированно известным Буторину образом мироздания.

– Ад существует?

- Твои мучения реальны?
- Да! – В этом у Антона сомнений не было.
- Вот и ответ на твой вопрос.
- А зверь... Как выглядит мой мучитель?
- Он вселяется в людей. Помнишь мужчину из парка?

Буторин на мгновение задумался, а затем горячо ответил:

– Я знал, что с ним что-то не так... – И в этот момент Шера с трудом удержалась от того, чтобы не порвать ему горло. – Но почему зверь из преисподней хочет меня убить?

- Я бы на твоём месте спросила, как тебе и мне от него спастись.
- Нужно драться? – обречённо поинтересовался Антон.
- Я знаю, что мы с тобой не воины, – успокоила его девушка.
- Да...
- Но зверь должен умереть. Ты согласен?

Ещё бы ему не согласиться! Буторин пребывал под полным контролем «Господина», и тот факт, что он находился в сознании, ничего не менял: вся мощь гипнотического артефакта была направлена на то, чтобы Антон сам захотел дать правильный ответ.

– Согласен, – прошептал он.

И не просто прошептал: Буторин мечтал положить конец своим мучениям. Чего бы это ни стоило.

– Ты действительно хочешь убить зверя? – с нажимом повторила Шера.

– Если ты – моя душа, то знаешь, что я схожу с ума, – горько ответил молодой чел. – Или умираю. – Он помолчал. – Зверь должен сдохнуть.

– Я знаю, где он прячется, – просто сказала девушка.

– Откуда?

– Я научилась его чувствовать. Он рядом...

– Где? – вздрогнул Буторин.

– Совсем рядом... – убеждённо продолжила Шера. – Зверь хитрый, он проник в наш мир, а чтобы его не нашли, стал прятаться в тела обычных че... людей. В тот раз, в парке, он вселился в красивого, очень сильного мужчину... А теперь таится в другом теле. Ты должен найти зверя и убить!

– Убить, – эхом повторил Антон.

– Чего ты хочешь?

– Убить.

– О чём ты мечтаешь?

– Убить.

– Тебе нравится кровь?

– Убить...

Шера продумала всё до мелочей.

Буторин быстро, но без суеты, оделся, постоял у серванта, «выбирая» оружие, в конце концов взял Ка-Bar Tanto – он любил представлять себя бесстрашным американским солдатом – и заодно прихватил керамбит. Толку от этого изогнутого клинка было немного, поскольку Антон совсем не умел им пользоваться, но керамбит, так же как Tanto, входил в число любимцев Буторина и потому оказался в кармане. Вооружившись, вышел из квартиры, аккуратно закрыв дверь на один замок, спустился по лестнице, прислушиваясь, чтобы не наткнуться на припозднившегося соседа, и быстрым шагом добрался до соседнего дома. На их пути была всего одна видеокамера, и Шера помогла Антону её обойти.

– Ты чувствуешь в себе силу? – спросила девушка, отпирая подъезд.

– Мне надоело быть слабым, – тут же отозвался Буторин. – Надоело рыдать каждую ночь.

– Ты чувствуешь в себе силу?

– Чтобы убить?

– Да.

– Я хочу убить зверя, – уверенно ответил Антон.

– И не важно, чьё обличье он принял, – спокойно закончила девушка.

– И не важно, чьё обличье он принял, – повторил Антон.

– Тебе не придётся драться, – сообщила Шера. – Сейчас зверь слаб, он хочет отдохнуть, и тебе лишь нужно...

– Убить его.

– Да.

Они остановились у квартиры на третьем этаже, Буторин машинально потянулся к кнопке звонка, но девушка успела перехватить его руку.

– Что ты делаешь?

– Нам нужно войти, – объяснил Антон, вынимая Tanto. Чёрный. В меру тяжёлый. Удобно лежащий в руке. Жаждающий крови, как жаждет её вампир.

Войти... Войти в квартиру, где спит пожилая женщина. Одинокая. Беззлобная. Не знающая, что у её двери замер спокойный и очень уверенный в себе убийца. Не знающая, что умрёт только потому, что жестокая девушка по имени Шера решила отомстить...

«И отомщу!»

Всего на одно мгновение Шера ужаснулась собственному замыслу, почувствовала отвращение к себе и даже стыд. На одно мгновение. А затем вспомнила мёртвого Адриана, неприятную ухмылку Адама, холодные руки,

жадно щупающие её тело, и вернулась в привычную ненависть.

Ненависть ко всему миру.

– Это деревянная дверь, – тихо сказала девушка. – Просто выбей.

– А у меня получится?

– Ты мужик или нет? – зло спросила Шера, совершенно не заботясь о том, может ли «душа» так говорить со своим обладателем. – Выбей проклятую дверь!

И запустила артефакт морока, призванный скрыть от соседей происходящее.

– Хорошо. – Буторин внимательно оглядел преграду, а затем с силой врезал по ней, с одного удара проломив оба замка. – Я ненавижу зверя!

Антон решительно вошёл в квартиру. И через несколько секунд оставшаяся на лестничной площадке Шера услышала сдавленный крик.

И улыбнулась.

Глава 5

около трёх недель назад

Цитадель

– Ты не наполняешься их кровью, – громким, очень звучным голосом произнёс советник Тёмного Двора. Высокий, облачённый в тёмно-синий плащ с низко надвинутым капюшоном. – Ты не наполняешься их силой, ты не отнимаешь у масана жизнь, не убиваешь его. Ты становишься им.

– Магия Крови – самая понятная тебе, – поддержал коллегу второй советник, который стоял чуть левее. – Ты умеешь с ней обращаться, но сейчас магия должна стать твоей сутью – как стала сутью любого масана. Должна пропитать тебя – как пропитала любого масана. И выжечь всё инородное. Изменись так, чтобы в тебе не осталось ничего чуждого.

– Я понимаю... – прошептала Анна.

– Забудь всё, что было.

– Забудь себя.

– Почувствуй силу Крови.

– Это твоя сила.

– Нет ничего, кроме ночи, и ты – охотник.

– Я понимаю.

– От этого будет зависеть твоя жизнь.

– Я понимаю.

– Стань масаном...

Анна стояла в центре большого зала, оборудованного для проведения эксперимента, и слушала заключительные наставления советников Тёмного Двора. Разумеется, в них был толк – поддержка и нужные советы очень важны, но всего два дня назад Анна уже участвовала в похожем эксперименте, и всё прошло идеально...

Нет, не похожем!

Два дня назад она обратилась в Робене. Полностью, как требовали навы, до самой последней клеточки, и тогда советники остались довольны. Теперь перед ней стояла более сложная задача: превратиться в метиса Робене и масана другого клана, стать ребёнком, сохранив уникальные отличия каждого вампира. Как это сделать, тёмные объясняли почти сутки, и потому их нынешние напутствия звучали излишне.

Как ни странно, навы оказались ещё большими занудами, чем эрлийцы, хотя, по общему мнению, больше просто некуда.

– Можем приступать? – тихо спросил Сантьяга.

Советники переглянулись, после чего тот, кто стоял справа, кивнул:

– Да.

И они отступили к стене.

– Мы готовы, – доложил Тамир Кумар, один из двух знаменитых «ласвегасов» – личных аналитиков и системных администраторов комиссара Тёмного Двора.

– Очень хорошо, – одобрил Сантьяга.

Анна улыбнулась.

Она знала, что сейчас за нею следят так же внимательно, как челы – за работой своего адронного коллайдера, и это её забавляло. Не вызывало чувство гордости, поскольку её личных заслуг во внимании навов не было никаких, но и не заставляло злиться, ощущая себя лабораторной мышью, – Анна давно привыкла к своей уникальности. И к тому, что способна совершать уникальные вещи.

Девушка стояла на небольшом подиуме, а за её спиной расположили высокий, до потолка, монитор. В центре – контур её тела, равномерно окрашенный зелёным, по краям – поступающая информация. «Ласвегасы» притащили столько аппаратуры, что её действительно хватило бы на коллайдер, просвечивали Анну со всех сторон и анализировали происходящие изменения в режиме реального времени.

Стоявшие у соседней стены советники старались не смотреть ни на «ласвегасов», ни на их устройства – они недолюбливали технику.

– Доставьте образец, – распорядился комиссар. Дверь раскрылась, и Ортега ввёл в зал масана, держа его на «усмиряющем поводке». К какому клану принадлежал обречённый вампир, было понятно без дополнительных вопросов: уродливость Носферату ни с чем не спутать.

– Я надеялась начать с какого-нибудь красавчика, – позволила себе шутку Анна.

Советники, кажется, засопели под низко надвинутыми капюшонами, но промолчали, «ласвегасы» заулыбались, но подать голос не рискнули, в отличие от комиссара, который коротко рассмеялся и объяснил:

– Я думал об этом, но решил поступить иначе.

– Почему?

– Полагаю, отвратительные черты Носферату обязательно отразятся на вашем прекрасном лице, Анна, что станет дополнительным подтверждением успешности эксперимента.

- Я стану страшной?
- Надеюсь.
- Комиссар? – Девушка игриво подняла брови.
- Надеюсь, ненадолго.

Улыбки «ласвегасов» стали шире, а один из советников, не выдержав, пробубнил:

- Можно начинать.

Сантьяга едва заметно развёл руками, Анна кивнула, Ортега поднял брови, беззвучно спрашивая насчёт «поводка», и девушка, подумав секунду, ответила:

- Оставьте. Не хочу за ним гоняться по всему залу.
- Да и аппаратуру он может перевернуть, – заметил Тамир.
- Не будем превращать серьёзное дело в балаган, – попыток комиссар.

Советники вновь засопели.

Но окружающие уже избавились от игривости и приступили к делу. Анна положила руку на обнажённое плечо стоящего рядом Носферату и шумно втянула воздух, приносясь к запаху масана. Одновременно коснулась его ауры, пройдя через блокирующую дымку «усмиряющего поводка». И почувствовала страх. Такой естественный сейчас, когда прирождённого убийцу, самца, привыкшего к доминированию, окружили хладнокровные и безжалостные враги.

- Сколько ты убил в своей жизни? – тихо спросила Анна.
- Зачем ты им служишь, сестра? – угрюмо отозвался тот.

Сантьяга одобрительно качнул головой: первый тест пройден – Носферату принял девушку за масана.

- Я верю в то, что делаю.
- Нет... ты не можешь... Ты ведь такая, как я!
- Не совсем, – прошептала Анна. – Не совсем...

Она сбросила тончайший чёрный плащ – больше на ней ничего не было, – прильнула к масану и медленно провела ладонью по его щеке.

- Я тебя ненавижу, сестра.
- Тебе просто не повезло, – объяснила Анна, наклоняясь к его шее.
- Ты каннибал?
- Я – санитар.

И вонзила в жертву иглы.

Носферату выгнулся дугой и застонал.

- Она не использует анестетик, – заметил один из советников.
- Она не стала масаном? – удивился второй.

– Она сознательно причиняет ему боль, – тихо ответил Сантьяга.

– Зачем?

– Потому что он ей противен.

И все перевели взгляд на окровавленную, урчащую от жадности масану.

– Анна начала изменяться, – доложил Тамир, указывая на монитор: в равномерную зелёную окраску её тела стали проникать жёлтые клетки Носферату. – Всё идёт в точном соответствии с теорией.

– Разумеется, в точном, – пробурчал советник.

Второй подтвердил слова коллеги кивком. Сантьяга вздохнул и едва заметно улыбнулся, заметив, что на красивом лице девушки действительно проявилось знаменитое уродство Носферату: глаза чуть запали, губы стали тоньше, волосы потеряли блеск и поредели.

– Идеально, – прошептал Тамир, переводя взгляд с одного монитора на другой.

– Она становится Носферату? – скрипнул советник.

– Она становится метисом.

– Вы уверены? – уточнил Сантьяга.

– Абсолютно. Она становится ребёнком этого Носферату и себя самой, в смысле, той Анны, что была здесь...

– Я вас понимаю, Тамир.

Тем временем Анна высушила жертву – Ортега отволокло тело в угол – и посмотрела на комиссара.

– Как вы себя чувствуете? – негромко спросил нав.

– До жажды далеко.

– Я так и думал, – улыбнулся в ответ Сантьяга. – Полагаю, вам нужно отдохнуть?

– Было бы неплохо.

Комиссар подошёл к девушке, поднял плащ и накинул на её плечи. Но в тот момент, когда его пальцы легко коснулись плеча Анны, она едва заметно отшатнулась и ощерилась: ночной охотник среагировал на близость убийцы.

Но Сантьяга сделал вид, что не заметил жеста: щёлкнул пальцами, вызывая чёрный вихрь навского портала, сообщил:

– Ваши апартаменты, Анна.

И учтиво помог девушке войти в магический переход.

Больше она не возражала.

– Она стала кровососом, – заметил советник, когда портал закрылся.

– Так и должно быть, – напомнил Сантьяга. – В этом смысл

эксперимента.

– Процесс продолжается, – сообщил Тамир. На теле Анны остались мельчайшие датчики, и шас получал информацию о происходящих в организме изменениях. – Строго по плану.

– Если она превратится в кровососа, то начнёт думать как кровосос, – развил мысль второй советник. – Может стать опасной.

– Хочу напомнить, что многие масаны – наши верные друзья.

– Но многим нашим верным друзьям не нравятся Догмы.

– Без Догм они были бы мертвы.

– Именно.

– Предлагаете заковать Анну в цепи? – резковато спросил Сантьяга.

Настолько резковато, что Ортега поднял правую бровь – это означало у него высшую степень изумления, а «ласвегасы» постарались сделать вид, что их здесь нет: если высшие маги Тёмного Двора вдруг поругаются, в зале станет опасно.

Но ничего не случилось.

Советники выдержали короткую паузу, а затем вышли в коридор.

Молча.

///

Тёмно-синие плащи не терялись во мраке кабинета, но и не особенно выделялись в нём. Казались двумя цветными тенями, отразившимися от беспросветной тьмы обители и ставшими её частью. Тьма принимала тёмно-синие плащи, но выделяла их, поскольку здесь сейчас и всегда правило чёрное.

Только оно.

– Каковы ваши выводы? – проскрипел владыка Нави.

– Всё прошло именно так, как планировалось, – ровно ответил тот, кто стоял справа.

– Даже чуть лучше, – поддержал коллегу тот, кто стоял слева. – Сейчас метаморф – настоящая дочь Робене и Носферату.

– Так же как недавно она была настоящей, чистокровной Робене.

– Это удивительно даже для меня.

– Надеюсь, Анна сумеет продолжить эксперимент в нужном нам направлении, – пробубнил князь.

– Сумеет, – уверенно ответил правый советник. – Безумная идея Сантьяги оказалась работоспособной.

- Но есть один нюанс...
- ...очень важный...
- ...небольшой этический перекрёсток...
- ...небольшой, но мы опасаемся, что Сантьяга застрянет на нём...
- ...он слишком близко принимает интересы челов...
- ...и прочих обитателей.

Согласно давней традиции, высшие иерархи Тёмного Двора отказывались от личности, имён и прошлого, оставляя себе лишь опыт прожитых лет и силу. Возвышаясь над Стрелами Тьмы – так иногда называли навов, – они становились никем, полностью посвящая себя служению Тёмному Двору. За тысячи лет лишь Сантьяга осмелился нарушить это правило, но он доказал, что имя, личность и даже пороки не мешают ему растворить судьбу в интересах Нави, и Тьма смирилась с выходкой своего любимца.

Но сейчас холодные, как мёртвые масаны, советники Тёмного Двора намекали повелителю, что эмоции способны помешать комиссару принять правильное решение.

- Говорите, – негромко произнёс князь.

Без всякого скрипа в голосе. Но в нём появились едва различимые шипящие нотки: владыка Нави догадался, что советники принесли плохие новости.

- Когда метаморф стала Робене, мы провели предварительное тестирование её возможной связи с Амулетом...

- ...с Диадемой Теней.

- Мы изучили воздействие Диадемы на организм Пабло и проанализировали вероятное влияние на организм метаморфа.

- И на этой основе сделали приблизительные расчёты для других Амулетов.

- Нас интересовало, как их совокупность подействует на метаморфа.

Советники выдержали паузу, а затем тот, что стоял справа, сухо сообщил:

- Амулеты её убьют.

- Сумма Амулетов, – уточнил тот, что стоял слева. – С каждым по отдельности метаморф справится без труда.

Несколько секунд в кабинете царила тишина, даже Тьма перестала забавляться, перестала пытаться покрасить синие плащи в чёрное и притихла, ожидая слова владыки. Несколько секунд лишённые эмоций навы молчали, прекрасно зная, какое решение примут.

Потому что решение уже принято.

Но нужно сделать так, чтобы оно не изменило выгодные Тёмному Двору планы. Потому что для этих троих не было ничего более важного.

– Метаморф умрёт сразу? – поинтересовался князь.

Шипение покинуло его голос так же, как до этого – скрип. Князь спросил ровно.

– Примерно через два часа.

– И перед смертью будет крайне слаба.

– То есть у нас есть час?

– Не более.

– Нам хватит?

– Да, – подтвердил правый советник.

– С запасом, – добавил левый. – Сантьяга разработал очень энергичный план.

– Но метаморф не сможет снять Амулеты, – сообщил правый. – Чтобы спастись, у неё будет не более десяти минут. Затем процесс их воздействия на организм станет необратимым.

– А десяти минут нам не хватит.

Они вновь помолчали, после чего князь сдержанно произнёс:

– Вы поступили правильно, не поставив комиссара в известность.

– Сантьяга принял бы правильное решение, – спокойно заявил правый советник.

– Не сомневаюсь, – поддержал коллегу левый.

– Но я избавлю комиссара от этого, – решительно произнёс князь. – Продолжайте работу.

Советники молча склонили головы.

*** * ***

Южный Форт,

штаб-квартира семьи Красные Шапки

Москва, Бутово, 3 июля, воскресенье, 09:09

– Куда мы едем? – поинтересовался любопытный Иголка, увидев, что сидящий за рулём Копыто выводит их «Армаду» на внешнюю сторону МКАД, то есть направляет машину на юг.

– А куда мы должны ехать? – осведомился уйбуй.

– К Урбеку, – тут же ответил Иголка.

– К Урбеку, – одновременно с ним подал голос Контейнер – сидящий у

окна здоровяк.

Остальным членам десятки Копыто велел зарабатывать на виски самостоятельно.

– Зачем нам к Урбеку? – продолжил расспросы уйбуй.

– За деньгами, – машинально ответил Контейнер, удивляясь про себя недогадливости Копыто.

– Мы ведь всегда товар Урбеку сдаём, – напомнил Иголка, подозревая самое плохое: что командира захватила очередная «гениальная» идея, результатом которой станут бессмысленная суета, опасные перестрелки и безденежье. Как это уже бывало не раз.

– Урбек нас обманывает, – твёрдо заявил Копыто.

– Нас все обманывают, – печально вздохнул Контейнер и начал унылое перечисление: – Шасы обманывают, люды обманывают, концы обманывают, челы обманывают, навы обманывают...

– Когда это ты с навами дела имел? – тут же встрял скандальный Иголка.

– Они всё равно нас обманывают, – ушёл от прямого ответа Контейнер.

И, поразмыслив, сородичи мысленно согласились с печальным сообщением здоровяка: обманывают. Все. А кто бы на их месте не обманывал?

Глотнули виски из плоской фляжки уйбуя, погрузили о разном, а затем Иголка вернулся к важной теме:

– Хоть Урбек нас и обманывает, он денег даёт, – сообщил скандалист, искренне надеясь, что Копыто не полезет в драку. Во всяком случае не сразу. – А ты куда нас везёшь?

Контейнер шумно засопел, давая понять, что полностью согласен с острым вопросом приятеля, но промолчал по той же самой причине: чтобы Копыто, если полезет в драку, ограничился болтливым Иголкой.

– Где товар сбрасывать будем?

Сегодня десятке сопутствовала удача: наводка на небольшой обувной бутик оказалась верной – там действительно поломалась сигнализация, – и счастливые дикари доверху набили «Армаду» коробками с дорожными летними туфлями, как мужскими, так и женскими. Понимали, что больше тридцатки за пару старый Кумар не даст, но всё равно радовались, поскольку коробок оказалось гораздо больше сотни и на каждого приходилась неплохая сумма.

Теперь же получалось, что даже скромная тридцатка может проскользнуть сквозь пальцы и растаять в очередной идее уйбуя...

– Может, лучше к Урбеку? – протянул Контейнер.

– Короче, у меня приказ, мля, – сообщил Копыто. – Великий фюрер...
– Он же умер!
– Ещё нет, – оборвал здоровяка Иголка. – Сначала нужно преемника отыскать.

- А где он?
- Прячется.
- От кого?
- От нас и прячется.
- Почему?
- Потому что если мы его отыщем, то сковырнём на фиг.
- Зачем?
- Затем, что у нас свой преемник имеется.

И Иголка выразительно посмотрел на уйбуя, изо всех сил пытаюсь передать взглядом нехитрое послание: «Смотри, как я тебя похвалил, преемник ты наш! Так давай, не дури, разворачивай к Урбеку!»

Но услышан не был.

– Короче! – рявкнул Копыто. – Никуда я не прячусь! А чтобы великий фюрер назначил меня преемником, мне нужно...

– Государственного опыта набраться, – кивнул умный Контейнер. – Знаем, знаем... Станешь губернатором?

– Ты станешь губернатором? – изумился Иголка.

– Где? – изумился Контейнер.

– В ..., – раздражённо ответил в рифму уйбуй и быстро, чтобы его опять не перебили, сообщил: – Сегодня Кувалда открывает для нашей великой семьи новый источник дохода – «ЭлектроБарыгу». И теперь весь товар пойдёт через него.

– А мы?

– А мы будем этот товар привозить и продавать.

– А можно мне мою часть выдать, чтобы я её Урбеку отвёз? – осведомился Иголка, который не особенно доверял новшества, особенно тем, которое вводит для своих граждан государство.

– Не спорь с преемником, – неожиданно строго велел Контейнер. И умильно посмотрел на Копыто: – Слушай, а когда ты станешь великим фюрером, кто станет нашим уйбуем?

У Иголки отвисла челюсть.

Открытие великой семейной «ЭлектроБарыги» было обставлено с помпой...

Ну как с помпой... Майно даже хотел подключить концов, известных шоуменов и организаторов празднеств, но Лебра отговорил, объяснив, что времени в обрез, концы потребуют двойную оплату, поэтому оформление праздника он обеспечит лично. Поэтому получившаяся «помпа» могла произвести впечатление разве что на дикарей. И произвела.

Грузовые ворота в подвал фюрерской башни украсили толстой гирляндой надувных шаров патриотической расцветки. Её повесили прямо перед открытием, но набежавшие дикари принялись радостно хлопать шарики, ободрали ближайšie к земле концы гирлянды, и теперь её охраняли два автоматчика. Чуть правее распахнутых ворот Лебра приказал устроить подиум высотой немного ниже эшафота государственной виселицы. На подиуме расположился столик с ноутбуком, а позади подиума к стене привинтили огромный монитор, заботливо защищённый пуленепробиваемым стеклом – на всякий случай. С помощью монитора Майно и Лебра собирались наглядно продемонстрировать Шапкам преимущество нового канала сбыта ворованного имущества.

Около столика установили кресло для великого фюрера, но Кувалда не торопился в него усаживаться – стоял рядом со старшим близнецом и хмуро разглядывал подданных. Те выглядели сомнительно и энтузиазма не проявляли, по опыту зная, что, если власть устраивает большую сходку, значит, будут повышаться или налоги, или пошлины. Или и то и другое сразу.

– Любезные подданные! – поднатужившись, проорал одноглазый, когда шум на площади слегка утих. – Сегодня великий день в жизни нашей великой семьи!

– Ура! – верноподданно поддержали фюрера Шибзичи, но остальные предпочли отмолчаться, и пламя бурного восторга стремительно погасло.

– Сегодня наша великая семья сбросит с себя ярмо многовекового рабства, поднимется с колен, утрётся и пойдёт в светлое будущее!

– Сама? – изумился кто-то из первых рядов.

Народ промолчал, с интересом ожидая продолжения, но его не последовало.

– Сегодня мы заместим импортные достижения в... – Кувалда сбился. – В...

– В каналах сбыта, – шёпотом подсказал Майно. – Без достижений.

– Сегодня мы заместим импортные каналы сбыта без достижений, – вывернулся великий фюрер. – И запустим свой, уникальный,

неповторимый и выгодный...

– Встречайте! – энергично вклинился в речь старший близнец. – «ЭлектроБарыга»!

Сидящий за ноутбуком Лебра запустил цифровую запись фанфар, на гигантском мониторе появился придуманный кузеном близнецов логотип, но народ остался хмур. Видимо, логотип недостаточно отразил его видение светлого будущего.

Над Фортом повисла нехорошая пауза. То ли народ собирался с мыслями, то ли готовился к мятежу.

– А что он умеет делать?! – выкрикнул Утюг.

– И где он? – поддержала его Маманя. – Где барыга?

Народ слегка заволновался. Дикари привыкли, что барыгу всегда видно, с ним можно спорить и даже ругаться. Ещё многие считали, что барыгу обязательно зовут Урбек Кумар, что являлось важнейшей характеристикой. Главное же заключалось в том, что барыгу должно быть видно и у него должны быть деньги, поэтому отсутствие привычной фигуры и пачки наличных изрядно смутило великую семью.

– Где барыга?

– Вот он! – Майно указал на столик, за которым натянуто улыбался Лебра.

Половина народа поняла жест правильно, но ничего не поняла, потому что барыга не может быть ноутбуком, а должен ругаться, забирать товар и давать деньги. А вторая половина народа поняла жест неправильно и поинтересовалась:

– То есть барыга – это ты, только за столом?

Острый вопрос отправил Майно в нокдаун. Он тупо посмотрел на брата, тот пожал плечами, показывая, что сам пребывает в затруднении, и тогда вперёд вышел фюрер, сообразивший, что шасы не выдержали столкновения с простым, как шар для боулинга, мировоззрением Красных Шапок.

– С сегодняшнего дня весь горячий товар нужно сбрасывать только в «ЭлектроБарыгу»! – провозгласил Кувалда и полностью завладел вниманием семьи.

– Почему? – осведомился народ.

– Потому что импортозамещение и прогресс.

– А иначе?

– Повешу.

– А где демократия?

– Какая?

– Невидимая рука рынка где?! – крикнул Абажур, сообразив, что великий фюрер собирается подмять под себя всю семейную экономику. – Где рука?

– Это как было у Кумара?

– А хотя бы!

Услышав привычное имя, Шапки заволновались, и Майно, желая предотвратить дискуссию, громко сообщил:

– У нас будет лучше, чем у Кумара! А главное – честно!

В ответ народ обидно заржал, и даже Кувалда с трудом сдержал ухмылку.

– У шасов честно не бывает, – авторитетно сообщил Утюг.

– А как же Урбек?

– Он нам врёт, – уверенно отозвался народ из нескольких мест одновременно. – Но Урбека мы знаем и привыкли.

– А тебя не знаем!

– Тебя вообще двое!

– Это подозрительно!

– Хватит быть рабами Кумара! – прокричал Майно. – Свобода и предпринимательство! Каждый имеет право на выбор! Я сделаю вас счастливыми!

Но получилось только хуже.

– Как это ты сделаешь?

– Нальёшь бесплатно?

– Все слышали: шас угощает!

Невиданное чудо заставило народ колыхнуться в сторону «Средства от перхоти». Автоматчики, которым Кувалда приказал не выпускать подданных со двора до окончания презентации, тоже начали поглядывать на кабак, и по всему выходило, что идея с созданием импортозамещённого канала сбыта вот-вот закончится грандиозным скандалом, поскольку угощать великую семью ни Майно, ни Лебра не собирались, но...

Но ситуацию спас Копыто.

Уйбуй понял, что его старый одноглазый друг в очередной раз пребывает в затруднении, вздохнул, выскочил на подиум и обратился к Майно:

– Покажи, как «ЭлектроБарыга» работает!

И народ замер. Не только от неожиданного предложения, но ещё потому, что сообразительный Лебра вновь запустил фанфары, а сразу за ними – рекламный ролик интернет-магазина, который дружки близнецов за ночь превратили в официально-незаконную торговую площадку.

– Всё происходит легко и открыто! – обрадованно заверещал старший близнец. – Какой у тебя товар?

– Обувь.

– Сколько?

– Сто семьдесят коробок.

– Одинаковая?

– Дорогая.

Лебра хотел что-то сказать, возможно, попросить уточнить ассортимент, но поймавший кураж Майно жестом велел брату не вмешиваться и продолжил:

– Итак, обувь! Очень выгодный и нужный товар. Сейчас мой брат вносит его...

– В подвал? – уточнил Утюг.

Народ перевёл взгляд на ворота, к которым подъехала «Армада» уйбуя Шибзичей, и вновь уставился на старшего близнеца.

– Сначала в подвал, а затем эта обувь появляется в нашем интернет-магазине, – сообщил тот, указывая на монитор. Лебра спешно сформировал страничку товара, и взгляду дикарей предстало гордое сообщение: «Обувь. Мужская и женская. Люкс. 170 ед.». – И теперь наш товар сможет увидеть кто угодно...

– И полиция? – весело осведомился Абажур.

Майно поперхнулся. Народ вновь заволновался.

– Мы в полицию не хотим.

– Ты не барыга, а доносчик!

– Стукачок!

– Сюда все! Стукача поймали.

– Кувалда в Форт стукача привёл!

На этот раз растерялся даже Копыто, но теперь всех выручил Лебра, успевший разобраться, как правильно вести себя с дикарями.

– Тихо! – рявкнул он в микрофон, сигнал которого предварительно вывел на полную мощность. В динамиках прогрехотало так, что некоторые Шапки присели. – «ЭлектроБарыга» работает через «Тиградком»! Никакой полиции здесь нет и не будет, иначе мне Великие Дома уши отрежут за нарушение режима секретности. Вы это понимаете?

– Нет, – твёрдо ответил народ.

– Никакой полиции! – повторил Лебра.

– Иначе что?

– Иначе уши.

– То есть нас не повесят? Только тебе уши отпилят?

Младший близнец застонал.

– Итак, товар появляется на «ЭлектроБарыге», – вернулся в строй Майно. – Покупатель его видит, делает предложение и покупает.

– А деньги?

– Деньги вам.

– Все?

– Минус доля магазина.

– Это сколько?

– Десять процентов.

– А это сколько?

Майно запнулся.

– И налоги надо платить! – добавил Кувалда.

– Сколько?

– Десять процентов!

– А не много?

– Урбек больше берет.

– Ладно, давай деньги! – крикнул Утюг. – Выпить пора.

– Сначала надо товар продать.

Предложение вызвало заминку. Народ, который уже приготовился забрать деньги и уйти на перерыв, принялся удивлённо переглядываться.

– А иначе никак? – спросил кто-то.

– А обещали без обмана!

– Обещали, как было у Кумара!

– Поговорите у меня! – Кувалда погрозил подданным кулаком. – Сначала товар, потом деньги.

– А вдруг мы товар дадим, а ты обманешь?

– Я вам не Урбек.

– Копыто вон стоит дурак дураком, без товара и без денег.

Народ снова заржал. Оплёванный уйбуй с горечью посмотрел на Кувалду, тот сделал вид, что не понимает старого товарища, но Майно не позволил презентации провалиться, вовремя вспомнив, что на странице товара отсутствует важнейший параметр.

– Копыто, сколько хочешь за коробку?

– Ну... – уйбуй потёр щеку. – Урбек за такие штиблеты по тридцатке даёт наличными.

– Тридцать – это мало... – провозгласил Майно, понимая, что здорово рискует. – Новые они стоят по двести, не меньше, так что ставлю шестьдесят!

На мониторе появились указанные цифры. Народ замер. Даже Абажур

замолчал, готовя ехидное замечание, но... оно не пригодилось. Потому что примерно через десять секунд на мониторе появилась надпись: «Заказано».

Лебра шумно выдохнул. Кувалда протёр единственный глаз и сглотнул. Копыто крикнул.

– Отдашь по шестьдесят? – поинтересовался Майно, изо всех сил стараясь не заорать от радости.

– Да, – кивнул уйбуй.

– Минус десять процентов магазину.

– Я помню.

– И налоги, – добавил опомнившийся фюрер.

– Всё равно дороже получается.

Народ продолжал безмолвствовать.

Майно подтвердил согласие и попросил оплатить. Неведомый покупатель выдержал ещё одну паузу, на этот раз секунд в двадцать, после чего появилась надпись: «Оплачено». А затем, соответственно, – «Продано».

– Карточку давай, – приказал Лебра.

Копыто протянул шасу зелёный прямоугольник «Тиградком», который тот приложил к терминалу и тут же вернул.

– Всё.

– Что – всё?

– Деньги у тебя.

– А.

Копыто повертел в руке карточку и посмотрел на народ. Народ засопел. С одной стороны, все видели, что коробки исчезли в подвале, с другой – деньги до сих пор не появились. И хотя народ слышал о существовании электронных расчётов, до сих пор он предпочитал наличные. Народ не особенно понимал происходящее и хотел разобраться. Копыто – тоже. Срочно требовалось материальное подтверждение свершившейся сделки, и уйбуй, поразмыслив, медленно сошёл с подиума и в полной тишине направился в «Средство от перхоти». Скрылся за дверями. А примерно через минуту вновь возник во дворе, держа в руке литровую бутылку главного семейного напитка.

– Работает!

Короткое, но ёмкое слово эхом отразилось от стен Форта.

– И так можно продать всё? – почти шёпотом спросил Утюг, но был услышан всеми.

– Всё, что согласятся купить, – уточнил Майно, понимая, что взял семью за жабры. И тихо добавил: – Лебра, готовься.

– К чему?

А в следующий миг младший близнец понял, к чему: Шапки ломанулись к столу с таким напором, что, если бы предусмотрительный Майно не приказал возвести подиум, обязательно снесли бы стол в приступе неистовой жадности.

– У меня телефоны есть!

– У меня башмаки военные!

– Наушники модные!

– Покрышки зимние!

– Ножи и вилки!

– Другие телефоны...

– Соблюдайте очередь! Влезайте ко мне по одному.

– И товар, товар показывайте! – распорядился Майно. – Пока не увидим товар – на продажу ничего выставлять не будем.

Часть дикарей бросилась в подвалы и казармы, видимо, за товаром, но толпа вокруг подиума всё равно оставалась весьма плотной. Майно улыбался, представляя, как уделает Урбека, Кувалда радостно потирал руки, представляя поток денег в семейную казну, Копыто отмечал удачную сделку, а среди заговорщиков воцарилось понятное уныние.

– Ловко, – оценил Абажур, разглядывая увлечённых электронной коммерцией сородичей.

– Так они забудут, что он умирает, – вздохнула Маманя.

– Деньги творят чудеса.

Дикари не отличались особенной сообразительностью, но явно вступятся за того, кто повысил их доходы. Вечной благодарности, разумеется, ждать не приходилось, но пару недель Шапки точно станут прославлять мудрого фюрера и постепенно забудут и о его «смертельной» болезни, и о необходимости выбрать преемника.

– Что будем делать? – поинтересовался Гнилич.

Абажур мысленно приготовился признать поражение, но, к его удивлению, Маманя имела на этот счёт иное мнение:

– Есть одна мысль... – пробормотала она, недовольно разглядывая счастливого Кувалду. – Нужно кое-куда съездить...

* * *

*муниципальный жилой дом
Москва, Северный бульвар,*

3 июля, воскресенье, 10:01

Как это ни странно, старуха успела среагировать на вторжение.

И хотя Антон ухитрился выломать хлипкую дверь с одного удара, а затем, направляемый гипнотическими подсказками Шеры, быстро добрался до спальни, жертва встретила его на ногах.

«Потому что в ней сидит зверь!»

Ничем другим объяснить такую прыть Буторин не мог.

Что же касается несчастной старухи, то она не только проснулась и поняла, что за беда нагрянула, но даже приготовилась отбиваться: увидев ворвавшегося в спальню Антона, женщина завизжала и бросила в него ночник – от него Буторин увернулся. Попыталась ударить тростью – он перехватил руку. И тогда старуха царапнула Антона по щеке.

Больше ничего не успела, потому что в следующий миг Буторин воткнул ей в живот нож – неловко и жестоко. Женщина всхлипнула, с ненавистью глядя на убийцу, Антон повалил её на кровать и вновь занёс над головой клинок...

///

Он прекрасно выспался. Впервые за несколько дней.

Он встал в замечательном расположении духа. Впервые за несколько дней.

Он улыбнулся, глядя в потолок, потянулся, повалялся некоторое время, лениво думая, что приготовить на завтрак, потом рассмеялся – просто так, благодаря чудесному настроению, поднялся, снова потянулся, сходил в туалет, затем перешёл в ванную, посмотрел на себя в зеркало и...

И увидел засохшую каплю крови на щеке. Небольшую. Непонятно как спасшуюся во время ночного умывания.

Каплю чужой крови.

– Зверь мёртв, – спокойно сказал себе Антон.

И почувствовал полное удовлетворение: он убил, и он доволен.

Включил воду, смыл с лица чужую кровь, но обнаружил под ней царапину. Коротко выругался, достал из шкафчика пузырёк с йодом, обработал ранку, затем почистил зубы и принял душ, здраво рассудив, что на теле всё ещё могли оставаться и другие следы пребывания в чужой квартире.

Напевая песенку, отправился на кухню, включил радио и занялся яичницей.

Не подумав о том, что под ногтями старухи остались частички его кожи. Собственно, он вообще ни о чем не думал, приняв случившееся как должное.

«Я избавился от зверя!»

А самое главное – ему понравилось. И последствия избавления – спокойный сон, прекрасное настроение, и сам процесс. Впервые в жизни Антон использовал принадлежащие ему ножи по прямому назначению и сказал себе, что до сих пор не владел клинками, а лишь забавлялся с ними. Заставлял скучать на полке серванта. Иногда оскорблял пошлыми повседневными делами: резал хлеб, колбасу...

И только теперь познал их истинную суть: нож любит кровь.

И Антон вдруг подумал, что вряд ли из преисподней вырвался всего один зверь. Их ведь много, не так ли? Зверей, демонов, бесов... и все они стараются перескочить из преисподней на Землю, дабы нести зло. И даже если пробраться удалось лишь одной твари, то ведь не обязательно охотиться только на обитателей преисподней, верно? Мир переполнен чудовищами. Мир то и дело вздрагивает от несправедливости, истекает кровью невинных и морит людей голодом. Мир несовершенен. А несовершенным его делают те, кто служит злу. В них тоже сидят звери – как в той старухе, – и они тоже мучают людей.

Невинных людей.

– Которых надо спасти...

Антон произнёс фразу вслух, но не удивился ей и не испугался. Принял как должное. И...

И очнулся, растерянно глядя на подгоревшую яичницу: задумавшись, он забыл снять её с плиты и теперь «наслаждался» запахом гари.

– Чтоб тебя!

Распахнул окно, осмотрел еду, решил, что подгорело не очень сильно и можно съесть получившееся блюдо, вытряхнул яичницу на тарелку и снова замер, но на этот раз не задумавшись, а среагировав на начавшийся по радио блок новостей:

– Столица и даже страна замерли в ожидании шестнадцати часов, когда в центре Москвы начнётся грандиозный митинг. Но, как заявил глава управления полиции в интервью нашему радио, опасения некоторых СМИ не имеют под собой оснований и жители столицы могут не беспокоиться...

– У нас назревают беспорядки? – улыбнулся Антон. – Как интересно.

Он не сомневался в том, что в уличных столкновениях – если они случатся – будут виноваты чудовища... С которыми он как раз научился управляться.

коммерческое здание

Москва, Расторгуевский переулок,

3 июля, воскресенье, 11:12

– Рад тебя видеть, дружище!

– Я знал, что пришлют именно тебя!

– Адам, брат! Я догадывался, что ты с нами!

– С кем мне ещё быть? – рассмеялся Носферату.

– И это правильно. – Старший из гостей серьезно посмотрел Адаму в глаза и крепко сжал ему руку: – За свободу, брат.

– За свободу!

Они обнялись.

Спустившиеся в подвал мужчины были облачены в дневную одежду масанов: мотоциклетные комбинезоны, перчатки, сапоги и глухие шлемы. Постучавшись, произнесли пароль, а войдя в помещение, сняли шлемы и оказались Осипом и Олексием Носферату, старыми знакомыми Адама из Киева. До недавнего времени сообщество малороссийских кровососов считалось нейтральным, а некоторые даже поддерживали Клаудию Бруджа. Но после появления Ярги киевляне одними из первых ушли под его флаг.

– Всё прозябаешь в подвале?

– Надеюсь, недолго осталось.

– Мы не надеемся – мы верим в это, брат. Мы выйдем из подвалов и подземелий, и мир станет нашим!

– Согласен: время надежд прошло, пора действовать, – поддержал гостей Адам, разливая по бокалам красное вино.

– Повеселимся сегодня, – захихикал Олексий.

– После заката, – напомнил Осип. И провозгласил: – За свободу!

Красное вино напоминало масанам кровь, голову не туманило, но здорово веселило.

– Не хочу ждать ночи, – выдал Олексий, возвращая бокал на стол. – Я настроен порезвиться.

– Успеешь, – буркнул ему старший брат.

– Не хочу ждать.

– Жажда близко? – с пониманием осведомился Адам.

– И она тоже, будь неладна.

– До ночи охотиться нельзя, – твёрдо произнёс москвич. – Личный приказ Ярги.

– Я быстро, – пообещал Олексий. – И тихо: *высушу* москаля и спрячу, до начала его точно не найдут, а потом всем будет плевать.

– Это на тебя мне плевать, – прохладно отозвался Адам. – А на себя – нет. Если ты, дубина, попадёшься, Ярга прикажет казнить нас обоих.

– Потерпишь? – хмуро спросил Осип брата.

Тот дёрнул плечами.

– Ладно, – с ухмылкой произнёс Адам, вновь наполняя бокалы. – Попробую что-нибудь придумать.

– Когда нужно отдавать груз? – негромко осведомился Осип.

– Да хоть сейчас, – пожал плечами Адам.

– Давай позже, – решил киевлянин, поглядывая на брата. – Беда будет, если по дороге Олексий сорвётся.

– Я ведь сказал, что придумаю, как помочь ему дожждаться ночи, – выдержав короткую паузу, ответил Адам.

Олексий весело ощерился.

///

Газовоз, выехавший из межконтинентального портала последним, ничем не выделялся среди массивных собратьев: такой же мощный тягач, длинная цистерна, логотип известной компании... Он последним подъехал к точке сбора, прямо перед открытием портала, последним оказался в России и последним покинул площадку, отправившись в путь по заранее разработанному маршруту, но был один нюанс: последний газовоз газовозом не являлся, и управляли им не челы, а вампиры. Проехав пару миль, масаны остановились, убедились, что их никто не видит, и отключили мощный артефакт, наводящий морок такой силы, что посмотреть сквозь него могли только самые сильные маги. И сразу после отключения газовоз исчез, оказавшись довольно большим, но отнюдь не гигантским фургоном «КамАЗ», борт которого украшала реклама сети розничных магазинов.

Однако в истинном облике фургон простоял недолго: находившийся на пассажирском сиденье Олексий запустил второй артефакт, не менее мощный, и «КамАЗ» превратился в «Вольво» известной курьерской службы. А на самих масанах появились соответствующие форменные комбинезоны.

– В документах не запутаешься? – с усмешкой поинтересовался Осип.

– Вряд ли полицейские нас остановят.

– А если?

– Никаких «если».

Второй артефакт не только маскировал машину, но и окутывал её мощнейшим полем «Ничего особенного», гарантирующим, что полицейские не обратят на неё внимания. Но комплект документов на «Вольво» и груз у масанов имелся.

На всякий случай.

Который не представился, поскольку до города вампиры добрались без приключений. В пяти милях от МКАД отыскивали укромный уголок, отключили артефакт, уничтожили лишние документы и въехали в Москву всего лишь с одним работающим артефактом морока в кабине: слабеньким магическим устройством, скрывающим от челов и видеокамер необычно глубокую тонировку стекол кабины, не пропускающую смертельный для вампиров ультрафиолет, и самих Носферату, затянутых в плотные мотоциклетные комплекты и держащих поблизости глухие шлемы. Именно так – с лёгким артефактом и тяжёлой одеждой – разъезжали днём вампиры Тайного Города, и Осип с Олеksiем не должны были вызвать подозрений.

И не вызвали, спокойно добрались до конечной точки маршрута в Расторгуевском переулке, где их поджидал Адам Носферату.

Что же касается груза, то ни Осип, ни Олексий, ни Адам ничего о нём не знали, и им под страхом смерти было запрещено проявлять интерес к содержимому фургона.

* * *

***Зелёный Дом,
штаб-квартира Великого Дома Людь
Москва, Лосиный Остров,
3 июля, воскресенье, 11:16***

Им не нравилось его общество, и они не стеснялись это демонстрировать: Ванда, воевода «секретного» полка, и Сияна, новый лидер дружины Дочерей Журавля. Две блондинки, на которых не действовало обаяние Сдемира, два боевых мага, занимающих очень высокое положение – в иерархии Великого Дома Людь над Вандой и Сияной стояли только жрицы и королева. Что же касается баронов, то, несмотря на более высокий статус, они не владели магией, и, возможно, именно поэтому Ванда и Сияна позволяли себе перебивать Сдемира, вставляя ехидные замечания, а иногда даже вести себя так, словно его

здесь нет.

Две нахальные блондинки.

Как к нему относится Всеведа, Сдемир в точности не знал: опытная ведьма искусно скрывала чувства, но догадывался, что в Берегине бушует дивная смесь влечения – Всеведе нравились молодые мужчины – и насторожённости, поскольку Ярга очевидно привечал барона, и ведьма чуяла в нём угрозу для своей власти. И эта смесь выливалась в лицемерные улыбки и частые смены настроения: общаясь со Сдемиром, Берегиня могла в течение пяти минут сменить приветливый тон на холодно-деловой, затем – на дружеский и, наконец, на агрессивный.

Но сегодня Всеведа держалась ровно, а Ванда и Сияна пока обходились без надоевших подначек: слишком уж важными были обсуждаемые вопросы.

Первым выступал барон и довольно быстро, всего за десять минут, но обстоятельно, не упустив ни одной мелочи, рассказал о принятых Сантьягой и Захаром мерах безопасности, завершив доклад фразой:

– На время проведения Конклава отель превратится в неприступную крепость.

Что стало для присутствующих ожидаемой новостью.

– Неприступной... – протянула Сияна. – Как поэтично.

– Но мы и не собираемся её штурмовать, – усмехнулась Ванда, намекнув, что барон снабдил присутствующих избыточной информацией.

– Кардиналы смогут вырваться? – поинтересовалась Всеведа.

– Безусловно, – подтвердил Сдемир. – Любая крепость уязвима изнутри.

– Значит, наш план остаётся в силе. – Сияна повернулась к Всеведе: – Кардиналы устраивают резню на Конклаве, после чего отправляются в город и возглавляют своих воинов.

Согласно достигнутым договорённостям, Сантьяга должен был явиться на Конклав без запаса магической энергии – только при этом условии непримиримые кардиналы согласились на встречу. Все понимали, что комиссар не забудет прихватить с собой «спящие», практически невидимые артефакты, которые помогут ему и восстановить запас энергии, и вооружиться, но тем не менее у главарей вампиров появлялся шанс ликвидировать высшего боевого мага Тёмного Двора – именно такую задачу поставил перед ними Ярга.

Целью номер два была Клаудия – истинный кардинал Бруджа, призывающая к компромиссу с Тайным Городом и этим мешающая грандиозным планам заурда.

Все понимали, что атака масанов напомнит самоубийственную вылазку во время «Лунной фантазии», но никто из зелёных не сомневался в том, что непримиримые её предпримут: слишком уж они ненавидели Сантьягу и Тёмный Двор.

– Спасибо, Сдемир, – поблагодарила барона Берегиня и перевела взгляд на Сияну: – Груз прибыл?

– В точном соответствии с графиком и без происшествий, – подтвердила воевода Дочерей Журавля. – Газовозы провели ночь в предписанных местах, а во второй половине дня начнут выдвижение в Тайный Город. К закату всё будет готово.

– Наблюдение показало, что газовозы не вызвали интереса ни у навов, ни у чудов, – добавила Ванда. – Даже если Великие Дома и догадываются о провокации, они не знают, где и как будет нанесён удар.

– Мы успели вовремя, – вновь подал голос барон. – На совещании Сантьяга попросил ввести мораторий на магические порталы. А значит, навы будут проверять все переходы в радиусе триста миль, не меньше.

– Именно поэтому мы уже доставили газовозы, – чуть высокомерно произнесла Сияна. – План опережает действия навов.

– План Ярги, – не удержался от колкости Сдемир, которому надоели замечания дерзких, но высокопоставленных блондинок.

– Именно, – поспешила согласиться Всеведа, не желая, чтобы горячая Сияна устроила скандал. И подключила к разговору следующую ведьму: – Ванда, тебе есть что ещё сказать?

«Секретный» полк занимался не только внутренними делами зелёных, выискивая предателей и смутьянов, но и челами, точнее – неофициальной работой среди человских групп в интересах Великого Дома Людь. Для этих целей Ванда располагала широкой агентурной сетью и могла обеспечить «воздействие» любого уровня, а в последние дни плотно работала с назначенным на воскресенье митингом.

– Беспорядки произойдут, – уверенно произнесла Ванда, показав, что за свою часть плана она ручается. – Группы активистов подготовлены, начнём строго по графику.

– Будут бить витрины? – поддел «секретную» барон.

– Предусмотрены тайники с оружием, – не глядя на Сдемира, ответила Ванда. – Ударное ядро активистов неплохо экипировано.

– Их смогут связать с нами? – уточнила Всеведа. – Не хочу получить дипломатический скандал с Великими Домами.

– Ни в коем случае, – покачала головой Ванда. – Мы готовили активистов через «тёмных» агентов, которые понятия не имеют о Тайном

Городе. Деньги на оплату брались только из человеческих источников, и все хвосты уже обрублены.

– Хорошо.

Беспорядки во время политического протеста не вызовут изумления, скорее покажутся обыденностью. Полиция к ним готова и сумеет локализовать, но при этом основные силы копам придётся сосредоточить в нескольких «горячих» зонах, а в остальные, оставшиеся без защиты, ворвутся масаны...

И начнётся бесконтрольная резня.

Ближайшее воскресенье должно было стать ещё одним кровавым в истории России, но никого из участников совещания это обстоятельство не трогало, поскольку Ярга чётко дал понять, что хочет по-настоящему «пощупать» не только оставшиеся Великие Дома, но и силу человеческой власти.

– Мы скажем, что Тёмный Двор не удержал ситуацию под контролем и допустил кровавую баню, – негромко произнесла Всеведа. – А челы решат, что бойню учинили экстремисты, то есть правила режима секретности будут соблюдены. Что же касается погибших, то... кого они интересуют?

– Я подготовила специальную группу, – тихо закончила Ванда. – Жрица Снежана будет устранена вскоре после заката.

– Хорошо, – кивнула Всеведа. Помолчала и с улыбкой повторила: – Хорошо.

* * *

отель «Империя Сити»

Москва-Сити, башня «Империя», 55-й этаж,

3 июля, воскресенье, 11:28

Распорядители торжеств любят наводить «последний блеск» перед началом праздника: поправляют цветы или салфетки, внимательно разглядывают начищенные приборы, изучают макияж танцовщиц или снимают пушинки со смокингов официантов. Смысла в этих действиях нет никакого, но они давно стали ритуалом, позволяющим выпустить накопившееся напряжение.

Захару Трех пар выпускать не требовалось – он точно знал, что абсолютно готов к Конклаву, – но епископ всё равно нервничал, с необычайным тщанием проверял оружие охранников и заглядывал в следящие видеокамеры, что не укрылось от внимания Сантьяги.

– Что-то не так?

– Вы ведь знаете, что всё в порядке.

– Знаю, – кивнул комиссар. – Поэтому я несколько удивлен.

Они стояли в одном из залов отеля, который временно переоборудовали в парадный подъезд: вдоль правой стены выстроился почетный караул, другую украшали штандарты кланов, а в центре стояли Захар и Сантьяга. Епископ – в чёрном камзоле, комиссар – в элегантном белом костюме. У дальней стены установили маяк, и первый портал должен был открыться с минуты на минуту.

– Клаудия, – тут же ответил Треми, не желая затягивать разговор.

– Ага... – Сантьяга выдержал короткую паузу, не сводя с масана взгляд, после чего осторожно произнёс: – Клаудии ничего не угрожает.

Дав понять, что разделяет беспокойство епископа, но уверен в принятых мерах безопасности.

Комиссар мог говорить достаточно свободно, поскольку, задав первый вопрос, он активировал «Навский оберег», полностью скрыв их с Захаром переговоры от окружающих.

– Знаю... – негромко ответил Треми. – Но...

– Если всё сложится, Ярга не рискнет её преследовать, – в тон ему отозвался Сантьяга.

– Или захочет отомстить.

– Если всё сложится, в этом не будет смысла, – пожал плечами нав. – Ярга не станет мстить, для этого он слишком прагматичен.

– И тем не менее...

– И тем не менее, Захар, я не допущу, чтобы с Клаудией что-нибудь случилось, – с напором произнёс Сантьяга. – Клаудия находится под полной защитой Тёмного Двора.

– И всё-таки предчувствия...

– Вы не хуже меня знаете, что план весьма рискован, – продолжил нав. – Уверен, ваши предчувствия отражают возможные проблемы, не более.

Сантьяга был одним из немногих посвящённых в личный секрет епископа Треми, знал, что Захар является тайным мужем Клаудии и именно от него истинная Бруджа родила детей. И поэтому старался вести себя предельно деликатно, понимая, что заставляет епископа тревожиться.

– Кардинала Клаудию Бруджа называют Глазами Спящего, – мягко напомнил нав о её невероятных способностях к предсказанию. – Она, конечно, наш союзник, но вряд ли стала бы помогать, увидев в ближайшем будущем свою смерть.

- А не в ближайшем?
- А не в ближайшем смерть ждёт всех.
- Даже вас? – заинтересовался Захар.
- Почему вы спросили?

Мужчины коротко рассмеялись.

– И тем не менее я прошу у вас позволения на лёгкую тревогу, – вздохнул Треми.

– Безусловно.

Тем временем раздался тихий удар гонга, и у противоположной стены завертелся вихрь портала. Чтобы окончательно успокоить непримиримых, магический переход был заказан в коммерческой фирме «Транс Портал» и потому оказался не тёмным, как если бы его делали навы, а зелёным – видимо, сегодня артефакты Великого Дома Людь стоили дешевле. Однако цвет и применяемая энергия никак не влияли на работоспособность портала: магический переход связал Рим и Москву незримым мостом, по которому переместились гости.

Первыми из зелёного вихря вышли воины: два рослых, широкоплечих масана в блестящих пластинчатых доспехах. Формально эта броня считалась церемониальной, а не боевой, но, поскольку в отеле действовал запрет на огнестрельное оружие и магию, можно было сказать, что истинного кардинала сопровождали тяжеловооружённые воины.

За телохранителями, важно вставшими слева и справа от вихря, появились фрейлины в длинных, до пола, платьях тончайшего шёлка, который не только превращал одежду женщин в соблазняющую, но и не стеснял движений – при необходимости фрейлины могли сражаться на равных с мужчинами.

Шесть красавиц образовали живой коридор между порталом и встречающими, и лишь после этого в зал прибыла Клаудия. Тоненькая, как смертоносный стилет, невозмутимая, как спящий вулкан, и пронзительно холодная – внешне, потому что являлась последним истинным кардиналом семьи, то есть равных по положению ей не было, и внутренне – как любая масана. Клаудия предстала перед мужчинами в строгом белом платье, а на её груди поблескивал невероятных размеров рубин – Алое Безумие, Артефакт Крови клана Бруджа.

– Кардинал... – Из ста девятнадцати существующих в этикете семьи Масан поклонов Сантьяга избрал дэт-кая-каяу – «испытываю невыразимый восторг от счастья созерцать вас». Так полагалось приветствовать высокопоставленных, но равных знакомых, согласившихся на важную встречу.

– Кардинал... – А скованный правилами Захар приветствовал любимую более глубоким и официальным аур-факаэр – «выражая почтение не другу и не врагу, но стоящему выше».

Древний этикет масаны знали назубок и зорко следили за тем, кто и как кланяется на публичных церемониях.

Обоим мужчинам Клаудия ответила очень коротким, почти деловым анаутору-сэ – «пока мне всего лишь приятно», и на этом официальная часть встречи завершилась.

– Рад приветствовать вас в Тайном Городе, – улыбнулся Сантьяга.

– Комиссар, поздравляю с тем, что вам удалось собрать Конклав.

– Ещё нет, но я надеюсь.

– Судя по всему, я первая?

– Именно так, – подтвердил нав. – Епископ Трети проводит вас в апартаменты и предоставит рабочие документы.

– Благодарю.

Вампиры покинули зал, снова послышался гонг, и Сантьяга повернулся к следующему portalу.

* * *

складской комплекс «КумарКаргоЭкспресс»

Москва, улица Левобережная,

3 июля, воскресенье, 14:47

– Ничего не понимаю, – произнёс Абажур, слезая с мотоцикла. – Зачем мы сюда приехали?

– Надо, – коротко ответила Маманя и уверенно прошла через ворота.

Она, в отличие от уйбуя, предпочитала машину, поэтому Гниличу пришлось ждать у склада, пока Маманя проберётся сквозь пробки.

– Надо что? – осведомился Гнилич, семена за широко шагающей тёткой и от нечего делать разглядывая снующих по территории грузчиков. – Товара у нас нет, денег у нас нет, а Урбек не любит, когда у нас ничего нет. Он сначала будет ругаться, а потом нас выгонит.

– Не сразу, – отозвалась Маманя, двигаясь к конторе.

– Почему?

– Потому что у нас есть предложение, – сообщила тётка Дурич, но узнать детали таинственного предложения Абажур не успел: дверь конторы распахнулась и на пороге появился Урбек Кумар собственной персоной. Видимо, вышел полюбоваться на растущую прибыль да присмотреть за

порядком, а узрел двух Шапок разного пола без товара и без денег. Но, вопреки опасениям Гнилича, орать Урбек не стал, напротив, усмехнулся чуточку удивлённо и махнул рукой:

– Подойдите!

– Я ведь говорила, что всё будет ОК, – рассмеялась Маманя, едва не бегом бросившись к шасу. – Кумар, я...

– Я знаю, кто ты, – не стал затягивать Урбек. – И я как раз собирался звонить...

– Мне? – изумилась Маманя.

– Ей? – изумился и обиделся Абажур. Обиделся так, что от горя принялся смотреть одновременно и вверх, и на грязный асфальт.

– Кому-нибудь из вас, – повертел пальцами Кумар. – Обычно я общаюсь с вашим одноглазым, но мне, честно говоря, безразлично, через кого передавать приказы, а вы кажетесь смышлёными, поэтому слушайте.

Смысл короткой речи от дикарей ускользнул, но на последние слова они среагировали, сделав стойку, как сеттеры, поскольку по опыту знали, что старый шас никогда не приказывает слушать его просто так, без дела.

– Короче, мне стуканули, что в ближайшее время у челов произойдут уличные беспорядки, – сообщил Урбек, по очереди оглядывая Абажура и Маманю. – Смекаете?

– Это когда машины переворачивают? – уточнил Гнилич.

– И витрины бьют? – добавила Дурич.

– Именно, – кивнул Кумар. – Вы правильно всё описали, а значит...

И замолчал, ожидая, что Шапки закончат за него мысль. Но те, совершенно не подготовленные к подобному разговору, продолжили молча пожирать начальство глазами.

– Собирайте всех и ждите сигнала, – сказал Урбек, надеясь, что теперь его поняли.

И вновь ошибся, поскольку пожирание глазами продолжилось, а ничего ответного не прозвучало. Не было даже понятно, услышали его или нет.

– М-дя... – протянул шас после следующей паузы и сменил тему: – Что вы хотите мне продать?

– Ничего, – пискнул Абажур, не понимая, почему они вдруг заговорили о бизнесе.

– Тогда зачем притащились?

– Когда витрины бьют, можно войти внутрь и всё забрать, – неожиданно сообщила Маманя.

– Это называется ограблением, – любезно уточнил Кумар.

– То есть если у челов начнутся беспорядки, то мы...

– Вы сможете смело грабить кого захотите и плевать на квоты, – рассмеялся Урбек. – Рад, что эта простая мысль наконец до вас долетела.

– Когда мы сможем грабить? – поинтересовался Абажур, который был очень прагматичным.

– После обеда... Я позвоню и уточню.

– Классно! – Обрадованный Гнилич уже забыл о первоначальной цели визита – которую он и не знал – и повернулся к воротам. – Я вернусь завтра. Жди с добычей!

– Стой! – прошипела Маманя и обратилась к слегка удивлённому шасу: – Ты зачем нам сказал, когда грабить?

– Чтобы вы принесли награбленное, – с улыбкой объяснил Кумар. – Неужели и это для вас стало сложным?

– Нет...

– Или вы трезвые?

– Нет.

– Тогда в чём дело?

– А что будет, если мы награбленное не принесём? – неожиданно спросила тётка Дурич.

– А куда денете? – благодушно осведомился Урбек.

– Кувалда «ЭлектроБарыгу» придумал! – громко сообщил Абажур, сообразив, наконец, куда клонит Маманя. – Мы теперь всё через него станем продавать, а ты – мимо.

– Они будут продавать, не мы, – поправила глупого напарника Маманя. – А мы пришли тебе об этом рассказать. Типа, что дальше делать будешь?

Урбек прищурился, по очереди разглядывая доносчиков, понял, что дело вроде серьёзное, почесал подбородок и кивнул на контору:

– Ну-ка, пошли внутрь, расскажете об этой барыге подробнее.

* * *

коммерческое здание

Москва, Расторгуевский переулок,

3 июля, воскресенье, 14:55

Теперь Антон обречён.

И не только потому, что совершил зверское убийство, оставив на месте преступления такое количество следов, что достаточно одного звонка в

полицию, чтобы он получил пожизненную каторгу. Нет, не только. Теперь он обречён, потому что... Потому что когда Антон бил ножом старуху – не один раз, а несколько, не останавливаясь... Когда он бил, Шера ощущала его ярость, обиду, гнев – ведь Буторин расправлялся с тем, кто, как ему казалось, превратил его жизнь в ад. Но сквозь эти, в общем, объяснимые в данном случае эмоции девушка почувствовала глубокое удовлетворение.

Антону понравилось убивать.

Заурядному, неприметному челу на скромной должности. Не герою и не преступнику. Обыкновенному. Буторин почувал вкус крови и осознал себя убийцей. Хищником. Может, в иных обстоятельствах он давно стал бы преступником и уже сидел в тюрьме, но в благоприятном окружении вырос нормальным, и подлинная суть Буторина оказалась запечатана плотиной воспитания и вызубренных правил.

А Шера эту плотину разрушила...

И неожиданно подумала, что теперь может остановиться и понаблюдать за происходящим со стороны. Антон, без сомнения, продолжит убивать, а поскольку глуповат, то быстро попадётся...

– А потом, когда ты потеряешь и здоровье, и достоинство на каторге, я приду к тебе и расскажу, почему ты страдаешь... – Девушка улыбнулась: – Это будет красиво.

Но это будет потом.

А пока Шера подъехала к логову Носферату, удивилась, увидев на «своём» привычном месте фургон известной сети розничных магазинов («Интересно, для чего его сюда пригнали?»), оставила мотоцикл чуть дальше и спустилась в подвал.

– Адам!

– Я здесь! – Масан сначала ответил, а затем вышел в гостиную из дальней двери. – Привет!

– Привет!

Девушка не остановилась, продолжила идти, и они с Адамом встретились у стола. Вампир уверенно привлек её, приобнял за талию и крепко поцеловал в губы.

Обдав вожделенным холодом.

– Соскучилась?

Шера почувствовала, что начинает возбуждаться, и кокетливо ответила:

– Немного.

– Я вижу, что соскучилась.

Она рассмеялась и повторила поцелуй.

Как это ни странно, Адам больше не вызывал у девушки неприязни, того отвращения, которое охватило Шеру в самый первый раз. Тогда она бесилась, злилась на себя за то, что не устояла перед тягой к масанам, и, видимо, поэтому не смогла оценить всей прелести Носферату. Его подлинной, волнующей нежности, которую ей никогда не дарил Адри...

И образ Малкавиана тускнел и уходил из памяти с такой стремительностью, что Шера всё больше и больше воспринимала сочетание «Адриан Малкавиан» не как имя, а в качестве набора букв, за которым вроде бы прячется нечто очень хорошее, но уже настолько далёкое, что кажется сном.

«Он был нежен со мной... Был ли?»

Яркий эпизод из прошлого... Шера ещё помнила, что чувства были головокружительными, захватывали ураганом, но не смогла бы точно сказать, как выглядел любимый Адри.

Ведь теперь рядом с ней Адам.

И хотя в их первый раз Шера испытывала очень сложные, смешанные чувства, сам акт получился удивительно насыщенным. Возможно, как раз из-за смешанных чувств. Из-за отвращения, которое она изначально испытывала к Носферату, смешавшимся с его необыкновенной силой. Из-за горечи предательства, которое она совершила по отношению к Адри, смешавшейся с великолепным оргазмом. Из-за презрения к себе, закончившегося невероятным удовольствием. В первый раз у них получилось хоть и странно, но привлекательно.

Во второй раз – невероятно настолько, что Шера даже потеряла сознание.

И по этой вот причине, наверное, в памяти девушки потускнел образ Адриана.

– Как твои дела?

– Нормально, – усмехнулся вампир, выпуская её из объятий. – Вина?

– Пожалуй.

Благодаря магическим способностям Шера не боялась встречи с дорожной полицией, но раньше никогда не злоупотребляла спиртным. А теперь поймала себя на мысли, что ей плевать: не остановят – хорошо, остановят – наведёт морок и спокойно поедет дальше. Безнаказанность, которую она почувствовала при работе с «Господином», изменила девушку. Так же как до этого она изменила Антона.

И ей это нравилось.

И Антону – тоже.

– Я отправил SMS...

- Я читала.
- И вчера отправлял...
- Вчера я была занята.
- Чем?

Шера пригубила вина и чуть приподняла брови:

- Я ведь приехала, не так ли?

Наглость *коровы* привела Адама в бешенство, но он заставил себя сдержаться. Знал, что гневная вспышка может всё испортить, и нашёл в себе силы улыбнуться:

- Да, это главное.
- Прости, я правда была очень занята...

Шера тоже не хотела ссориться, ведь, в конце концов, её затылок украшала его роспись, и она позволила ей появиться. В самый первый раз... Могла встать и уйти – сил хватило бы, а Адам не стал бы задерживать, но не встала и не ушла. Осталась лежать на столе и позволила Носферату стереть с себя память об Адриане. И заменить знак Малкавиана своей подписью.

- Я рад тебя видеть.
- Правда?
- Ага.

Она поставила бокал на стол и рассмеялась:

- А я рада видеть тебя.
- Получилось игриво.
- Правда?
 - Правда.

Носферату вновь привлёк девушку к себе и вновь поцеловал, почти укусил. Она ответила и одновременно сбросила куртку. Почувствовала нетерпение Адама и жарко об него потёрлась, показывая, что тоже не против. Под курткой на ней была надета лишь тонкая футболка, сквозь ткань которой отчетливо читались вставшие торчком соски. Носферату зарычал, подхватил Шеру и усадил на стол, покрыл лицо поцелуями. Продолжая целовать, стянул с неё футболку, лаская шею, грудь, живот... Расстегнул ремень, пуговицу, одной рукой избавился от джинсов...

- Подожди, не хочу в них запутаться.

Воспользовавшись тем, что Адам отстранился, Шера сбросила последнюю одежду – штаны и трусики, откинулась назад, принимая Носферату, и выгнулась, ощущая его уверенное вторжение. Обхватила любовника ногами, застонала, помогая ему, и довольно быстро взлетела на вершину, подрагивая от накатывающих волн.

– Тебе хорошо?

– Мне... прекрасно...

Она знала неутомимость масанов и готовилась к упоительному продолжению.

– Хочешь попробовать кое-что новенькое? – осведомился Адам, не снижая напора.

– Меня... трудно... удивить...

– Пробовала втроём?

– Я?

Шера не знала, как реагировать. Понимала, что нужно отказаться, но сейчас не могла, никак не могла. Девушку накрыли сладкие волны, а мощный напор и мягкий голос Носферату обещали ей больше... ещё больше...

– Ты хочешь?

– Втроём?

– Да.

– Не знаю...

– Будет хорошо, – пообещал масан.

– Мне... и так хорошо... с тобой...

– Поверь, тебе понравится.

Она не ответила.

Адам внимательно посмотрел на распалённую девушку, усмехнулся и уступил место подошедшему сзади Олексию.

– Давай, дружище, борись со своей *жаждой*.

– Это *корова* того Малкавиана? – поинтересовался Олексий, охотно продолжая дело Адама.

– Ага, – коротко ответил тот.

– Красивая.

– Красивая, но тупая.

Стонущая Шера перестала замечать происходящее вокруг, и можно было не стесняться.

– Что ты ей подсыпал в вино?

– Не волнуйся, – рассмеялся Адам. – Она не уснёт, пока ты этого не захочешь.

– Спасибо, брат.

– Угощайся.

– Давайте её *высушим*? – предложил Осип.

– Не надо, – твёрдо ответил Адам. – Она хоть и тупая, но сладкая.

– Как скажешь, брат.

Олексий грубо приподнял Шеру и впился *иглами* в её шею. Девушка затряслась от наслаждения. Осип хмыкнул и стал снимать штаны.

Адам отошёл к бару и налил себе вина.

Просто вина.

Глава 6

«Истинная демократия, то есть власть народа, – это не только выборы депутатов и президента, но и ответственность государственной машины перед нами – простыми людьми. Слуги народа не должны превращаться в пиявок, питающихся кровью страны, а вернее – её деньгами, не должны присасываться к бюджету, а их жёны и дети не должны становиться миллиардерами. И сегодня мы хотим напомнить правительству эти простые истины. РБК будет вести прямую трансляцию с главной площадки общероссийского митинга против коррупции...»

(РБК)

«Итак, созванный Тёмным Двором Конклав удивительным образом совпал с грандиозным человеческим митингом. Забавно, не так ли? Некоторые наши паникёры ожидают нападения непримиримых кровососов, а в это самое время челы готовятся сказать своему правительству, чтобы больше не воровало. Или воровало, но меньше. Ну хоть на чуть-чуть поменьше... Впрочем, это человеческие дела, нас они не касаются. Зато, судя по некоторым данным, челы собираются сопроводить свою просьбу массовыми беспорядками, ну, чтобы до правительства точно дошло, и вот это уже способно затронуть интересы Тайного Города. Полиция готовится бить челов, масаны готовятся бить нас, и сам собой возникает вопрос: а к чему готовятся Великие Дома? Собираются ли они кого-нибудь бить, и если собираются, то кого...»

(Тиградком)

* * *

отель «Империя Сити»

Москва-Сити, башня «Империя», 55-й этаж,

3 июля, воскресенье, 16:00

Выбирая главный зал для Конклава, Сантьяга остановился на том, чья длинная стена представляла собой панорамное окно, отказавшись от прекрасно оборудованного помещения в глубине башни, все стены которого были глухими. И отказавшись не просто так: оконное стекло, конечно же, обработали, оно перестало пропускать смертельное для масанов излучение, но вампиры всё равно косились на него с подозрением, и их тревожные взгляды прекрасно обрамляли потрясающий вид, открывающийся на Москву с пятьдесят пятого этажа.

Стол для переговоров сделали круглым, чтобы не выделять ни одну из сторон, которых в зале было три.

Первой являлась делегация Тайного Города: Сантьяга, говорящий от Тёмного Двора, Захар, которому кардинал Трети передал право представлять клан, и старый Нил Гангрел, патриарх московских масанов. Остальных верных кардиналов Сантьяга попросил отказаться от участия в Конклаве, убедив, что их авторитету ничего не угрожает. А некоторые из них отправились заложниками к непримиримым.

Следующую сторону представляли истинный кардинал Клаудия и два лидера Носферату: Ли из Шанхая и Мао из Сингапура – несмотря на появление Ярги, они не покинули созданную Александром Бруджей Коалицию и во всём поддерживали его дочь. Эту сторону можно было назвать «умеренной» – они не примыкали к Тайному Городу, но и не воевали с ним, предпочитая соблюдать разумные правила сосуществования с господствующими на Земле челами.

Ну а больше всего мест за столом занимали непримиримые: Атал, кардинал Луминар из Мадраса, чьё традиционное для Индии облачение венчал тюрбан с изящным пером и алмазной заколкой, Носферату Диего из Рио и Марко из Лос-Анджелеса – они выбрали классические чёрные костюмы, Фрэнк Малкавиан в кожаной одежде, элегантный Дэвид Луминар из Нью-Йорка и Тамим из Бейрута.

Непримиримые, к некоторому удивлению Захара, вели себя сдержанно: не отпускали привычных шуточек на тему рабства и неестественных для охотников взаимоотношений с Тёмным Двором, не бросали уничижительных или презрительных взглядов на Клаудию, которой враги давно приклеили кличку «Римская Шлюха», не хихикали над представителями Дальнего Востока. И даже Фрэнк Малкавиан отказался от демонстрации независимости, в которую обязательно включал плевки на пол и грубую речь – южноафриканец был спокоен и периодически поглядывал на Дэвида, словно ища его поддержки или одобрения.

Непримиримые пытались показать, что готовы к серьёзным переговорам, но несколько переигрывали, и даже если бы Сантьяга не ждал провокации, их поведение обязательно вызвало подозрение.

Дождавшись, когда гости займут свои места, комиссар поднял указательный палец, привлекая внимание, и дружелюбно поинтересовался:

– С вашего позволения, господа, я возложу на себя обязанности ведущего. – Поскольку всех гостей Сантьяга встречал лично, необходимости в приветствии не было. – Полагаю, это будет уместным.

Протестов не последовало, шуточек тоже, хотя Диего выдал кроткий ироничный смешок, и нав безмятежно продолжил:

– В первую очередь я хочу поблагодарить всех вас за то, что вы откликнулись на предложение и отыскиали время для встречи...

– Вступление обязательно? – не выдержал Фрэнк.

– Я выражаю уважение, – кротко объяснил комиссар, переводя на Малкавиана взгляд чёрных глаз. Прохладный взгляд.

– Мы знаем, как ты относишься к нам на самом деле!

Непримиримые негромко загудели, однако вывести Сантьягу из себя Малкавиан не мог при всём желании: комиссар бесился только тогда, когда сам этого хотел.

– Из присутствующих лишь епископ Треми и патриарх Нил знают, как я на самом деле отношусь к масанам, – спокойным до равнодушия голосом ответил нав. – Что же касается вас, кардинал Фрэнк, вы знаете, как я отношусь к врагам.

– Это и есть – на самом деле.

– Только в отношении врагов.

– Мы – ваши генетические враги!

– Вы путаете меня с теми, кого называете *пищей*, – неожиданно жёстко резанул Сантьяга. – И в принципе забываетесь.

Малкавиан осёкся, и ему на помощь пришёл Дэвид:

– Фрэнк хотел сказать, что не видит необходимости в длительном вступлении, – с улыбкой произнёс он, бросив на Малкавиана многозначительный взгляд. – К тому же... не знаю, как чувствуют себя уважаемые кардиналы, а я, честно говоря, немного нервничаю, находясь в Тайном Городе, несмотря на полученные гарантии. Может, займёмся делами?

Спокойный голос Луминара заставил непримиримых расслабиться и даже среагировать на шутку. Диего рассмеялся. Клаудия улыбнулась. Сантьяга кивнул, показывая Луминару, что благодарен за его участие в разговоре, и продолжил:

– Впереди у нас тяжёлый день, поскольку мы – каждый из нас – пока не доверяем друг другу. Между нами много крови, господа. Между нами обиды и оскорбления, большинству которых уже сотни лет. Но лично я приложу все усилия, чтобы ситуация поменялась. Мне надоела вечная война и то, что часть семьи Масан противопоставляет себя Тайному Городу.

– Всем надоела, – громко произнесла Клаудия, воспользовавшись паузой в речи комиссара.

– Не мы её начали, – бросил Диего.

– Мы, – спокойно возразила истинный кардинал.

– Мы такие, какие есть.

– А нам и не предлагают стать другими.

– Неужели?

– Давайте выслушаем наше предложение? – улыбнулся Сантьяга. – К моей огромной радости, его согласился озвучить уважаемый Нил Гангрел.

Кардинал важно кивнул, и все сидящие за столом вампиры склонили головы в классическом портэ-о-каума – «почтительность, возведенная в абсолют». Этикет семьи Масан требовал особого уважения к патриархам, и комиссар сделал ловкий ход, пригласив старого Нила, – заставил непримиримых выслушать предложение Тёмного Двора от начала и до конца.

* * *

коммерческое здание

Москва, Расторгуевский переулок,

3 июля, воскресенье, 16:29

– А что, неплохо, – подвёл итог Олексий, застегивая штаны. – Думал, будет скучно.

И хлопнул девушку по бедру.

– Ты впервые спал с челой? – догадался Адам.

– Ага.

– Понравилось?

– Было забавно... – протянул молодой вампир. – Как с обезьянкой.

– Тогда уж с козой. – Осип перехватил взгляд Адама и пожал плечами: – Я не вижу разницы между животными. Собственно, когда мы трахаем не масанов, мы фактически занимаемся скотоложством. Кто они по сравнению с нами? В лучшем случае *пища*.

Спорить с расово правильным киевлянином Адам не стал. Да и не мог он ничего ответить, учитывая обстоятельства, то есть отношение непримиримых к соседям по планете, и... и учитывая то, что братья вытворяли с Шерой на его глазах. Ведь что бы он сейчас ни сказал, абсолютно всё разобьётся о развратную податливость человеческой девушки. Самки, как её обозначили киевляне.

Поэтому Адам вздохнул и сообщил:

– Не зря их называют *коровами*.

И выдавил из себя усмешку.

– Знаю, – ответил киевлянин, брезгливо разглядывая распластанную на столе девушку. – Какой шлюхой нужно быть, чтобы соглашаться на такие унижения?

– Они готовы на всё ради прикосновения к высшим существам, – рассмеялся Олексий. – Надо и мне завести *корову*. Для смеха.

– Для нас это не развлечение, а спасение от *жажды*, – заметил Адам. – В Тайном Городе охотиться запрещено.

– В Киеве проблем нет: *высушиваем* кого хотим и когда хотим.

– И с *коровой* проблем не будет, – заметил Осип.

– Да, человеческих дур у нас тоже хватает, – поддержал брата Олексий. – И красивых, и дешёвых.

А Осип, бросив презрительный взгляд на пребывающую без сознания девушку, повернулся к Адаму:

– Давай звонить твоему связному, хочу избавиться от груза.

– На какое время назначить встречу? – осведомился тот, берясь за телефон.

Адам был не против спровадить киевлян как можно скорее – после оргии его настроение испортилось.

– Нужно успеть до заката – ночью в Тайном Городе будет весело.

– Я приглушил *жажду*, но не справился с ней, – добавил Олексий. И радостно осклабился: – Сегодня порежем овец...

Адам взялся за телефон.

///

Ничего более мерзкого с ней не случилось.

Более отвратительного. Унизительного.

Ничего и никогда.

И ничего более сладостного.

Роза в навозе...

Ни разу в жизни Шера не испытывала ничего более восхитительного. Ей было невероятно хорошо с тремя Носферату, и в том числе – от ощущения собственного падения. Она нырнула в омут восторга и презрения, удовлетворения и омерзения... Она делала всё, чтобы соответствовать неутомимым любовникам – или насильникам, а они отвечали ей холодной страстью и умело довели девушку до сумасшедшего оргазма.

После которого ей захотелось себя убить.

Роза в навозе...

Она очнулась на столе... Опять на столе. Голая, разу-меется, одевать её или хотя бы прикрывать одеялом, как это делал Адам, никто не стал. Она просто валялась, как грязная тарелка, которой можно снова попользоваться. А можно сначала вымыть, а потом попользоваться. А можно выбросить... Она очнулась, но ухитрилась скрыть это от окружающих, поскольку Шере было стыдно открывать глаза – она знала, как на неё посмотрят вампиры.

Как на дешёвую шлюху.

Проклятые кровососы...

Она продолжила лежать на столе, чутко прислушиваясь к происходящему вокруг. Поняла, что двое вонючих Носферату, которым её одолжил Адам – боже, он её одолжил! – всё ещё в подвале. Она слышала, как заговорили о грузе, слышала, что Адам набрал номер и пообщался с кем-то, чьего имени не произнёс, договариваясь о встрече на половину шестого. И ещё поняла, что доставленный вонючими груз очень важен для того, с кем Адам договаривался о встрече, и Носферату боится его потерять. И боится того, с кем назначена встреча. Боится...

Потом вонючие начали обсуждать предстоящие развлечения, поспорили, кто *высушит* больше чело^в ночью, а потом один из них, кажется, самый молодой, сказал, что «раз выезжать не скоро, надо ещё поймать *корову*, чтобы надолго запомнила». И Шеру едва не стошнило, поскольку этот, молодой и вонючий, был ей особенно противен. В глубине души девушка надеялась, что Адам возмутится, но тот лишь рассмеялся и напомнил «братьям», что они договаривались не *высушивать* его *корову*, и Шере стало горько. Она лежала на столе, слушала, как её обсуждают, и жалела лишь о том, что оставила «Господина крови» в мотоцикле. Но после третьей скабрёзной шутки ярость окончательно овладела девушкой, и она сообразила: «Зачем мне «Господин»?»

Наконец-то вспомнив, что сама – ведьма.

Не очень сильная – да. Но, во-первых, магические способности

позволяют ей легче справляться с обескровливанием и быстрее восстанавливать силы, а во-вторых, защита от масанов считалась важной частью магического обучения, и даже слабых колдуний заставляли зазубривать заклинание «Протуберанец», формирующее поток смертельного для вампиров излучения. Разумеется, в боевых условиях жители Тайного Города предпочитали применять артефакты, поскольку они срабатывали гораздо быстрее произносимых арканов, но сейчас Шера никуда не торопилась.

«Их трое, больше в подвале никого нет... Они не готовы к нападению. Их тела защищены, а головы и кисти рук – нет... Но главное – головы, поэтому даже «Протуберанец» второго уровня сможет причинить им вред. А больше мне не создать...»

– И охота тебе с этой курвой повторять? – кисло спросил Осип, увидев, что Олексий действительно направляется к столу. – Дождись ночи, выберешь кого захочешь. И трахнешь, и *высушишь*.

– Я и ночью смогу, – пообещал тот, грубо подтаскивая Шеру к краю стола.

– Олексию нравится, что *корова* неспособна защищаться, – тихо сказал Адам. – Он от этого заводится.

Осип понял, что имел в виду москвич, поморщился, недовольный такой пронизательностью, но очень тихо, чтобы не услышал брат, признал:

– В детстве Олексий едва спасся во время похода очищения и с тех пор трусоват... И жесток сверх меры.

Москвич не стал говорить, что трусость и жестокость давно считались визитной карточкой киевских кровососов – зачем обижать гостей? – скупой усмехнулся и обронил:

– Добрых охотников не бывает.

– Знаю, но он по-настоящему жесток.

– Никто не совершенен.

– Верно.

Адам отвернулся, Олексий расстегнул джинсы, Осип шагнул к бару, а затем...

А затем они одновременно взвыли, страдая от невыносимой боли.

Одновременно.

Потому что именно в этот миг Шера закончила читать заклинание, вложив в него весь оставшийся запас магической энергии, и комната осветилась необычайно ярким, но холодным светом. «Протуберанцем», вызванным разъяренной девушкой, – убийственным для ночных охотников.

– Нет!

Безжалостные лучи не обжигали, а жгли, пожирали плоть масанов, причиняя невыносимые страдания – недаром «купание в лучах славы» считалось самой страшной для них казнью, – но при этом искусственный «Протуберанец» действовал гораздо быстрее настоящего солнечного света. Не молниеносно, но быстро, и вскочившая на стол Шера едва успела насладиться видом страдающих вампиров.

– Забыли, что у коров бывают рога, твари? Забыли? Вот так вам, гады! Подавитесь! Попробуйте меня *высушить*, мрази! Попробуйте! Попробуйте трахнуть, скоты! Попробуйте! Попробуйте!

Голая, окровавленная, злая, она прыгала по столу и мерзкими ужимками действительно напоминала обезьянку, но ей никто не отвечал. А впрочем...

Шере и не требовались ответы, ей было достаточно болезненных стонов и предсмертных всхрипов. Более чем достаточно. Шера не собиралась спорить или злорадствовать сверх меры. Ей нравилось то, что обидчики подышают и мучаются. И хорошо, что всё происходит быстро – не нападут.

«Протуберанец» погас до того, как Носферату умерли, но сил у них оставалось лишь на агонию, атаковать вампиры не могли, даже если бы захотели, поэтому девушка без помех оделась, умылась, кое-как смыв с себя кровь, направилась к дверям, но остановилась, вспомнив о важном грузе, о котором так пеклись масаны.

– Это ваш грузовик снаружи, да? Наверное, что-то дорогое? И, наверное, незаконное...

Вонючие Носферату явились в Тайный Город из Киева, явно готовились к какому-то крупному преступлению предстоящей ночью, а значит, их груз окажется очень интересен. Кому именно интересен, Шера пока не определилась, скорее всего, Великим Домам, но это можно обдумать позже. А сейчас она обыскала куртки вонючих, забрала ключи от грузовика и все наличные, здраво рассудив, что им они больше не пригодятся. Плюнула на то, что осталось от Адама, пробормотала:

– А ведь мы могли быть настоящими любовниками.

И вышла из подвала. Не забыв прихватить всю свою одежду, включая мотоциклетный шлем.

* * *

Москва, улица Краснопрудная,

3 июля, воскресенье, 16:33

– Как сообщают наблюдатели, на проспект Сахарова продолжают прибывать люди. По данным полиции, через периметр безопасности прошли уже более двадцати пяти тысяч человек, и организаторы митинга не сомневаются, что это только начало. В своем твиттере они заявили, что ждут не менее миллиона и с радостью встретят всех желающих...

– Всех желающих! – Антон отключил онлайн-трансляцию, убрал планшет в рюкзак и задумался, поскольку доброжелательное «Приходите все!» не имело ничего общего с реальным положением вещей.

Увы.

Из-за митинга полиция перекрыла не только проспект Сахарова, но также улицу Маши Порываевой и часть Каланчёвской. Буторин об этом не знал, поскольку никогда раньше в политических мероприятиях участия не принимал, спокойно доехал на метро до станции «Красные Ворота», но уже в битком набитом поезде понял, что людей ожидается много, на платформе ощущение усилилось, а на поверхности стало ясно, что митинг получается массовым.

На улице оказалось довольно много полицейских, зорко наблюдающих за идущими на Сахарова, но самый неприятный сюрприз поджидал Антона у Каланчёвской и представлял собой периметр безопасности, попасть внутрь которого можно было, лишь пройдя через металлодетектор.

То есть нечего и думать оказаться на проспекте с лежащими в рюкзаке ножами.

«Что же делать?»

Антон осторожно, чтобы не привлечь внимания полицейских, повернул от периметра, дошёл до Казанского вокзала, уселся на бордюр и задумался.

Пройти на митинг с ножами не получится, устраивать атаку здесь, перед периметром безопасности, бессмысленно: полицейских слишком много, схватят за секунды... Да и не этого хотел Буторин, совсем не этого. Зверь, которого разбудила Шера, требовал большой крови, но при этом сам хотел оставаться безнаказанным. Не потому, что был труслив, нет – просто зверю хотелось убивать как можно дольше, зверь хотел насладиться кровью, купаться в ней, пить её... И не хотел попасть в клетку за одно-единственное убийство.

Зверь жаждал больших беспорядков.

Он хотел, чтобы всё вокруг пылало, а сквозь крики и звуки ударов отчётливо чувствовался запах смерти.

«Ладно, – холодно подумал Антон. – Ножи придётся оставить в камере

хранения, но это не проблема: когда всё начнётся, я найду оружие. Главное – оказаться в толпе...»

* * *

**Южный Форт,
штаб-квартира семьи Красные Шапки
Москва, Бутово,
3 июля, воскресенье, 17:48**

– Следующий лот! – громко провозгласил Майно, оглядывая дикарей. – Кто выставляет следующий лот?

– Я!

– Я!

– Я!!! – наперебой заверещали дикари, отталкиваясь, ругаясь, плюясь друг в друга, но не скатываясь в потасовку.

– У меня товар бери!

– У меня!!

– Спокойно! Соблюдайте очередь! – распорядился шас и улыбнулся: – У всех возьмём... И всем заплатим.

– Ура!

– Ура великому фюреру! – поправил обрадованных сородичей кто-то из Шибзичей, и Форт послушно грянул:

– Ура великому фюреру!

Кувалда улыбнулся и выпил. Шасы ограничились улыбками.

Всё шло идеально.

Бизнес рос на двадцать процентов каждые четверть часа, и не верилось, что ещё этой ночью Майно опасался за дополнительные вложения в выигранный на той неделе в карты интернет-магазин, не будучи уверен ни в том, что Шапки захотят им пользоваться, ни в том, что на стартап обратят внимание клиенты.

Но всё получилось!

«ЭлектроБарыга» работал, клиенты сгребали дешёвый товар, предлагаемый Майно под девизом «Финальная чистка склада! Только сегодня!», а толпа во дворе хоть и поредела, но не исчезла. Некоторые дикари ждали очереди сбросить товар, другие просто болтались во дворе, ленись отправиться на грабёж, но большинство Шапок с вожделием ожидали, когда на мониторе появится изображение их товара, будет предложена толковая цена и добрый Лебра переведёт им крупную сумму.

Добрый Лебра...

Сейчас Красные Шапки видели в близнецах Томба волшебников, добрых, как Дед Мороз, и таких же щедрых. Испарилась традиционная неприязнь, куда-то подевалось недоверие, ощущение царящего во взаимоотношениях обмана, всего за пару часов молодые шасы сделали для взаимоотношения семей больше, чем все торговцы за всю историю: Шапки их почти полюбили. Ну в том смысле, которое они вкладывали в понятие «любовь», хотя и это немало...

– Внимание! Поступило предложение на лот номер 168! – объявил Лебра.

– Это я! Это я! – Один из Шибзичей принялся прорываться к подиуму.

– Партия беспроводных наушников...

– Пятьдесят коробок!

– Продано!

– Ура!!!

– Вечно Шибзичам везёт, – прошипел Утюг. – То и дело их вызывают, а я страдаю тут из-за них.

Утюг отдал в «ЭлектроБарыгу» два десятка устаревших пневматических пистолетов, никому не нужных настолько, что сородичи даже не украли их из незапертого чулана, и искренне недоумевал, отчего покупатели не дерутся за ценный приз.

– Потому что у Шибзичей товар правильный, а у тебя – фуфло какое-то, – немного обидно объяснил Утюгу Штекер.

– Нет, мля! – резко парировал уйбуй. – Это всё потому, что у них одноглазый великим фюрером сделался! Он во всём виноват!

Штекер промолчал, не желая вступать в бессмысленный спор, а Утюг сначала с ненавистью посмотрел на Шибзича, радостно размахивающего изрядно пополневшей карточкой.

– Тачку в кредит возьму! – верещал счастливчик. – «Ладу Весту»!

А затем Утюг перевёл взгляд на великого фюрера:

– Всё, сука, пора тебе приемника вставить, а то совсем оборзел, смотрю...

А притомившийся Кувалда развалился в кресле и купался в потоке обожания внезапно разбогатевших подданных. И до сих пор не мог поверить, как ловко он сумел уговорить шасов придумать для семьи почти бесплатного барыгу.

«Можно будет Форт отремонтировать, – думал он, благодушно оглядывая потрёпанную Родину. – Портрет обновить, а то вечно его помоями из верхних окон обливают... Для кучи оградку сделать

позаковыристей, можно даже кованую...»

Жизнь казалась прекрасной, перспективы – радужными, бутылка виски подходила к концу, и только Кувалда подумал, что нужно послать Заморыша за следующей, как послышались вопли, то ли приветственные, то ли ругательные, рёв моторов, кажется, выстрелы, и в ворота Форта въехал чёрный, как волосы навов, армейский внедорожник с необитаемой пулемётной башней на крыше.

А вслед за «Тигром» появился семитонный фургон, мультимедийный борт которого украшала бойкая надпись: «Долой коррупцию!» – и его появление напомнило великому фюреру печальное демократическое прошлое.

– Что это? – изумился Майно, поворачиваясь к великому фюреру.

Тот уныло развёл руками и подумал, что с намеченным ремонтом придется повременить, поскольку непонятно, что останется от Родины после визита вооружённых неизвестных.

///

Сначала Урбек хотел справиться с проблемой привычным способом: устроив Красным Шапкам кровавую междоусобицу с настоящей революцией и лозунгами. Опыт в этом у него был отличный, благо не первый день на свете, готовые на всё помощники тоже имелись: и Абажур, и Маманя радостно поддержали бы идею дворцового переворота, возомнивший о себе Кувалда действительно надоел, то есть великофюрерское кресло нуждалось в реновации, но...

Но совсем недавно Сантьяга прямо предостерёг шасов от шумных акций в ближайшие недели, а связываться с комиссаром старому Кумару не хотелось. Он мог огрызаться, мог повышать голос, мог вставать в позу, если того требовали интересы бизнеса, но абсолютно точно знал черту, которую нельзя переходить. И когда Сантьяга говорил: «...в противном случае я буду крайне разочарован...» – с ним было лучше не связываться. А в этот раз комиссар закончил своё выступление именно этими словами.

Тем не менее проблему требовалось решить – ведь страдал бизнес, и Кумар лично отправился в Форт, прихватив одну из «пропагандистских» машин и обоих кандидатов в преемники, с которыми заставил работать примчавшегося выручать свою собственность Асида.

«Тебе нужны эти ходячие громкоговорители?»

«Ездящие».

«Не придирайся. Нужны?»

«Да».

«Тогда объясни моим преемникам, что они должны говорить, проведи митинг, выиграй его и можешь быть свободен».

«А что они должны говорить?»

«Ты у нас политтехнолог – придумай. Но мне нужно спасти бизнес, иначе я твои ходячие громкоговорители человеческой полиции сдам за антитеррористическую премию».

«Ездящие».

«Тем более».

Угроза подействовала, и несчастный Асид сидел сейчас в фургоне, вдавливая в неподатливые черепа дикарей дорогостоящие политические платформы, а разъярённый Урбек подпрыгивал на жёстком кресле кабины, проклиная тот день, когда благонравная шаса Валькирия родила двух невеняемых засранцев Майно и Лебру, и проклиная слишком умного старшего близнеца, ухитрившегося придумать изящную пакость, и периодически принимаясь считать до ста, чтобы не сорваться и не приказать сопровождающим политический рейд охранникам пристрелить зловедных братьев при первой же возможности.

Охранники, кстати, у старого Кумара были первоклассными – четырёхрукие хваны, срочно вызванные к Форту «для обеспечения безопасности политического мероприятия и для решения общих вопросов». Хваны, представляющие небольшую, но весьма сплочённую семью сельскохозяйственных рабочих и наёмных убийц, сотрудничали с Урбеком давно и плодотворно, так что приехали по первому зову, не забыв накинуть на внедорожник морок – чтобы не смущать дорожную полицию. А хванов Шапки боялись даже сильнее навов: тёмные редко пачкали о дикарей оружие, а профессиональные алтайские убийцы работали по контракту и никогда не задумывались над тем, кому и почему выпало угодить под их нож.

А слово «пощада» четырёхрукие воспринимали лишь в философском, но никак не в практическом ключе.

Не было никаких сомнений, что три хвана при желании могли зачистить всю популяцию Шапок... устали бы, конечно, но зачистили, и поэтому, когда недалеко от Форта перед грузовиком пристроился чёрный «Тигр» с пулёмётной башней на крыше, Урбек почувствовал себя гораздо увереннее. То есть он понимал, что его дикари не тронут, но присутствие безжалостных наёмников гарантировало это на сто сорок шесть процентов.

«Тигр» первым въехал в ворота Форта, сбив мощным бампером

небрежно припаркованный мотоцикл, и резко затормозил перед толпой, заставив её колыхнуться. Появившийся следом фургон повернулся к Шапкам бортом – демонстрируя дорогостоящие LED-панели, а вылезший на трибуну Кумар широко улыбнулся и хрипло произнёс в микрофон:

– Здравствуйте, мои дорогие, – не имея в виду ничего плохого.

Однако ласковое обращение вызвало у дикарей приступ паники.

///

– Так и знал, что это Урбек, – прошипел Майно.

– Куда без него, – вздохнул Лебра. – Или ты думал, Кумар станет сидеть и смотреть, как ты вынимаешь из его кармана деньги?

– Я готовился к скандалу, но не думал, что старый среагирует так быстро, – признался Майно. – И не думал, что он явится с такой поддержкой...

– Он старый, а не медленный, – скрипнул младший близнец. – Ты ещё с ним наперегонки побегай за прибылью...

– У него хваны.

– Вижу.

Равнодушные четырёхрукие убийцы как раз выбирались из «Тигра», и их спокойный вид так сильно подействовал на Лебру, что он достал телефон и, держа его под столом, торопливо набил сообщение: «Мы в Форте. Урбек вызвал хванов...»

А в следующий миг вздрогнул и, не допечатав, отправил, потому что прозвучало:

– Здравствуйте, мои дорогие! – с дружелюбным напором выдал Кумар. А увидев, что дикари бросились врассыпную, добавил: – Не разбегайтесь – есть дело.

Приказ подействовал – за долгие годы сотрудничества дикари привыкли беспрекословно подчиняться Урбеку, зная, что в противном случае стоимость товара может упасть вдвое, и послушно остановились. Но молчать не стали:

– Ты зачем тут?

– Мы ничего не делали!

– Почему приехал?

– Ругаться будешь?

– Мы ничего не делали.

– Почему они на нас смотрят?

И толпа опасливо покосилась на стоящих около «Тигра» хванов. Морок профессионалы сняли и предстали перед Шапками во всей красе: удобные чёрные комбинезоны, аккуратная, очень точно подогнанная «сбруя», ножи, пистолеты, короткие автоматы, запасные магазины, гранаты, но главное, конечно, ножи. И четыре руки у каждого. И острое понимание, что замершие возле фургона убийцы только и ждут команды «Фас!».

И от всего этого народ раскричался:

– Мы не хотели эту электробарыгу!

– Нас Кувалда заставил!

– Одноглазый обманул!

– Он всех обманывает!

Хванов звали Торча и Деб, и на крики, которые народ адресовал им, они не обращали никакого внимания, наблюдая за тем, чтобы дикари вели себя прилично.

– Одноглазый свой товар продаёт, а наш – нет! – проорал обиженный на весь мир Утюг. – Наш товар под прилавок суёт!

– И налоги дерёт!

– Мы ему сразу сказали, что не собираемся тебя кидать!

– А он угрожал!

Пулемётный ствол медленно двигался вдоль толпы – башней управлял оставшийся в бронированном «Тигре» Трес, – и чёрный глазок оружия одним своим видом заставлял дикарей ощущать мощный прилив необычайно тёплых чувств к старому скупщику краденого.

– Мы тебя любим, Урбек!

– Мы всегда тебя любили!

– Помнишь, ты плюнул в меня жвачкой? Я её до сих пор храню!

– А у меня рука была сломана в двух местах!

– Это тебе Шпрота битой врезал.

– Не мешай, вдруг он от жалости не станет меня убивать?

– Урбек, ты лучший!

Устоять под напором обожания было чрезвычайно сложно, но Кумар справился. Остался холоден – в душе, а специально для публики пустил слезу из левого глаза.

– Я вам верю, верю и тоже... гм... хорошо к вам отношусь, дорогие мои. Очень хорошо отношусь.

– То есть трогать не будешь? – с подозрением осведомился народ.

– Пока нет.

Шапки слегка расслабились. Но именно слегка, поскольку пулемётный ствол и два вооружённых до зубов хвана не позволяли им успокоиться по-

настоящему. Да и следующая фраза, говоря откровенно, прозвучала несколько двусмысленно:

– Я хорошо к вам отношусь и потому примчался сразу, как только узнал о вашей беде!

– У нас беда? – вновь насторожился народ.

– Что случилось?

– Вешать будешь?

– Когда вешают, это не беда, а репрессии, – сообщил чересчур умный Шибзич.

– А для народа? – уточнил Штекер Гнилич.

– И для народа репрессии.

– Репрессии – это когда палачей потом вешают, – подумав, сказал какой-то Дурич. – А когда палачи над народом измываются – это беда.

– Беда, – подтвердил Урбек, умело доводя простодушных слушателей до исступления. – Я услышал, что ваш горячо любимый фюрер тяжело болен...

– Мля! – выдохнул Кувалда и горестно посмотрел на близнецов.

Те переглянулись, и Лебра неуверенно поинтересовался:

– Это правда?

– Мля! – разочарованно повторил одноглазый, сообразив, что защищать смертельно больного вождя ушлые шасы не станут и «ЭлектроБарыгу» свернут.

– И в этот трудный час я решил быть с вами, со своими друзьями, – продолжил Урбек. – Давайте вместе обсудим, кто сможет стать следующими великим фюрером вашей великой семьи! – Чётко выверенная пауза. – И перестанет вас обманывать с помощью ужасного Интернета.

И посмотрел на молодых сородичей.

– Мля! – выдохнул Майно.

– Мы не верим в Интернет! – взвыли Шапки, наблюдая за движениями пулемётного ствола. – Интернет – зло!

– Давайте сожжём «ЭлектроБарыгу»! – предложил Утюг.

– Как ты его сожжёшь, если его нет? – резонно спросил Штекер. – От него только деньги есть.

– А деньги поделим, – ощерился Утюг.

– Делить ничего не будем, – строго произнёс Урбек, со значением глядя на близнецов и побелевшего от растерянности Кувалду. – Давайте лучше начнём мирную политическую акцию.

На этих словах хваны одновременно положили верхние конечности на автоматы.

Народ замер.

* * *

Москва, Ростокинский проезд,

3 июля, воскресенье, 17:51

– Егор, мне срочно нужен этот чел, – произнёс Сдемир, бросив быстрый взгляд на наручные часы. – Ты обещал...

– Барон, прошу вас, оцените обстановку, – попросил Бесяев, изо всех сил стараясь быть вежливым. – В городе готовится крупнейшая в этом году политическая акция, челы высыпали на улицы...

– Я видел.

– ...видеокамеры фиксируют огромные толпы, десятки тысяч лиц, и среди них – множество тех, кто похож на вашу, будем откровенны, весьма посредственную фотографию. Я мог бы пересылать вам все получаемые отклики, но вы утонете в их проверке. Поэтому я приказал ждать хотя бы восьмидесятипроцентного совпадения...

– Я вас понял, Егор, спасибо, – перебил Бесяева барон. – Я жду.

– Можете на меня положиться.

Сдемир отключил телефон и пробормотал:

– Надеюсь...

И вернулся к машине, за рулём которой его терпеливо дожидался старый штаб-сотник Лобан – самый верный, самый надежный солдат дружины домена, служивший ещё отцу юноши. Пока Сдемир говорил по телефону, Лобан следил за дорогой, тщательно разглядывая – в том числе и через «различитель» – каждую проезжающую машину, и, когда молодой люд приблизился, доложил:

– Нужного грузовика не было.

– Опаздывают...

– Вы уверены, что они приедут?

– Безусловно.

Лобан знал о Сдемире много, но не всё, например о своём договоре с Яргой молодой барон старику не рассказал, и потому штаб-сотник полагал, что сейчас они исполняют приказ Всеведы. Именно поэтому Сдемир назначил встречу на Ростокинском проезде, совсем недалеко от Лосиногостровского острова: Лобан подумает, что груз прибыл из дворца, а масаны решат, что груз направится во дворец. И он, никого не обманывая, но не говоря всей правды, добьётся того, что все помощники будут иметь неправильное

мнение о происходящем.

Но масаны отчего-то не торопились, задерживаясь уже на целых полчаса.

– Я звонил три раза, – ответил Сдемир на вопросительный взгляд штаб-сотника. – Никто не берёт трубку.

– Разве это не подозрительно? – мрачно спросил старик.

– Очень подозрительно, – подтвердил барон.

– Что будем делать?

Сдемир знал, что нужно: отправиться в логово Носферату и узнать, что случилось, но делать это у него не было никакого желания, поскольку слишком высока была вероятность того, что на Расторгуевском их поджидает засада.

«С другой стороны, если Ярга узнает, что я и пальцем не пошевелил, чтобы спасти груз, он оторвёт мне голову...»

А значит, выхода нет.

Сдемир выругался, вернулся в машину и распорядился:

– Едем на Расторгуевский.

* * *

складской комплекс «КумарКаргоЭкспресс»

Москва, улица Левобережная,

3 июля, воскресенье, 18:14

– Мля, Копыто, зачем мы здесь? – недовольно осведомился Иголка, нервно глядя на проплывающий за окном пейзаж. Знакомый настолько, что лучше бы его сейчас не видеть, потому что теперь этот пейзаж стал опасным.

– Как это зачем? – удивился уйбуй. – Бизнес делаем. Или забыл, откуда деньги на вискарь берутся?

– Какой ещё бизнес? – возмутился скандалист. – Это ты забыл, что Кувалда велел всю добычу в «ЭлектроБарыгу» нести!

– И платят у одинаковых шасов больше, – добавил Контейнер. – Барыга этот, электрический, мне очень даже нравится.

Откровенно говоря, «электрический барыга» нравился всей семье, во всяком случае той её части, на чей товар отыскились покупатели, так что в этом смысле здоровяк не был оригинален. Но сейчас его замечание стало не только политически выверенной одой мудрому фюреру, но и намёком, который тут же расшифровал Иголка:

– Во-во: и денег платят больше, и бошку нам никто не снесёт, если узнает.

– Бошки у нас не сносят, у нас их вешают, – вздохнул Контейнер.

– Не бошки, а за бошки, – машинально поправил бойца опытный уйбуй, которому доводилось участвовать в процессе с обеих сторон, к счастью, со второй – недолго.

– Мля, Копыто, ты нам не рассказывай, как и что, – тут же завёлся Иголка. – Вешают всегда за шею, мы умные, мы знаем.

– А шея ведёт в бошку, – добавил Контейнер, которого сегодня тянуло всех поправлять.

– И что? – не понял Копыто.

– Ничего, – пожал плечами здоровяк.

– Вот именно: ничего, мля! – взвился Иголка. – Не хочу я за твой бизнес свою бошку вешать.

– Не бошку, а за бошку, – продолжил неутомимый здоровяк.

– Всё равно не хочу!

Уйбуй подумал и сплюнул в открытое окно, потому что не хотел ругаться с известным скандалистом и ябедой.

Между тем день для бравых дикарей получался необыкновенно удачным: сначала изумительно выгодно получилось с «ЭлектроБарыгой», который и обувь никому не нужную забрал, и денег за штиблеты выдал больше, чем ожидалось. Однако напиться на радостях Копыто подчинённым не позволил, а погнал за новым товаром, пока «ЭлектроБарыга» не закончился или не поломался. Подчинённые поворчали, поскрипели зубами, но подчинились, и Копыто тут же организовал налёт на склад запасных частей, доверху забив «Армаду» тяжеленными аккумуляторами. Но, вместо того чтобы возвращаться в родной Форт, зачем-то направил машину к Урбеку, что и вызвало у скандального Иголки истерику:

– Хочешь, чтобы нас всех поубивали?

– Мля, дебил, хватит каркать, – разозлился Копыто. – Учись лучше деньги делать.

– У кого?

– А чо, есть варианты?

– А чо, ты умеешь деньги делать?

От такой наглости Копыто озверел, но, посмотрев на Контейнера и сообразив, что тот с трудом улавливает суть очередной перебранки, остыл: ведь если оскорбление никому, кроме оскорблённого, непонятно, то это и не оскорбление вовсе, а так, сотрясение воздуха. А Иголке можно и потом

как-нибудь отомстить.

– Короче, слушайте. – Уйбуй помолчал, удивляясь про себя, как его угораздило родиться в одной семье с такими кретинами, и продолжил: – Кому мы раньше всегда товар сбрасывали?

– Урбеку, – отозвался Контейнер.

– Потому что больше некому было, – добавил Иголка, изумляясь про себя тупости уйбуя.

– А он нас обманывал, – закончил здоровяк. – Как выяснилось.

– Правильно, обманывал, – не стал спорить Копыто. – А что случилось теперь?

– Теперь наш любимый великий фюрер Кувалда придумал «ЭлектроБарыгу» и денег стал давать больше, за что мы стали его ещё больше любить, – заученно, как по методичке, отбарабанил Контейнер.

Склонный к диссидентству Иголка без восторга покосился на приятеля и саркастически проскрипел:

– Хотя больше уж некуда.

Но Копыто решил не обращать внимания на изменнические замечания и поддержал здоровяка:

– Всё правильно сказал. Но что всё это значит?

– Что – это? – не понял Контейнер.

– Что ты сказал.

– Что мы любим великого фюрера?

– Про «ЭлектроБарыгу».

– А что я про неё говорил?

Копыто смачно выругался и посмотрел на Иголку, но, судя по ответному взгляду, бунтарь и диссидент тоже не понимал, куда клонит сидящее за рулём начальство.

– Это значит, идиоты вы недоразвитые, что у нас теперь два барыги: один электрический, а второй – Урбек, – объяснил Копыто, чувствуя себя Сантьягой и Францем де Гиром одновременно. И ещё каким-то человеческим умником, про которого он слышал в Интернете, но забыл имя. – И мы теперь можем...

– В два раза больше грабить, – прошептал сообразивший, что к чему, Иголка.

И сам поразился простоте и гениальности копытовской идеи.

– Правильно, – хихикнул уйбуй. – Потому что Урбек ничего Кувалде не скажет и никому не скажет, он дурак, что ли, от товара отказываться?

– Урбек – не дурак. – Это Контейнер знал точно. – А зачем ему Кувалде что-то говорить?

– Твоё дело маленькое: ломать двери и таскать товар, – отрезал Копыто, но объяснения продолжил: – Короче, мы те грабежи, которые по квоте, будем сдавать в «ЭлектроБарыгу», а те, которые для души, – Кумару. Ну как? Повезло вам с уйбуем, дегенераты?

– Повезло! – поддакнул Контейнер.

– Это ты сегодня здорово придумал, – признал Иголка, не став обижаться на странное обзывательство.

– То-то же! – весело отозвался уйбуй, сворачивая с улицы и резко останавливая «Армаду» у привратной будки. Повседневную охрану комплекса несли не дорогостоящие и страшные хваны, а челы-наёмники, с которыми Копыто мог себе позволить не особенно церемониться.

– Куда? – поинтересовался стражник.

– Догадайся, – отозвался уйбуй тоном, который считал ироническим.

– Пускать не велено, – хрюкнул в ответ чел.

– Что? – изумился Копыто.

– То.

– Почему?

– Не оправдали, – ехидно, но непонятно объяснил чел.

Физиономия Иголки стала расплываться в подленькой усмешке, и это заставило Копыто продолжить диалог:

– Не оправдали что?

– Сам не знаешь?

– Что я должен знать?

Охранник выдержал паузу, наблюдая за медленно закипающим уйбуем, после чего с удовольствием сообщил:

– Говорят, у вас, в Южном Форте, какой-то свой барыга завёлся, то ли электрический, то ли вообще. Поэтому Урбек велел ничего у вас не брать, пока не поумнеете, и на территорию не пускать, чтобы знали, что руку кормящую надо лизать, а не кусать.

– Мля, – расстроено выдохнул Копыто, чей идеальный бизнес-план только что «Титаником» вписался в айсберг капиталистической конкуренции.

– У кого я должен был учиться делать деньги? – с иронией осведомился Иголка.

– Не ругайся, – пробурчал Контейнер, всё ещё лелеющий надежду, что, став преемником фюрера, Копыто назначит его уйбуем. – Это же этот... форс-мажор.

– Мажор – это сын важной шишки какой-нибудь, как этот... СопляК.

– СопляК не сын, а девка.

– Значит, не мажор, а мажорка, – отрезал Иголка. – Да и не может у нашего безмозглого Копыто быть мажора, что он, Маманя, что ли, рожать всякое?

– Давайте мотайте отсюда, мажоры, – проворчал охранник. – Проезду мешаете.

– Урбек здесь? – осведомился поникший уйбуй.

– Нет.

– А где?

– К вам поехал, – хмыкнул чел. – Барыгу вашего давить. – И повторил: – Ворота освободите.

– Мне назад сдать надо, а он мешает, – сообщил Копыто, бросив взгляд в зеркало заднего вида.

– А я что могу?

– Дай въехать и развернуться.

– Не велено.

– Ладно, ладно... – Копыто многозначительно посмотрел на Иголку: – Пойди разберись.

Скандалист кивнул, выскочил из кабины и направился к «КамАЗу» крупной розничной сети, который подъехал к складу вслед за дикарями.

///

Забирая грузовик, Шера не очень хорошо понимала, чего она хочет добиться. Отомстить? Безусловно, это было главной целью, а поскольку в фургоне находилось нечто очень важное, месть должна была получиться на славу.

Но как её устроить? Отвезти грузовик в какой-нибудь Великий Дом?

Поначалу Шера собиралась поступить именно так, но потом подумала, что если в грузовике прячется нечто действительно очень важное, или плохое, или дорогое, ну, в общем, серьёзное, то дознаватели обязательно примутся задавать неудобные вопросы и могут добраться и до «Господина крови», и до её «развлечений» с Буториным, о чём Шера, по вполне понятным причинам, рассказывать не хотела. Поэтому девушка решила не ехать в Лосиный Остров. Подумала оставить грузовик неподалеку от дворца и сообщить анонимным телефонным звонком, но вовремя сообразила, что тоже выследят – маги ведь. Или через «Тиградком» проследят... и в этом случае вопросы к ней будут гораздо серьёзнее.

Так что же делать?!

В какой-то момент Шера едва не плюнула на всё и не бросила фургон на обочине, но неожиданно вспомнила о самом известном скупщике краденого в Тайном Городе и поняла, что отыскала идеальный выход из положения: как все шасы, Урбек славился жёсткой нацеленностью на прибыль, но при этом прикрывал своих контрагентов и не выдавал их даже навам – во всяком случае, именно такие легенды ходили о старом Кумаре. Урбеку можно было «сбросить» товар и навсегда о нём забыть, поэтому Шера уверенно направила машину на север.

Но двигалась она не так быстро, как хотелось. Оргия с тремя вампирами, изрядная доза их секрета, потеря крови и создание энергозатратного аркана сильно ослабили девушку. Сознания она не теряла, но в некоторые моменты «плыла», с трудом понимая, что происходит вокруг, и лишь гигантским усилием воли возвращалась в реальность. Шере срочно требовался отдых, но она заставляла себя держаться, как мантру повторяя, что сначала нужно отомстить, а уж потом спрятаться ото всех в укромном уголке и проспать пару-тройку дней...

Поспать...

Она не теряла сознание, не засыпала, но ловила сны наяву. Реальные настолько, что становилось страшно. То ей виделся Адриан Малкавиан на пассажирском сиденье, и Шера принималась рыдать, тоскливо спрашивая любимого, на кого он её покинул, и умоляя вернуться. В другие приходы она злилась, проклиная Адриана за то, что он с ней сделал. За то, что разменял искреннюю любовь на власть над коровой...

Да и была ли она – любовь?

Однажды ей привиделся Адам, к счастью – на светофоре, потому что девушка бросила руль и принялась колотить видение кулаками и осыпать градом отборных ругательств. А выплеснув обиду – со смехом описала «сидящему» в кабине Адаму, как жалко он сейчас выглядит. Не здесь, разумеется, не в её воображении, а в подвале. Описала, как выглядит вампир после «Протуберанца». Описала в подробностях, смакуя каждую деталь.

К складу Кумара Шера подъехала в полном тумане и с трудом остановилась у ворот, едва не врезавшись в перегородившую проезд «Армаду», вновь задумалась, а может – впала в забытие, и очнулась лишь при виде вскочившего на подножку кабины коротышку в красной бандане.

– К кому прикатила? – спросил Иголка, пытаясь понять, знает ли потасканная человская девчонка о Тайном Городе.

– К Урбеку, – машинально ответила Шера.

– От зелёных?

– Сама по себе.

По тому, что понятие «зелёный» не вызвало у девчонки недоумения, Иголка догадался, что она своя, и строго осведомился:

– Ведьма?

– Тебе лицензию показать? – устало отозвалась Шера.

– А если показать?

– Отвянь, Шапка.

Но боец почуял слабинку и с подножки не спрыгнул.

– Что такая вялая? Больная? Или ранили?

– Устала.

– Как звать?

– Шера.

– А я Иголка.

– Очень... приятно. – Девушка откинулась на спинку сиденья и закрыла глаза. – Долго вы ещё стоять будете?

– Торопись?

– Устала.

– Твой грузовик? – перешёл к делам Иголка. Копыто нетерпеливо посигналил, но боец махнул рукой, показывая, что занят важным делом, и продолжил расспросы: – Где взяла?

– Ну... – В голове опять стало путаться, и закончить Шера не успела.

– Ограбила кого?

– Нет...

– Угнала?

– Ну...

– Угнала и привезла Урбеку продавать?

– Да, – подтвердила девушка, решив, что без этого ответа надоедливый коротышка не отстанет. К тому же ответ почти полностью соответствовал действительности.

– Что в фургоне? – деловито поинтересовался боец.

– Не знаю.

Неопределённый ответ не вызвал у Иголки удивления: будучи Шапкой, он не раз и не два оказывался в ситуациях, когда не мог твёрдо сказать, ни что именно украл, ни у кого. Такое случалось сплошь и рядом, и боец, поразмыслив, решил поделиться с девчонкой важным наблюдением:

– В следующий раз перед тем, как грузовик угонять, проверь, что внутри.

– Зачем?

– Чтобы полоний какой-нибудь не стырить, радиоактивный.

Копыто посигналил ещё раз, Иголка понял, что уйбуй бесится, а кроме него – и это плохо – бесится чел-охранник, и заторопился:

– Короче, Урбека тут нет.

– Как так нет? – ахнула девушка. – А где он?

– Открыл у нас в Форте пункт выездной торговли, и ща мы его догонять будем, – сообщил боец, ловко смешивая правду и ложь. – Там теперь продажа семейной добычи для Тайного Города. Слышала про «ЭлектроБарыгу»?

– Нет.

– Его только сегодня запустили.

– Куда запустили?

– Ну не на Марс, – гыгыкнул Иголка. – «Барыга» хоть электрический, но не «Тесла», так что в космос не летает.

При упоминании космоса Шера поняла, что окончательно запуталась, и уточнила:

– Урбек в Южном Форте?

– Да, – подтвердил боец, чувствуя, что добыча заглотила наживку.

– Вы едете в Форт?

– Да.

– Возьмите меня с собой?

– Одну?

– С грузовиком... – Девушка зевнула. – Только я дальше ехать не могу.

– Я могу тебя заменить, – предложил Иголка, не веря своему счастью.

– Давай... – Шера перебралась на пассажирское сиденье и прислонилась к дверце. – Я отдохну...

– Вот и молодец! – Боец уселся за руль, покосился на провалившуюся в забытье Шеру и хмыкнул: – Поспи, пока. – Включил заднюю передачу и, отъезжая от ворот, пробормотал: – Как будто мне это снится...

Целый грузовик с товаром за каких-то пять минут болтовни! Таких лёгких денег Иголка ещё никогда не зарабатывал.

Глава 7

около двух недель назад

Цитадель

– Никто не знает, что ты здесь.

– Я... – Анна сглотнула, перевела дух, мысленно досчитала до пяти и ответила: – Я понимаю.

– Почему? – внезапно заинтересовался князь Тёмного Двора. – Почему ты решила, что наша встреча – тайная?

– В противном случае вы передали бы своё пожелание через комиссара.

– Да, – помолчав, признал повелитель Нави. – Да...

И снова замолчал, слегка покачиваясь.

Анна тихонько вздохнула и переступила с ноги на ногу.

Она не стеснялась проявлять страх – настоящий, не наигранный. Она стояла перед самым могущественным и самым древним магом Земли, перед владыкой Тьмы, и, разумеется, страшилась его. Но одновременно понимала, что князь её щадит, поскольку Тьма его кабинета держалась от девушки на расстоянии. Вилась вокруг, дымкой набегая то к руке, то к ноге, но не терзала – поглаживала, возможно, посмеивалась. Тьме приказали считать девушку гостьей, и Тьма подчинилась. Но Анне доводилось бывать в Цитадели пленницей, и она хорошо знала, какими жестокими способны быть здешние тени.

Сейчас князь её щадил...

– Сантьяга играет, – неожиданно продолжил повелитель Нави, и девушка обратилась в слух. – Игра с Великими Домами, противостояние умов и страстей, их жалкие потуги и гениальные озарения увлекают его уже много тысяч лет. Сантьяга великолепен в своей роли, но иногда забывает, что не всем нравится жить в пучине интриг. Забывает, что не всем отмерен его длинный срок и далеко не все хотят воевать до конца жизни. Сантьяга – великий, неповторимый дирижёр, но иногда забывает о желаниях музыкантов. Такое редко, но случается. И тогда, если музыкант важен, я приглашаю его к себе. Объяснить... Поговорить...

– Вы читаете мысли? – пролепетала ошеломлённая девушка.

– Ты ведь знаешь, что мысли прочесть невозможно... но мне и не нужно... – Ещё одна пауза, а за ней – резкий, как выстрел, вопрос: – А что нужно тебе?

– Вы знаете, – неожиданно твёрдо ответила Анна, глядя в сгусток тьмы, казавшийся плащом с низко надвинутым капюшоном.

– Первая скрипка устала. – Возможно, князь улыбнулся. – Сантьяга готовит очень важный и сложный концерт. Твоя партия – основная, а ты устала, я знаю. Но мы не можем отменить концерт, поэтому я предлагаю так: сыграй свою партию, Анна. Сыграй с блеском, как ты умеешь, и я даю слово, что после этого выступления Тёмный Двор никогда тебя не потревожит.

– Никогда? – переспросила девушка.

– Даю слово, – веско произнёс повелитель Нави.

– Так будет, – прошептала Анна. По её лицу катились крупные слезы.

– Договор заключён.

Князь кивнул, и девушку окутала Тьма...

///

около недели назад
побережье Северного моря
Здесь было холодно.

Даже сейчас, в разгар лета, ветер надувал с неприветливого моря промозглую сырость, и по ночам скалистое побережье превращалось в неприятное место... Неприятное для всех, кроме Робене – им здесь нравилось. Причём настолько нравилось, что именно в этих древних камнях истинные кардиналы устроили тайник. В пещере, перед чёрным зевом которой стояли сейчас Сантьяга, Анна и два советника Тёмного Двора. Спокойные и недвижимые, словно вырубленные из камня, как скалы вокруг.

Готовящиеся к невероятному аркану.

С тех пор как Пабло рассказал, что делали с Амулетами Крови он и его предки, высшие маги Тёмного Двора плотно занялись пещерой. Но занялись ею в глубокой тайне, опасаясь выдать свой замысел Ярге или Великим Домам. Советники работали по двое и даже по трое: один маскировал магические действия, остальные изучали пещеру, надеясь разгадать её секрет. Трижды на побережье приезжал князь, лично помогая высшим магам в непростой работе, и судя по тому, что сегодня советники наконец-то вызвали к пещере Сантьягу и Анну, объединённые усилия высших иерархов Нави принесли успех.

– Первый Робене наверняка знал, что делал, когда создавал тайник и

прятал в нём добычу, но его потомки деградировали до неприличного уровня, – каркающим голосом произнёс один из советников. – Нынешние Робене считали, что уничтожают Амулеты Крови, но в действительности прятали их, так что перед нами – склад...

– Не только, – добавил второй советник.

– Да, – подтвердил первый советник. – Не только.

– Не совсем так.

– Я знаю.

– Это была попытка продублировать Бункер Вечного Сна.

– Если бы Робене собрали в пещере все Амулеты, им удалось бы их уничтожить.

Возможно, будь Сантьяга один, он бы с иронией прокомментировал короткий диалог, но в присутствии Анны не стал. Улыбнулся и заметил:

– К счастью, этого не произошло.

– Они не успели, – уточнил первый советник.

– Не собрали все Амулеты, – добавил второй советник.

– Я знаю.

– Скала обращена в гигантский артефакт, питающийся рассеянной по миру энергией.

– Масаны не умеют делать такие устройства... Им кто-то помог.

– Не имеет значения, ведь главное – мы разгадали принцип работы.

– Князю потребовалось почти две недели...

– Что нужно делать? – поинтересовался Сантьяга, понимая, что иерархов требуется вернуть к главной теме разговора.

– Не нам – ей, – ответил первый советник.

– Ей, – эхом подтвердил второй советник.

Анна закусил губу, а комиссар мягко сжал девушке руку, пытаясь поддержать перед очень опасным действием.

– Это станет главной проверкой, – сказал первый советник.

– Если изменения не абсолютны, ты погибнешь, – сказал второй советник.

– Не надо меня пугать, – попросила Анна. Но руку Сантьяги не отпустила. – Что я увижу внутри?

– Сначала – ничего.

– Ты будешь проверена.

– А потом...

– Если выживешь...

– Я поняла!

Девушка вырвала руку и забежала в чёрный зев пещеры. Быстро и

резко, не давая себе возможности передумать. Навы проводили её холодными, как здешнее море, взглядами.

– Масаны импульсивны, – напомнил первый советник.
– Метаморф боится, – заметил второй советник. – Не уверена в себе.
– Может ли пещера почувствовать неуверенность и заподозрить обман?

– Пещера не обладает разумом.
– А кто обладает, кроме Нави?
– Четыреста лет назад мы уже обсуждали этот вопрос и не пришли к единому мнению.

– Ты слишком хорошо относишься к этим странным расам.
– Если масаны их едят, значит, они разумны.
– Масаны не едят нас.
– Потому что мы им не позволяем...

Сантьяга вздохнул и отошёл от спорящих советников, остановившись напротив зева и глядя в него так пристально, словно надеясь разглядеть Анну.

Которая в это самое время...

Которая...

Совершенно потерялась.

Анна ничего не видела: сделав шаг в пещеру, девушка утратила опору и рухнула вниз, словно сорвавшись со скалы. Закричала, ожидая неминуемого удара, но его не последовало, а падение прекратилось так резко, что девушка от перегрузки на несколько секунд потеряла сознание. Или на несколько часов – пещера не позволяла ощутить ход вещей. А очнувшись, Анна осознала себя парящей в непроглядной темноте, но не умеющей летать. Частью окружающего мира, но пока держащейся чуть в стороне. Она знала, что пугает и вызывает любопытство одновременно. Знала, что пещера выбирает: убить её или покориться, и закричала, когда миллионы тончайших игл пронзили её и принялись жадно высасывать кровь...

* * *

отель «Империя Сити»

Москва-Сити, башня «Империя», 55-й этаж,

3 июля, воскресенье, 18:18

Вопреки прогнозам Захара, пробормотавшего Сантьяге: «Они

взорвутся одновременно, чтобы вывести нас из себя», атмосфера на Конклаве накалялась медленно. Даже слишком медленно. И виной тому стало неожиданно миролюбивое настроение непримиримых. Кардиналы, от которых ждали агрессии, внимательно выслушали длинный доклад Нила Гангрела, покивали, но вместо того, чтобы начать препирательства, принялись задавать вопросы по существу. При этом горячие Диего и Фрэнк помалкивали, хотя было очевидно, что они с трудом сдерживаются, а разговор поддерживали Дэвид и Атал – самые умные и потому наиболее опасные из непримиримых.

– Я не услышал самого важного предложения, – размеренно произнёс хозяин Мадраса, открывая обсуждение: – Кто будет главным?

Сторонники поддержали Атала кивками и короткими одобрительными восклицаниями. Судя по всему, роли непримиримые распределили заранее и строго придерживались плана проведения переговоров.

– Никто, – ответил Сантьяга. – В этом суть предложения: семья Масан сохраняет нынешнее положение вещей, при котором нет единого центра власти. Все основные решения принимаются коллегиально.

– Почему последний истинный кардинал не претендует на лидерство?

– Потому что я знаю – на таких условиях мы не договоримся, – спокойно ответила Клаудия. Непримиримые попытались её перебить, и женщине пришлось чуть повысить голос: – Мой отец – истинный кардинал Бруджа – создал Коалицию, идея которой заключалась в равноправии всех кланов, и я хочу продолжить его дело, потому что знаю – иначе не получится. Мы принимаем решения сообща и все вместе отвечаем за них. Мы с уважением относимся ко всем охотникам и к их мнению. Мы можем уживаться, не мешая и не враждуя друг с другом, а главное – оставаясь невидимыми для чело́в. Фрэнк, ты нас поддерживал...

– На что ты намекаешь? – тут же разъярился Малкавиан. – Хочешь обвинить меня в предательстве?

– Напоминаю о недавнем прошлом, – холодно улыбнулась Клаудия. – Фрэнк, ты участвовал в Коалиции и можешь подтвердить, что её принципы работали. Никто не покушался на нашу свободу...

– Только твой отец был главным, – мягко добавил Дэвид. – А потом главной стала ты.

Непримиримые заулыбались.

– Нет, – невозмутимо парировала Клаудия. – Мы собрались не для того, чтобы лгать, и я разочарована твоими словами, Дэвид: ты прекрасно знаешь, что мой отец не был главным. Он был основателем Коалиции, он обладал авторитетом, о котором ты можешь лишь мечтать, но барон

Александр не был главным. И если Фрэнк найдёт в себе силу для честного ответа, он скажет, что и я, и мой отец были такими же членами Коалиции, каким был он.

Малкавиан отвёл взгляд, показав, что удар достиг цели – этикет не допускал очевидной лжи, да и смысла в ней не было: все знали, что Бруджа права.

– От Шанхая до Рима много тысяч миль, – подал голос кардинал Ли. – Клаудия при всём желании не сможет подчинить меня, да и зачем ей это? Зато мы, находясь в тысячах миль друг от друга, сумели договориться об основных правилах для всех и соблюдали их.

– Равноправие – это очень простая, а главное – работающая идея, – поддержал старого товарища Мао. – Дэвид, почему ты её отвергаешь?

– Я не отвергаю, а хочу обговорить все нюансы, чтобы исключить недопонимание, – осторожно ответил Луминар. На него произвело впечатление то, как ловко Клаудия заставила заткнуться Малкавиана, и теперь хозяин Нью-Йорка взвешивал каждое слово.

– Приятно слышать.

– Спасибо.

Захар написал на бумажке «Тянут время» и показал сидящему рядом Сантьяге. Комиссар молча кивнул.

– Если вы настаиваете, мы можем отойти от термина «Коалиция», – продолжила Клаудия. – Не будем заключать союзы, образовывать лиги или какие-либо иные объединения – чтобы вы не опасались появления в них руководства. Мы заключим Договор, в котором будут отражены интересы всех сторон, и его положения – а именно их следует обсудить с особым тщанием, – так вот, эти положения станут обязательными. – Пауза. – Для подписавших.

Истинная кардинал не могла не добавить это уточнение, а непримиримые не могли не зацепиться за него.

– А для остальных? – прищурился Тамим.

– Они смогут к нам присоединиться, если согласятся с условиями Договора и пообещают их соблюдать, – ровно ответила Клаудия.

– А если не согласятся?

– Почему не согласятся?

– Какая разница, почему? – оживился Дэвид, поняв, куда затянул разговор Тамим. – Не согласятся, потому что мы – свободные охотники и вольны делать всё, что угодно. Не захотят, не понравится, решат, что он не нужен...

– Будут не в настроении, – хмыкнул Фрэнк.

– Решат сохранить свою уникальность, – добавил Атал.
– Что будем делать с неприсоединившимися? – резко спросил Дэвид, уперев тяжёлый взгляд в Клаудию.

Он очень хотел услышать жёсткий ответ, который стал бы хорошим ответным ударом на выпад против Малкавиана, но Бруджа сдержалась.

– Отсутствие подписи означает лишь отсутствие подписи, – громко и очень спокойно произнёс Захар. – Я прекрасно понимаю, что многие братья не захотят иметь никаких договорённостей с Тайным Городом. Это их право. Их выбор. Но если они осознают выгоду Договора и станут придерживаться его положений, не подписывая документ, – я буду рад.

– Я понимаю ваш интерес, епископ, – с обманчивой мягкостью произнёс Тамим, намеренно выделив голосом титул Захара. – Но я хочу знать, что вы будете делать с теми братьями, которые сочтут положения Договора не соответствующими их мировоззрению? – Пауза. – И продолжат жить свободной жизнью.

– Вы вернётесь к практике походов очищения? – осведомился Атал.

– Мы от неё не отказывались, – жёстко напомнил Захар.

– И заставите нас принимать участие в убийствах?

– Только если вы этого захотите.

Сантьяга, который старался не вмешиваться в переговоры, тонко улыбнулся.

– Вы продолжите походы очищения? – продолжил наседавать Диего. – Да или нет?

– Вы заставите нас принимать в них участие?

– Заставите убивать братьев?

– Не заставим.

– Почему?

– Сами справимся, – пожал плечами Трени.

– Неужели? – поднял брови Дэвид.

– До сих пор справлялись.

– Тогда зачем нужна эта встреча?

– Вас устраивает нынешнее положение вещей? – вопросом на вопрос ответил епископ.

– Оно сложилось давно.

– Но в наших силах его изменить.

– Каким образом?

Но Трени пока не стал вдаваться в подробности, решив, что фразы о Договоре более чем достаточно. К тому же в разговор вступила Клаудия:

– Зачем враждовать и сражаться? В чём смысл противостояния? Только

в одном: в челах. – Бруджа выдержала паузу, позволяя собеседникам осознать всю глупость ситуации. – Мы сражаемся из-за челов, поскольку одни из нас считают, что *пищу* нужно резать аккуратно, не привлекая внимания, а другие готовы отдаться инстинкту крови. Одно-единственное расхождение в нашем мировоззрении приводит к тому, что масаны убивают друг друга.

– А там, где соблюдаются разумные правила, эксцессов не происходит, – плавно вклинился в разговор Захар. – Когда был последний поход очищения в Рим? В Шанхай? Я не в восторге от необходимости устраивать рейды по всему миру, поскольку они требуют и времени, и ресурсов, но мы не можем сидеть и ждать, когда братья доведут дело до следующей бойни и челы рассвирепеют.

– Боитесь Инквизиторов? – скривился Фрэнк.

– А вы?

Малкавиан ощерился, но промолчал.

– Похоже, вас положение вещей тоже перестало устраивать, – негромко протянул Дэвид.

– Не выдавайте желаемое за действительное, – усмехнулся Захар.

– Я просто анализирую ваши слова, – пожал плечами Луминар.

– А ещё мы трезво смотрим на вещи, – добавил Диего.

– Трезвым может быть только компромисс, – убеждённо произнёс Треми.

– Так говорят те, у кого нет другого выхода, – рассмеялся Фрэнк.

– Продолжай, – неожиданно предложил Нил.

До сих пор патриарх Гангрел молчал, некоторые кардиналы даже решили, что старик задремал, и его замечание сбило их с толку.

– Что продолжать? – растерянно спросил Малкавиан.

– Скажи, что мы в ловушке, – предложил Нил.

Каким бы психопатом ни был Малкавиан, грубить патриарху он не собирался. Пусть даже патриарх и занимал враждебную ему позицию. В данном случае этикет семьи Масан требовал почтительного обращения, и Фрэнк, несмотря на то что от бешенства у него свело скулы, ответил предельно сдержанно:

– Получается, вы сами это знаете, Нил.

– Скажи ты, – потребовал старик.

– Давайте успокоимся, и я закончу свою мысль, – пришёл на помощь Фрэнку Дэвид, и Малкавиан мгновенно переключил на него внимание. – Я не просто так спрашивал, кто будет главным. Ведь если мы примем Договор и согласимся исполнять его положения, если прекратится вражда

между основными кланами и внутри семьи Масан установится мир... – Повелитель Нью-Йорка выдержал тщательно продуманную паузу: – В этом случае, рано или поздно, братья начнут задумываться над тем, что один из кардиналов – истинный.

– Сейчас не задумываются? – удивился Захар.

– Сейчас они воюют, – объяснил Атал. – И у них есть веские основания предполагать, что истинный кардинал с потрохами продан Тёмному Двору.

– Пожалуйста, постарайтесь избегать бездоказательных заявлений, – предложил Мао. – Их могут принять за намеренное оскорбление.

– Кто может принять? – осведомился Малкавиан.

– Гипотетически, – усмехнулся Дэвид, в упор глядя на сохраняющую олимпийское спокойствие Клаудию.

– Теперь, пожалуйста, скажите, к чему вы ведёте? – поинтересовался Сантьяга.

Собравшиеся затихли. Поняли, что сейчас прозвучит одно из важнейших условий, и обратились в слух.

– Если мы говорим о равенстве, оно должно быть настоящим, а не выгодным Тёмному Двору, – жёстко произнёс Дэвид, глядя Сантьяге в глаза. – Среди кардиналов, которые подпишут Договор, не должно быть истинных.

– Это не имеет никакого отношения... – начал было Захар, но был немедленно перебит:

– Имеет! – отрезал Луминар.

– Чушь, Дэвид, и ты это прекрасно знаешь!

– Воины уважают меня и без титула истинного, – сообщил Мао.

– Рано или поздно они тебя удивят, – пообещал Фрэнк.

– Не думаю.

– Я не хочу, чтобы среди равных был первый, – громко высказался Атал. И перевёл взгляд на женщину: – Ничего личного, Клаудия, но Дэвид абсолютно прав: ты нас сожрёшь.

– Не надо было терять Амулеты, – не удержалась от шпильки Бруджа.

– Твой отец приложил руку к уничтожению истинных кардиналов Луминар, – бросил в ответ Дэвид. – Александр убирал конкурентов!

Бруджа побледнела от гнева.

– Взаимные обвинения вряд ли помогут нам договориться, – громко произнёс Сантьяга. – Мы должны уважать друг друга.

– Мне нужен перерыв. – Клаудия резко встала на ноги, и следом поднялись все присутствующие: этикет есть этикет.

– Продолжим переговоры позже, – объявил комиссар. – Полагаю, всем нужно отдохнуть, привести в порядок мысли и посоветоваться.
Непримиримые заулыбались.

* * *

***Москва, проспект Сахарова,
3 июля, воскресенье, 18:24***

– Я нахожусь на проспекте академика Сахарова, в самой гуще событий, среди сотен тысяч простых граждан, недовольных сложившимся в нашей стране положением и пришедших сказать своё решительное «Нет!» коррупции. Мне радостно видеть вокруг себя эти чудесные, чистые, светлые лица не побоявшихся выйти на улицу в наше непростое время, и сейчас я задам вопрос одному из участников митинга... – Корреспондент повернулся к стоящему слева Антону: – Извините, вы не уделите мне пару минут?

– Уделю, – пожал плечами Буторин. – Почему нет?

Об этом его попросили заранее, и последнюю пару минут Антон терпеливо ждал, когда корреспондент сделает «подводку». В первый раз парень сбился на словах «сотни тысяч», засмеявшись вместе с оператором, который предложил: «Говори «миллионы», чего уж там?» Во время второй попытки оператора кто-то толкнул, и он едва не уронил камеру, и только сейчас наконец-то у них вроде бы всё пошло гладко.

– Вы часто ходите на политические акции?

– Нет, – скупо ответил Буторин, стараясь одновременно и смотреть, и не смотреть в камеру.

– Пришли в первый раз?

– Да.

– Потому что не в силах терпеть всевластие коррупционеров?

– Э-э...

– Не стесняйтесь, говорите правду, вы ведь свободный человек!

– Пожалуй.

– Спасибо, что вы идёте вместе со всей страной! – с пафосом закончил корреспондент. – Мы рады, что, несмотря на репрессии и коррупцию, у нас ещё остались такие люди, как вы, стойкие и принципиальные!

– Когда...

– Что?

– Нет-нет, ничего, – покачал головой Буторин, с трудом скрывая испуг,

заболтавшись, он едва не спросил: «Когда начнутся беспорядки?» – но вовремя прикусил язык.

Честно говоря, на митинге оказалось ужасно скучно. Во-первых, из-за отсутствия компании, в которой можно было бы поболтать, посмеяться или обсудить выступающих. Почти все вокруг предусмотрительно явились не в одиночку, и Антон немного завидовал их веселью. Во-вторых, на мероприятие Буторина занесло случайно, и он совсем не ориентировался в происходящем. Попытался слушать выступающих, но ничего не понял, кроме того, что ярко раскрашенные фифы и плешивые мальчишки в дизайнерских шмотках призывали к свободе, демократии и требовали прекратить воровство. Стоящая под трибуной толпа отвечала аплодисментами разной степени интенсивности. Примерно через час Антон плюнул на всё и перестал обращать внимание на голоса с трибуны «трибунов», решив просто поскучать до начала обещанных беспорядков, но тут к нему приклеился пожилой борец с режимом – тощий городской сумасшедший с длинными немытыми волосами, развевающимися, подобно рубищу прокажённых, и безумно вытаращенными глазами. Борец кричал о том, что главного организатора митинга арестовали в подъезде собственного дома, и это является произволом кровавого режима, а из его рта воняло так, что Буторин едва не приступил к убийствам немедленно, не дожидаясь беспорядков и наплевав на полицию.

В итоге Антон сбежал от борца, но наткнулся на корреспондента, хотел раствориться в толпе, однако парень осведомился, не желает ли он «сказать пару слов на камеру», а поскольку никто и никогда раньше не просил у Буторина интервью, Антон согласился.

Но немного растерялся. И, наверное, поэтому чуть не задал этот глупый вопрос...

– Я хотел спросить, когда закончится митинг, – вывернулся Антон.

– Скоро, – ответил корреспондент, бросив взгляд на часы. – И начнётся разрешённое властями шествие к Красной площади.

– Что вы говорите?

– Вы разве не слышали? – удивился корреспондент.

«Если беспорядки и разразятся, то во время шествия! Это идеальный случай!»

– Разрешённое шествие к Красной площади? – переспросил Буторин.

– К Манежной, если быть точным.

– Очень интересно...

Но если Антону происходящее было просто «интересно», то у обеспечивающих безопасность полицейских накопилась масса вопросов, главным из которых был:

– Почему им разрешили проводить митинг так поздно? – негромко спросил сержант Васильев, невозмутимо разглядывая участников политической акции. – Шествие начнётся в сумерках.

– Никто не понимает, – ответил стоящий слева Кретов. – Организаторы подали заявку, а в мэрии её подписали. Когда опомнились – как говорится, поезд ушёл. Попытались всё переиграть, но организаторы наняли опытного адвоката, и мэрии пришлось отступить.

– Идиоты.

– Какое-то помутнение нашло.

Полицейские помолчали, затем Васильев прищурился на стайку молодых митингующих спортивного вида и задумчиво пробормотал:

– Если митинг затянется, шествие получится факельным.

– Может, организаторы так и планировали?

– Может быть...

И полицейские одновременно покачали головами, предчувствуя, что вечер получится «весёлым», и мысленно ругая руководство. При этом, разумеется, понятия не имели, что «помутнение» на городское правительство нашло не просто так, а в результате аккуратного гипнотического воздействия ведьм Зелёного Дома, которым требовалось приблизить начало митинга к заходу Солнца...

– Считаете, ваш голос будет услышан?

– Да.

– И власть будет вынуждена прислушаться?

– Да.

– Вас не пугают вооружённые отряды, которые стянул напуганный режим, чтобы задушить наш свободный митинг?

– Да.

– Что?!

В отличие от Антона, голем Василий на митинге не скучал.

Собственно, он вообще не знал, что такое скука, а просто работал, держась поблизости от объекта. Объект на работу – Вася на работу, объект домой – Вася домой, объект на митинг – Вася на митинг, объект поговорил со странным челом – и Вася не отказался ответить на несколько вопросов.

Но поскольку голем понимал происходящее ещё меньше Антона, отвечать он старался односложно, зная, что чела́м это нравится.

– Как вы ответили? – переспросил корреспондент.

– Да, не пугают, – вывернулся голем, сообразив, что последний ответ челу не понравился. И бросил взгляд на Буторина.

Буторин маялся неподалёку, и Вася решил не прерывать общение с говорливым челом.

– Согласен! – с энтузиазмом воскликнул корреспондент. – В конце концов, в полиции служат такие же люди, как мы с вами.

– Да, – кивнул Вася, удивляясь, что в полиции служат големы.

– Они не станут стрелять в нас!

– Да.

– Спасибо за вашу смелость! Спасибо за то, что в этот трудный час вы не побоялись выйти на улицу и сказать «Нет!» царящему в стране произволу.

– Нет.

– Что?

– Да.

Корреспондент потрепал Васю по плечу и отправился дальше, Вася вздохнул и продолжил наблюдение за объектом.

///

– Проклятье! – Егор Бесяев ещё раз посмотрел пришедшее сообщение, убедился, что фраза «Совпадение – 97 %» не изменилась, вздохнул и набрал номер Сантьяги: – Комиссар?

– Я немного занят, Егор, – вежливо отозвался нав. – Идут сложные переговоры.

– Я быстро, – пообещал директор «Тиградком». – Есть совпадение по фото на девяносто семь процентов. Ваш парень засветился в репортаже с митинга.

А это значит, что Сдемир может отыскать Буторина самостоятельно, без помощи мощнейших ресурсов «Тиградком». И если отыщет – наверняка удивится тому, что опередил Бесяева.

– Где сейчас барон? – тихо спросил Сантьяга.
– Если верить приходящей с его телефона информации – в каком-то доме в Расторгуевском переулке.
– Что за дом?
– Там живут молодые Носферату.
«Тиградком» обеспечивал Тайный Город коммуникационными услугами, и базе данных Бесяева могли позавидовать даже Великие Дома. Вампиры не могли обходиться без связи, а зарегистрировать «точку» «Тиградком» имели право только на себя, что и давало Егору подробную информацию.
– Давайте подождём, – распорядился комиссар после короткой паузы. – Посмотрим, что собирается делать барон.

* * *

коммерческое здание
Москва, Расторгуевский переулок,
3 июля, воскресенье, 18:59

Тот факт, что вампиры проигнорировали важнейшую встречу, встревожил Сдемира, и, естественно, молодой барон предположил худшее: таинственный груз перехвачен Великими Домами, которые разгадали замысел Ярги и теперь убирают исполнителей, круша тщательно выверенный план предстоящей бойни, но при этом... но при этом Сдемир всё равно должен был отправиться к Адаму Носферату и лично разузнать, что случилось с фургоном. Ярга не прощал пренебрежительного отношения к своим приказам, и если выяснится, что Сдемир даже пальцем не пошевелил, чтобы выправить ситуацию, последствия для него будут печальными.

Барон отправился на Расторгуевский, но сопровождал своё появление в логове Носферату максимальными мерами предосторожности.

Ну теми, какие мог обеспечить с помощью артефактов, не обращаясь к ведьмам.

Оставив машину в Столярном, они с Лобаном дворами добрались до переулка, пустив перед собой искусно сделанного голема-воробья – птичку-разведчика, настроенную на обнаружение магов и работающих заклинаний. Ни того ни другого замечено не было, но при этом рядом со зданием не наблюдался и грузовик, хотя Ярга предупредил, что прибудет семитонный фургон. А самое главное – Адам сообщил, что курьеры уже на месте.

– Нам нужно в подвал, – тихо сказал Сдемир, глядя на вьющегося над крышей голема-воробья.

– Нашего разведчика легко обмануть, – так же негромко напомнил штаб-сотник. – У воробья очень слабая защита от искажений, и сильный маг легко от него спрячется.

– Знаю...

– И всё равно пойдём?

– Если там засада, скажем, что получили анонимный звонок с указанием этого адреса, – ответил Сдемир.

– Понял.

– После чего ты замолкаешь, а говорить буду только я.

Если в подвале их ждёт засада, барон собирался отделаться коротким объяснением, после которого начать апеллировать к своему положению, а если станет совсем плохо – с помощью портала бежать в Зелёный Дом под защиту Всеведы, но этого... но этого не потребовалось, поскольку в подвале людов ждали не гарки или рыцари, а пустая одежда и остатки вампиров.

– «Протуберанец», – со знанием дела произнёс Лобан, присаживаясь на корточки. – Правда, не очень мощный. Второй уровень.

– То есть не артефакт?

– Нет, это заклинание слепил средненький маг.

– И действовал «Протуберанец» недолго, – добавил Сдемир, безглаголиво разглядывая недожаренные ошмётки масанов.

– Но кровососам хватило.

– Хватило...

Судя по одежде, в комнате находились три масана: Адам и двое неизвестных, видимо, курьеры. Нападения не ждали – шлемы, перчатки и куртки валялись у входа, сами вампиры пребывали в разных местах комнаты: двое у стола, третий, видимо, шёл к бару. Выпивали? Да, есть грязные бокалы и пустая бутылка. Но кто их убил?

– «Протуберанец» возник здесь, – штаб-сотник указал на центр комнаты. – Хотя... – Он прищурился, просчитывая силу удара, и качнул головой: – Нет, чуть левее, чтобы вспыхнуть строго между кровососами.

«Что здесь произошло? Кто-то пришёл, масаны его встретили, предложили выпить, а он их атаковал? Но зачем?»

В последний вопрос «Зачем?» и упёрлось быстрое и не особенно вдумчивое расследование барона.

Зачем?

Если бы Великие Дома пронюхали о готовящейся бойне, они взяли бы

Адама с курьерами для допроса, а тут устроили засаду.

«И сейчас я уже объяснялся бы с гарками...»

А значит, в логове Носферату произошло что-то другое.

«Девка!»

Барон вспомнил разметающуюся по столу *корову*, которую видел во время прошлого визита, и задумчиво почесал кончик носа.

Возможно ли, что девка повздорила с масанами и убила их? Возможно. Вампирам только кажется, что управляться с *коровами* легко, в действительности эксцессы не были редкостью: от недостатка дозы или из-за сильного потрясения у жертв случались минуты просветления, во время которых слетала пелена эмоционального дурмана и *коровы* осознавали себя во всей неприглядности. Некоторые напивались, другие сходили с ума или кончали жизнь самоубийством, а самые сильные набрасывались на хозяев.

С разными последствиями.

«Видимо, девка оказалась ведьмой и убила придурков, но... но зачем угонять грузовик? Устроить дополнительную пакость? Кому? Мертвецам? Или эти дебилы распустили языки, *корова* поняла, что они затевают, и решила выдать их Великим Домам?»

Последнее предложение грозило крупными неприятностями, но... но только в том случае, если девка отправится в Орден или в Тёмный Двор.

«А что ей там делать? Скорее всего, *корова* побежит во дворец, и я заберу груз после объяснений со Всеведой...»

Однако пускать дело на самотёк Сдемир не собирался и потому повернулся к спутнику:

– Лобан!

– Да, барон?

– У Носферату была *корова*. Пожалуйста, собери её генетический материал, и пусть фата Рута проведёт поиск.

– Да, барон.

– Но не говори, кого мы ищем и с какой целью.

– Я не знаю, с какой целью, – улыбнулся штаб-сотник.

– Тогда не говори кого, – улыбнулся в ответ Сдемир.

* * *

Южный Форт,

штаб-квартира семьи Красные Шапки

Москва, Бутово, 3 июля, воскресенье, 19:24

- Ты зачем здесь?
- Урбека верни!
- Урбек, зачем ты этого вместо себя поставил?
- Пошёл вон!
- Не нравится он нам!
- Народ против!

Дуричи восприняли появление на трибуне Абажура без восторга, ясно дав понять, что этот «приёмник» им неинтересен. Зато родные Гниличи не подвели, дружно затянув кричалку:

– Пусть приходит Абажур – с ним у нас не будет дур! – выразительно поглядывая на Маманю и Соплю и сопровождая кричалку соответствующими жестами в их направлении. Жесты настолько соответствовали репутации Сопли, что не казались оскорбительными.

Представители третьего клана – Шибзичей – забаррикадировались в своей казарме, вплотную примыкающей к фюрерской башне, и робко надеялись, что одноглазый вопреки распоряжению Урбека передумает умирать или назначит вместо себя Копыто, дурака такого, который неизвестно где шляется в столь важный для семьи момент.

В общем, Шибзичи прятались, а остальные с упоением вели политическое мероприятие по назначению следующего лидера нации.

– Братья и сёстры! – поднатужившись, прокричал Абажур и тут же присел: усилители оказались настроены на негромкий голос Урбека, и из мощных динамиков вырвался такой рёв, что некоторые дикари схватились за оружие. Остальные попытались бежать, но передумали, увидев многозначительное движение пулемётной башни.

Техники быстро подстроили аппаратуру, и Гнилич продолжил:

– Братья и сёстры! Вы все знаете, как я люблю нашего великого фюрера...

Но память народная оказалась гораздо крепче, чем ожидал Абажур, и в ответ он услышал саркастическое:

- Ты против Кувалды бунтовать подговаривал!
- И говорил, что он зажился!
- И что ты умнее!
- Себя пропихивал!
- Куда он себя пропихивал?
- Вообще!
- Вот гад!

– Я обожаю нашего великого фюрера, – вернул себе слово Абажур, изо всех сил стараясь фокусировать своенравные глаза на публике. – Я всегда

был ему другом и поддержкой! Я шёл за ним на все великие битвы...

– Это когда фюрерскую башню штурмовали? – ехидно уточнила Маманя. – Да, ты за ним шёл... ты его искал тогда... чтобы повесить!

Дуричи заржали.

– И однажды, когда пушки грохотали над головой, а мы стояли посреди кучи умирающих магов и падающих с неба драконов, великий фюрер сказал: «Если я сейчас умру, я умру спокойно, поскольку знаю, что дальше нашу великую семью поведёшь ты, Абажур»...

– Враньё!

– Туфта!

– ...из его единственного глаза покатилась единственная слеза...

– А что, Кувалда уже умер?

– Вроде нет.

– Тогда почему он плачет?

– Кто?

– А из кого слеза?

Народ запутался, но стоящего на трибуне Абажура это не трогало. Он старательно зазубрил вбитые Асидом тезисы предвыборной программы и теперь по мере сил излагал их сородичам:

– Клянусь! Я остановлю разгул кровавых репрессий и сделаю свободу слова!

– Кому?

– Будете у меня говорить всё, что захотите!

– Да мы и так не молчим!

– Не будет вам приёмника лучше меня!

– Преемника! – со смехом поправила оратора Маманя Дурич.

– И его тоже не будет! – отрезал распалённый Абажур.

///

– Неплохо выступает, да? – улыбнулся Урбек, кивнув на прыгающего по трибуне уйбуя. – Даже меня проняло.

– Проняло? – не сдержался Майно. – До печёнок, надеюсь?

– До печёнок ему ещё далеко, но позабавить меня смог, – тут же отозвался Кумар, довольный тем, что близнецы начали хоть что-то отвечать. – Хороший клоун, можно чела в аренду сдать.

– Вот и отвезли бы его в цирк.

– А я где, по-вашему?

– В цирке зрители деньги платят, – ляпнул Лебра.
– Ну погодите ещё, – вновь улыбнулся Урбек и тем заставил братьев поперхнуться.

Над столиком переговоров вновь повисла тишина.

Запустив на трибуну Абажура, Кумар покинул «пропагандистский фургон», бесстрашно пересёк двор и поднялся на подиум, с которого на него без восторга глазели близнецы Томба. Кувалда к этому времени скрылся в фюрерской башне, сообщив на прощанье: «Осаду она выдержит, не впервой, так что отобьюсь, а утром перевешаю смутьянов», и шасы остались наедине. Урбек поднялся и вежливо поздоровался. Не удивился отсутствию ответа и попытался затеять светский разговор, поинтересовавшись самочувствием мамы. Тоже безрезультатно. Но не расстроился, поскольку знал, что эмоции обязательно улягутся – ведь речь планировалось вести о деньгах.

– Я, между прочим, сразу понял, что вы – весьма перспективные ребята, – зашёл с другой стороны Кумар. – А ты, сынок, понравился мне при самой первой встрече...

– Я помню, что вы мне говорили пару дней назад, – язвительно ответил Майно. – И даже записал самые интересные эпитеты.

– Учиться всегда полезно. Не знаю, чем ты планируешь заниматься, но в жизни тебе пригодятся не только вежливые обороты.

– Я записал, чтобы не забыть...

– Как я тебя проверял? – перехватил инициативу Кумар. – Говорю же: правильно сделал. Чем жёстче приём на работу, тем дольше будет длиться сотрудничество.

– Вы меня проверяли?

– Неужели ты не догадался? – всплеснул руками Урбек. – Неужели ты мог подумать, что я предложу партнёрство первому встречному?

– О каком партнёрстве идёт речь? – изумился Лебра.

– Я решил войти в «ЭлектроБарыгу» и помочь вам встать на ноги, – скромно ответил Кумар.

– «ЭлектроБарыга» не нуждается в инвесторах, у нас всё хорошо.

Настала очередь удивляться Урбеку:

– О каких инвестициях идёт речь?

– О ваших?

– Сынок, – улыбнулся Кумар, – я ничего не говорил об инвестициях, я лишь скромно заметил, что вашему проекту кровь из носа не хватает старшего партнёра...

– Что?!!

– И лучшей кандидатуры, чем я, вам попросту не найти.

– Старший партнёр?! – Лебра до сих пор не мог поверить своим ушам.

– А ты как думал? – продолжил удивляться Кумар. – Кто-то ведь должен учить вас уму-разуму.

– Кто-то примчался сюда, потому что вот-вот всё потеряет, – язвительно возразил Майно.

– Кто-то ничего не потеряет, потому что следующий великий фюрер объявит вашего «ЭлектроБарыгу» враждебным, а то и вообще запретит электричество, – язвительно парировал Урбек.

– Как это запретит электричество? – не понял Лебра.

– Своим указом, – объяснил старик. – Скажет, что его нельзя, и выключит рубильник.

– И что? – продолжил тупить Лебра.

– Ничего, – пожал плечами Кумар. И кивнул на толпящихся у трибуны дикарей: – Вряд ли кто-нибудь из них заметит изменения.

Бриться Красным Шапкам не требовалось, читали они только днём и только вывески, а освещение «Средства от перхоти» можно было объявить магическим. По всему выходило, что Урбек прав: запрет электричества особых неудобств дикарям не принесёт. Ну, разве что смартфоны придётся заряжать в кабаке или в городе.

– Хватит нас пугать, – пробормотал один из совладельцев «ЭлектроБарыги».

– Я ещё не начинал, – улыбнулся Кумар.

– А когда начнёшь?

– Мне нужно восемьдесят процентов...

– Ни за что!

– Вы ещё не поняли, что ваш бизнес потерян?

– Дядя Серис не позволит так поступить с нами, – выложил Майно свой последний козырь. – Мы представляем Великий Зелёный Дом!

Но козырь оказался бит быстрее, чем швед под Полтавой.

– Сынок, слышала бы тебя сейчас твоя мама, – вздохнул Урбек, глядя на старшего близнеца с притворным сожалением. – Как ты можешь представлять Зелёный Дом, если ты – шас?

– По контракту.

– Контракт контрактом, но сейчас у нас идут важные внутрисемейные переговоры, и люди не имеют к ним никакого отношения.

– Мы говорим о деньгах... – начал было Лебра.

Но закончить не сумел.

– Вот, – обрадовался Урбек, – первое умное замечание с вашей

стороны. Зачем ты приплетаешь людов к нашему золоту?

– Мы говорим о деньгах, которые ты хочешь у нас отнять, – всё-таки завершил мысль младший близнец.

– Не отнять, а дать, потому что двадцать процентов – это больше, чем ничего, – хихикнул Кумар.

– Сейчас мы имеем всё, – напомнил Майно.

– Это ненадолго.

– Правда?

– Давайте послушаем второго кандидата в преемники, – предложил старик. – Потом выберете, какой вам больше понравился, и я его назначу. А ещё потом ваш «ЭлектроБарыга» станет историей.

Близнецы уныло переглянулись.

///

Честно говоря, Абажуру не хотелось покидать трибуну: он только-только вошёл во вкус, почуял, что его пронзительной речью о том, как всё будет хорошо, заинтересовались Дуричи с Шибзичами, и в мечтах уже видел себя в фюрерской башне: и внутри, во главе совещательного стола, и снаружи, в виде большого парадного портрета на стене, как вдруг услышал «Слезай!» и загрустил. Хотел взбрыкнуть, отказаться и продолжить выступление, но увидел быстрый взгляд хвана, понял, что лучше не противиться неизбежному, и покорно сошёл с трибуны.

На которую немедленно взобралась Маманя Дурич.

– Воины! – заверещала она так, что техникам пришлось вновь подстраивать аппаратуру. – Мои дорогие великие воины!

Лозунг на борту пропагандистской машины быстренько сменился, и теперь на LED-панелях то и дело появлялась надпись: «Наш СопляК – наш маяк!» – перебиваемая изображением лыбящейся в объектив Сопли.

– Великие воины Красных Шапок! Я горжусь вами!

– Эка невидаль... – начал было Утюг, но следующая фраза Мамани заставила заткнуться и его, и прочих скептиков:

– Я заставлю королеву поднять квоту на грабёж в два раза! – Народ шумно выдохнул. – Больше никаких санкций!

И расстроенный Абажур в полной мере осознал смысл фразы «зайти с козырей».

– Это как это ты её заставишь?! – крикнул Утюг.

– Мы договоримся, – пообещала Маманя.

– Как?

– По-женски.

Красные Шапки, которые в данный момент были представлены в основном самцами, задумались.

– Но это не всё! – продолжала ковать железо напористая Дурич. – В Тайном Городе есть три Великих Дома! Но это несправедливо. Почему всего три? В какой методичке написано, что их должно быть три? Наша цель – Дом-4!

От такой перспективы народ окончательно притих, пытаясь подсчитать все возможные плюсы. Плюсов оказалось так много, что учёту они не поддавались, поэтому примерно через пять минут народ начал реветь «Ура!» и радоваться:

– Дом-4!

– Да!

– Кандидат СопляК – ваш ведущий в Дом-4!

– Да!

– Нравится это кому-то или нет!

– Да!

– В Тайном Городе будет Великий Дом-4!

– Да...

– На каждом углу будет Дом-4! – неожиданно завопил из окна третьего этажа Штекер Гнилич и принялся разбрасывать по двору наспех отпечатанные листовки с фотографиями кандидата в преемники. – Смотрите, что ваша Сопля Кувалдовна вытворяла!

– Ну и что? – не поняла Сопля. – Не твоя, вот ты и бесишься! Завидно? Так и сиди! Не умеешь – не суйся! Я сама разберусь!

– С чем? – растерялся Штекер, продолжая тем не менее разбрасывать по двору листовки.

– С тобой разберусь, дурак! И Абажур твой – дурак! И ко мне клеился!

– Ничего я к тебе не клеился! – возмутился Абажур.

– А когда трезвый был?

– Никогда я трезвым не был!

– Да ты на себя посмотри! – усилила напор СопляК. – Ты и сейчас трезвый, перед народом неудобно.

– Да я... да мы... да как ты... Вот совести у тебя нет! – С этими словами Абажур выхватил из кармана плоскую бутылку дешёвого виски и опустошил её одним мощным глотком. – Довольна?

– Вы только посмотрите, какую дрянь пьёт наш якобы будущий фюрер! – заверещала в ответ СопляК. – Неужели мы доверим штурвал

нашей великой семьи не мне, молодой и красивой, а этому мшистому пню? Посмотрите на мои фотографии! Все посмотрите! Они ведь у вас! У кого есть в телефонах – показывайте соседям! Все показывайте! Мне скрывать нечего...

– А ты на них ничего и не скрываешь!

– Потому что я молодая и красивая! А вы завидуйте!

СопляК схватила с земли листовку и потрясла ею перед носом ошалевшего Абажура.

///

– Я думал, Асид не успеет напечатать материалы, – рассмеялся Кумар. – Но в этих фургонах есть даже мини-типография, так что всё в порядке.

– Что в порядке? – не понял Майно.

– Политический процесс развивается согласно утверждённому плану, – объяснил Урбек. – Скоро будет кульминация.

– Какая?

– Зависит от вас, – пожал плечами старик. – Или мы тут устраиваем небольшую революцию со сменой власти, или оставляем всё как есть.

– Как есть? – растерялся Лебра. – А митинг? А кандидаты? Все считают, что Кувалда при смерти и ему срочно нужен преемник. Как это можно остановить?

– Забудут, – отмахнулся Кумар.

– Кто?

Вопросы близнецов казались умудрённому опытом шасу за пределами глупыми, но он понимал, что, по сути, имеет дело с детьми, и старался отвечать предельно спокойно и предельно понятно.

– Сынки, это ещё один момент, почему вам не следует лезть в управление красноглавой массой: вы хорошие менеджеры и предприниматели, но ничего не смыслите в дикарях. Они кажутся вам слишком примитивными...

– А разве это не так? – не сдержался Майно.

– Так, – подтвердил Урбек. – Но даже с амёбой нужно хитрить, хотя она умеет только делиться. А вы ведёте себя слишком просто и одновременно – как снобы и потому рождаете проблемы на ровном месте. Это толпа... – Старик бросил взгляд на разогретых СопляК дикарей. – Не показывайте, что вы её презираете, но не позволяйте себе испытывать к ней

уважение, потому что толпа – что Шапок, что челов, что чудов или людов – это не сумма собранных в одном месте интеллектов, а тупая и грязная глина, из которой вы должны слепить то, что вам нужно.

– Как всё это относится к моему вопросу? – поинтересовался Лебра.

– Они обо всём забудут, – с улыбкой повторил Урбек. – Сейчас мы запустим «ЭлектроБарыгу», устроим локальный джек-пот, ну, продадим чью-нибудь партию шнурков по сотне за штуку, и они молниеносно забудут о политике, преемниках и прочих сложных материях. Их просто нужно отвлечь.

– И они отвлекутся?

– Да.

– И позабудут всё это? – прищурился Майно.

– Да.

– Но почему?

– Потому что они – дикари.

И больше ничего объяснять не требовалось.

Шасы помолчали, глядя на митингующих Шапок, после чего Лебра спросил:

– Что будет с кандидатами?

– Зависит от Кувалды, – ответил старик. – Абажура, возможно, пристрелит через неделю, а на Сопле женится.

– Она же его дочь!

– Я тебя умоляю, – вновь рассмеялся Кумар. – Ты действительно поверил Мамане?

– Лебра пошутил, – вступился за наивного брата Майно. – А теперь давай вернёмся к делам.

– Последнее предложение, – похолодевшим тоном произнёс Урбек, вцепившись взглядом в подобранных близнецов. – Я забираю семьдесят процентов и полный контроль над бизнесом.

– Предлагаю сорок, – отрезал старший брат. – И будет ряд дополнительных условий.

– Твоя мама может тобой гордиться, – хихикнул Кумар.

– Поговорим об этом после подписания контракта.

– Я могу дать вам тридцать два процента...

* * *

отель «Империя Сити»

Москва-Сити, башня «Империя», 55-й этаж,

3 июля, воскресенье, 20:03

– Немыслимая дерзость! – Захар был настолько возмущён, что практически прокричал эту фразу. – Что они себе позволяют? Как можно подумать, что истинный кардинал откажется от Амулета?

– Мы знали, что они выставят неприемлемые условия, – напомнил комиссар, бросив взгляд на дверь.

К счастью, Захар прокричал свою тираду после того, как Сантьяга и его соратники заперлись в номере Бруджи, и даже если бы в коридоре оказался кто-нибудь из непримиримых, он бы ничего не услышал.

– Неприемлемое условие? Это наглость!

– Всё в порядке, дорогой. – Клаудия ободряюще улыбнулась мужу и перевела взгляд на Сантьягу: – Они тянут время?

– Безусловно.

– Их линия поведения стала ясна с самого начала, – кивнул епископ Треми. – Но это предложение...

– Это предложение – один из способов потянуть время, а заодно – вывести тебя из равновесия, – мягко перебила епископа Клаудия. – Непримиимые ждут заката.

– Безусловно, – повторил Сантьяга. – И судя по тому, с каким тщанием они изображают готовность к сотрудничеству, нас ждёт грандиозный удар, а не мелкая провокация.

– Как мы и думали, – вздохнул Треми.

– К сожалению.

– Вы не кажетесь разочарованным, комиссар, – скуппо обронила истинная кардинал.

– Всё в порядке, Клаудия, я готов к такому развитию событий, – спокойно ответил Сантьяга.

Настолько спокойно, что получилось равнодушно. По-масански холодно и равнодушно. Комиссар готовился к подобному развитию событий, и его совершенно не задевало, что должно было произойти.

– Погибнет множество охотников, – тихо проговорила Клаудия.

– Они явились в Тайный Город, чтобы убивать.

– Потому что верят тем, кто их ведёт.

– Потому что их убедили, будто постоянная необходимость убивать ставит семью Масан выше остальных, – парировал Сантьяга. – А самое главное – потому что надеются остаться безнаказанными. Вы ведь знаете, Клаудия, что, если бы непримиримые ожидали отпор... Даже не такой, какой мы приготовили, а просто – отпор, какой бы они получили,

организовав внезапное нападение на Тайный Город, они никогда не собрали бы достаточно сил для удара. Никогда. – Захар вздохнул, но перебивать нава не стал. – Охотники идут не сражаться, а убивать. Идут, потому что им пообещали полную безнаказанность.

– Тёмный Двор не всегда бьёт в лицо, – ответила Клаудия, глядя Сантьяге в глаза.

Тот грустно улыбнулся:

– Но Тёмный Двор всегда готов к сражению: и когда бьёт в спину, и когда в спину готовятся ударить его. – Пауза. – Я ответил на ваш вопрос?

Клаудия промолчала, но голос неожиданно подал Захар:

– До сих пор любой удар по Тайному Городу так бы и остался просто ударом, – протянул епископ, отвернувшись к окну. – Возможно, он вошёл бы в историю, возможно, заставил бы жителей Тайного Города содрогнуться от ужаса, естественно, вызвал бы ответные походы очищения, но он не имел бы никакого смысла. Нападение, даже массированное, не могло ничего поменять.

– Ярга дал масанам смысл. – Сантьяга понял, куда клонит Треми.

– Охотники поверили, что Великие Дома можно поставить на колени, – продолжил Захар. – Они верят, комиссар, они верят. Поэтому и пришли.

– И ещё они верят, что семье будет лучше без истинных кардиналов, – произнёс нава, мягко напомнив собеседникам, что воины, о приближающейся гибели которых грустят собеседники, их не пожалеют.

– Так думают кардиналы, – попыталась отбиться Клаудия. – Масаны чтят истинных.

– Но решения принимают кардиналы, – парировал Сантьяга. – А Дэвид чётко дал понять, что не намерен стоять во втором ряду. Остальные его поддержали, поэтому Ярга позволит устранить последнего истинного кардинала.

– Или мы заключим сделку.

– Сомневаюсь, говоря откровенно, – вздохнул комиссар. – Скажу больше: все кардиналы, которые здесь собрались, – мертвы.

– Я знаю, что вы их убьёте.

– Не я, а Ярга, – покачал головой Сантьяга. – Даже если предположить, что их безумный план удаётся, Тайный Город ввергнут в хаос и Ярга триумфально крушит Великие Дома – все эти кардиналы мертвы. Ярга немыслимо силен и не боится личной конкуренции, но, несмотря на то что было в прошлом, он любит и будет любить только навов и постепенно ослабит все остальные семьи до положения рабов.

– Звучит фантастично, – не сдержалась Клаудия.

– Это будет фантастично до тех пор, пока навы не согласны с таким подходом, – веско ответил Сантьяга. – И молитесь, истинный кардинал Бруджа, чтобы те принципы, которые иерархи вкладывали в Стрелы Тьмы после ухода первого князя, не дали трещину. Ибо они – единственное, что стоит сейчас между Яргой и мировым господством. Навы не хотят большой войны. И пока это так – Ярга не сможет получить Землю.

Комиссар Тёмного Двора не был замечен в склонности к бессмысленному пафосу, поэтому его заявление масаны выслушали предельно серьёзно.

– А как же другие Великие Дома? – поинтересовался Захар.

– Зелёный уже принадлежит первому князю, а его самые сильные ведьмы – в могиле, – тут же ответил нав. – И на примере зелёных можно понять, как Ярга поступит с чужаками... – Сантьяга посмотрел на Бруджу: – Первый князь не станет с вами церемониться, Клаудия, ни с вами лично, ни с вашей семьёй. Он стравит кланы, доведёт популяцию до безопасного уровня, а потом... либо оставит, в качестве пугала для остальных, либо прикончит.

– Почему?

– Потому что вас не любят.

Ответ прозвучал жёстко, но честно. Как принято у друзей.

И вызвал у Клаудии сдержанную улыбку:

– Вы тоже?

– Мы принципиально не ведём войн на уничтожение, – спокойно ответил Сантьяга. – Не вторгаемся в замысел Спящего, и вы... вы не представляете для нас естественной угрозы, Клаудия. – Лёгкая усмешка. – Скорее, наоборот.

– Пожалуй.

Они помолчали, а затем комиссар негромко предложил:

– Давайте сделаем так, как договорились.

И масаны не стали спорить.

– У вас всё готово? – осведомилась Клаудия.

– Да.

– И... – Бруджа запнулась. – У вас действительно получится?

– Да.

Клаудия посмотрела на Захара. Тот подошёл и взял жену за руку:

– Другого выхода нет.

Она улыбнулась:

– Я знаю, – и кивнула Сантьяге: – Я готова.

Хотя было видно, что женщина не испытывает радости от того, что ей предстоит.

Нав набрал номер, сказал в телефон пару слов, и меньше чем через минуту в комнату вошла Клаудия. В точно таком же платье. С точно такой же причёской. С тем же набором драгоценностей, и лишь на груди двойника отсутствовала важнейшая деталь туалета.

– Кардинал... – Комиссар чуть склонил голову.

– Да, конечно. – Клаудия знала, что увидит своё отражение, но не ожидала, что метаморф скопирует её идеально, не забыв даже малюсенький, совершенно незаметный шрам под правым ухом. – Пожалуйста.

И сняла с шеи цепь с Алым Безумием. Но не отдала. Не смогла сразу отдать. Замерла, держа сокровище в руке, и посмотрела на себя... то есть на свою копию.

– Вы уверены, что Амулет вас примет?

– Сейчас я – это вы, – спокойно ответила Анна.

– Помните каплю крови, которую мы просили? – улыбнулся Сантьяга.

– Действительно...

Бруджа помнила каплю, помнила их договорённость, знала, что другого выхода нет, но не могла заставить себя отдать величайшую драгоценность, принадлежащую её роду на протяжении тысячелетий.

– Пожалуйста, положите Амулет на стол, – попросила метаморф.

– Почему?

– Вы не можете отдать Алое Безумие себе самой. Он этого не поймёт.

Клаудия вздохнула и медленно положила сокровище. Через несколько секунд Анна осторожно прикоснулась к рубину и, убедившись, что опасности нет, уверенным жестом надела цепь на шею.

– Всё в порядке.

– Захар, пожалуйста, сопроводите истинного кардинала в зал, – попросил Сантьяга.

Епископ Треми галантно распахнул перед Анной дверь.

– Клаудия, позвольте сопроводить вас в мои апартаменты. – Теперь комиссар смотрел на Бруджу. – Там абсолютно безопасно.

– Абсолютно? – улыбнулась масана, глядя, как за мужем закрывается дверь.

– Абсолютно, – серьёзно подтвердил нав. – Я дал слово Захару, что ни один волос не упадёт с вашей головы, и подготовил идеальное убежище.

Москва, проспект Сахарова,

3 июля, воскресенье, 20:06

- Нет коррупции! – рявкнул заводила.
- Нет коррупции! – дружно поддержали его участники шествия.
- Нет насилию!
- Нет насилию!
- За нашу свободу!
- За вашу свободу!
- Слава России!
- России слава!

Шествие началось сразу после митинга – как было обещано, организаторы направили толпу вверх по проспекту, а возглавлял колонну едва ползущий «пропагандистский фургон», из которого и вещали заводилы. Продолжение акции не было обязательным – многие участники митинга отправились к ближайшим станциям метро, разумно рассудив, что свой долг демократии они отдали, а завтра на работу, поэтому нужно отдохнуть и выспаться. Но большая часть людей решила продолжить акцию и двинулась к Мясницкой. Да и погода благоприятствовала организаторам: тёплый день сменился тёплым, но не душным вечером, который так хорошо занять неспешной прогулкой по улицам города.

///

– Ванда, ты уверена, что сможешь организовать беспорядки точно по графику? – спросила Всеведа, наблюдая за растянувшимся по Сахарова и Мясницкой шествием.

Сейчас в столице работали несколько дронов и полицейский вертолёт, видео с которых поступало в Московское управление. К его сети и подключились операторы Великого Дома Людь и транслировали картинку на гигантский, во всю стену, экран оперативного центра Зелёного Дома.

Собственный парк летающих разведчиков у зелёных тоже имелся – на крышах домов ждали своего часа двадцать скрытых мороком дронов, но они взлетят чуть позже, когда Ванде потребуются детальное понимание происходящего и возможность лично управлять действием разведчиков.

– Почему вы спрашиваете?

– Толпа кажется мирной.

Челы даже не шли, а скорее тащились по улицам в режиме «прогулка», с остановками на то, чтобы покричать, посмеяться, помахать флагами и даже станцевать. Или посмотреть на кричащих и танцующих. Подобные кадры чередовались от монитора к монитору и создавали ощущение полнейшего, весьма расслабленного праздника. То есть совсем не то ощущение, которое требовалось Всеведе.

– Сейчас толпа мирная, – уточнила воевода «секретного» полка, вставая рядом с Берегиней. – Но там находятся грамотные специалисты, умеющие плавно вести челов от благодушия к агрессии, а им в помощь я отправила несколько наших агентов с гипнотическими артефактами. Так что не волнуйтесь, Ваше величество: беспорядки начнутся точно по графику.

– Артефакты? – нахмурилась Всеведа. – Их можно будет связать с Зелёным Домом? Я не хочу, чтобы кто-то заподозрил, что мы стоим за человеческими беспорядками.

– Никто ничего не заподозрит, – качнула головой Ванда. – Я распорядилась выдать агентам артефакты чудского производства, купленные у контрабандистов в Берлине и Лондоне. Так что, если начнётся расследование, ещё и шасам прилетит.

– Это хорошо.

– Спасибо, Ваше величество.

Выборы ещё не состоялись, и формально Всеведа не имела права на титул, но все знали, как Берегиня трона жаждет короны, и почтительным обращением показывали, что не сомневаются в её успехе.

– Когда ты планируешь начать?

– Минут за сорок до заката, – прищурившись, ответила воевода. – Я хочу, чтобы полицейские втянулись в бой, но не успели его подавить.

– Я полагаюсь на тебя, Ванда.

– Да, Ваше величество.

///

«Надеюсь, в этом будет смысл, – думал Антон, следуя за толпой. – Будет обидно потратить время зря...»

Скука, которая овладела Буториным во время тягуче-говорильной части митинга, стала сменяться раздражением. Разбуженный Шерой зверь требовал крови, капризно нащёптывая, что, если бы не дурацкая затея, они

бы уже обязательно кого-нибудь убили, и противиться этому шёпоту становилось всё труднее. Точнее, шёпот постепенно превращался в недовольное рычание, доводя до исступления. Антону хотелось действия, хотелось тех самых беспорядков, в надежде на которые он отправился в центр города, но они всё не начинались. Хотя Буторин чуял – будут.

Обязательно будут.

Он подмечал молодых мужчин и женщин в куртках одинакового цвета: они держались порознь, старались не приближаться друг к другу, но вновь обретенное чутьё подсказывало Антону, что между ними есть связь. Он видел крепких, держащихся устойчивыми группами парней, явно не испытывавших никакого интереса к ораторствующим трибунам, скучавших, как Буторин, и оживившихся с началом шествия. Он обратил внимание, что щекастые «мальчики» и потасканные «девочки», знаменующие собой «трибунов демократии», исчезли, уступив свои места активным, но неизвестным широкой публике заводилам.

И все эти обстоятельства заставляли Антона терпеть и ждать.

«Всё будет, – сказал он своему зверю. – Ещё чуть-чуть...»

* * *

Москва, Столярный переулок,

3 июля, воскресенье, 20:47

– С минуты на минуту начнётся активный этап беспорядков, – произнесла Всеведа.

– Догадываюсь, – коротко отозвался Сдемир. – Я слежу за происходящим онлайн.

И замолчал.

– И всё? – холодно осведомилась женщина.

– Всё, – подтвердил барон, не особенно понимая, чем недовольна Берегиня.

– Я думала, что во время акции ты будешь находиться во дворце.

– Зачем?

– События могут начать развиваться непредсказуемым образом, и я планировала, что ты возглавишь мой личный резерв, – объяснила Всеведа, с трудом сдерживая негодование. – Ведь ты один из тех, на кого я могу положиться абсолютно во всём. Тебе не надо ничего объяснять.

Не надо объяснять, что Всеведа в действительности является сторонницей Ярги и в первую очередь сражается за его интересы. О

заключённом договоре знали немного ведьм, и каждая смерть пробивала серьёзную брешь в рядах заговорщиц. Сейчас Берегиня могла рассчитывать лишь на семь колдуний и собиралась отправить Сдемира на устранение Снежаны... Не одного его, разумеется, собственно убийство совершат опытные фаты из «секретного» полка, но барон должен был там оказаться, чтобы запачкаться ещё сильнее...

– К сожалению, сейчас я не могу вернуться во дворец, – вежливо ответил Сдемир, поставив крест на замысле Берегини.

– Почему?

– Нужно закончить важное личное дело.

– Насколько важное?

Но надавить на барона не получилось: молодой люд решил, что Всеведа просто желает продемонстрировать свою власть над ним, и не собирался поддаваться:

– Всеведа, я нахожусь в Тайном Городе и остаюсь на связи. При необходимости готов явиться по первому зову, но находиться во дворце у меня возможности нет.

Прозвучало очень вежливо, но по сути – на грани дерзости.

Тем не менее пришлось принять.

– Хорошо... – Всеведа оборвала связь и посмотрела на Ванду: – Пожалуйста, пусть твои подчинённые узнают, где находится Сдемир, и присматривают за его передвижениями.

– Да, Ваше величество, – поклонилась воевода «секретного» полка.

– Что же касается Снежаны, то её дело придётся поручить Иле.

– Да, Ваше величество.

– Что же касается Сдемира... мы ещё вернемся к обсуждению его наглости... – Всеведа улыбнулась.

И подумала, что с удовольствием бы задушила дерзкого щенка голыми руками.

С большим удовольствием.

///

Отключив телефон, Сдемир вернулся к планшету, с помощью которого вел сетевой разговор с Имрой Луминаром, командиром пробравшейся в Тайный Город группы прикрытия. Имра рассредоточил бойцов среди сочувствующих масанов и должен был обеспечивать силовую поддержку до заката, то есть пока основной десант не сможет действовать в полную

силу и решать все возникающие проблемы.

Разрабатывая план операции, Ярга особо предупредил Имру, что приказы Сдемира имеют наивысший приоритет, и масан отнёсся к звонку барона предельно серьёзно. Но всё равно не удержался от ироничного вопроса:

– Я правильно понял, что твоё «важное личное дело» – это и есть та самая кошмарная проблема, суть которой ты не успел мне объяснить?

– Правильно, – подтвердил Сдемир.

– Рассказывай.

– Груз пропал.

– Сочувствую. – Имра, как, впрочем, и все связанные с таинственным фургоном курьеры, не имел никакого представления о том, что они везут в Тайный Город, зато твёрдо знал, что в данном случае проблема возникла не по его вине, и позволил себя слегка расслабиться. – У тебя серьёзные неприятности.

– Это у тебя серьёзные неприятности, – с нажимом ответил Сдемир. – Груз пропал до того, как очутился в моих руках. Курьеры и твой связной убиты, видимо, кто-то оказался ненадёжен.

– Кто?

– Ты мне скажи.

– Гм... – Имра понял, что хитрому люду удастся переложить на него часть вины за случившееся, и вздохнул: – Чего ты хочешь?

– Я попытаюсь выяснить местонахождение груза, – отрывисто ответил Сдемир. – Постараемся его перехватить.

– Сколько нужно воинов?

– А сколько ты сможешь дать?

Имра бросил взгляд на часы, прикинул, что до захода солнца осталось около получаса, и ответил:

– Десять.

– И ещё десять держи в резерве, – распорядился барон. – У тебя есть артефакты портала?

– Да.

– Как только я выясню, где груз, дам знать.

– Договорились.

Сдемир отключил планшет и сделал несколько шагов по тротуару, недовольный и раздражённый тем, что заурядные поиски *коровы* заняли неожиданно много времени. Как выяснилось из анализа собранного генетического материала, логово Носферату посещали несколько человеческих женщин, причём две из них, судя по результатам поиска, были уже мертвы.

Возможно – *высушены*, но барона это не касалось, ведь речь шла о каких-то челах... Третьей оказалась *корова*, служившая официанткой в «Ящеррице» и непричастная к смерти Адама, зато четвёртая...

Вновь зазвонил телефон, Сдемир, увидев высветившийся номер фаты Руты, прошептал: «Надеюсь, у тебя хорошие новости», нажал ответ и поднёс трубку к уху:

– Да?

– Мы нашли её, – сообщила ведьма. – Шера Кадецкая, я пришлю фото и досье.

Рута временно исполняла обязанности жрицы домена Кузьминки, имела высокий уровень доступа, успела прогнать результат поиска по базе Зелёного Дома и получила полную информацию на объект.

Но сейчас барона интересовало другое:

– Где эта Шера? – быстро спросил он и услышал неожиданное:

– В Южном Форте.

– Где?!

* * *

Южный Форт,

штаб-квартира семьи Красные Шапки

Москва, Бутово, 3 июля, воскресенье, 20:48

– По ходу, мотать отсюда надо, – тихо сказал Контейнер, глядя на чёрный внедорожник с пулемётной башней на крыше. – Не знаю, кто разозлил хванов, но я в натуре хочу сейчас быть отсюда подальше.

– Это понятно, – уныло ответил Копыто.

– Разворачивайся.

– Не могу.

– Почему?

– Этот дурак Иголка нас поджал.

Контейнер выглянул в окно, убедился, что уйбуй прав: прямо у ворот Форта встал прихваченный скандалистом «КамАЗ», и предложил:

– Я схожу, скажу ему, чтобы назад сдал.

– Поздно, – вздохнул Копыто. – Не выпустят.

И бросил тоскливый взгляд на окружающих машины сородичей. Он уже понял, что в семье вновь назревает междоусобица, и оставалось лишь понять – по какому случаю?

«Небось прибыль от «ЭлектроБарыги» решили поделить, а Кувалда не

позволил...»

Никаких других вариантов для начала гражданской войны предприимчивый Копыто придумать не смог, поэтому снял с предохранителя пистолет, опустил стекло водительской дверцы и поинтересовался:

– Что тут у вас? – не показывая оружие, но держа его наготове.

– Строим Великий Дом-4! – заявил стоящий справа Зюзя Дурич. – Во имя любви и процветания!

– Будем люстрировать репрессантов, – твёрдо пообещал Утюг. И его сторонники поддержали уйбуя громкими возгласами.

А самое ужасное заключалось в том, что ворота Форта закрылись, гроыхнув железным занавесом, и не было никакой возможности вырваться из ловушки.

– Где Шибзичи? – обречённо спросил Копыто, сообразив, что в лучшем случае его сейчас ограбят, а в худшем – пристрелят или удавят, благо государственная виселица уже две недели как стоит без дела.

– Заперлись твои Шибзичи вместе с умирающим фюрером.

– Боятся, что будем люстрировать, не дожидаясь морга.

– Сатрапы!

– В мусорную кучу их!

– Пусть на коленях перед народом извиняются!

Возбуждённые политикой дикари очень обрадовались появлению трёх беззащитных Шибзичей и принялись строить планы. Копыто и Контейнер, в свою очередь, готовились к худшему. Сидящий в «КамАЗе» Иголка ничего не понял, но догадался, что дело плохо, и почти собрался попытаться удрать, но ситуацию спас неожиданно появившийся Урбек.

– Копыто! – закричал Кумар, и воинственный пыл Дуричей и Гниличей молниеносно обратился в тухлую свечку. – Копыто! Очень хорошо, что ты приехал!

Уйбуй сглотнул, изумлённый тем, что знаменитый барыга сам, без подсказок, вспомнил его имя, и несмело улыбнулся.

– Привёз? – продолжил Урбек.

– Да.

– Что привёз?

– Аккумуляторы.

– Ага... – Кумар брезгливо оглядел содержимое «Армады», особенно не заинтересовался и кивнул на «КамАЗ»: – А там что?

– Понятия не имею, – честно ответил Копыто.

– Ну ничего. – И Урбек сделал знак Иголке подогнать фургон к

подиуму. – Вот заодно и узнаем.

Кумар только что заключил с близнецами выгоднейший договор, и теперь ему срочно требовался товар для первой – знаменательной – продажи через «ЭлектроБарыгу». И только поэтому он не позволил дикарям ограбить Копыто.

– Иди туда. – Урбек подтолкнул Копыто к столику и сунул в руку микрофон.

– Я ничего такого делать не умею, – испугался уйбуй, вертя в руке подозрительный предмет. Копыто с удовольствием бросил бы непонятную штуковину, но боялся нарваться на выплату компенсации жадному шасу.

– Говорить будешь, когда я скажу, – отрезал Кумар.

Стоящие во дворе дикари обидно заржали, но Копыто уже разглядел угрюмые физиономии Абажура и Мамани, приободрился: если враги мрачны, значит, всё идёт хорошо.

– Что привёз? – поинтересовался Лебра, готовясь создать страничку товара.

– Аккумуляторы.

– Весь фургон ими забит?

– Что? – переспросил уйбуй.

– Весь фургон, говорю, аккумуляторами забил?

– Не, – махнул рукой Копыто. – Что в фургоне, не знаю.

– Сколько коробок?

– Один фургон.

– Один фургон «Не знаю», – напечатал младший близнец, поглядывая на Урбека. – Какую цену поставим?

Дикари вновь захихикали, но заткнулись, когда хваны жестами велели не забывать о почтительности к высокому начальству.

Кумар, в свою очередь, нахмурился и приказал:

– Копыто, вскрой фургон.

Уйбуй с радостью положил микрофон на столик, подошёл к задней дверце, подёргал замок, огляделся, взял предложенный Контейнером ломик, ловко сорвал замок и открыл правую створку.

Лебра изумлённо вскрикнул.

* * *

**Москва, улица Мясницкая,
3 июля, воскресенье, 20:49**

Несмотря на то что Антон оставался внимательным и не выпускал из виду замеченных «активистов» в одинаковых куртках, всё началось неожиданно...

Нет, пожалуй, не так.

По мере того как шествие поднималось от Сахарова к Мясницкой, настроение людей постепенно менялось. Они продолжали скандировать лозунги, но «кричалки» становились всё злее. Они продолжали улыбаться, но улыбки стали походить на оскалы. Слышалось всё больше матерных слов. Полицейские, которых днем встречали смехом, стали вызывать раздражение.

И оно – раздражение – нарастало.

Медленно, но неотвратно, а самое главное – непонятно, из-за чего. Люди просто начали злиться, как будто сумерки съедали не только свет, но и доброе настроение. Люди стали огрызаться. А затем...

Антон не уследил за происходящим. На мгновение расслабился, выпустил ребят в одинаковых куртках из поля зрения и опомнился лишь при звуке разбитого стекла – разлетелась первая витрина. Следом – вторая. Полицейские бросились за хулиганами, но их встретили: и подготовленные боевики, и возмущённые «нападением» демонстранты. Крики, ругань и вновь – звон разбитого стекла. Кто-то зажёл файер, ещё один и ещё... Завыли сирены, заработал громкоговоритель, предлагая успокоиться и прекратить беспорядки, зашумел вертолёт, толпа на мгновение замерла – как будто настал последний момент просветления, а затем бросилась в атаку.

Центр города вспыхнул.

///

– Прекрасно, прекрасно... – произнесла Всеведа, медленно скользя взглядом по мониторам, на которые поступало видео с дронов. Бегающие фигурки, горящие машины, локальные стычки... Пока – локальные, но было видно, что челы распаляются, перестают разбегаться при появлении стражей порядка, и в каждом новом столкновении их становится всё больше. Обученные активисты умело формируют из толпы организованные группы и начинают давать отпор. А вот боевики – основная ударная сила бунтарей – появлялись не часто, только на особо опасных участках, не позволяя подавить беспорядки в зародыше.

– Полиция действует без паники, – ровно сообщила Ванда. – Они

собираются блокировать район, расцечь его на несколько частей и подавить каждую зону по отдельности. Резервы у полицейских есть, и что делать, они знают.

– Сколько до захода солнца?

– Примерно тридцать минут.

– Челы продержатся?

– Безусловно, – улыбнулась «секретная» воевода. – Гипнотические артефакты показали себя великолепно, и челы будут драться до конца.

С одной стороны – всё так: воздействие магических устройств помогло превратить мирное шествие в дикую толпу, но Берегиня неожиданно поймала себя на мысли – удивительно, что никто не обратил на этот нюанс никакого внимания. Да, гипнотические артефакты работают очень мягко, не заставляют, а лишь подталкивают объекты в нужном направлении, но они всё равно являются магическими устройствами, потребляют энергию и хорошо заметны любому опытному наблюдателю. Но ни чуды, ни навы не объявили по этому поводу тревогу, не поставили вопрос: кто снабдил провокаторов артефактами?

«Не значит ли это, что Великие Дома предполагали подобное развитие событий?»

– Челы агрессивны, злы и жаждут крови, – продолжила Ванда, и звук её голоса отвлёк Всеведу от размышлений. – По моим прогнозам, они сумели бы сопротивляться властям до двух часов ночи, не меньше.

– А масаны помогут продлить веселье...

– Совершенно верно, Ваше величество.

– Где они, кстати?

– На позициях, – коротко ответила «секретная» воевода. – С нетерпением ожидают заката.

– Да уж, – вздохнула Всеведа. – С нетерпением...

///

Длинные, рассчитанные на десятки кубов газовозы не часто заезжали в центр города. Уместнее сказать – никогда не заезжали и обязательно должны были привлечь внимание полиции. Поэтому тяжёлые грузовики стали выдвигаться на позиции в самый последний момент, незадолго до заката, когда стало ясно, что события развиваются в чётком соответствии с планом. Когда полицейские сосредоточились на беспорядках в центре и жёстко следили за автобусами и фургонами – за теми машинами, в которых

можно организовать переброску людей.

А в цистернах, как всем известно, путешествовать можно только в художественных фильмах... К тому же в самый центр газовой пройти не пытались, остановились, не доезжая до Садового кольца, спрятались в тихих переулках, что немедленно вызвало возмущение у бдительных москвичей: на три цистерны тут же пожаловались в полицию, но ни одну из них не успели осмотреть. А если бы и успели, то это ничего не изменило бы: документы у водителей были в полном порядке, появление газовой объяснялось серьезной «технологической» необходимостью, оспорить которую обычные патрульные полицейские не смогли бы при всём желании.

///

– Как дела? – поинтересовался Захар Треми у своего следопыта.

– Всё в порядке, – доложил голем Василий. – Объект вооружился и развлекается.

– Чем вооружился?

– Ножом. Челы разгромили охотничий магазин. Объект вооружился и уже убил полицейского.

Блюстители порядка отключили мобильную связь в центре Москвы, но Василий и Захар были подключены к сети «Тиграком», благодаря чему могли спокойно вести беседу.

Услышав, что Буторин находится в центре и уже совершил преступление, Треми усмехнулся, бросил быстрый взгляд на Сантьягу – комиссар о чём-то беседовал с кардиналом Шанхая – и тихо спросил:

– Шера там?

– Не видел её весь день.

– Ты помнишь, что должен сделать?

– Да.

– Выбери подходящий момент и действуй.

* * *

**Южный Форт,
штаб-квартира семьи Красные Шапки
Москва, Бутovo, 3 июля,**

воскресенье, 21:19

– Что это такое? – пролепетал Лебра, вскакивая из-за столика.

Поднимаясь, он задел тоненькую ножку и едва не уронил ноутбук.

– Откуда? – взвизгнул Майно. – Как?

– Ты чего привёз? – не сдержался Урбек. – Что это за дрянь?

– Понятия не имею, – в третий раз подряд ответил растерянный Копыто, которому просто нечего было больше сказать.

Он не знал, как назвать то, что они увидели, распахнув дверцы фургона.

Семитонный «КамАЗ» оказался плотно забит прямоугольными прозрачными капсулами, в которых плавали обнажённые тела различных генетических статусов: в первом ряду, слева направо, изумлённые торговцы увидели нава, чуда и двух челов. То ли мертвых, то ли спящих, неизвестно, что с ними сделали, но, судя по перемигивающимся светодиодам – только синим и зелёным, ни одного тревожно-красного, – все капсулы пребывали в рабочем состоянии, питаясь энергией от спрятанного в глубине фургона генератора.

– Что это? – повторил Урбек.

– Запчасти, – упавшим голосом сообщил Копыто.

– Что?!

– Качественные запчасти для кого хочешь, – продолжил уйбуй, пребывая в мучительном поиске выхода из кошмарной ситуации. – Хочешь – наву что-нибудь оторви и пришей, хочешь – чуду.

– Наверное, эрлийцы тележку из морга поте-ряли, – пропищал Контейнер. – А дурак Иголка и стырил.

– Где вы это взяли, олухи? – заревел Урбек.

– Неправильный вопрос, – неожиданно перебил его Лебра.

– Почему? – удивился Кумар.

– Потому что гораздо важнее, у кого они это взяли?

А в следующий миг...

///

Сдемир был настолько зол и настолько уверен в удачном завершении операции, что не позаботился о разведке. Это была его единственная, но, увы, фатальная ошибка, однако в тот момент молодой барон слишком торопился, чтобы проводить операцию по всем правилам военного искусства. Да и против кого применять искусство? Против Красных

Шапок? Известных идиотов и слабаков? Высылать разведку в Южный Форт? Что может быть унижительнее?

Да и зачем?

Барон прекрасно понял, что произошло: Носферату, по всей видимости, развлеклись с *коровой*, она обозлилась и перебила обидчиков, и в том числе – курьеров. Проходящие мимо Шапки угнали грузовик, и теперь нужно просто пойти и забрать его.

Примерно так Сдемир изложил случившееся Имре Луминару, с которым они встретились в миле от Форта, и тот согласился со всеми доводами молодого барона. И вызвал бойцов, перед появлением которых Сдемир скрыл лицо под маской.

– Делаем два портала во внутренний двор, – произнёс Имра, быстро прикидывая план действий. – Первый – к воротам, туда отправятся Джо, Гейбл, Стар и Чарли...

Перечисленные масаны коротко кивнули.

– Задача: обеспечить нам отступление. Старший – Чарли.

Для семитонного фургона требовался мощный грузовой портал, а поскольку нужного артефакта у Сдемира под рукой не оказалось, пришлось планировать похищение обычным способом.

– После нашего отхода продержитесь минут пять-десять, не позволяйте сразу организовать погоню, а потом прыгайте в свой портал.

– Понял, – кивнул Чарли.

– Все остальные занимаются машиной, – продолжил Имра. – Делаем переход во двор, забираем фургон и выводим на улицу. Проблем не вижу, потерь не предполагаю. Убивать всех, кто будет мешать. Всё понятно?

Вопросов ни у кого не возникло.

– Одну секунду, – пробормотал Сдемир, доставая телефон. – Важный звонок.

– Действительно важный? – удивился Имра.

– Действительно. – Барон сделал несколько шагов в сторону и тихо произнёс: – Да?

Звонил Бесяев, и Сдемир не мог не ответить.

– Вам неудобно говорить? – догадался Егор.

– Да.

– Тогда быстро: вашего чела видели на Мясницкой, он принимает активное участие в беспорядках.

– Вы уверены?

– Совпадение – девяносто семь процентов.

Учитывая обстоятельства, вероятность того, что речь идёт именно о

нужном челе, была запредельно высока. В руках Сдемира оказалась судьба двух семей, а он... он не мог бросить проклятый фургон.

– Егор, вы сообщили о том, что обнаружили чела, кому-нибудь ещё?

– Нет.

– И не сообщайте. – Люд оборвал разговор и спешно набрал номер Лобана: – Чела видели на Мясницкой, бери парней и живо туда.

– Да, барон.

– Поторопись!

– Да, барон.

Сдемир повернулся к вампирам:

– Иду!

Масаны обнажили клинки, которые применяли с гораздо большей охотой, нежели огнестрельное оружие, одновременно активировали два портала, ворвались в Форт, и...

///

– Кровососы!

Вампиры двигаются очень быстро – это общеизвестный факт. Скоростью масаны способны соперничать и с хванами, и даже с навами, но инстинкт самосохранения творит чудеса, и, увидев первого же вампира – Солнце уже скрылось, масаны явились без плотной одежды, а их бледный облик трудно не узнать, – Шапки бросились наутёк так быстро, что превратились в размазанные по пространству пятна. Дикари спешили, боясь, что масаны начнут их убивать, но вампиры не особенно к этому стремились, чётко следуя нехитрому плану.

Убедившись, что стража разбежалась, Чарли с друзьями распахнули ворота и заняли позиции вокруг. А Имра бросился к фургону:

– Вот он!

И в этот самый момент в бой вступили хваны. Четырёхрукие не получили от Урбека приказ атаковать, но прекрасно поняли, что масанов никто не ждал, и ударили первыми. Торча отрубил голову ближайшему кровососу, а оставшийся в «Тигре» Трес направил пулемёт на ворота и открыл огонь, первой же очередью разорвав в клочья Джо.

///

– Что происходит? – осведомился великий фюрер, услышав снизу вопли и выстрелы. – Преемники подрались?

– Война какая-то, – неуверенно ответил Заморыш, выглядывая во двор.

– Что кричат? – Кувалда себя берёт, поэтому держался от окна подальше, получая информацию от менее ценного для семьи бойца.

– Кричат: «Кровососы!» – сообщил Заморыш. И перевёл испуганный взгляд на вождя: – На нас вампиры напали?

– Зачем?

– Может, за «ЭлектроБарыгу»? – предположил боец. – Мы ведь теперь богатые, Великий Дом-4, мля, сплошные доходы... Вот они за деньгами и полезли.

– За кровью нашей они полезли, – хмуро бросил Кувалда.

– Кровью нашей они брезгуют, – хихикнул в ответ Заморыш. – Я сам слышал, как вампиры заявляли, что лучше от жажды сдохнуть, чем к нам прикоснуться.

– Поговори ещё!

– Извини, Твоё великофюрерство!

Боец вытянулся по стойке «смирно» и преданно уставился на главу семьи, который всё ещё не хотел подыхать.

– Ты вот что, ты давай нашим помогай, – внезапно распорядился одноглазый, здраво рассудив, что никого особенно ценного во дворе не наблюдалось, а шасов, если потребуется, можно будет других позвать. – Стреляй то есть в злодеев.

– В Гниличей? – уточнил боец, доставая автомат.

– Для начала – в масанов.

– А-а... понял.

Заморыш выставил в окно «калашников» и принялся поливать двор щедрыми очередями. Через несколько секунд к нему присоединились остальные Шибзичи, засевшие в фюрерской башне.

///

– Они на крыше!

– Кто?

– Масаны!

– Почему?

– А кто в нас палит?

– Откуда мне знать?!

- Чёрт!
- Нас спасут?
- Кто?
- Хваны!

Близнецы посмотрели на старого барыгу, укрывающегося вместе с ними за хлипким столиком, но тот лишь пожал плечами:

- Не знаю.
- Почему?
- Потому что война.
- А ты им за что платишь?
- Скоро узнаем, – ответил Кумар, изучая царящий во дворе хаос сквозь пулевое отверстие в столе.

- Точно узнаем? – робко уточнил Лебра.
- Если нас не убьют.
- Чёрт! Чёрт!! Чёрт!!!

Положение из сложного превращалось в отчаянное: стреляют у ворот, стреляют сверху, стреляют разбегающиеся Шапки, всюду злые от потерь масаны, а хваны...

- Что они делают? – завизжал Майно. – Как?!

И грязно выругался, потому что четырёхрукие, как выяснилось, не собирались ни защищать Форт от нападения, ни спасти всех шасов. Хваны добрались до Урбека, подхватили его и потащили к «Тигру».

– Берегите добычу! – прокричал старик, когда его проносили мимо близнецов. – Я скоро!

- Скотина! – с чувством сообщил Кумару Лебра.
- Передавайте привет маме!
- Возьмите нас с собой! – взывал Майно.
- Догоняйте!

Но как?! Всюду стреляют, кричат, стонут, плачут. Масаны быстры, сильны и безжалостны, в бешенстве кружат по двору, изничтожая всех встречных, и чудо, что никто из них до сих пор не взобрался на подиум «ЭлектроБарыги». Но взберутся, обязательно взберутся. Смерть рядом, и...

- Надо бежать! – крикнул старший близнец.
- Я не могу!
- Надо!

Майно выскочил из-за стола и почти сразу увидел перед собой вампира.

- Мама!
- Нет! – закричал Лебра.

А в следующий миг...

///

Шере снился Адам Носферату.

Разумеется, девушка с гораздо большим удовольствием увидела бы Адриана Малкавиана, причём желательно в самые лучшие моменты их отношений, но явился Адам. Причём явился в неприглядном свете: в компании с другими Носферату, возможно, пьяный, осыпавший обнажённую, лежащую на столе Шеру презрительными оскорблениями.

Кошмар из реальности пробрался в сон, не оставив ей укрытия от тьмы.

Шера слушала грязную брань и рыдала, признавая их справедливость. Ощущала себя вонючей тряпкой и проклинала день, когда встретила Адриана. Мечтала убежать и перерезать себе вены. Шера пила свой позор большими глотками, но не сдержалась, когда под гогот дружков Адам грубо прижал её к столу и вошёл в неё сзади...

Закричала.

И проснулась.

И увидела перед собой Носферату.

Не Адама, нет, но в тот момент это было не важно. Шера увидела Носферату и закричала ещё громче. Полный ужаса вопль и перепуганный взгляд девушки заставили севшего за руль вампира захохотать и выпустить *иглы*:

– Ну, сучка, поняла, что тебя ждёт?

И на этом – всё.

Больше Носферату ничего не сказал, потому что собравшая последние силы Шера взорвала в кабине грузовика «Шаровую молнию».

///

Майно не разбирался в вампирах, отличить мог разве что Носферату, но точно знал, что перед ним стоит масан: белая кожа, красные глаза, отчётливо видные *иглы*... Пить кровь вампир не собирался – некогда, а клыки выпустил из-за переполняющих эмоций. Вампиры всегда выпускали *иглы* в бою... А дрались другим оружием: в руке кровососа шас разглядел катану и понял, что не уйдёт.

Не сможет.

Да и времени не хватит.

Разве что на то, чтобы закричать.

И Майно закричал:

– Мама!

– Нет!

Вампир взмахнул катаной, Майно закрыл глаза, Лебра взвыл от ужаса, но в тот самый миг, когда тонкий меч уже готовился впиться в шею старшего близнеца, рядом с масаном возникла массивная тень, и правая рука кровососа вдруг оказалась на земле, легко и непринуждённо отрезанная по самый локоть.

– Нет! – по инерции повторил Лебра, хотя этот крик должен был издать вампир.

Но не издал, потому что следующим движением моряна оторвала кровососу голову, а затем подхватила пребывающего в прострации Майно в левую лапу, сделала шаг, подхватила Лебру в правую и прыгнула прочь, удаляясь от окончательно растерявшихся вампиров.

И одновременно с её прыжком двор Южного Форта потряс могучий взрыв.

///

Фургон подскочил и тяжело ухнул на камни двора. Из кабины повалил дым, из лопнувшего лобового стекла вылетела голова незадачливого шофёра, двигатель, судя по всему, продавил переднюю ось, и стало ясно, что передвигаться самостоятельно машина больше не сможет.

– Мля, – протянул Сдемир, бросив отчаянный взгляд на Имру.

– Уходим! – коротко резанул масан, предельно точно просчитав ситуацию: грузового портала у них нет, фургон двигаться не может, а хваны способны продолжить бой.

– Нельзя уходить! – отчаянно прокричал молодой люд.

– Надо! – ответил Имра, активируя портал. – За мной!

Вампиры последовали за вожаком, а барон – ослеплённый, ошарашенный, знающий только одно: всё рушится, – бросился к фургону. Он видел, что произошло с кабиной, догадывался, что не сможет спасти таинственный груз, но надеялся на чудо.

Ведь никакой иной надежды у него не осталось.

Сдемир запрыгнул на подножку, заглянул в полную дыма и огня

кабину, зачем-то попытался открыть водительскую дверь, а в следующий миг понял, что проваливается в магический переход. В принудительный, сделанный под машиной портал, в который затянуло и фургон, и его...

* * *

отель «Империя Сити»

Москва-Сити, башня «Империя», 55-й этаж,

3 июля, воскресенье, 21:21

Вторая часть Конклава внешне началась так же спокойно, как первая, – без резких заявлений, без грубости, и даже от колкостей непримиримые по-прежнему воздерживались. За время перерыва кардиналы успокоились, переговорили друг с другом, обсудили услышанное, выработали новую стратегию и вернулись в зал, улыбаясь, готовые к продолжению словесной баталии. Но при этом...

Но при этом все присутствующие прекрасно чувствовали сгустившееся напряжение. Ощущение приближающихся событий – непредсказуемых и страшных – пропитало зал, контрастной тенью подчеркивая каждый жест и каждое слово присутствующих. Все понимали: решение принято и боя не избежать, но одни делали вид, будто не знают об этом, а другие – будто не догадываются, что их оппоненты знают. А может быть, непримиримые хотели верить, что Сантьяга не разгадал их замысел, поскольку лишь в этом случае у кардиналов оставался шанс на спасение.

Мизерный, но шанс.

– Посовещавшись, мы решили отложить вопрос о статусе истинного кардинала до следующего раза, – произнёс Дэвид, с улыбкой разглядывая Клаудию. – Мы не хотим заходить в тупик на первом же Конклаве, но обязательно вернёмся к этой теме.

– На следующем Конклаве? – оживился Сантьяга.

– Возможно, – не стал отрицать хозяин Нью-Йорка.

– Только проведём его на нашей территории, – улыбнулся Атал.

– Я не против, – светским тоном отозвался нав. – Однако...

Однако через секунду он был перебит, что с комиссаром случалось крайне редко.

– Не уверена, что в вопросе об истинном кардинале возможен компромисс, – очень холодно произнесла Клаудия, буравя Дэвида взглядом.

– Сантьяга убеждал нас, что компромиссы необходимы, – парировал тот, не отводя взор.

– Компромиссы бывают разными.

– И что вы можете предложить? – усмехнулся Тамим. – Носить Алое Безумие по очереди?

Малкавиан поддержал шутку громким и злым смехом. И его каркающий хохот стал предвестником накатывающего на Конклав настроения – злого настроения. Напряжение постепенно переходило в агрессию.

А переговоры – заканчивались.

– Можно обратиться к Пабло Робене, – предложила Клаудия, и шум неожиданно стих.

– Зачем? – удивлённо спросил Тамим.

Истинная кардинал бросила на хозяина Ближнего Востока высокомерный взгляд и объяснила:

– На тот случай, если вы не знаете, именно истинные кардиналы Робене отбирали Амулеты и...

– ...уничтожали их, – закончил за неё Диего.

– Можно сказать и так, – кивнула Клаудия.

– Тогда зачем к нему обращаться?

– А вдруг нам повезёт узнать об Амулетах нечто новое? – неожиданно произнёс комиссар, и в зале стало совсем тихо. Кардиналы поняли, что нав собирается выложить на стол козырь. – Вдруг вы узнаете нечто такое, что изменит ваше отношение к понятию «истинный кардинал»?

– Например? – хрипло спросил Фрэнк.

Он больше не смеялся.

– Думаю, все уже догадались, что я имею в виду, – ровно ответил Сантьяга. – Вдруг выяснится, что в действительности Робене не уничтожали Амулеты, а прятали их? Вы ведь понимаете, что в этом случае многие из здесь присутствующих смогут стать истинными кардиналами?

«Многие!»

Не все, но многие.

Не все, потому что одному клану полагался один Амулет, поэтому многочисленным Носферату и не менее многочисленным Луминарам придётся выяснять между собой, кто из них достойнее. А Малкавиан один, и в глазах Фрэнка запылал жадный огонь... Нет! Не только у него – у всех. Не у многих – у всех, потому что нет и никогда не было для масана ничего слаще, чем обрести титул истинного кардинала. Чем завладеть Амулетом Крови и стать по-настоящему сильным.

Сантьяга выложил на стол не козырь, а бомбу, способную взорвать единство непримиримых.

– Ты блефуешь, – угрюмо произнёс Дэвид.

– Проверьте, – предложил нав.

– Где Пабло? Здесь?

– Частично.

– Это как? – не понял Марко.

– Вот так.

Комиссар улыбнулся, и в его руке неожиданно появился тонкий чёрный обруч, украшенный квадратным чёрным камнем...

– Диадема Теней! – взвился Атал.

Непримиримые вскочили на ноги, за ними – члены Коалиции и хозяева Конклава, и теперь они стояли друг против друга, не зная, что предпринять.

И лишь изредка бросали взгляды на оставляющее небо Солнце.

Приближалась ночь.

– Да, это Диадема Теней, – подтвердил Сантьяга. – И я рад, что вы её узнали.

– Пабло никогда бы не снял Амулет, – мрачно произнёс Дэвид.

– Скажем так: истинный кардинал Робене с пониманием отнесся к моей просьбе арендовать его сокровище на эти выходные, – ответил нав.

– Идиотизм!

– Я не верю.

– Я тоже.

– Где Пабло? Ты его убил?

– Вам-то какое дело? – неожиданно резко и жёстко бросил Сантьяга.

Так жёстко, что масаны притихли, как стая собак умолкает перед вдруг рявкнувшим медведем.

Несколько секунд в зале царила тишина, а затем Дэвид сделал маленький шаг к наву:

– Вы позволите осмотреть Диадему?

– Прошу.

Сантьяга положил сокровище на стол, Дэвид осторожно, можно даже сказать – с благоговением оглядел его, прикоснулся... но тут же отёрнул палец и обернулся к непримиримым:

– Это Амулет Крови.

Кардиналы промолчали. Даже Малкавиан не нашёл слов, поэтому Дэвид Луминар вновь повернулся к комиссару:

– Пабло явится на Конклав?

– Нет.

– Он жив?

– Мы заключили сделку, – вежливо ответил вампиру нав. – Не могу

сказать, что со стороны истинного кардинала Робене она была на сто процентов добровольной, тем не менее я получил всё, что хотел.

– Как всегда, – проворчал Атал.

– Приятно, что вы обратили внимание на эту важную деталь: я всегда получаю то, что хочу, – в меру ехидно, но без тени издёвки произнёс комиссар.

– Вам везёт? – скривился Тамим.

– Предпочитаю планировать. Ни одно везение не протянет столько, сколько я уже прожил.

Ещё один укол, и снова – в цель. Масаны, так уж получилось, жили дольше чудов и людов, но значительно меньше навов, и комиссар помнил родителей и даже прадедов всех присутствующих. А некоторых – убил. Своими руками.

– Что вы сделали с Пабло? – поинтересовался Малкавиан.

– Не важно.

– А что важно?

– Важно то, что истинные кардиналы Робене ошибались на протяжении всех последних столетий, а вместе с ними ошибались все вы, господа, – мягко сообщил Сантьяга. – Амулеты Крови не уничтожены. Они были очень надёжно спрятаны, но не уничтожены.

– Где они? – отрывисто спросил Диего.

– Здесь.

Комиссар Тёмного Двора плавно провёл рукой над столешницей, и ошарашенные кардиналы замерли, разглядывая открывшиеся сокровища. Каменные Глаза Трех, Железный Пояс Гангрел, Крылатый Перстень Носферату, Мёртвая Роза Малкавиан, Драконьи Иглы Луминар... И совсем рядом – Алое Безумие Бруджа и Диадема Теней Робене.

Все семь.

Невероятно.

– Когда-то ваши предки были великанами, а семья Масан – великой, – негромко продолжил Сантьяга, внимательно оглядывая застывших вампиров. – Я предлагаю вам стать такими же: вернуть себе всю силу магии Крови и подняться на вершину.

– Луминаров несколько, – напомнил Фрэнк.

– Убьют друг друга, – пожал плечами Сантьяга. – Или как-нибудь ещё договорятся. – Он с улыбкой посмотрел на Дэвида. – К сожалению, Амулет не делится.

Тот ответил наву ненавидящим взглядом.

– Что взамен? – спросил Марко.

– Отзовите воинов, – коротко проронил комиссар.

– Что?

– Что?

– Что?!

Но сыграть удивление как следует у кровососов не получилось.

– Мы все знаем, что вы ждёте захода Солнца, – холодно продолжил Сантьяга. – Времени осталось мало, поэтому вот моё предложение: отзовите воинов и давайте договариваться по-настоящему. С моей стороны: Амулеты Крови и будущее вашей семьи. От вас мне нужно лишь желание пойти на компромисс. Неужели это так много?

– Не много, – опомнился Дэвид. – Но ты предлагаешь ещё меньше.

– Неужели? – прищурился нав.

– Ты загнан в ловушку.

– Положение тяжёлое, но мы справляемся, – усмехнулся Сантьяга.

Но хозяин Нью-Йорка уже взял себя в руки и был готов к словесной баталии с комиссаром:

– Тебе нечего нам предложить.

– Предложить есть что, – отбрил масана Сантьяга. – Но я не настаиваю на сделке.

– Тогда зачем собрался Конклав?

– Чтобы определить будущее вашей семьи.

– Твоё будущее! – повысил голос Дэвид. Он понимал, что Амулеты произвели на непримиримых сильное впечатление, и отчаянно искал выход из положения. Ему требовалось перебить выступление нава и вернуть переговоры в прежнее, ведущее к конфликту русло. – Ты теряешь власть, а скоро потеряешь жизнь!

– Как бы вы ко мне ни относились, вы не должны отказываться от возможности возродить настоящую семью Масан, – в тон ему ответил комиссар.

– Ярга предлагает нам весь мир!

– Он предлагает то, что у вас уже есть.

– А Ярга – будущее, – поддержал Дэвида Атал. – Он изменит мир.

– Нынешнее общество уйдёт в прошлое, – бросил Марко.

– Всё поменяется, нав, – добавил Диего.

– И челы позволят себя безнаказанно *высушивать*? – поднял брови Сантьяга. – Не думаю. Вы очень скоро сорвётесь от безнаказанности, и Ярга будет вынужден начать новые походы очищения. Только называться они будут иначе.

– Мы всегда будем стоять над стадами *пищи*!

- Ярга это знает!
- Мы нужны ему!

Непримиримые определились.

Более того, бросая замечания в поддержку Дэвида, они постепенно расходились, охватывая Сантьягу и его сторонников с флангов и прижимая их к панорамному окну. Выглядело перемещение кардиналов подозрительно, однако нав, как ни странно, не обращал на происходящее внимания.

- Вы нужны Ярге сейчас, пока идёт война. Затем станете опасны.
- Чем?
- Тем, что не хотите уживаться с соседями.
- Мы сами решаем, кто и как долго будет нашим соседом!
- И когда пора их *высушивать*!
- И когда пора забирать наши Амулеты!

Дэвид рассчитал правильно: кардиналы почти окружили Сантьягу, Захара и Нила, и лучшего времени для удара попросту не будет. Если рвать добычу, то сейчас, когда численное преимущество на стороне непримиримых и есть шанс добраться до врагов. Дэвид рассчитал правильно, бросился в атаку, увлекая за собой остальных кардиналов, но замер, наткнувшись на стилет Сантьяги. Откуда именно нав достал тонкий чёрный клинок, так и осталось неизвестным. Достал. А точнее – выхватил и с элегантной, безжалостной точностью вонзил его в сердце Дэвида. Не убил, вампира трудно убить, но остановил. Дэвид замер – укол в сердце его парализовал, а через мгновение Захар снёс ему голову ловким ударом меча.

Кардиналы остановились.

Несколько секунд в зале царила тишина, затем Сантьяга стряхнул Дэвида Луминара на пол, достал платок и принялся непринуждённо вытирать клинок.

– Вы обещали, что явитесь на Конклав без оружия, – хрипло напомнил Фрэнк.

- А вы обещали, что не станете нападать, – улыбнулся комиссар.
- Хотите сказать, что мы квиты? – осторожно поинтересовался Атал.
- К сожалению, не совсем, – вздохнул Сантьяга. – Ведь вы не отзывали воинов...

///

Летняя ночь не приходит вдруг, не сваливается на мир тёмным

занавесом, молниеносно меняя свет на мрак. Летняя ночь захватывает землю неспешно, через долгие сумерки, которые в городах разбавляют безжизненным туманом электрического света. Летняя ночь нетороплива, и жаль... жаль, что покрывало чернильной тьмы не упало сразу и не скрыло вырвавшийся на московские улицы ужас. Жаль, что электрический свет не имеет таланта убивать безжалостных охотников. Жаль, что вместе с прекрасной летней ночью на город опустилась завеса Зла.

Цистерны распахнулись почти одновременно: водители отвернули вентили, откинули тяжёлые крышки, и газ – якобы газ! – хлынул в мир. Газ разлетался по московским улицам, струился меж домов и машин, меж деревьев и прохожих, заползал во дворы и переулки, разлетался прозрачным, едва заметным туманом, сгущался, обретал тяжесть плоти и оборачивался масанами.

Десятками, сотнями, тысячами...

Весёлыми, потому что почуяли кровь, и злыми – потому что масаны.

Десятки, сотни, тысячи охотников в переполненном *пищей* городе. С разрешением делать всё, что вздумается.

Кто мог их остановить?

///

Это была ловушка.

Классическая, отлично продуманная ловушка. И, как это всегда бывает в подобных случаях, жертва сообразила, что попалась, лишь в самый последний момент. Когда ничего нельзя исправить и охотник вот-вот нажмёт на спусковой крючок. Или взмахнёт мечом. Или ударит магией – не важно...

Важно то, что ловушка захлопнулась и жертве не уйти. А жрица Зелёного Дома Снежана давно разучилась представлять себя жертвой: она была сильна, она работала с Источником магической энергии, и за её плечами была служба в дружине Дочерей Журавля – с благодарностями и наградами. Несмотря на молодость – для людов – возраст, Снежана считалась крайне опасным противником в прямом бою, но против неё сыграли лучшие охотники Зелёного Дома: воевода «секретного» полка Ванда и обер-воевода Дочерей Журавля Иля, а они умели готовить ловушки.

Сначала – знаменитый «Навский аркан», настолько мощный, что вырвал магическую энергию не только из жрицы, но и из всех её артефактов, одновременно – искажающее заклинание, чтобы Снежана не

смогла уйти порталом, и эта сильная, очень быстрая связка превратила гордую жрицу в беспомощную жертву. А учитывая, что Снежана прибыла на «важную» встречу в глухой уголок Терлецкого парка, рассчитывать на чью-либо помощь ей не приходилось.

Это была ловушка...

И когда она захлопнулась, появились убийцы. Неспешно, явно наслаждаясь превосходством над поверженной ведьмой. Они вышли из-за деревьев, улыбаясь, и Снежана удивлённо подняла брови:

– Иля?

– Добрый вечер, жрица, – кивнула обер-воевода. Она была облачена в облегчённые доспехи дружинницы и небрежно держала правую руку на рукояти «клюва журавля».

– Ты понимаешь, что совершаешь преступление?

– У меня приказ, жрица, вы обвиняетесь в предательстве.

Справа от Или стояла ещё одна колдунья, но её лицо было Снежане незнакомо.

– Кто обвинил меня в предательстве?

– Приговор уже вынесен.

– Сыграешь роль палача?

– Нет, – качнула головой Иля. – Ты сдохнешь грязно. – Из-за деревьев вышел масан, и Снежана не удержалась от короткого ругательства. – Ты ведь понимаешь, что всё должно выглядеть естественно? – рассмеялась Иля, довольная произведённым эффектом. – Но обещаю: ты не будешь мучиться.

– Я высушу тебя нежно, – улыбнулся вампир, показывая *иглы*.

– Будьте вы прокляты, – простонала жрица, понимая, что неспособна драться даже с масаном.

Тем не менее она выхватила короткий нож, который всегда носила на поясе, и встала в оборонительную стойку, приготовившись продать свою жизнь хотя бы по самой низкой ставке, но... но из-за тех же деревьев, из Тьмы летней ночи, выскочили гарки и молча бросились на убийц. Молча и очень быстро. Мало кто мог состязаться с навами в скорости, а уж когда они ускорялись магией, то на голову превосходили всех возможных врагов. А они были очень ускорены – три воина в чёрных, не стесняющих движения комбинезонах. Три пары чёрных катан, сверкающих так, что Снежане они показались молниями.

Выпад – Иля хрипит, пытаясь сдавить рукой перерезанное горло.

Выпад – вторая дружинница изумлённо смотрит на пронзивший грудь клинок.

Выпад – и голова масана катится по земле.

И все выпады – одновременно. А следом – быстрые движения. Два воина швыряют тела в портал и уходят. А третий прячет катаны в заплечные ножны, снимает маску и делает шаг к опустившей нож Снежане.

– Рада вас видеть, Ортега, – светским тоном произнесла женщина, потратив все оставшиеся силы на то, чтобы голос не дрогнул.

– Жрица, – нав почтительно склонил голову.

Возникла пауза, но через пару секунд Снежана вопросительно подняла брови, показывая, что требует объяснений.

– Комиссар предположил, что Всеведа попытается использовать нападение масанов для решения предвыборных задач, и распорядился приглядывать за вами, – ровным тоном сообщил Ортега. – Комиссар приносит извинения за эту вольность.

«Да, это в стиле Сантьяги...»

– Пожалуйста, передайте комиссару мою благодарность, – распорядилась Снежана, пряча нож.

– Да, жрица.

– И не забудьте добавить, что эта услуга не делает нас друзьями, – небрежно закончила люда.

– Безусловно, жрица. – Ортега позволил себе лёгкую улыбку. – Вы уже решили, куда отправитесь?

– Я бы хотела вернуться в домен.

– Я прихватил с собой артефакт портала, – вежливо сообщил Ортега. – Зелёный артефакт. Вы можете им воспользоваться.

– Благодарю, – кивнула Снежана. – Активируйте его.

///

Первой жертвой стал полицейский... Впрочем... Жертва – она ведь женского рода, а полицейский, здоровенный бугай в шлеме и бронежилете, был вполне себе самец, поэтому правильно так: первым трупом стал полицейский. Антон заколол его украденным в охотничьем магазине ножом: выждал момент, когда офицер отвернулся к закричавшей девчонке, хладнокровно прицелился и ударил в незащищённую шею. Полицейский захрипел, облокотился на стену, царапая её пальцами, и тогда Буторин ударил ещё раз, жадно втягивая ноздрями запах свежей крови.

Вокруг кричали и били стекла, поджигали и переворачивали машины, кричали и били людей, бросали камни и «коктейли Молотова» и даже

стреляли. Возглавлявший шествие фургон – «пропагандистский», с мониторами и мощными колонками, протаранил полицейский кордон. Его остановили выстрелами, но взорвался он, скорее всего, не из-за них...

Но какая разница? Антону было плевать. Он жадно втягивал ноздрями запах свежей крови и чувствовал себя почти вампиром.

Наслаждался чужой смертью.

Полицейский захрипел, вновь закричала девчонка – один из «активистов» ударил её камнем по голове, кто-то одобрительно присвистнул и громко сказал:

– Відмінно, хлопець, бий ще!

И Антон побежал бить. Не думая ни о чем другом. Не желая ничего другого. Он присоединился к тем парням в одинаковых куртках и творил всё то, что делали они: поджигал машины и крыши, бросал камни в витрины, избивал демонстрантов, которые не хотели драться с полицейскими, и нападал на полицейских. На тех, кого удавалось окружить и наброситься стаей. Он бросал «коктейли Молотова», хрипло орал что-то злое и смеялся.

Он был счастлив.

///

– Вы всё видели, господа: у нас не было выбора, – произнёс Сантьяга, убирая стилет.

Господа промолчали.

– Мне бесконечно жаль, что кардинал Дэвид проявил несдержанность, и я искренне надеюсь, что вы не последуете его... примеру.

Многозначительная пауза сказала господам намного больше, чем любая угроза. Тем не менее сейчас она не произвела должного впечатления.

– Ты всё равно не успеешь спасти свой город, нав, – негромко произнёс Атал. – Сейчас, пока ты с нами говоришь, наши воины выбирают из укрытия и бросаются в атаку. Они злы и голодны. Многие уже на пороге жажды, а значит, будут убивать с удвоенной яростью. Тебе нас не остановить.

– Я постараюсь, – скромно ответил Сантьяга, разглядывая прилетевшие на рукав капли масанской крови.

Кажется, они занимали его больше, чем ошарашенные вампиры.

– Нас слишком много, – подал голос Тамим.

– Сколько же воинов потребовал Ярга?

– Почти всех...

– Больше, чем мы хотели дать, – перебил говорливого Тамима Атал. – Но лично я ни о чём не жалею. Ты нас убьёшь, но твой город потонет в огне и крови. – Кардинал Мадраса отвернулся к огромному окну и с удовольствием закончил: – Так будет.

– Нет, – качнул головой комиссар.

– Я бы отозвал своих парней, но не успею, – произнёс Фрэнк, пожирая глазами Мёртвую Розу Малкавиан. – Желание договориться считается?

– В настоящий момент предложение потеряло си-лу, – ровно произнёс Сантьяга. – Мы не договорились.

– Жаль.

– Нет, не жаль.

– Что вы имеете в виду? – не понял Фрэнк.

– Видимо, нав собирается нас пытать, – предположил Диего.

– С него станется, – хмыкнул Марко.

– Имеет право, – неожиданно проронил Атал. – В конце концов, мы его обманули.

– Нет, господа, вам ничего не грозит, – улыбнулся нав. – Но, прежде чем мы расстанемся, прошу вас, подойдите сюда.

И увлек непримиримых к панорамному окну.

– Перед вами мой город, господа. Тайный. А над ним – явный. Город челов, среди которых мы живём и скрываемся, и эти города связаны крепкими узами. Вы смотрите на любое поселение как на фабрику *пищи*, мы – нет. Мы живём не рядом с челами, а вместе с ними, мы прячемся от них, но при этом общаемся, мы ходим в их театры, а они – в наши магазины, мы пользуемся их научными достижениями, и однажды – я уверен – они узнают о нас. И так действительно будет. – Комиссар бросил быстрый взгляд на Атала. – А пока я буду защищать город челов так же, как Тайный. И не позволю пустить ему кровь.

– Поздно, – прошептал Тамим, глядя на заходящее Солнце.

– Ещё нет, – уверенно возразил Сантьяга. – Фрэнк, вы спросили насчет Амулетов, а я ответил, что предложение потеряло силу. Не потому, что я так хочу, а по другой причине: ваш отказ заставил меня искать иной способ донести до семьи Масан послание...

Диего сообразил первым. Он вдруг понял, что нав специально отвёл их от стола и заставил смотреть на город, понял, что среди них нет Клаудии, и резко повернулся:

– НЕТ!!!

– Что происходит?

– Бруджа надевает Амулеты!

– Клаудия?

– Римская Шлюха?

– Не может быть!

– Как видите, может, – спокойно произнёс Сантьяга, оглядывая ошарашенных вампиров. – Вы, все вы отказались от чести стать истинными кардиналами и тем не оставили мне выбора: я призвал Великана...

– Нет!

– Да.

Клаудию невозможно было узнать. Кажется, она немного выросла, кажется, стала совсем другой. Она осталась масаной, но перестала ею быть, обратившись в Великана Крови. В порождение древних Амулетов: Каменные Глаза скрыли половину лица, Железный Пояс перехватил талию, а на нём устроились Драконьи Иглы. На груди пылает Алое Безумие, на голове – чёрный росчерк Диадемы Теней, в левой руке – Мёртвая Роза...

– Останови её! – бешено закричал Тамим, но поздно, слишком поздно.

Клаудия улыбается, Крылатый Перстень на безымянном пальце правой руки расправляет крылья, поднимая Великана в воздух, тяжёлый взгляд Каменных Глаз крушит окно, выбивая толстое стекло, и Клаудия воспаряет над Городом.

– Она ничего не сможет, – бормочет Атал. – наших воинов много. Очень много!

Но в его голосе нет уверенности.

Никакой уверенности...

///

Они казались призраками... ожившими тенями старого города... его страхами... его ужасом...

Они появились из ниоткуда и появились везде. *Они* бежали, догоняя тех, кто надеялся спастись, и на ходу рубили их клинками. *Они* набрасывались на людей: на демонстрантов, боевиков и полицейских – на всех – и рвали им шеи, пуская фонтаны крови, в точности как в фильмах ужасов. И хохотали, перемазанные красным, хохотали, как безумные.

В точности как в фильмах ужасов.

А кровь была повсюду.

Текла по мостовой, меж горящих покрышек и мёртвых тел, собиралась

лужами и брызгами разлеталась по сторонам, когда по лужам бежали люди или... *они*. Кровь вылетала из фонтанов разорванных артерий, из стоящих и лежащих людей, из тех, кого подбрасывали в воздух обладающие нечеловеческой силой... *они*, из раненых и умирающих. Люди истекали кровью, а... *они* ею плевались. *Они* её лили и пускали, размахивали оторванными конечностями, и кровь, казалось, повисла в воздухе алым туманом, заволакивая, опьяняя и отравляя дыхание.

Кровь...

От неё Буторин протрезвел. Странно, но именно так: потоки крови, трупы, крики и страшные... *они*, несущие смерть и ничего, кроме смерти, разбудили Антона. Буторин с ужасом посмотрел на свои руки, скривился и бросил нож.

– Что я наделал?

Потому что вспомнил каждую секунду прошедших дней, и стыд пронзил его душу. Не страх за содеянное, а стыд за него.

– Как я мог?

Раны, которые он себе нанёс, старуха, которую зарезал в её собственной квартире, полицейский, другие люди...

– Я сошёл с ума? – Буторин поднял глаза к небу. – Я рехнулся? Зачем я это натворил? Кто я теперь?

Он закричал, проклиная того, кто это натворил, не зная того, кто это натворил, не понимая – зачем? Он закричал, побежал куда-то, не видя и не разбирая дороги, врезался во что-то холодное, как будто в ледяную статую, и почувствовал, что его бросают на асфальт.

И вспомнил того мужика в парке – такого же холодного и сильного.

Круг замкнулся.

«Я хочу жить!»

Он почувствовал укол – или укус – в шею, странное удовольствие, знакомое чавканье, а затем – знакомый же хрип. Предсмертный. Очень холодный силач прокрипел короткое ругательство, отшатнулся, пытаясь бежать, но подняться не смог и повалился рядом с Антоном, суча ногами в предсмертной агонии.

Точно так же, как тот, первый холодный силач из парка.

«Меня убьют его дружки, – подумал Буторин, продолжая лежать на мостовой. – Увидят, что он умер, и решат отомстить».

Так, наверное, и случилось бы, но захватившие город... *они* вдруг побежали – одновременно и в одном направлении, словно резкий порыв ветра сдул гнилые листья прочь.

– Вставай, масаны ушли, – услышал Антон и открыл глаза. Над ним

стоял невзрачный мужчина в дешёвом костюме. – Скорее.

– Далеко?

– Нужно уходить.

Мужчина протянул руку.

– Спасибо, – пробормотал Буторин, поднимаясь на ноги.

– Не за что, – спокойно ответил голем Василий и следующим движением всадил в сердце Антона нож. Его же собственный нож.

Постоял пару секунд, внимательно глядя в затухающие глаза, а убедившись, что Буторин умер, потащил его к ближайшей горячей машине.

///

Это был Зов.

Но не обычный, не традиционный Зов одинокого вампира, на который можно и не откликнуться, а мощный, требовательный вой, заставляющий отбросить все дела и ринуться к его источнику. Властный Зов того, кто имел право приказывать и кого нельзя слушаться. Зов того, выше кого в семье Масан попросту не существовало ни сейчас, ни раньше.

Зов Великана Крови.

Он прокатился над Тайным Городом, неслышный никому, кроме ночных охотников, и не призвал никого, кроме них. Точнее, кроме тех, кто явился в Город сейчас, потому что Великан Крови умел призывать к себе лишь тех, кого хотел видеть. И все они послушно отозвались, помчались на Зов, перестав убивать и *высушивать*, помчались даже те, кого мучила жажда, помчались оттуда, где находились: с Садового, с Лубянки, с Тверской, Манежной, Маяковской, Павелецкой, Курской, – они все направились на Сахарова, на широкий проспект, на котором могла разместиться вся армия ночных охотников. К трибуне, которую ещё не успели разобрать и над которой парил Великан.

Их вождь.

Их Бог.

Центр их мироздания и суть самой семьи Масан, подлинный «Господин крови», если бы кто-нибудь рискнул так его назвать, но никто не назвал и никто ничего не сказал, потому что масаны не смели говорить в его присутствии.

– Дети мои!

Фраза не была произнесена, но её услышал каждый стоящий на

площади вампир. Ведь то был Зов, обращённый в Слово. И проникал он в самую душу.

– Дети мои неразумные, любимые, но жестокие. Я вижу в вас зло. Я вижу в вас гордыню и ненависть. Вы – сильные, смелые воины, но силу обращаете против себя, не преодолевая то тёмное, что прячется в каждом из вас. Не преодолевая то, что вас убивает. Не останавливаясь, когда должно... Что ищете вы?

– Кровь! – рявкнули стоящие на проспекте Сахарова. – Нам нужна кровь!

– Что ищете вы? – повторил Великан.

– Кровь! – проревел в ответ проспект Сахарова. Дружно, как будто из одной глотки вырвались тысячи голосов.

Показалось, или губы парящего в воздухе «Господина» чуть изогнулись в грустной улыбке?

– Что ищете вы? – в третий раз спросил он.

– Кровь!

Ответ получен, и время, кажется, замерло.

Собравшиеся на Сахарова вампиры не знали иной жизни, кроме крови, и ничего не желали.

Только крови.

Великан вздохнул, медленно поднял левую руку и простёр её над проспектом, благословляя вампиров Мёртвой Розой. Благословляя на смерть, ибо сила его немыслимая вошла в Артефакт Малкавианов и разлетелась по Сахарова, разрывая неразумных кровососов на мельчайшие частицы. Всех, кто не смог противиться Зову. Всех, кто явился сюда с жадой убивать. Всех, кто требовал крови. Мёртвая Роза благословила их смертью, от которой не было ни спасения, ни укрытия.

Ибо так пожелал Великан.

Эпилог

«Беспорядки в центре Москвы. Почему они стали возможны? Как получилось, что политическое шествие закончилось ужасной бойней, в которой погибло не менее ста человек? Почему полицейские набросились на мирных граждан? Когда отправится в отставку начальник Московского управления полиции? Мы вновь и вновь возвращаемся к этим вопросам, которые будоражат общество после очередного преступления...»

(gazeta.ru)

«Минимальные жертвы и огромная победа. Все понимали, что непримиримые устроят провокацию во время Конклава, но никто не ожидал столь грандиозного нападения... Или ожидал? По самым скромным подсчётам, Ярге удалось перебросить в Тайный Город не менее трёх тысяч вампиров, но нападение полностью провалилось благодаря явлению легендарного Великана Крови. До сих пор широкой публике неизвестно, кому удалось собрать все Амулеты семьи Масан, а главное – справиться с ними, но, судя по тому, что Великан пришёл на помощь Тайному Городу, он является союзником. Кто он, наш герой?...»

(Тиградком)

Ей было больно...

Нет, не сейчас – чуть раньше.

Анне стало больно, когда она, справившись с непримиримыми, влетела в подготовленный навами портал и оказалась на крыше «Империи». Попыталась снять Амулеты, но поняла, что они слишком тяжелы. И крепко впились в тело: Каменные Глаза и Диадема Теней – в голову, Крылатый Перстень – в палец, Алое Безумие давит на грудь,

Мёртвая Роза не желает выпадать из руки, Железный Пояс – расстегиваться, и даже Драконьи Иглы не вынимаются из ножен...

Амулеты, которые только что дарили невиданную силу, теперь убивали её, и вот тогда Анне стало больно.

Она медленно села, прислонилась спиной к стене вентиляционной шахты, посмотрела на появившегося Сантьягу, хотела прошептать проклятие, но по его глазам поняла, что комиссар ничего не понимает.

И улыбнулась.

Вместо проклятия.

– Анна! – Он бросился к ней так быстро, что показалось – воспользовался порталом, опустился на колено рядом с девушкой, взял за руку, наклонился, заглянул в глаза: – Анна, вы ранены?

– Нет...

– Давайте я помогу! – Сантьяга попытался снять с неё Диадему. – Нужно избавиться от Амулетов.

– Не получится...

И он тоже всё понял. Вздрыгнул. Нежно, очень-очень легко прикоснулся к Каменным Глазам, затем – снова к Диадеме, бросил взгляд на Алое Безумие и тяжело вздохнул. Он тоже понял, что Амулеты не отпустят фальшивого Великана, пока не съедят его.

«А ведь князь не солгал, сказав, что Тёмный Двор навсегда оставит меня в покое... Не солгал...»

– Это было потрясающе, – тихо сказала Анна, глядя Сантьяге в глаза. – Никогда в жизни я не испытывала такого прилива сил. И я... я чувствовала себя всемогущей... Не улыбайтесь, комиссар, вам не понять... Я действительно была всемогущей, была равной князю, а может – выше его... Я была Великаном, комиссар, я была Великаном... Ненастоящим, но я им была... Я прикоснулась к той магии, что за пределом...

– Вы спасли нас, Анна, – тихо сказал нав. – Вы защитили Город.

– Я знаю, что вы будете меня помнить, комиссар, вы ведь помните всех...

– Всех, – подтвердил Сантьяга. – Я помню всех достойных.

– И живёте дальше...

– Вы знали, что так будет?

Она улыбнулась. Попыталась поднять руку, но не смогла, и комиссар, правильно истолковав жест, взял её тонкую кисть в свою ладонь.

– Посидите со мной, – едва слышно попросила Анна. – Мне... немного страшно...

И Сантьяга нежно прижал девушку к себе. Нежно, но очень крепко.

* * *

«Почему Красные Шапки до сих пор пребывают в состоянии средневековой дремучести? Будем откровенны: это единственная семья Тайного Города, к которой неприменим термин «цивилизованная». Свары, междоусобицы, пренебрежительное отношение к закону и обязательствам, склонность к грабежам и насилию – вот далеко не полный перечень занятий, которые являются визитной карточкой дикарей. Как вы понимаете, склонность к изучению наук и похвальное трудолюбие среди их достоинств отсутствуют. Как, собственно, достоинства вообще. До настоящего времени считалось, что дикари остаются в угнетённом состоянии из-за слишком долгого пребывания в Западных Лесах и удивительного метаболизма, требующего ежедневной порции алкоголя. Однако мы решили проверить: так ли это? И представляем взыскательной публике удивительный научный эксперимент, исследующий влияние массмедиа на развитие Красных Шапок! Встречайте, господа: реалити-шоу «Великий Дом-4» и его несравненная, прекраснейшая ведущая СопляК...»

(Тиградком)

* * *

– Ну что, буфем разбирать вас на фетали? – осведомился Кувалда, строго изучая Маманю и Абажура.

– Зачем? – не понял Абажур.

– Затем, что вы – приёмники, – без смеха ответил великий фюрер, и в его устах фраза прозвучала настолько увесисто, что забеспокоилась даже Маманя.

– А разбиралка не отвалится? – строго осведомилась тётка Дурич, отвечая одноглазому мрачным взглядом.

– Не на соплях фелано, – парировал Кувалда.

– Ты насчёт соплей повнимательнее, – посоветовала Маманя. – Всё-таки – наследница.

– Чья?

– Нашей великой семьи. – Она шумно шмыгнула носом. – Даже в телевизоре сказали. Дочь твоя там целый канал образовательный ведёт про нашу удивительную семью, хоть бы посмотрел, ирод.

– Нет у меня телевизора, – ощерился великий фюрер.

– Тогда в телефоне поглазей, – предложила Маманя. – Телефон у тебя есть? Или пусть дети купят?

Абазур сплюнул, но ругаться не стал, поскольку не знал, что делать. С одной стороны, ему было смешно и приятно наблюдать за тем, как тётка Дурич плющит одноглазого. С другой – авторитетный Гнилич понимал, что если у Мамани всё выгорит, то его надежда стать преемником великого фюрера растает лёгкой дымкой утреннего перегара. Так и не перешедшего в полноценный дневной выхлоп.

– Ты фавай не заговаривайся, – посоветовал Кувалда, сообразив, что поддержки от Абазура не будет. – Ты за языком следи, а то...

– А то чо? – с любопытством осведомилась тётка Дурич, и одноглазый с ужасом понял, что «ни чо».

В смысле – «ни чо» после «а то» не случится.

Потому что в семью вновь пришла беда. Раздражённая неудачей Всеведа не нашла ничего лучше, как выместить злость на невовремя напомнивших о себе дикарях и высочайше повелела «готовить семью Красных Шапок, наших верных и полезных подданных, к установлению безусловного соответствия действующим законам, нормам и традициям Зелёного Дома». А когда ужаснувшийся длинному и непонятному тексту Кувалда потребовал разъяснить, ему было милостиво поведено, что Берегиня планирует распространить элементы матриархата на все вассальные семьи, а начать решено с дикарей.

«Если опыт будет признан удачным, нормы безусловно передовой властной системы будут распространены на концов и приставников».

Концы и приставники приуныли, моряны восприняли выпущенный Берегиней эдикт нейтрально-сдержанно. Что же касается челов, то им пока решили ничего не говорить и не обещать.

И теперь получалось, что великий фюрер Кувалда, несравненный и одноглазый лидер великой семьи, должен самолично объявить подданному населению, что известная скандалистка Маманя Дурич становится уйбумом.

– С балкона объявить должен, – хихикнула тётка. – Публично, как дом.

– Ну в публичности ты разбираешься, – пробубнил одноглазый.

– Не хуже некоторых! – кивнула Маманя. – Пошли!

И подтолкнула великого фюрера к балкону.

На семью Красных Шапок надвигался новый день...

* * *

«Сейчас, по прошествии нескольких дней после ужасных событий в центре столицы, всё чаще и чаще звучит вопрос: кто именно устроил бойню? Храбрые активисты, не побоявшиеся выйти на улицу, чтобы продемонстрировать свою гражданскую позицию? Нет, конечно же, нет, они ведь совсем дети – молодые люди, студенты и школьники, мечтающие прожить жизнь в свободной стране. Но кто? Переодетые агенты спецслужб? Возможно. И в настоящий момент мы пытаемся расследовать эту версию. Но при этом не будем забывать, что очевидцы трагических событий рассказывают о множестве вооружённых мужчин, неожиданно появившихся в центре города и так же неожиданно его покинувших. Именно эти мужчины, как нас уверяют очевидцы, ответственны за большинство смертей...»

(РБК)

* * *

– Возвращение Клаудии получилось... триумфальным, – с улыбкой сообщил Захар, наполняя бокал комиссара терпким красным вином.

– Ты преувеличиваешь, – рассмеялась кардинал Бруджа. – Меня встретили гробовой тишиной.

– Как, впрочем, и предполагалось, – кивнул Сантьяга.

Комиссар отправился на крышу встречать Анну, пропустил момент появления Клаудии в зале Конклава и теперь, заперевшись в апартаментах истинного кардинала, довольствовался рассказом окрылённых масанов.

– Они ошарашены, – произнёс Треми.

– Не так сильно, дорогой.

– На тебя смотрели, как на богиню.

– Вы возродили легенду, комиссар. – Бруджа подняла бокал, и мужчины учтиво повторили её жест. – Вы показали семье Масан их истинного лидера.

– И? – поднял брови нав.

– Непримиримые готовы к переговорам.

– Очень хорошо. – Сантьяга сделал маленький глоток вина.

Он обратил внимание на то, что вампиры не осведомились о судьбе Анны, и не стал им ничего рассказывать. В конце концов, сегодня день триумфа.

– Встреча состоится через три дня в Риме, – продолжила Клаудия, машинально прикоснувшись к Алому Безумию. – Но кардиналы наверняка спросят про остальные Амулеты Крови.

– Вы ответите правду: отныне сокровища семьи Масан хранятся в Тёмном Дворе, – спокойно посоветовал нав. – Но могут в любой момент быть доставлены вам. Быстрее, чем они думают.

– А если... – Захар тоже едва прикоснулся к вину, облизнул губы и продолжил: – А если обстоятельства потребуют появления Великана Крови? Вы сможете это устроить?

И вновь – ни слова об Анне.

– Не уверен, – честно ответил Сантьяга, выдержав короткую паузу. – К сожалению, удачной получилась лишь первая часть плана, а затем всё пошло не так, как мне хотелось бы.

Вампиры переглянулись.

– Метаморф...

– Анна умерла, – сухо сообщил нав.

– Мне жаль, – вздохнул Захар.

– Мне жаль, – эхом повторила Клаудия.

– И я советую вам всерьёз задуматься над избранниками для ваших детей, – неожиданно произнёс комиссар, пристально глядя на истинного кардинала. – В них уже смешались Трети и Бруджа, так зачем останавливаться? Вы ведь Глаза Спящего, Клаудия, вы способны отыскать нужные линии среди всего разно-образия и создать настоящего Великана... – Он горько улыбнулся: – Истинного Великана.

И молча допил вино.

Горькое.

* * *

– То есть как не подняли налоги? – изумился Серис, по очереди разглядывая близнецов. – Никому?

– Ни на копейку, – со вздохом подтвердил Майно.

– И ещё оказалось, что Зелёный Дом должен морянам, – добавил Лебра.

– Много?

– Довольно-таки да...

– Мы всё посчитали, – убедительно произнёс Майно. – Сумма невеликая, но заплатить придётся. Опять же – оборотни будут довольны, а когда оборотни довольны, то и Великому Дому хорошо, правда?

Но с ходу соглашаться с племянниками Серис не стал. Пошевелил пальцами, требуя доказательства, бросил недовольный взгляд на выложенную Леброй папку, весьма толстую, кстати, и принялся грызть карандаш, плотоядно разглядывая подчинённых родственников.

Близнецы решили не мешать.

– Документы Фатма подготовила? – примерно через минуту осведомился старик.

От неожиданности Лебра шумно поперхнулся, а вот Майно сумел сдержать удар и спокойно подтвердил:

– Она занимается их финансами.

– И очень красивая девушка, да? – Серис перестал грызть карандаш и уставился на младшего племянника.

– Не заметил... – промямлил тот.

– Не заметил, но ужинать в дорогой ресторан повёл?

– В нормальный ресторан, – начал было Лебра, но через секунду опомнился: – Откуда вы знаете?

– Из твоего аккаунта в соцсети, кретин!

– Чёрт...

– Идиот! – заржал Майно.

– Заткнись! – Лебра умоляюще посмотрел на старика и сбивчиво продолжил: – Дядя Серис, Фатма – чудесная девушка, умная, начитанная, красивая... И это она спасла нас в Южном Форте. Я ей позвонил, пожаловался, она приехала, но мы тогда уже спокойно говорили с Урбеком, а Фатма не уехала, а осталась, взобралась на крышу и стала ждать, чем всё закончится. А потом, когда приехали масаны, она нас спасла...

– Да, – подтвердил Майно. – Вынесла из-под пуль.

Несколько секунд старик разглядывал предельно серьёзных близнецов, после чего пожал плечами:

– Зачем вы это мне рассказываете? Так вы будете оправдываться перед мамой... Точнее, ты будешь оправдываться, Лебра.

– Вот мы и репетируем, – простодушно сообщил Майно. – Хорошо получилось?

– Неплохо, – признал старик.

– Спасибо.

Несколько секунд Серис смотрел на улыбающихся племянников, после

чего хмыкнул и сообщил:

– Я догадывался, что вам, олухам, нельзя ничего поручить, поэтому выбил дополнительные налоги из концов.

– Мама всегда говорила, что вы – гений, дядя Серис, – с чувством сообщил младший близнец.

– И я всегда так говорил, – добавил Майно.

– И я, – не остался в стороне Лебра.

– Но теперь я хочу поговорить насчёт вашего кооператива с известным преступником Урбеком Кумаром, – твёрдо продолжил Серис.

– Я помогал Красным Шапкам оптимизировать поступления! – тут же заявил Майно. – Ничего противозаконного.

– После внедрения «ЭлектроБарыги» собираемость налогов с Красных Шапок снизилась, – сообщил Серис, тыча пальцем в монитор.

– Это всё Урбек!

– Известный преступник Урбек, – поправил брата Лебра. – Он на нас хванов натравил, мерзавец, а потом ещё и вампиров.

– Но сделать с ним мы ничего не в состоянии, потому что его налоги поступают в Тёмный Двор, – закончил Майно. – Зато можно попробовать подать навам петицию.

– Это Урбек посоветовал? – прищурился Серис.

– Ага, – не стал врать старший близнец. – И ещё он сказал, чтобы мы не жадничали и записали вас в число учредителей «ЭлектроБарыги».

– Не меня, а жену, – машинально уточнил Серис. – Я на государственной службе.

– Безусловно, тетю Сирсу, – кивнул Майно. – Безусловно.

Старик улыбнулся, вновь погрыз карандаш, но уже без прежней агрессии, почти благодушно произнёс:

– Тем не менее налоги с Красных Шапок нужно вывести хотя бы на прежний уровень, иначе это отразится на нашей зарплате.

– Давайте предложим Берегине поднять квоты на грабежи? – деловито посоветовал Лебра.

– Давайте, – легко согласился Серис. – Вы подготовили письмо?

* * *

– Это ведь была она, Анна, ведь так?

– Теперь вы знаете мою тайну, – улыбнулся в ответ Сантьяга.

– Одну из ваших тайн, – уточнил Сдемир. – У вас их много.

- Да, – не стал спорить нав. – Я заметил, вы ничего не пьёте.
- Ждал хозяина, – язвительно ответил барон.
- Коньяк?
- Не откажусь.

Сантьяга выставил два пузатых бокала, плеснул в каждый на два пальца янтарной жидкости из пыльной бутылки, пробормотав: «Вам обязательно понравится», подал один бокал гостю, а сам, пройдя мимо кресла, в котором расположился люд, остановился у окна, задумчиво разглядывая московские улицы.

- Коньяк прекрасен, – сообщил Сдемир, отведав.
- Он очень стар.
- Где Анна?
- Умерла. – Теперь и нав сделал глоток.
- Из-за Амулетов? – догадался барон.
- Да.

Последовала ещё одна пауза, во время которой люд опустошил свой бокал. Молча. А затем сказал:

- Мне не нравится, что вы её убили, комиссар.
- Анна сама сделала выбор, – ответил нав, не отвлекаясь от окна.
- Вы лжёте, – вздохнул Сдемир. – Лжёте сейчас и солгали ей.
- Тем, кому дают столь мощное оружие, не лгут, – тихо возразил Сантьяга. – Она ведь могла обратить Амулеты против меня?

- Могла, – согласился люд.
- Почему не обратила?

Барон ответил молчанием.

– Вы представляете, что могла натворить Анна, став Великаном Крови? Мы могли потерять и Москву, и Тайный Город... Во всяком случае, оказались бы в нокдауне, а так... Анна сделала только то, что должна была сделать: спасла нас.

Он вернулся к бару, взял бутылку и вновь наполнил бокалы.

- Почему Анна пошла на смерть? – спросил Сдемир.
- Истинные мотивы таких поступков всегда остаются тайной, – сказал Сантьяга, глядя молодому люду в глаза. – Но Анна знала, чем рискует.

Сдемир вновь вспомнил девушку, вздохнул, не удержав грустную улыбку, прошептал «Прощай» и сделал глоток коньяка. На этот раз – небольшой.

- Зачем вы рассказали мне об этой тайне?
- Это безопасная тайна, – тут же ответил Сантьяга, поняв, что барон перешёл к делам. – Даже если вы огласите настоящее имя Великана Крови,

масаны не рискнут проверять ваши слова: они поражены. В ближайшее время мы проведём несколько походов очищения и добьём тех, кто не пришёл в Тайный Город. – Нав помолчал, затем уселся в кресло напротив собеседника и спокойно продолжил: – Но вы никому ничего не расскажете.

– Почему? – нахмурился барон.

– Потому что вы ненавидите масанов, – объяснил комиссар. – Это не рациональное, а инстинктивное: масаны – хищники, и вы всегда опасались, что Ярга поставит их над вами.

– Вы читаете мысли?

– Все боятся и ненавидят масанов, – ровно ответил Сантьяга, глядя Сдемиру в глаза.

Он не давил, просто смотрел, но люду захотелось прервать разговор. Часа на два-три, отдохнуть.

– Вы ведь искали Буторина?

– Искал, – не стал отнекиваться нав.

– Я отправился за «костюмами» Ярги, а Лобан не успел спасти Буторина – его убили и сожгли масаны... – медленно произнёс барон. – Как думаете, если бы я сам пошёл на Мясницкую, мне удалось бы добраться до чела?

– Возможно.

– Возможно... – Сдемир откинулся на мягкую спинку кресла и поднял бокал, разглядывая коньяк на просвет: – Возможно...

Портал, в который провалился семитонный фургон из Южного Форта, вёл в Цитадель, и когда вцепившийся в дверцу машины барон открыл глаза, он увидел стоящих вокруг навов. Спокойных и хладнокровных, ничуть не удивлённых тому, что вместе с грузовиком прибыло сопровождение. А возможно, навы удивлялись, но чуть раньше, потому что один из них с кем-то говорил по телефону. Остальные молча смотрели на люда, и тогда барон сообразил, что никто на свете не знает, где он сейчас находится. Вообще никто. А Сантьяга знает, что он продался Ярге, и если решит, что нужно воспользоваться случаем, то и убьёт без усилий, и останется безнаказанным.

В случае Сдемира драться с навами – даже с одним! – не имело никакого смысла, но молодой барон всё равно активировал вживлённые в руки мечи, показав, что просто так не сдастся, однако закончивший телефонный разговор нав вышел вперёд, на мгновение выставил перед собой ладони, показав, что не собирается сражаться, и ровным голосом сообщил:

– Комиссар Тёмного Двора просит вас задержаться для короткого

разговора. Он прибудет, как только освободится.

– А если я откажусь?

– Вы вольны уйти в любой момент.

Подобное предложение следовало принять с достоинством. Сдемир спрятал мечи и поинтересовался:

– Где я могу подождать?

И был препровождён в комнату с двумя креслами, баром и подключённым к «Тиградком» компьютером – чтобы барон был в курсе последних новостей. Сантьяга явился приблизительно через час, извинился, что так задержался, и начал разговор светским замечанием о погоде.

– Зачем вы ищете моей дружбы? – тихо спросил Сдемир.

– Затем, что вам пора подумать о Великом Доме Людь, – спокойно, словно ждал этого вопроса, ответил комиссар.

– Я думаю.

– Вы ведь понимаете, что не сможете править им?

Ответить можно было по-разному, но Сдемир оценил уровень искренности их разговора и решил его поддержать:

– Смогу, но только из-за спины.

– Это не ваш стиль, – улыбнулся нав. – Вам нужен трон, но мы оба знаем, что в реалиях Зелёного Дома трон вам не светит, поскольку вы не маг. Вы сядете на трон только в том случае, если ведьмы ослабнут настолько, что вынужденно признают вашу власть. Но в этом случае вас съем я.

– Ерунда, – попытался отмахнуться Сдемир, но не мог не сказать себе, что проклятый комиссар снова оказался прав.

А комиссар, в свою очередь, продолжил как ни в чем не бывало:

– Вы видите, что происходит, Сдемир, но не хотите признавать, что Дом катится под откос. Ваши нынешние ведьмы слабее предшественниц. Они ещё опасны, но игра ведь не закончилась, и мы с чудами будем вышибать одну за другой. А на смену придут ещё более слабые колдуньи, и всё это – в интересах Ярги. Потому что наступит день, когда чуды и люды ослабнут настолько, что их можно будет брать голыми руками. В этот день Ярга придёт в Цитадель, и Навь его примет...

– Примет? – дёрнулся Сдемир.

– Обязательно примет, – подтвердил Сантьяга. – Ведь Ярга предложит то, что угодно Тьме. – Пауза. – Для меня и князя возвращение Ярги означает смерть, мы – единственные, кого он не хочет видеть, и поэтому мне нужна ваша дружба, Сдемир, – чтобы нанести Ярге смертельный удар

сейчас, пока я ещё могу положиться на свою Навь.

* * *

И снова – Тьма.

Привычная Тьма кабинета князя Тёмного Двора на этот раз казалась насторожённой. Будто знала, о чём пойдёт разговор... А может, знала и потому немного злилась, недовольная тем, что комиссар осмеливается ТАК говорить с повелителем Нави.

– Вы обманули Анну, – негромко, но очень-очень холодно произнёс Сантьяга, присаживаясь на краешек стола. – И меня вместе с ней.

– Я избавил тебя от ненужного решения, – проклокотал князь из-под низко надвинутого капюшона.

– Вы во мне сомневались?

– Я тебе помог.

– Мне доводилось принимать подобные решения, – напомнил Сантьяга.

– Ты подпустил метаморфа слишком близко.

– Я никого не подпускаю слишком близко, – резанул комиссар. – Они умирают!

Он даже привстал со стола, но тут же вернулся. Так быстро, что даже Тьма не успела среагировать. И заколыхалась, мрачная, сообразив, что не смогла бы остановить Сантьягу. Просто он не захотел ничего делать.

– Это я никого не подпускаю близко, – прозвучало из-под капюшона. – А в тебе слишком много эмоций.

– Столько, сколько нужно.

– Я знаю сколько. – Князь выдержал паузу. – Ведь когда-то все они были моими.

– С тех пор многое изменилось.

– Тебе кажется.

– Я знаю, что такое ответственность перед Великим Домом, и смог бы принять правильное решение.

– Тебе нужно их тепло, даже такое скоротечное, какое они могут дать... Сусанна умерла?

– Да, – кивнул Сантьяга, не удивлённый неожиданным вопросом.

– И тебе снова нужно тепло.

– Не от Анны.

– Метаморфа ты стал воспринимать другом.

Прав. Во всём прав.

Сантьяга вздохнул и отвернулся.

– Поэтому я избавил тебя от этого решения, – закончил князь.

Благодарить комиссар не стал. Помолчал, вперившись во Тьму, затем достал из кармана пиджака пробирку с тёмной кровью и показал повелителю.

– Кровь Буторина?

– Да.

– Трех знает?

– Нет.

– Хорошо... – Князь помолчал. – То есть этот меч ты у Ярги выбил...

Что дальше?

– Будем сражаться, – ответил Сантьяга, возвращая пробирку в карман. – Ничего другого нам не остаётся...